

Г.В. АТАМАНЧУК

УПРАВЛЕНИЕ
В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЛЮДЕЙ

Handwritten signature

Г.В. Атаманчук

**УПРАВЛЕНИЕ
В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЛЮДЕЙ
(очерки проблем)**

Москва Издательство РАГС

2008

УДК 351.71
ББК 67
А 92

Атаманчук Г.В.

А 92 Управление в жизнедеятельности людей (очерки проблем). — М.: Изд-во РАГС, 2008. — 400 с.

ISBN 978-5-7729-0353-7

Мировая мысль описывает множество кризисов — от цивилизационных до энергоэкологических. Но она редко обращается к *причинам* всех кризисов, которые идут от *кризиса сознания людей*, не позволяющего им рационально и эффективно управлять собственным поведением и деятельностью, общественными явлениями, отношениями и процессами.

В книге раскрывается *интеллектуально-волевое и властное* основание управления и его роль в обеспечении жизни каждого и всех вместе. Она обращена к тем, кого интересуют проблемы управления и кто хочет сделать что-то доброе для России, для себя и других.

ISBN 978-5-7729-0353-7

УДК 351.71
ББК 67

© Атаманчук Г.В., 2008
© Опиок Н.Н., оформл., 2008
© Издательство РАГС, 2008

ВВЕДЕНИЕ

*Правду говорить о правде жизни,
славы не сыщешь
(кредо автора)*

За свою многотысячелетнюю историю человечество создало (сотворило!) множество явлений общественной природы, которые были необходимы для его жизнедеятельности. Всех их трудно перечислить, а тем более классифицировать. Назову лишь некоторые из них по определенным основаниям, которые мне представляются достаточно очевидными.

Организационные явления, благодаря которым и сформировалось, собственно говоря, человечество: семья, род, племя, народ, нация, этнос, государство, общественные объединения, рынок, интеграционные структуры и т. д. Эти явления давно стали механизмами, которые сохраняются и воспроизводятся веками.

Производственные явления, возникшие в процессе и результате трудовой деятельности человека и способствовавшие обеспечению материальных условий его существования: артель, община, гильдия, фабрика, завод, территориально-производительный комплекс (ТПК), транснациональная корпорация (ТНК) и многие другие.

Интеллектуальные явления, порожденные креативными способностями человеческого сознания и позволившие не только познавать огромный объективный мир (Вселенную), но и творить искусственные явления, отношения и процессы («вторую природу»): информация, знания, опыт, образование, наука, искусство, литература и массы иной интеллектуальной продукции.

Социальные явления, в которых выразились дарования людей, многообразие их потенциала, актуальность коммуникаций между собой: профессии, сословия, слои, классы, собственность, власть и т. д.

Идеологические явления, в которых отразились потребности, интересы, идеалы, ценности, цели, мотивы и иные моменты их взаимосвязей с миром и друг другом: обычаи, традиции, религии, мораль, право, политика и т. п.

Нельзя не сказать и о *технических явлениях*, которые вроде бы по своему составу не относятся к общественному, но своим *действием* оказывают на него весьма глубокое влияние, определяя по существу вектор и интенсивность общественного и индивидуального развития: колесо, телега, корабль, двигатель, автомашина, самолет, поезд, космический корабль, технологии, электричество и множество других изделий, механизмов и машин.

Но, пожалуй, самым выдающимся творением людей, которое предопределило всю их историю, стало источником их подъема и развития, движения к *цивизованности* (по нынешним понятиям) и одновременно — бедствий и трагедий — было *управление*. Оно соединило способность человека мыслить с практическим действием его тела, особенно рук. И еще: оно установило коммуникацию между людьми, начало организовывать их усилия и регулировать в этом процессе индивидуальное поведение каждого. Уже в первобытном обществе люди поняли, что охотиться на мамонта, бизона и какое-либо иное крупное животное сподручнее коллективно, совместно. Также можно было быстрее и лучше строить жилища и поселения, заниматься скотоводством и земледелием, обеспечивать собственную безопасность и вести другие дела.

Поэтому уже в давние-давние времена формировались *ритуалы, обычаи, традиции, верования*, которые основывались на возможностях *управления*, его поддерживали и укрепляли. Эти явления так называемого язычества нельзя понять и оценить, если их не соотносить с управлением. Как писал английский исследователь Джеймс Фрэнсис Фрэзер (1854—1941) в своем великольном произведении: «если я в данной работе подробно останавливаюсь на культе деревьев, то это происходит не потому, что я вывожу из него всю мифологию. Просто, стремясь объяснить смысл должности жреца, носившего титул Царя леса, я не мог обойти молчанием этот титул. Ведь в обязанность этого жреца входило срывать Золотую ветвь — ветвь с дерева в Священной роще»¹. И Священная роща, и жрец, и Золотая ветвь, и процедура ее срыва и представления людям — все это было важнейшими атрибутами управления, которое сплани-

¹ См.: Фрэзер Дж.-Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Пер. с англ. М., 1980. С. 8.

вало род, племя, вдохновляло их и указывало на актуальные для всех и каждого члена такого объединения *идеалы, ценности и цели*. Даже если при необходимости в жертву приносился человек, то он и все другие знали глубокий смысл данного деяния.

Как известно, в период *неолитической революции* (X—III тысячелетие до н.э.) люди занимались земледелием, разводили животных, строили деревни и города, имели отношения собственности, владели техническими средствами и письмом, объединялись в государственные формы (Шумер и Аккад, Вавилон и Ассирия, Крит, Индия, Китай, Египет и т. д.)¹. Трудно себе представить, как в тех реальных условиях люди могли построить пирамиды (в Египте), фантастический даже для наших дней Махенджо-Даро (в Индии), Зиккурат (в Южной Месопотамии), комплекс Спонхендж (на юге Англии) и множество других, как принято говорить, «чудес света» без *влагения* искусством и практикой управления? Было управление, хотя то, что оно собой представляло, обозначалось скорее всего иными понятиями.

Особое значение в переломе жизнедеятельности людей имело так называемое *осевое время*, которое характеризуется какими-то *прорывами* человеческого сознания. Возник обширный интеллектуализм, весьма послуживший развитию управления. «Эту ось мировой истории следует отнести, — пишет К. Ясперс, — по-видимому, ко времени около 500 лет до н. э., к тому духовному процессу, который шел между 800 до — и 200 гг. н. э. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день... В это время происходит много необычайного. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-Цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда, в философии в Индии, — как и в Китае, — были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со

¹ См., напр.: Хроника человечества (сост. Бодо Харенберг). М., 1996. С. 17 — 48; Атлас чудес света. М., 1995 и др. публикации.

злом; в Палестине выступали пророки — Илия, Исайя, Иеремия и Второисайя, в Греции — это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение нескольких столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга»¹.

Поражает и удивляет то обстоятельство, что выдающиеся мыслители того времени, которые в общем-то и заложили основы и стержень последующей духовности и социальности человечества, практически чуть ли не одинаково говорили об управлении и подчеркивали его значение. Приведу несколько высказываний и прошу на них обратить внимание. Кун-фу-цзы (551 — 479 до н. э.): «Управлять — значит поступать правильно»; «Если в верхах соблюдают принципы, то народом легче управлять». Платон (427 — 347 до н. э.): «Государство — это человек больших размеров, а человек — это государство малых размеров»; «Монархия опасна избытком власти, а демократия — избытком свободы». Учение Будды: «Народ должен часто собираться для обсуждения политических проблем и надежно охранять свою страну»; «Люди всех социальных сословий должны жить в согласии и вместе обсуждать дела государства».

Это было удивительное время, которое и до сих пор должным образом не оценено. Люди как бы устремились к мировоззренческому, нравственному и эстетическому совершенству, почувствовали силу своего разума, души и тела, которая возникла чуть ли не под влиянием Космоса. Создавались необыкновенные творения, над постижением смысла и технологий изготовления которых мы бьемся и сегодня. Казалось, что человек способен осознать свое бытие и коренным образом изменить его к лучшему. Но, к сожалению, устойчивого прорыва к новому качеству жизни не произошло. На этом пути возникло непреодолимое препятствие, воспроизводимое этим же самым ростом производительных сил. Талант и труд людей создали богатство, которое сосредоточилось в руках немногих: императора, шаха, хана, короля и т. п. и их приближенных. Сформировалась мощная индивидуалистическая власть, ко-

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. 2-е изд. М., 1994. С. 32 — 33.

торая полностью присвоила себе право и способность владеть и распоряжаться практически всеми ресурсами, которые создавали природа и люди, а часто и самой жизнью последних. Власть стала *демиургом*, погрузилась в себя, в собственное созерцание и наслаждение, перестала, естественно, управлять и была лишь озабочена приростом богатств, особенно путем *завоеваний*. Человечество на многие столетия погрузилось в бесконечные походы, грабежи и разрушения.

Протестом против такой драматической ситуации можно рассматривать возникновение и распространение в I в. н. э. *христианства как идеологии угнетенных и обездоленных*. Оно немало поспособствовало становлению и объединению общин верующих, пока Византийский император Константин не превратил его в государственную религию. Но Основатель христианства провозгласил *такие идеи*, которые через много веков борьбы принесли плоды в виде просветления, гуманизма и свободы, послужив основанием подлинного человеческого сообщества. Существенное управленческое содержание имеется в идеологии *ислама*. Как вполне объективно отмечается, «Коран явился тем сводом конституционных и морально-этических уложений, который породил, сформировал и дал необозримо долгую жизнь государственности, не имевшей прецедентов в истории. Государство Халифат, возникшее в Аравии в VII в. в результате религиозно-реформаторской деятельности Мухаммеда, не только превзошло по размерам все бывшие до него империи гуннов, готов и тюрков, но оказалось долговечным государственным образованием с неизмеримо большим влиянием на всемирную историю, науку и культуру. В Халифате, охватившем в период расцвета более четверти цивилизованного мира, в процессе взаимодействия различных культур сложилась новая высокоразвитая цивилизация, языком которой стал арабский, а идеологической основой — ислам, монотеистическая религия с полной системой этико-правовых норм и религиозно-политических институтов. Эта арабо-мусульманская культура на много веков вперед определила пути развития народов, исповедующих ислам»¹.

Однако в целом в длительный *аграрный* период человеческой истории проблематике управления уделялось незначи-

¹ Коран. Центр Аль-Фуркан. Дамаск. 1419 г. по Хиджра. С. 11.

тельное внимание. В локальных масштабах, при строительстве оросительных систем, городов, при формировании и сохранении государств приходилось, конечно, использовать возможности управления. Сильнее последние проявлялись в военном деле. Завоевательные походы Ю. Цезаря по берегам Средиземного моря, А. Македонского — на Восток, Чингисхана, наоборот, — на Запад требовали, что понятно, управления войсками и битвами, грабежами и разрушениями. Но очевидно, что это не то управление, в котором нуждались люди и которое вело к их общественному и личному развитию. И все же, несмотря на сказанное, следует полагать, что в любых ситуациях люди жили, сохраняли и воспроизводили свои образования, следовательно, среди них *всегда* существовало управление, потенциал которого использовался в зависимости от запросов жизни и таланта людей, обладавших властью на управление.

Новый период в истории человечества связан с обогащением *научного знания*, приведшего к изобретению и распространению ткацкого станка, паровой машины, двигателя внутреннего сгорания, электричества, средств связи и других технических изделий и механизмов, положивших начало формированию техносферы современного бытия. Массовая и активная *индустриализация*, потребовавшая рационального *соединения* разума и тела человека со все возрастающим многообразием средств производства, орудий труда и технических продуктов потребления, заставила предметнее обратиться к сущности и потенциалу управления. Причем повести его познание, теоретическое осмысление и практическое применение уже на новом уровне: с учетом включения в жизнедеятельность людей достижений сначала — *промышленной*, затем научно-технической, а теперь и информационно-технологической революций. В результате необычно расширилось и усложнилось предназначение управления, ибо *речь идет об управлении общественными явлениями, отношениями и процессами, сознанием, поведением и деятельностью людей в условиях глобальной биосоциотехносферы*.

И те страны, которые это поняли раньше других, направили свои усилия на развитие *теории и практики управления* (подчеркну: всех его видов!), постарались перевести (в возможной мере) управление на научный уровень, добились наибольших

успехов в своем социально-экономическом и технико-технологическом положении: США, Япония, Франция, Германия, Швеция и др. В них управление выступило ведущим *источником* качественных преобразований и *средством* мобилизации всех общественных явлений (ресурсов) на решение возникающих проблем.

Между тем в России, которая вроде бы всегда отличалась мощным *интеллектом* мыслящей части ее населения, получилось как-то так, что в ней никогда особо не акцентировалось внимание к науке, идеологии и практике управления. Ставка делалась в основном не на институты управления, а на *личности руководителей*. Порой такие попадались и благодаря своей энергии продвигали страну вдогонку за передовыми, но с их уходом уровень управления обычно *падал*. Подобное понимание возможностей управления, логично, не приводило к тому, чтобы в *самом обществе*, среди массы людей формировалось *понимание* управления, *уважение* к нему, накапливалось управленческое *знание* (в том числе создаваемое выдающимися управленцами), оно *изучалось* и распространялось. Взамен этого в обществе господствовали и продолжают господствовать *нигилизм*, *анархизм* и *радикализм*. Все отрицается, поддается разносу, каждый сам себе на уме, которому никто не указ и который полагает, что можно с ходу, одним махом решить любую проблему. И здесь общественный строй не имеет никакого значения. Если не обманывать себя словоблудием, а быть честным, то и в императорский период, и в советский, и в сегодняшний — демократический все идет по только что названному стереотипу.

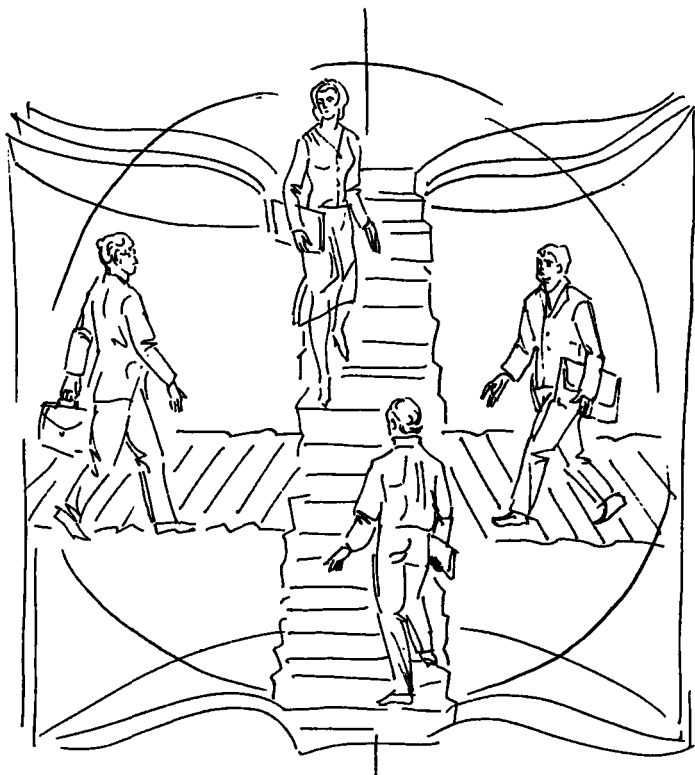
Этот стереотип *повсеместен* и *активен*: в сознании, поведении и деятельности большинства личностей, в семье, родственных связях, в трудовых коллективах, по месту жительства, в разных видах власти, в государстве в целом. Из-за него мы, при наших *достаточных* природных ресурсах, образованности, научной продуктивности, трудоспособности и других параметрах, все время находимся в отставшем, догоняющем положении при сравнении с ближайшими европейскими соседями. И никак не хотим осознать, кстати на всех уровнях общественной пирамиды, что причина такого положения в *нашем отношении к управлению*. Все еще многим кажется,

что можно помимо управления, путем каких-то революций или контрреволюций, перестроек или реформ, изобретений новых «измов» или заимствованием чужих слов и т. д. и т. п. вмиг и коренным образом изменить наш способ жизнедеятельности, т. е. нашу культуру в широком смысле.

Увы! За последние три века накопилось множество фактов, говорящих о том, что ничего не удастся сделать без *качественного прорыва в теории и практике нашего управления* и придания обществу и поведению каждого человека высоких параметров *управляемости*. Но управляемости не силовой, не за счет давления властных структур и уж тем более страха, а идущей *изнутри* человека и всех структур, в рамках которых протекает его жизнь. Должно, в конце-концов, наступить *прозрение*, состоящее в том, что человеку на то и дан *разум и воля*, чтобы он познавал и творил в соответствии с уже накопленными знаниями и опытом и рационально и эффективно управлял своим поведением и деятельностью, создал свое здоровье, благополучие и счастье. Ведь *свобода* есть прежде всего способность управлять самим собой. И если мы хотим жить в благополучном и свободном обществе, то это осуществимо лишь тогда, когда все люди и их структуры будут понимать управление и в каждом конкретном случае жизни сполна использовать его потенциал.

Данная работа имеет своей целью дать в руки каждого, кто к этому стремится, *минимальный набор знаний в области управления*, с тем чтобы в любой жизненной ситуации он мог им воспользоваться и решить проблему. А уж если кто поднимается на вершины власти и пытается управлять многими людьми, которые знают, что такое управление, то ему надо основательно готовить себя к такой *руководящей миссии*. Здесь одних основ, конечно, мало.

Я постараюсь, по возможности, упростить изложение материала, хотя заранее предупреждаю, что область управления — сплав знаний, опыта и таланта — по самой своей природе весьма сложна и ее освоение требует большого труда. Но такой труд обязательно (и для каждого) воздастся *столицей!*

Раздел I

ОБРАЗ УПРАВЛЕНИЯ **(понятие)**

Хочу воспользоваться словом «образ», которое более соответствует тому, что мне хочется описать. *Образ* — результат отражения объекта в сознании человека. На первой, чувственной, ступени познания такими образами являются ощущения, восприятия и представления, на второй, абстрактной, ступени познания — суждения, умозаключения и понятия¹.

Образ, как логическая конструкция, богаче понятия, поскольку дает наглядное, «объемное», живое представление о ком-либо или о чем-либо. Не случайно образ широко используется в художественной литературе и искусстве. Думается, что посредством образа управления мне удастся глубже проникнуть в сознание читателей и попытаться там сформировать должное отношение к данному явлению. Обычно то, что вроде бы очевидно, окружает нас, проявляется массово, видимо повседневно, доказывается наиболее трудно. Часто человек суждения об этом просто отталкивает от себя. Мол, что вы мне навязываете, я и сам это знаю. Таково, к сожалению, самое распространенное восприятие управления. Каждый может управлять — вот и все!

Давайте попробуем опровергнуть подобное мнение.

Очерк 1. СМЫСЛ УПРАВЛЕНИЯ (сущность)

Размышления направлены в основном на русского, или, немножко шире, русскоязычного читателя, что заставляет исходить из русской культуры и истории, из состояния дел в сообществе наших народов, из особенностей нашего мышле-

¹ См.: Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. 2-е изд. М., 1975. С. 396.

ния, поведения и деятельности. Конечно, мы возникли и живем на планете Земля, в нашей географической и геополитической нише и, соответственно, всегда взаимодействовали и взаимодействуем со всеми другими народами. Мне кажется, что немного найдется стран, в которых, скажем, за 300 последних лет было бы переведено и издано столько трудов иностранных авторов. Ими буквально заполнено информационное поле России и других государств-участников СНГ. Но обилие материалов о том, кто, что и как думает где-то, как живут, поступают и творят другие, вовсе не говорит о том, что у нас все это понимается или применяется.

Еще А.С. Пушкин (1799 – 1837) подметил:

Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.»

(«Евгений Онегин», гл. I, строфа IV)

Русский ум обычно не изучает предметно, конкретно и системно то, что происходит в иных местах, да и у себя под носом. Он почему-то устремлен куда-то далеко, высоко, в какие-то не ведомые никому миры. Ему подавай абсолютную Истину, бесконечное Добро и неземную Красоту. Исследовать реалии жизни ему скучно и неинтересно, тем более что при этом надо все соотносить со своим поведением и своими трудами. А здесь недалеко и до самоанализа, который не всегда бывает лицеприятным. Потому-то и управление в нашем мышлении и практике либо не является актуальным (нужным), либо понимается так, что от его сути мало что остается.

Один пример: в информационно насыщенном (поднято множество проблем) учебном пособии авторы (талантливые и эрудированные), рассматривая управление, к уровням задач управления относят человека, его личностный, социальный, планетарный, вселенский уровень¹. Понятно, что управление

¹ См.: Введение в управление: Учебное пособие в 3-х частях. М., 2002. С. 5–9.

связано с человеком, личностью, обществом, но полагать, что человек уже способен управлять планетарными, а уж тем более вселенскими процессами, наверное, все-таки рановато. Кроме того, при таком подходе как-то незаметно переворачивается пирамида жизнедеятельности человека (сообщества людей в целом): субъективность сознания человека ставится выше объективности окружающего нас мира, да и самой биологической природы человека. В результате объективные закономерности, на которых основаны Вселенная и все в ней, в том числе и мы, преподносятся таким образом, будто человек уже способен ими управлять. Во всем проявляется наш массовый стереотип «нарисуем — будем жить». Причем, это — не афоризм, а способ нашего мышления, который часто реализуется и в области познания, и практического использования управления.

Я не буду вспоминать историю — это не входит в предмет данной работы. Скажу лишь, что об управлении у нас широко заговорили после Октябрьской революции, но почти сразу же в 30-х гг. об этом забыли и вновь вернулись лишь в 60 — 70-х. И хотя в последние годы — начальные годы XXI в. — об управлении вспоминается часто, нельзя признать, что в нашей общественной мысли и практике пришли к какому-то однозначному пониманию данного явления.

Одновременно и параллельно в обществе существует и, таким образом, признается несколько представлений об управлении.

Наиболее частым и исторически давним является раскрытие управления через управленческую деятельность. Считается, что управление есть особая, своеобразная деятельность, осуществляемая в так называемых управляющих структурах и направленная на выработку, принятие и реализацию управленческих решений, а также на совершение управленческих действий. Многие почему-то не видят, что такое представление об управлении страдает тавтологией, потому что в таком случае требуется прежде всего выяснение понятия «управление», а затем уже его приложение к деятельности, решениям, действиям, формам, методам и т. д.

Между тем такое понимание управления весьма поддерживается опять же так называемыми управленческими кадрами, государственными и муниципальными служащими, менедже-

рами и, разумеется, многочисленными руководителями. Оно им выгодно, ибо что бы и как бы они ни делали, все выдается за управленческую деятельность и, соответственно, за управление. Скажем: встретились, посидели, поговорили; провели совещание, заседание; съездили куда-то и что-то посмотрели; подписали «бумажки», потом их прочитали и кому-то переслали — деятельности обычно много, с утра и до вечера, а порой и по выходным. А каждая деятельность всегда стремится к облегчению, вот и большой у нас во всей истории аппарат управления: и в государстве, и в бизнесе-предпринимательстве, и в общественных объединениях и партиях. Все это известно, описано в сотнях научных и художественных произведений, постоянно вроде как бы критикуется, но «воз» и поныне стоит на месте. Ведь «рак, лебедь и щука» делают вид, что они хотят «воз» сдвинуть. Можно сказать, что и «страна — воз» у нас в подобном состоянии и многое здесь идет именно из-за иллюзорных представлений от управления.

Второй подход выражается в том, что управление отождествляют с разного рода взаимодействиями в системах различной природы (биологических, социальных, технологических и др.). Это, в известной мере, универалистская трактовка управления, связанная с кибернетикой, которая характеризует прямые и обратные связи между различными элементами либо объектами мироздания (Вселенной). Нельзя возражать, что между планетой Земля и Солнцем имеется не только масса гравитационных взаимосвязей, но и других взаимозависимостей, на которых основана практически вся жизнь на Земле. Однако можно ли все это относить к управлению? То же касается и других систем, внутри которых именно специфические *объективные* закономерности определяют их структуру и функционирование. У механических систем — их конструкции, у физических — поведение множества элементарных частиц, у химических — элементы и молекулы, у биологических — клетки, генетический код, популяции, которые нам, людям, необходимо знать и обоснованно использовать и т. д. При этом по непонятным причинам упускается из виду, что только и единственно в социальной системе ее первичным компонентом выступает человек, уникальное создание природы, или, как полагают верующие, творение Бога.

Если здесь и имеют место взаимодействия, то они совсем другие — человеческие, действующие через сознание, поведение и деятельность людей. Безусловно, социальные системы соприкасаются с другими системами иной природы, в том числе и созданными искусственно, но всегда через человека, что весьма важно. Поэтому «растворение» управления в многообразных взаимодействиях материального мира приводит к тому, что оно утрачивает свою качественную природу и, конечно, свое собственное значение в жизнедеятельности людей.

Третий подход, обусловленный скорее всего *автократической* традицией в организации человеческого общества, усматривает управление в связке *вертикальных* отношений «команда — подчинение». Главное здесь видят в том, чтобы любая команда была исполнена, причем вопрос о том, *кто* отдает команду, в чем ее смысл и предназначение, как правило, не обсуждается. Как у нас говорится (поговорок на эту тему масса): «Наверху виднее», «Хозяин — барин», «Начальник всегда прав» и прочее-прочее. Этот подход распространен в деспотических, тоталитарных режимах, в командно-административных системах и т. д. Кстати, он довольно выражен в действии частной собственности, когда ее владелец обладает широкими возможностями среди зависимых от него лиц.

В определенных *пределах* отношения «команда — подчинение» проявляются в управлении, без них оно невозможно, но такое сужение не раскрывает еще сущности управления и его огромной роли в жизнедеятельности людей. Это — всего лишь небольшая и формальная подсистема в объемной системной характеристике управления.

Более близким к раскрытию сути управления выступает *четвертый* подход, возникших где-то в 70-х гг. XX в., и пытающийся интерпретировать управление через термин «*воздействие*» — *влияние, реальное преобразование, осязаемое изменение*. Во многих научных работах к термину «воздействие» добавляется прилагательное «целесообразное», «целенаправленное», «сознательное», что связывает «управление» с человеком и творимым им обществом. В понятие управление вводятся необходимые *ограничения*, вследствие которых оно конкретизируется и приобретает более четкое содержание. Вместе с тем и при таком, в целом конструктивном, подходе

не всегда показывается очень актуальное: *кто* формирует и оказывает воздействие, на *кого* это воздействие направляется, что оно отражает или должно отражать и к каким *результатам* ведет. Отчетливо видно также, что такое воздействие в основном относят к общественным явлениям, отношениям и процессам и мало преломляют к *личности и межличностным отношениям*, к сознанию, поведению и деятельности *каждого* человека.

Данный подход обладает обширными *исследовательскими* возможностями и создает простор для действительного познания управления. Причем путем не игнорирования или исключения других (вышеназванных) подходов, а их *сочетания, интеграции* в тех пределах, где они характеризуют отдельные стороны, элементы либо свойства управления. Последнее, как уже можно понять, есть очень сложное явление и может описываться по *разным* его граням и зависимостям.

Начну с того, что люди, наверное, обоснованно полагают, что они *разумны, умелы и изобретательны*. Чего только не напридумывали и сотворили! Не случайно они и именуют себя: *Homo sapiens* — человек разумный; *Homo faber* — человек ремесленный, техничный; *Homo divins* — человек предчувствующий, творящий; *Homo ludens* — человек играющий и т. д. Но если объективно смотреть на образ жизни, способы мышления, поведение и деятельность большинства людей и *сравнивать* их с накопленным историческим опытом, с достижениями науки, искусства, техники и технологии, с имеющейся в их распоряжении информацией, то легко можно увидеть огромный *контраст*. Он рождается, конечно, многими условиями, факторами, обстоятельствами, причинами и т. д., среди которых значительное место занимает и *управление*.

У нас любят ссылаться на что-то *внешнее*, которое не зависит от нас, и его обвинять в том, что у нас не получилось дело, не состоялась жизнь, возникли какие-то провалы, несчастья, бедствия и прочее. И редко кто, причем на самых разных уровнях — от высших должностных лиц государства до труженика в каком-то захолустье, задумывается над тем, что может быть он сам *виноват* в случившемся. Не подумал и не додумал. Подумал, но не сделал. Начал делать, да не то, что нужно. Сделал что-то, а оно никому не нужно, и т. д. и т. п.

Не хочется многим признаваться в том, что источники, основания, импульсы как всего хорошего, так и, особенно, всего плохого содержатся в нас и связаны главным образом с нашим восприятием и использованием управления. Можно сколь угодно говорить о потребностях и интересах, об идеалах и ценностях, о целях и мотивах и других нужных нам явлениях, но все это не имеет никакого отношения к реальной жизни, если мы не будем рассматривать все через призму управления. Мы все хотим, желаем, мечтаем, строим «воздушные замки» (героями таких страстей заполнены наши художественные произведения), но никак не удосужимся понять, что *основным средством исполнения любых наших замыслов является управление*. Не революции или контрреволюции, не реформы или контрреформы, не программы или проекты, а именно и только управление.

Поэтому, думаю, каждому интересно разобраться в том, что такое управление, подчеркиваю, именно *каждому*, а не только тому, кто себя считает управленцем (к примеру, госслужащим или менеджером, политиком или каким-то начальником). Управление в жизни касается каждого, другое дело, что одного — прямо, а иного — опосредованно. *Вся наша жизнь есть результат управления.*

Итак (по порядку и взаимосвязанно).

Управление представляет собой одно из выражений и продукт сознания людей. Это положение является *основополагающим* для всех последующих суждений. Только человек наделен разумом, т. е. способностью отражать (познавать) и осмысливать (понимать) окружающий мир (среду своего обитания) и на этом фундаменте творить систему своей жизнедеятельности. Предвидеть — прогнозировать — программировать — проектировать — планировать — это способность, обязанность и дело человека, и если он тут не поспевает, то таков и его удел. Обижаться не на кого — по общему счету, а по конкретному — виновных много.

Такая взаимосвязь *управления с разумом* человека сразу же ставит вопрос о том, что все иные взаимосвязи, которые имеют место в материальном мире (физические, химические, биологические, механические, космические и т. д.), *не относятся* к управлению и должны характеризоваться *другими* понятиями.

Вместе с тем, конечно, не все сознание людей во всем его объеме участвует в управлении (скажем, эмоции, чувства), а главным образом та его часть, которая обычно называется *интеллектом*. Это — особо и активно работающий разум, который *познает* среду своего обитания и свои выводы и суждения *обосновывает* реальными фактами, выверяет действительными результатами и благодаря такой методологии *проникает* в тайны мироздания и создает свою искусственную, «второй» природы общественную жизнь. В интеллекте человека заложено *эвристическое* (первооткрывательное) начало, реализация которого и привела к современной биосоциотехносфере со всеми ее плюсами и минусами.

Но одного сознания со всем богатством его развивающегося потенциала еще *недостаточно* для обеспечения жизнедеятельности людей, как конкретных, так и их сообществ. Необходимо *практическое осуществление сознания* посредством поведения и деятельности человека, когда то, что содержится в сознании, получает материальное (объективное) выражение. Мы узнаем о мыслях тогда, когда они произнесены словами либо воплощены в каком-то объекте. Между сознанием, с одной стороны, поведением и деятельностью человека, с другой, находится *воля*. Для управления она имеет принципиальное значение, ибо только и *порождает его*. Без воли, помимо воли *нет и не может* быть управления. Однако, нельзя сказать, что в публикациях по управлению явление воли учитывается, рассматривается и органично вписывается в управленческие отношения, явления и процессы. Нередко получается, что вроде бы в управлении не присутствует воля и, обычно, управленческие решения и действия реализуются как бы сами по себе.

К тому же в случае упоминания воли под ней подразумевается что-то своеобразное. Наше «понимание» воли наиболее адекватно показал еще в XIX веке В.И. Даль: «Воля — данный человеку произвол действия, свобода, простор в поступках, отсутствие неволи, насилования, принуждения. Творческая деятельность разума»¹. От такой трактовки воли и идут знаменитые: волюшка, волюница, волюдумие, волюнтаризм и многое другое, для которых как бы нет границ, постулатов, пра-

¹ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка.: В 4 т. 1. М., 1978. С. 238 — 240.

вил, норм, обязанностей, запретов и т. п. Потому-то в России и получила большое распространение концепция «свободной воли», связанная с именами И. Канта, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского и др. Политическое воплощение «свободная воля» получила в программах и практических действиях наших «левых» и «правых», которые в начале XX в. разломали страну по одной идеологии, а в его конце — по другой, из-за чего и в XXI в. мы не можем выйти на нормальный путь развития.

Только отдельные исследователи пытаются волю определять по иным параметрам. «Воля, — полагает Н.И. Кондаков, — та сторона умственной мыслительной, психической деятельности человека, которая находит свое воплощение в способности к совершению сознательных, целенаправленных действий и поступков, осуществление которых связано с преодолением значительных трудностей: она находит отражение во власти человека над собой, в регулировке им своих действий, своего поведения... При этом главное в волевом акте состоит в том, чтобы человек осознал социальную значимость цели его действия или поступка, их соответствие основополагающим нормам и принципам, принятым в обществе»¹. «Воля, — читаем в другом словаре, — механизм психики, обеспечивающий следование намеченной цели, продолжение решения задач в условиях препятствования, деструктивных влияний или провоцирования смены цели или способа действия и т. п.»²

Безусловно, воля представляет собой *внутреннюю* энергетику, силу, напряжение человека, позволяющее ему практически реализовать продукты своего сознания: идеи, знания, опыт, проекты, планы, замыслы, желания и т. п. В основном это *врожденное* качество человека, которое может в течение жизни *укрепляться и развиваться*, но может под влиянием разных условий и факторов и *ломаться*. В большинстве случаев человек с сильной волей выдерживает все испытания судьбы. Наличие воли и приводит к тому, что человек сначала управляет собой, а затем и другими людьми. Если нет воли либо она слаба, то даже огромная власть, принадлежащая че-

¹ Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 91.

² Анисимов Д.С. Методологический словарь для управленцев. М., 2002. С. 82.

ловеку, не приводит к тому, что он рационально и эффективно управляет. Источником феномена любых диктаторов всегда служила их воля, как иногда говорят, «железная воля». По отношению к сознанию воля выступает *фактором*, который его дополняет, усиливает и переводит в практическую жизнедеятельность людей.

В то же время для понимания управления все же еще не хватает того, что оно воспроизводится сознанием и поддерживается волей. Дело в том, что человек есть существо *социальное* (даже Робинзон для жизни на необитаемом острове нуждался в Пятнице). И хотя в ныне проповедуемой идеологии в центр поставлен *единичный человек* (индивидуум), все равно, при всем его замыкании в своей экзистенции он нуждается в других людях, вынужден вступать с ними в контакты по месту своего жительства, труда, через СМИ и Интернет и т. д. В любой ситуации его сознание и воля направлены на *других*, даже если он пытается от них изолироваться. Используя современные технические средства, человек объективно через них взаимодействует с обществом. Ведь кто-то же их сделал и подпитывает энергией. Можно сто раз отречься от общества, но без него жизнь человеческая никак не получится. И пора подобный обман раз и навсегда *развезть*.

Значит, управление как раз и вызвано тем, что люди должны жить *совместно, сотрудничать, взаимодействовать*. Кстати, война тоже есть форма их взаимодействия, жестокая, кровавая, через бой, и тем не менее. Все в человеческом обществе, венчающем, как пишут, жизнь на планете Земля, создано людьми, ими используется, совершенствуется, модернизируется. Да, человек находится в им же созданных системах: «человек — техника», «человек — технология», «человек — природа», «человек — техника (технология) — природа» и других, но везде именно он и его интересы определяют их предназначение и характер функционирования.

В этом аспекте вряд ли корректными являются глубоко укоренившиеся представления о том, что человек управляет автомашиной, самолетом, поездом, станком и прочим каким-либо механизмом. Правильнее говорить, что человек *регулирует функционирование* любых механизмов, агрегатов, изделий, комплексов, орудий и т. п., поскольку все они

основаны на определенных *объективных механических, физических, химических закономерностях*. Скажем, человек регулирует движение автомашины по дороге. Ведь между ним и автомашиной нет сознательной коммуникации: последняя лишь реагирует на его действия, причем сугубо механически. Тем самым трудно соглашаться с мнениями даже социологов (которые призваны изучать общество) о том, что «процессы управления можно наблюдать повсюду — в живых организмах, деятельности человека, организации общества, функционировании сложных кибернетических систем. Если нервная система перестанет выполнять свою координирующую — по отношению к менее развитым, но специализирующимся на исполнительских функциях частях тела — деятельность, жизнь человека прекратится»¹.

Задумайтесь *сами* над процитированным (которое чуть ли не типично для нашей управленческой мысли) и спросите себя: разве органы (части) человеческого тела осуществляют какую-либо деятельность? И как мы можем управлять нервной системой; беречь, лечить можно, а управлять? То же относится и к живым организмам либо кибернетическим (механическим или информационным) системам. Живые организмы функционируют по генетическому коду, и даже в геноме мы вынуждены с этим считаться. Изобретательство и творчество человека создают все более сложные и как бы отпочкованные от человека многообразные системы. Уже гроссмейстеры проигрывают компьютерам в шахматы. Уже отрабатывают ведение боевых действий посредством информационных технологий, при которых убийство происходит вне контакта с убийцей. Фантасты уже пишут, что нейрокомпьютеры будут мощнее человеческого разума. Не сомневаюсь, что человечество (разумеется, отдельные его «высоколобы») создаст такие системы, которые погубят его самого. Кто знает, что будет?

Главное состоит в другом (чему и посвящена данная работа), в том, что действительно в процессах современной *информационно-технологической революции* социальная сущность человека активно *выхолащивается* и он становится *придатком* (элементом) больших, скажу обобщенно, кибернетиче-

¹ Кравченко А.И., Тюрина И.О. Социология управления: фундаментальный курс. М., 2004. С. 171.

ских систем. А в таких системах не он управляет, а *им управляют*, причем сугубо функционально и бездушно.

Техницизм и технологизм настолько проникли в нашу жизнь, что большинство людей перестало понимать, *что и почему происходит*. Почти все сведено к простенькой схеме: «*ситуация — реакция — действие*». Рекламируют пиво — беги, покупай и пей. Скучно — иди в магазин. Красный свет — стой, зеленый — мчись. Поэтому «удаление» из управления его *социальной сущности* либо «расширение» его до масштабов Вселенной (действие космического разума) не является чем-то случайным, наивным либо заблуждением. Наоборот, все делается *весьма продуманно* и в хорошо просматриваемых интересах. Если периоды Возрождения и Просвещения были связаны с разворачиванием сущности человека и способствовали становлению капиталистического общества с его свободой, демократией и рынком, то в настоящее время положение кардинально изменилось, и прежде всего на Западе. Риторика по поводу прав и свобод человека продолжается, но *гуманистическое отношение* к человеку отошло в реальности куда-то на задворки общественного внимания. Здесь тоже действуют спрограммированные технологии: надо говорить, вот и говорят, а что на практике — мало кого интересует (все измеряется статистикой). Причина в том, что в обществе стали доминировать идеалы, ценности и цели, которые никак не связаны с подлинным благом человека — здоровьем, социально-материальным комфортом и психологической устойчивостью.

Тем самым надо *однозначно* указать, что управление в жизни людей и общества проявляется *тогда*, когда в каких-либо взаимодействиях, отношениях, процессах и т. д. и т. п. присутствует (дает о себе знать) *сознательное начало, интерес и знания, цели и воля, энергия и действия человека*. Все иное, что осуществляется помимо человека, должно именоваться *по-иному*. Управление находится в ряду явлений «второй» (искусственной) природы, возникших и развившихся в течение всей истории человеческой цивилизации. Оно *создано людьми* в целях сознательной саморегуляции своей жизнедеятельности и имеет в обеспечении их потребностей и интересов столь же важное значение, как семья и собственность, право и мораль, способ производства и государство, знания и информация и

другие общественные институты. А может быть, и *большее*, поскольку оно обеспечивает и приводит в *движение* названные институты.

И еще об одном явлении, которое служит источником и предпосылкой управления, необходимо сказать. Имеется в виду *власть*, которая так примелькалась среди людей, к которой так привыкли и с которой так смирились, что в большинстве своем люди особо и не задумываются о том, а *что* она представляет собой, кем и почему создана и для чего существует. К тому же те, кто сопричастен власти, постарались придать ей какой-то мистический, таинственный характер (заложенный чуть ли не в генах человека, да и животного, правда, до растений еще не дошло), так ее интерпретировать, что никто и ничего не понимает.

Один из авторов «кратократии» приводит сотни определенных власти и ее видов¹, что, конечно, затрудняет понимание сущности власти. Если можно и так, и иначе, и еще как-то, значит, нет ясности в самом определении. Не вступая в широкую дискуссию, поскольку это требует специального исследования, скажу лишь, что, по-моему мнению, *власть олицетворяет право (легитимность) и способность владеть, пользоваться и распоряжаться ресурсами, актуальными для жизнедеятельности людей.*

Возникновение и существование власти вызвано рядом объективных оснований:

а) природным различием людей по физическим, интеллектуальным и психическим признакам, их качеству и уровню развития;

б) коллективистским (общественным) способом жизнедеятельности людей, из-за чего они должны постоянно объединяться, взаимодействовать, проживать большими или малыми группами;

в) многообразием форм, приемов, ресурсов, технологий поведения и деятельности людей, специализацией их труда, что необходимо влечет за собой согласование посредством координации и субординации.

Феномен власти вызван иерархическим устройством общества (а не только государственного аппарата либо трансна-

¹ См.: Халипов В.Ф. Энциклопедия власти. М., 2005.

циональных корпораций). В результате власть (в широком, социологическом смысле, т. е. как *универсальная общественная категория*) характеризует общественные отношения (связи, взаимодействия), в рамках и под влиянием которых люди в силу разных причин — материальных, социальных, интеллектуальных, информационных, родственных, физических и других — *добровольно (осознанно) или по принуждению признают верховенство воли других, а также целевых, нормативных и ценностных установлений* и в соответствии с их требованиями совершают те или иные поступки и действия, строят и изменяют свою жизнь.

Особо хочется подчеркнуть, что источником и наполнением (субстратом) власти (всех ее видов и проявлений) выступает *объединение людей, создающих* (добывающих) ресурсы. Именно объем и плотность объединения людей (начиная с семьи) определяют силу власти и ее возможности. Причем подобное касается как власти объединения людей, проживающих на определенной *территории* (объединения и добровольного, свободного и принудительного, деспотического) в виде *государства*, внутри его региональной или местной территории, так и *власти собственности (богатства)*, которая всегда есть *концентрация результатов труда* многих людей. Разумеется, что имеет значение и количество, и качество ресурсов, возникающих вследствие объединения людей.

Власть есть *продолжение и продукт* социальной сущности человека и, соответственно, необходимый фактор социального общежития людей в любых его формах. Власть с ее потенциалом (один — у группы людей, другой — у такого мощнейшего образования, как США) создает условия для возникновения и осуществления управления. Ибо если не будет объединения людей и той силы, которая его удерживает и направляет на решение определенных проблем, то нет и основы для формирования и реализации управления.

Таким образом четыре основных явления выступают источником, предпосылкой и фактором управления:

сознание + воля + социальность + власть

Именно и только они очерчивают то *объективное «поле»*, на котором может произрастать и приносить плоды управление. Когда-то это «поле» породило управление, а его обработ-

ка в течение тысячелетий привела к современному состоянию данного явления.

Вместе с тем очевидно, что явления — сознание, воля, социальность, власть — относятся не только к управлению, — они охватывают и творят всю *жизнедеятельность людей*. Управление составляет лишь *часть их* действия и требует поэтому *собственной характеристики*. Как уже фиксировалось вначале, при анализе методологических подходов к управлению, наиболее адекватным, подходящим, приближающимся к сущности является раскрытие управления через термин «*воздействие*», т. е. реальное влияние, подчинение, навязывание, когда на уровне отдельного человека сознание определяет его поведение и деятельность, а в группе людей все подчиняется какому-либо делу. Понятно, что в управлении реализуется особое воздействие. Суть его выражается в *трех элементах*.

Человеческая жизнь во всех ее проявлениях всегда ориентирована на *будущее*. Прошрое, ушедшее, можно только вспоминать, но жить им нельзя, живут настоящим и стремятся в будущее. Поэтому в сознании людей большое место занимает *целеполагание*. Ведь цели представляют собой отражение каких-то потребностей, запросов, интересов людей и, соответственно, идеальный (*мыслительный*) образ их осуществления, возможные пути и средства достижения, предполагаемые модели необходимой деятельности. В целях наиболее реализуются способность человеческого сознания что-то предвидеть, прогнозировать, логически конструировать, моделировать, формировать как желаемое, нужное, актуальное. Все люди заняты целеполаганием, поскольку думают о завтрашнем дне и последующих — грядущих.

В управлении, в отличие от иных форм сознания (науки, религии, искусства и т. д.), реализуется «*практическая целенаправленность*». Это мечта, требуемая неременного осуществления. Тем самым целеполагание создает первый и исходный элемент управляющего воздействия. В управлении целеполагание должно всегда содержать в себе *точную цель и точное направление движения к ней* и быть непременно *практичным*. Уже отмечалось, что, управление включает в себя волю, социальность (других людей), власть и связанные с ними ресурсы. А это означает, что прежде чем вводить дан-

ные явления (обладающие существенным потенциалом) в действие, надо внимательно продумывать, просчитывать, взвешивать, для чего подобное необходимо и чего мы хотим добиться. Если Обломов (герой одноименного романа И.А. Гончарова (1812 – 1891)) мог, лежа на диване, целеполагать что угодно, то в управлении всякие иллюзии, фантазии, предположения, самообманы и т. п. недопустимы. В управлении задействованы силы, время, ресурсы, и очень печально, когда все это уходит впустую. Ошибки в управленческом целеполагании, особенно государственного уровня, часто носят роковой характер.

Первый элемент — целеполагание управляющего воздействия является самым сложным и ответственным. Именно он предопределяет результаты управления. Соответственно он требует от людей множества качеств: знаний, опыта, творческих дарований, честности, порядочности, смелости и т. д.

Ведь цели должны *быть* (говоря кратко):

а) *объективно обусловленными и обоснованными*, исходить из объективных закономерностей и тенденций общественно-го развития и технологий деятельности людей, соответствовать объективной логике функционирования того или иного явления, процесса, отношения, учитывать формы и механизмы последних;

б) *социально мотивированными*, т. е. идти от потребностей, запросов и интересов людей, отвечать им и вызывать тем самым понимание, поддержку целей, стремление воплотить их в жизнь;

в) *обеспеченными в ресурсном отношении* как с интеллектуальной, так и с материальной стороны, основываться на реальном, а не мнимом, на наличном, а не возможном потенциале, привязываться к конкретным условиям и факторам человеческой жизнедеятельности;

г) *системно организованными*, включать в определенной логике цели стратегические, оперативные и тактические, общие и частные, главные и обеспечивающие, конечные и промежуточные, отдаленные, близкие и непосредственные и т. д.

С целеполаганием тесно связан *второй элемент* управляющего воздействия — *организационный*. Он означает, что для того, чтобы цели реализовывались, необходимо соответствующий процесс подготовить, наладить, согласовать, обеспечить,

иначе все останется в русле добрых намерений. *Организация* представляет собой способ взаимодействия людей (с имеющимися у них орудиями и средствами труда, иными словами; ресурсами) *между собой*, ведущий к упорядочению и рационализации *собственного* поведения и деятельности, а также *коллективных* (общественных) отношений, явлений и процессов. Организация необходима для осуществления почти любых целей и выполнения любого задуманного дела. Даже в таких вроде бы простых случаях: сходить в лес за грибами, принять дома гостей, срубить баню, укреплять свое здоровье и т. д. Организован должен быть любой групповой (коллективный) труд, досуг, отдых, общение. Везде и всюду людей необходимо располагать в *пространстве* (территория, сооружения, привязка к орудиям и средствам производства и т. д.), а также организовывать их взаимодействие между собой и *наделять функциональными ролями*, состоящими в выполнении актуальных видов и объемов деятельности. Обычно в организации выделяют ее *статичный* (структурный) и *динамичный* (функциональный) «срезы». Статичный «срез» характеризует формальное построение организации, проектно-нормативное взаимодействие людей, которое часто закрепляется в соответствующих статусах (город, унитарное предприятие, фирма, вуз, школа и т. д.). Функциональный «срез» показывает реальное, практически исполняемое, наличное взаимодействие людей.

Для управления (его управляющих воздействий) особое значение имеет *функциональный «срез»* взаимодействия людей, поскольку именно через него идет реализация целей и его необходимо поддерживать в должном напряжении. Иначе мало смысла в существовании формально безупречных организаций, которые не выполняют свою функциональную роль. А подобных случаев масса: организациями разных уровней, видов и форм «пруд пруди», а дела такими организациями решаются не весьма успешно. Без управления организации мертвы.

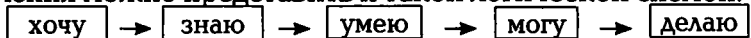
Третий элемент управляющего воздействия состоит в том, что для того, чтобы реализовывались цели и практически осуществлялись взаимодействия людей (организации), следует еще *регулировать конкретное поведение и деятельность лю-*

дей в рамках намеченных целей и взаимодействий. Здесь проявляется как взаимосвязь управления с социальными нормами, так и его роль в обеспечении их практического действия. Историей человеческого сообщества выработано множество социальных норм, направляющих и ориентирующих, оценивающих и мотивирующих поведение и деятельность людей. Традиции и обычаи, исторические уроки и выводы, право и мораль, ценностные и социально-технические нормы и многие другие *регуляторы* выступают важнейшими достижениями человеческой культуры, помогающими разумнее и экономичнее созидать настоящее и будущее. Проблема, причем, можно сказать, *вопиющая*, состоит в том, что нормы есть, многие нормы знают, их пропагандируют и изучают, но *не соблюдают*. Нормы «мстят» авариями, пожарами, увечьями, смертями, другими бедствиями и утратами, однако и это не заставляет людей задумываться и быть осторожными. В этом смысле регулирующая роль управления просто *неоценима*. Ведь для исполнения любого дела мало организовывать людей (они могут и организованно сидеть), необходимо добиться того, чтобы они выполняли конкретные нормы труда, нормативы расхода ресурсов и давали качественный конечный продукт, пригодный для потребления.

В целом управляющее воздействие отличается от всех иных видов общественных и личностных воздействий тем, что включает в себе в совокупности элементы *целесолагания, организации и регулирования* человеческой жизнедеятельности. Хочу акцентировать внимание на прилагательном «управляющее», ибо в управленческой литературе можно встретить «управленческое». Разница видится в том, что термин «управляющее» содержит момент *реального, действительного влияния, давления, побуждения, принуждения* и т. п., вследствие которого что-то происходит с людьми и они делают то, что нужно. «Управленческое» скорее воспроизводит саму управленческую деятельность и ничего не говорит о ее результатах, о том, как она сказывается на состоянии тех или иных явлений, отношений и процессов. Можно вырабатывать управленческие воздействия (в желании, модели, программе и т. д.), но не превращать их в *управляющие*, ведущие к изменению человеческой жизнедеятельности.

Таким образом, обобщая сказанное, *управление как явление* (категорию) можно выразить в следующем виде: это целеполагающее (сознательное, преднамеренное, продуманное, спланированное и т. д.), организующее и регулирующее воздействие людей на собственную (личную), групповую, коллективную и общественную жизнедеятельность, осуществляемое как непосредственно (в формах самоуправления), так и через специально созданные структуры (государство, общественные объединения, партии, предприятия, учреждения, фирмы, ассоциации, союзы и т. п.).

Для лучшего запоминания и образного описания суть управления можно представить и такой логической схемой:

Нашими «хочу» заполнена жизнь. Это первичный импульс, толчок, источник, который ориентирует сознание на управление. «Хочу» рождается вследствие *потребностей* человека, коллектива, общества в чем-то, осмысленных в качестве *интересов*. В то же время «хочу» уже характеризует *цель*, которая переходит в первый элемент управляющего воздействия — в целеполагание. Само «хочу» весьма многое отражает в человеческой жизни, оно бывает по природе как объективным, так и субъективным. Объективное требует всяческого понимания и поддержки, а вот с субъективным надо хорошенько разбираться, тогда будет меньше заблуждений.

Но чтобы «хочу» действительно начало развиваться в сторону управления, оно должно быть «проработано» знаниями, как собственными (конкретными субъектами «хочу»), так и теми, которые накоплены другими. Необходимо «хочу» перейти в «знаю», ибо хотеть можно многого, а вот оценить это «хочу», осмыслить его с точки зрения полезности и возможностей совсем непросто. Знания есть продукт культуры, и они в известном отношении выступают *ограничителями* «хочу», без которых во всем бы господствовал произвол и хаос. Между тем, исходя из массовой практики, нельзя сказать, что у нас знания уважаются и широко используются. Знания где-то отдельно, а жизнь отдельно.

Явление «умею» состоит в том, что у людей (и их объединений) формируются или уже сформированы навыки, приемы, способы, мастерство применения знаний в своих решениях,

поступках и действиях, накоплен опыт использования знаний в ведении определенных дел. Особенность данного явления заключается в *соединении* знания и практики, слова и дела и их включенности в процессы воспроизводства различных форм частной и общественной жизнедеятельности людей. Через «умею» выверяется как практическая пригодность знаний, так и способность людей на основе знаний развивать свои *деятельностные* технологии. Здесь становится видимой образованность, трудовая подготовленность разных категорий людей. В противном случае знания имеют умозрительный характер и не приносят обществу никакой пользы.

Явления «хочу», «знаю», «умею» относятся к явлениям *субъективного* характера и всецело зависят от человека, а внутри человека они вкладываются *культурой* — способом человеческой жизнедеятельности. Кстати, по содержанию этих явлений и их сочетанию можно немало узнать о человеке и в общем-то судить о нем по идеалам, ценностям и целям в жизни. В отличие от них, «могу» характеризует объективные моменты, связанные с существованием *ресурсов*, которыми располагают человек, коллектив, общество для исполнения «хочу», «знаю», «умею». Если нет ресурсов — материальных, технических, финансовых и т. д., то — увы! — и желания, и знания, и умение трудно применить на практике и добиться их реализации.

В реальной, а не виртуальной, надуманной жизни «могу» всегда *ограничено*, его не хватает либо весьма мало, оно порой не идет ни в какое сравнение с «хочу». Это только в сказках появляются золотые рыбки, говорящие щуки, скатерти с обильем всего и прочее «по моему хотению, по моему велению». В действительности не только того, что хочется, но и того, что нужно человеку, становится все *меньше*. Нет чистого воздуха и воды, все дороже становится «потребительская корзина», все труднее добывать сырье. Но люди, как околдованные, особенно те, кто имеет доступ к «кормушке» жизни (олигархи, руководители государственных и муниципальных органов, иные «начальники») стремятся ко все большему и роскошному *потреблению*, совершенно не задумываясь над тем, где брать необходимые ресурсы, да и над тем, что же получается вследствие безмерного потребления. Что: крепче здоровье, больше радости, сильнее чувства или еще что-то? *Не приня-*

то у нас над этим думать, хотя в художественной литературе встречаются описания подобной «дикости».

«Могу» важно во всем: при разработке концепций, законов, программ, проектов, конкретных управленческих решений и прочих намерений, ибо их *реализация* всегда определяется этим элементом. «Могу» есть главное в человеческой жизнедеятельности.

Элемент «делаю» также характеризуется *объективной природой* и *объективным выражением*. «Делаю» всегда предполагает определенные интеллектуальные, психологические и физические усилия человека (группы людей) с соответствующими ресурсами для производства *продукта*, нужного самим производителям либо для обмена с другими. «Делаю» предполагает существование его технологий, т. е. набора поступков, действий, операций, усилий, вследствие которых создается искомый (идуший от «хочу») *результат*. Все, что человек имеет и чем пользуется (за исключением, конечно, даров природы), было когда-то и кем-то *сделано*.

Но странная ситуация: ни в одном словаре нет определения понятий «дело», «делаю», «сделаю», хотя вроде бы все заняты тем, что делают какие-то дела. Наверное считается, что это столь понятно, что не требует объяснений. Между тем, как мне представляется, наоборот: именно «делаю» *нуждается* в четком анализе и оценке. Ведь на практике как самый простой человек, так и самый высокий начальник часто не могу вразумительно сказать, что и зачем он делает, какие он стремится получить результаты. Если не брать во внимание определенного человека (скорее всего, делают дело немало людей), а посмотреть на *совокупный результат* нашего общего, «все-народного» дела, скажем за XX век, то не думаю, что нам есть чем гордиться. Как в притче: «Пили, ели, веселились, подсчитали — прослезились».

Таким образом, управление пронизывает и *создает цель* названных элементов, соединяет их между собой и передает импульсы от одного к другому. Оно как бы невидимо, не наблюдаемо зримо, не поддается прямому ощущению, но уברי его, и разрушится соответствующая взаимосвязь и взаимозависимость. Каждый из элементов «хочу», «знаю», «умею», «могу», «делаю» останется сам по себе, со своим потенциалом

и невозможностью его реализовать. Один — хочет, другой — знает, третий — умеет, четвертый — может, пятый — делает, но нет сочленения, «передачи», а значит, какой-либо рациональности и эффективности.

«Таинственность», скрытность, погруженность в другие явления составляет основную *трудность* (проще — загвоздку) в выявлении, понимании и практическом использовании управления. Многим не только кажется, — они в этом убеждены, что главное *захотеть*, а там все осуществится само собой, чуть ли не автоматически. Тем более что шарлатанов по данному вопросу у нас всегда многовато. Я извиняюсь за грубое слово, но ситуация, которая, причем *давно*, существует вокруг управления, заслуживает еще более резкого обозначения. Практически на всех уровнях и направлениях общественной иерархии все ограничивается пределами «хочу». Скажем, хочешь быть здоровым, успешным, счастливым, иди к экстрасенсам, хиромантам, ясновидящим и прочим, плати, и они тебя «заговорят». И редко кто утверждает, что для того, чтобы быть здоровым, надо управлять собой: вести соответствующий образ жизни, ежедневно делать зарядку, ограничивать себя в еде, по-доброму относиться к миру и т. д. — рецепты известны, однако они не применяются. Почему? Потому, что тяжело, трудно, это же предполагает ежедневное и ежечасное управление.

Подобная же «метода» проявляется и в «высоком» мышлении. Здесь также уповают на определенное *магическое* слово, которое, будучи изобретенным, найденным, сразу же решит общественные проблемы. Таких слов в нашем лексиконе накопилось огромное число, мы с удовольствием ими играем, особенно приятно, когда их можно сталкивать между собой. Социализм — капитализм, революция — реформа, демократия — тоталитаризм, свобода — диктатура, несопротивление злу насилем (Л.Н. Толстой) — сопротивление злу силой (И.А. Ильин) и т. д. и т. п. Все сводится к словам, где на первом месте стоит «хочу»: хочу так видеть, писать, чувствовать; хочу, чтобы так было. Ведь положение в общественном мышлении определяют в основном, как я их называю, «асфальтные» интеллигенты, выросшие на Невском проспекте либо на Тверской, получившие с детства «аристократическое» образование

и воспитание, в условиях которого любые «хочу» без проблем осуществляются. Они в общем и целом и создали *граматизм* нашей истории.

В стране утвердилась *логократия* — *власть слова*. Как писал один философ: «...в рамках этой власти все происходит лишь для сообщения о происшедших событиях. И наоборот: происходит только то, о чем можно соответствующим образом сообщить. Что можно изобразить и что уже заранее имеет нужное изображение. Только совпадающее с этим готовым изображением имеет право на существование: и дела, и чувства, и мысли... Это фактическая идеократическая власть. Ибо власть ее над реальностью и над умами фантастична во всех смыслах»¹. Правда, он относит подобное к социалистической идеологии, хотя в реальности это касается *всего способа* российского элитно-интеллигентствующего мышления, поведения и деятельности. Сам социализм был одним из проявлений данного способа «хочу». Однако и его печальная история, и тяжелое наследие особо *ничему не научили, ничего не изменили*. Игра в многообразные «хочу» — гражданское общество, политические партии, законность, права и свободы и т. д. — продолжается. «Наверху» говорят о разных идеалах, ценностях и целях, на «середине» к ним относятся с иронией, ибо знают цену словам, «внизу» живут по существующим условиям и вообще не интересуются тем, кто, где и что «глаголет».

Поэтому в российском обществе управление *исторически* не пользуется должным вниманием, уважением и авторитетом. Им не занимаются, его не изучают и не осваивают. Более того, есть значительный слой людей — либералы, правозащитники, апологеты волюшки, нигилисты, анархисты и тому подобные, которые вообще выступают *против* управления, побуждения и принуждения к определенному поведению и деятельности. Они вроде бы с добрыми намерениями проповедуют такой стиль жизни, при котором практически *невозможно жить*. Стоит массово последовать их призывам, как останутся все системы жизнедеятельности людей. Кто обеспечен ресурсами и не должен их добывать (за него это делают *другие*), тот, безусловно, может рассуждать о полной свободе воли. И то

¹ Мамардашвили М. Как я понимаю философию? М., 1992. С. 136.

до поры, до времени, пока не прижмет. В конце-концов это личное дело каждого. Но когда речь заходит о существовании семьи, рода, коллектива, народа, общества и других явлений, творящих судьбы многих людей, здесь отношение к управлению должно быть совершенно иным.

Если мы действительно, т. е. в практическом действии «делаю», хотим жить в условиях благополучия, упорядоченности и безопасности, в стране суверенной и свободной, при реальном соблюдении наших конституционных прав и свобод, то просто обязаны *осознать управление* в качестве важнейшей *социально-философской категории*, определяющей как судьбы отдельных людей, так и любых их объединений. Оно находится (повторю) в ряду таких выдающихся явлений, созданных всей человеческой историей, как государство, право, производство, рынок, собственность, нравственность и другие, основано на них и содержит в себе многие их элементы.

В *интеллектуальном* (целеполагающем) аспекте управление опирается на сложный сплав «наука — опыт — искусство (талант)» и воспроизводит его.

Во *властно-волевом* аспекте управление образует мощный организующе-регулирующий *механизм* упорядочения и развития общественных отношений, видов деятельности, исполнения социальных ролей людей.

В *социальном* аспекте управление всегда связано с *потребностями и интересами* людей, их коллективов и общества в целом. Эта связь объективна, хотя субъективно может игнорироваться со всеми негативными, естественно, последствиями.

Не знать такое явление, не вскрывать постоянно его новые возможности, не использовать его потенциал в жизнедеятельности как отдельного человека, так и их разных объединений, весьма грешно, убыточно для себя, разорительно для страны.

Очерк 2. СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ (состав)

Понятие управления представляет собой всего лишь «ключ» для понимания, осознания и использования управления. Но любой ключ сам по себе не имеет какого-либо значения. Он становится важным, актуальным тогда, когда способен приводить в действие замок то ли двери, автомашины, то ли еще какого-то механизма, агрегата, изделия и т. п. «Ключ» выполняет *шифрованную роль* в определенном сложном (системном) образовании: техническом, технологическом, физическом и т. п., благодаря которой происходит такое соединение элементов, которое придает образованию функциональную (действующую) целостность. Дверь — открывается или закрывается, двигатель автомашины — заводится или выключается, ракета стартует и т. д. и т. п.

Между тем у нас и в теории, и на практике в большинстве случаев ограничиваются лишь фиксацией самого понятия управления, оставляя за скобками явления, отношения и процессы, которые, с одной стороны, *обуславливают*, формируют, определяют смысл и содержание управляющих воздействий, а с другой, сами выступают их *объектом*, воспринимают управляющие воздействия и реагируют на них. Из-за этого управление в массе своих элементов *оторвано* от жизни, часто демонстрирует *непонимание* происходящего в ней, во многом искусственно, надуманно и в общем оказывает в *позитивном* плане очень незначительное влияние на общественное и частное поведение и деятельность. В действительности преобладают анархия, стихия, случайность, стечение обстоятельств и фантастическая российская выносливость. До сих пор не наблюдается *серьезного отношения* к тем явлениям, отношениям и процессам, которые образуют в обществе управление.

Не могу в данной связи не вспомнить некоторые размышления И.А. Бунина (1870 — 1952), лауреата Нобелевской премии в области литературы: "Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь". Да и делали мы тоже только кое-что, что придется, иногда очень горячо и очень талантливо, а все-таки

по большей части как Бог на душу положит»¹. И, как правило, потому, что вместо серьезного осмысления управления за него выдавали и выдают разного рода сентенции (литературного свойства) и организационные «шоу». Без конца проводятся «мероприятия» и говорят, говорят. Съезды и форумы, саммиты и конференции, юбилеи и совещания, заседания и встречи и т. д. и т. п. А на них все обсуждают, дискутируют и обещают. Власть предрежающая таким образом показывают обществу свою активность, эрудицию и заботу о нем.

Подобное (а иначе и быть не может, поскольку вошло в привычку) имеет место и на *частном* уровне. Как описано в нашей богатой и критической (по духу) художественной литературе, и здесь любят посудачить, помечтать, повыстраивать «воздушные замки». Вспомним героев множества произведений: Чацкий, Онегин, Печорин, Базаров, Манилов, Обломов, Самгин и другие, которые были только нигилистами, но брали на себя миссию «переделывать» Россию. *Печально и больно все это знать*. Хотя не видно, чтобы после драматической истории XX века в отношении к управлению существенно что-то изменилось.

Во-первых, по-прежнему субъект власти (носитель, владелец права и способности распоряжаться ресурсами) рассматривается *вне взаимосвязей* с управлением. У нас есть министры, губернаторы, мэры, олигархи, председатели и члены правлений разных компаний, депутаты, генеральные и просто директора и немало других начальников. Есть то есть, но ведь они нужны не для властвования (этому давно и хорошо обучились, и все здесь известно), а *для управления*. Субъект власти тогда приобретает общественный смысл, органично включается в систему воспроизводства жизни, когда он *превращается в субъект управления* и входит в соответствующие взаимозависимости. Благодаря этому он становится звеном в реализации общественных закономерностей, обязательным и ответственным, начинает действовать в режиме *долженствования*.

Во-вторых, в работах по управлению, в том числе менеджменту (которых сегодня превеликое множество) и в большинс-

¹ Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М.; СПб., 1990. С. 102.

тве практических аналитических материалов почти нельзя встретить упоминание о том, а что *такое управляемые объекты*, чем же и для чего управляют субъекты власти, не говоря уже об их детальном описании. А ведь управлять приходится, в зависимости от потенциала власти, *общественными отношениями*, которые все более усложняются; *видами (технологиями) деятельности*, которые под влиянием многих условий и факторов постоянно меняются; *социальными ролями*, которые тоже активно преобразовываются. Все это необходимо знать, отслеживать, учитывать, вводить в управление. Конечно, бывают прозрения, попадают компетентные люди, поднимаются наверх порой профессионалы, однако не в таком масштабе, как это необходимо для страны.

В-третьих, часто управление рассматривается как нечто *самоглаголющее*, «могущественное», некий демиург, свободно вершащий любые дела. Мало где и когда исследуются *объективные условия и субъективный фактор*, которые на него влияют и в которых оно должно формироваться и осуществляться, те реальные *потребности и интересы*, на которые необходимо откликаться и обеспечивать их практическую реализацию. Отсюда совершается масса ошибок, заблуждений и наивностей. Субъекты власти доказывают свою безграничную силу («все можем»), управляемые объекты (люди, занятые воспроизводственной деятельностью, так называемый простой народ), наоборот, считают, что первые редко что знают об их жизни и не в состоянии ею рационально и эффективно управлять.

Поэтому, продолжая идеи и положения, высказанные в первом очерке, хотелось бы достаточно подробно показать, в чем состоит *структура управления*, или, иными словами, в чем его состав.

Прежде всего следует сказать, что управление всегда предполагает существование и взаимодействие (специально подчеркиваю) *трех явлений*:

субъект власти, он же субъект управления в случае, если пытается быть таковым (как известно из истории и житейской практики, не всегда субъекты власти управляли);

управляемый объект — вид деятельности, вследствие которого создаются материальные, социальные и духовные про-

дукты, обладающие потребительской ценностью, но который в своем функционировании часто зависит от субъектов власти — управления;

взаимодействия между субъектом управления и управляемыми объектами, в процессе которых формируются и реализуются управляющие воздействия (собственно — управление).

Именно и только три эти явления образуют *управленческую систему*, будь то система государственного управления либо малое предпринимательство, а также жизнедеятельность отдельной личности. Общество состоит из управленческих систем, больших и малых, многие из которых входят друг в друга или находятся в сегментных связях. На уровне *личности* либо микрогруппы субъект и объект управленческой системы как бы *сливаются*, что и позволяет говорить о ее *самоуправленческих свойствах*. Но и здесь, в простейшем случае, в конечной (или первичной) ячейке общества приходится различать *сознание* (разных его видов: от пустозвонства до глубокого мышления) и *практические* поведение и деятельность. Можно много рассуждать и обсуждать, поражать эрудицией, выдвигать обширные замыслы и этим ограничиваться, не приступая к реальному делу и не умея его выполнять. Поэтому любое самоуправление, кем бы и когда бы оно ни осуществлялось, обязательно предполагает *практическую активность*, приводящую к объективным *результатам*, имеющим потребительскую ценность, которую можно *измерить и оценить*. Иначе никогда не выплыть из бурного потока слов.

Сложнее ситуация складывается в больших (масштабных) управленческих системах, будь то государство или транснациональная корпорация (ТНК), а также, к примеру, ОАО «Газпром», РАО «ЕЭС России» и тому подобные. Они включают в себя много меньших, «дробящихся» управленческих систем и таким образом формируют многозвенную иерархическую структуру. В результате субъекты власти-управления больших управленческих систем значительно *отдаляются* от управляемых объектов и «общаются» с ними главным образом через посредствующие (нижерасположенные) субъекты управления. Непосредственно с управляемыми объектами взаимодействуют лишь *низовые уровни* субъектов власти-управления больших управленческих систем.

Проблемы управления, причем трудные, запутанные, плохо определяемые, в больших управленческих системах рождаются (в основе своей) их *иерархической структурой и посредствующими звеньями (субъектами)* управления. Последние очень часто общий интерес большой управленческой системы подменяют своим, *локальным*, реализация которого деформирует целостность, а внутри локального интереса соподчиненной управленческой системы на первое место ставят еще более узкий собственный — *частный интерес*. Из-за этого порой управляемый объект совсем забывается либо не принимается во внимание. Понятно, что при таком положении ожидать от управляемых объектов какой-либо инициативы, творчества, высокопроизводительного труда и других поступков и действий, ведущих к развитию соответствующих управленческих систем, вряд ли имеются основания. Разрыв, отчуждение, напряжение между субъектами управления и управляемыми объектами в любой управленческой системе закономерно ведет к снижению качества ее организации и функционирования, к отставанию, стагнации, а то и банкротству.

Между тем приходится постоянно *поражаться* тому, что традиционно внимание общественного сознания, в том числе управленческого и политического, сосредоточено главным образом на субъектах власти и управления и считает, что только посредством их преобразований (совершенствований, модернизаций, реформ и т. д.) можно поднимать страну, обеспечивать ее безопасность и благополучие населения. В управленческой системе каждое ее явление: «*субъект — взаимодействие (воздействие) — объект управления*» имеет свое общественное предназначение и выполняет применительно к нему свою роль. Ошибки часто вершатся из-за того, что об этом забывают.

О субъектах власти-управления существует значительная *информация*. О них говорят, пишут, их показывают, о них рассказывают и т. д. Интерес к жизни власть предержащих весьма подогрет и активно подпитывается. Другое дело, управляемые объекты, которые в чем-то рутинны, будничны, ординарны и не вызывают энтузиазма при их анализе. А ведь *исключительно* управляемые объекты производят продукты питания и одежду, строят дома и дороги, учат и лечат, созда-

ют иные продукты (товары и услуги), обеспечивающие нашу человеческую жизнедеятельность. Субъекты власти-управления через свои управляющие воздействия лишь *соучаствуют* в производственных процессах. При всей актуальности и важности их управленческих решений и действий последние все-таки *не содержат* в себе непосредственные потребительские ценности.

Поэтому мне представляется, что как все субъекты власти-управления, так и каждый человек, должны *знать* основные характеристики управляемых объектов, на них ориентироваться и их учитывать при формировании и реализации управляющих воздействий. Если, скажем, ты не знаешь, как действует тот или иной электроинструмент, то лучше не беришь его использовать. Сначала все изучи и опробуй. Так и применительно к любому производственному делу. За дилетантство приходится платить.

Итак, *управляемыми объектами* (для любых видов управления и в любых управленческих системах) являются те общественные отношения, виды (технологии) деятельности и социальные роли, которые *непосредственно связаны с воспроизводством материальных и духовных продуктов и социальных условий жизнедеятельности людей*. В общем это практическая реализация человеческого потенциала, которая регулируется сознанием, поведением и деятельностью людей и созданными *общественными институтами* (государство, собственность, право, производство, управление, нравственность, семья, этнос и т. д. и т. п.).

Следовательно, управляемые объекты — это *люди в деле*, что и позволяет фиксировать многие их характеристики. Логично, что, как мыслящие и действующие люди, они способны:

к *собственной самоактивности* (самоповедению, самодеятельности) на основе своих целей, интересов, мотивов, установок и т. д.;

к *целенаправленному содержанию самоактивности*, определяемому их потребностями и интересами, идеалами и ценностями;

к *адаптивности* (приспособляемости) к конкретным условиям и факторам их жизнедеятельности в соответствующем производственном процессе;

к определенному *самоуправлению* (сознательному саморегулированию) в складывающихся обстоятельствах жизни и производства;

к восприятию и освоению изменяющихся *объективных условий и элементов его субъективного фактора*, а также производственных технологий.

Конечно, разные управляемые объекты имеют разный набор и уровень названных свойств, но все они существуют и субъект власти-управления призван их знать и из них исходить при выработке и реализации своих управляющих воздействий.

Вследствие специализации, кооперации и интеграции производства и вообще человеческой жизнедеятельности управляемые объекты могут быть представлены в разном *объеме (либо уровне)*, который традиционно получает определенную *организационную форму* с соответствующим *правовым статусом*:

это человек (индивид), который в обществе является *личностью*, а в государстве *гражданином*, занятый производством потребительских ценностей как для себя, так и для других (рынка);

это *коллективы* и иные многообразные объединения людей, в которые они кооперируются для совместной производственной деятельности (современный труд имеет в большинстве коллективистски организованный характер);

это разные *общности* — территориальные (например, муниципальное образование, муниципальный район, субъект федерации), производственно-профессиональные (отрасли образования, здравоохранения, дорожного хозяйства, машиностроения, военной службы и т. д. и т. п.), создающие в совокупности общество.

Объем управляемых объектов имеет большое значение при создании (конструировании, моделировании) управленческих систем. Он определяет иерархическую структуру управленческих систем и конкретное построение соответствующих субъектов управления, кроме того, влияет и на *содержание* их функционирования (управленческих решений и действий). Одно содержание у управляющего воздействия на отдельного человека, другое — у управляющего воздействия

на коллектив (объединение) людей, что во многом зависит от его масштабов, третье — при управлении общностями, из которых каждая обладает какими-то специфическими чертами.

И еще один момент необходимо учитывать: *взаимосвязь управляемых объектов с разными сферами общества, которая формирует их разные видовые группы*. Поэтому на основе принятых представлений о сферах общества можно выделить *экономические, социальные и духовные управляемые объекты*. В известном смысле управляемыми выступают и *политические* процессы, но тонкость их положения в том, что, будучи управляемыми в определенных пределах, они часто сами являются субъектами власти-управления, создавая для них политическую среду их организации и функционирования. Разумеется, каждый вид управляемых объектов требует своего подхода, своей системы целеполагания, структурирования, деятельности и т. д. Ведь все они основываются на присущих только им закономерностях, потребностях, технологиях и других элементах.

Названные черты управляемых объектов весьма значимы для *управляющих воздействий*:

свойства управляемых объектов определяют *меру управляющих воздействий* субъектов власти-управления; когда свойства развиты, рациональны, требуется меньше управляющих воздействий;

объем управляемых объектов формирует *диапазон* управляющих воздействий; один — для отдельного человека, другой — для крупной общности;

вид управляемых объектов создает конкретную потребность в соответствующих *видах* управляющих воздействий. Учебный процесс, к примеру, должен управляться по-иному, чем производство самолетов или научные исследования.

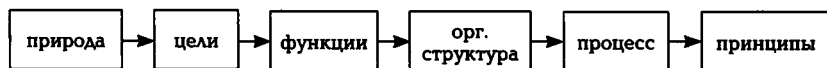
Каждый субъект власти-управления должен *знать*, какие же управляющие воздействия он призван формировать для обеспечения жизнедеятельности управляемых объектов. При ответственном управлении проблема эта не проста.

Второй вопрос, относящийся к структуре управления, связан с *основаниями, закономерностями, логикой проектирования и построения* субъектов управления. Из чего все-таки исходить? Из представлений начальников (первых лиц

субъектов управления), которые в нашей жизни (прошлой и сегодняшней) обычно начинают с того, что обдумывают свой (обслуживающий) секретариат, который стремятся сделать побольше, затем количество своих заместителей, число которых уже давно идет на десятки (13 – 15), потом аппарат для обеспечения их деятельности и т. д. «Семеро с ложкой!» Или есть какие-то *объективные* явления и взаимосвязи, которыми необходимо руководствоваться? Полагаю, что такие детерминанты (обусловленности) *существуют*, только их стараются не замечать, не знать, игнорировать и не использовать.

В настоящее время вообще стало модным *не обращаться к объективному*, к общественным закономерностям, жизненно проверенным формам, к доказательствам и аргументам. Даже в науке утвердился волюнтаризм, релятивизм, постмодернизм и прочие сугубо субъективистские, экзистенциалистские методы познания. Что же удивляться положению в политике, во власти и управлении? Здесь тоже у каждого своя правда, отчего в жизни правды становится все меньше и меньше.

Приведу логическую схему *последовательной взаимосвязи* элементов управления, которая может составлять основу построения субъектов управления в любой управленческой системе, и кратко опишу содержание названных элементов:

Природа характеризует сущность, состояние, свойства и другие черты *управляемых объектов*. При определении места и роли субъекта управленческой системы всегда надо исходить из тех управляемых объектов, которыми предполагается управлять. Тут разброс огромный: от творческих коллективов до учреждений уголовно-исполнительной подсистемы. Но для каждого субъекта управления природа его управляемых объектов является *конкретной*.

Природа управляемых объектов детерминирует *цели*, возникающие перед субъектами управления. Цели есть сложная конструкция. С одной стороны, они отражают закономерности, потребности и интересы управляемых объектов в

обеспечении и развитии их жизнедеятельности, а с другой, выступают идеальным образом (интеллектуальной моделью) того состояния управляемых объектов, которое рационально и эффективно с точки зрения субъектов управления. Они *сочетают* представления о должном и нужном управляемых объектов и субъектов управления и формируют *основное (стратегическое) направление* деятельности персонала управленческой системы. Ибо без рук, ног и всего тела человека голова его мало что может сделать, хотя в мечтах умеет подниматься и на «небеса».

Функции обозначают виды и содержание управляющих воздействий (выражаемых обычно в управленческих решениях и действиях), которые необходимо формировать и осуществлять (исполнять) ради достижения целей сохранения и развития управленческих систем. Особо *подчеркиваю*, что функции — это не формы или виды управленческой деятельности, управленческого труда и т. п., как традиционно утверждается в литературе по управлению, а результат такой деятельности (труда), который проявляется в том *реальном влиянии*, которое субъект управления оказывает на управляемые объекты.

Организационная структура раскрывает построение (формальную организацию) субъектов управления, призванное быть адекватным и достаточным для практической реализации целей и функций управления. Не случайно оргструктура в данной схеме помещена в качестве *четвертого* элемента. Это объективно, поскольку оргструктура должна создаваться для обеспечения жизнедеятельности определенных управляемых объектов, а не так, как у нас: сначала образуется субъект управления, а потом он «сочиняет» цели и функции своей деятельности и под них подбирает управляемые объекты. Как говорят в народе: «Телега впереди лошади».

Разумеется, оргструктура призвана действовать, проявлять активность, заниматься управленческой деятельностью. Поэтому пятый элемент схемы назван «*процесс*», так как именно в нем практически осуществляются формы, методы, стадии, технологии управленческой деятельности. Но не сами по себе, по собственному усмотрению персонала управления, и прежде всего начальников, а *объективно-обусловленно*, т. е. при-

родой управляемых объектов, целями и функциями управления и, конечно, потенциалом оргструктуры.

И, соответственно всему сказанному, *принципы* здесь тоже рассматриваются не как некие первоначала, основные идеи, сформулированные кем-то неизвестно почему, а в качестве *научных положений*, обоснованных вследствие познания объективных закономерностей, свойств и отношений, присущих природе управляемых объектов (а значит и общества), механизмам формирования и осуществления целей и функций управления, особенностям построения оргструктур (раскрываемых теорией организации) и способам их управленческой деятельности.

Данная логическая схема необходимо предъявляет к каждому человеку, который придумал что-либо предпринять либо чем-то (кем-то) управлять, следующие *требования*: разберись сначала в том деле, которое тебе нужно; выясни его содержание, формы, технологии (природу); определи тенденции его движения и твои возможности по его совершенствованию (цели); осмысли и просчитай, как ты будешь реально и конкретно делать дело (функции); взвесь свой и других потенциал реализации задуманного (оргструктура); тщательно спроектируй, каким образом, с помощью каких средств, форм, методов, ресурсов ты будешь идти к намеченной цели (процесс), и, наконец, поинтересуйся, а как же подобное дело где-то и когда-то делалось, есть ли уже его опыт, где и как он описан (принципы). И лишь потом, собрав всю информацию в *одну систему*, начинай действовать.

На внешний вид все просто, и любой читающий может сказать: ну, что тут особенного, зачем, мол, ломиться в открытые двери? Но если так, то должно же быть *объяснение* тому, что творилось и творится в нашей стране. Возьмем в качестве примера всего лишь одну проблему и рассмотрим ее исторически, хотя бы в пределах XX в. Проблема, актуальную для всех и каждого, — *продовольственную*. Ведь пища нужна всем: и людям, и животным. Но в нашей стране, огромной по территории и богатейшей по природным ресурсам (особенно если соотнести это с количеством населения), большинство людей и домашнего скота практически непрерывно находится на скудном питании, весьма далеко от оптимальных био-

логических норм. И почему? Всего лишь по *одной причине*: сознанию, поведению и деятельности субъектов власти.

В 1861 г. крестьян освободили от крепостной зависимости без земли, что и породило народников, эсеров, анархистов, разночинцев и иной неприкаянный «люди». Последствия этого осознал П.А. Столыпин (1862-1911), который попытался предоставить многим бедолагам свободные земли на юге и востоке страны и переселить их из зоны Нечерноземья.

Все революции проходили с требованиями надела земли, Октябрьская сказала: «Земля — крестьянам». Они обрадовались и давай трудиться. Но прошло чуть более 10 лет, и «наверху» решили, что надо забрать землю и всех объединить в колхозы (совхозы). Кто не захотел, а это были успешно трудившиеся, тех объявили «кулаками» и начали репрессировать. Кровью людей и развалом сельского хозяйства далась коллективизация. Занялись колхозами (совхозами): передали им технику от МТС, начали их укрупнять, пошла механизация, химизация, строительство животноводческих комплексов, агрогородков, сельскохозяйственных станций, делалось многое другое по их развитию и повышению продуктивности пашни и производительности труда. Появились первые позитивные результаты.

Но разрушили Советский Союз, социализм, и демократы, пришедшие к власти, посчитали необходимым ликвидировать колхозы (совхозы) и заменить их фермерскими хозяйствами. В 90-х гг. XX в. все информационные источники демократов-либералов буквально вопили о том, что «фермер накормит Россию». Прошло 15 лет, и оказывается, что Россию кормят нефть и газ, за выручку от которых *импортируется* до 50% разных видов продовольствия, что уже опасно в стратегическом аспекте. Пришлось формировать национальный проект «Сельское хозяйство», правда, с финансированием весьма малым по сравнению с потребностями и возможностями страны. Видимо, мы еще долго будем жить за счет ввоза продовольствия, имея около 50% мировых площадей чернозема.

Нельзя не сказать и о том, что на такое состояние продовольственного обеспечения страны весьма повлияла и наша элитная общественная мысль. В созданной ею литературе крестьянин-полевод и животновод, строитель и мастер на все

руки, хранитель семейных традиций и принципов религий, носитель других ценностей, — низведен до образа мужика-заблюдки, лентяя и проныры. Его лишили качеств достоинства, гордости, чести. Постоянно ему указывают, что он должен *вкляивать* за «красивые глаза» и еще с удовольствием кормить сонм элиты, богемы, начальников и иных «необыкновенных» личностей — помазанников Божьих. Ведь крестьянин всего лишь управляемый объект, не представляющий из себя ничего заслуживающего уважения.

Аналогичные сюжеты можно привести по любым иным отраслям всей нашей воспроизводственной системы: промышленности, строительству, транспорту, здравоохранению, образованию, науке, даже «низовым» должностям в государственном аппарате. Везде ситуация одна и та же: *колоссальный разрыв* между субъектами власти и управляемыми объектами. *Юридически* вроде бы там и там находятся люди с одинаковыми *конституционными* правами и свободами человека и гражданина, однако мостки через вековую пропасть прокладываются с трудом, что и делает Россию слабой «внутри» — в структуре своих общественных отношений.

Поэтому вынужден осветить еще один — *третий* — вопрос структуры управления, который можно назвать «*социальный механизм формирования и реализации управления*». В литературе по управлению распространен один стереотип рассмотрения его проблематики, в соответствии с которым все начинается и часто исчерпывается *описанием управленческих решений*. В центр внимания ставятся вопросы их подготовки и принятия, иногда, вдобавок, юридические требования к ним. По такому стереотипу написаны сотни книг. Появилось множество «специалистов», особенно из преподавателей вузов, по технологическим элементам управленческих решений. Порой удивляешься смелости авторов: никогда ничем не управляли, но прекрасно знают, как нужно готовить и принимать управленческие решения, да и совершать управленческие действия.

В итоге получается, что главное в управлении состоит в принятии управленческих решений, а само принятие их зависит лишь от субъектов власти — их воли и желания. *Легковесность* невероятная, создающая впечатление, что субъекты власти

свободны в своем поведении и деятельности и могут творить все, что им видится, представляется либо выгодно. Из управленческой деятельности практически *изымаются* какие-либо *детерминации, обусловленности, ограничения*. Неслучайно и среди людей порождены иллюзии о всемогуществе власти, важно только ее о чем-то упросить. Цена подобных заблуждений — масштабный волюнтаризм в нашем управлении всех видов со всеми его отрицательными последствиями.

На самом же деле, если подходить к управлению *ответственно*, все гораздо сложнее. Уже отмечалось, что любая управленческая система включает в себя три элемента и основывается на управляемых объектах. Уже говорилось и о том, что построение субъектов власти-управления в управленческих системах опирается на природу управляемых объектов и из нее должно исходить. В управлении существует сильнейшая *зависимость* субъектов власти от управляемых объектов в том случае, если они действительно являются субъектами управления.

Следовательно, когда субъекты управления выражают свою активность и силу в управленческих решениях, то их *связанность* с управляемыми объектами никуда не исчезает, она не только остается, но и определяюще *влияет* на актуальность, содержание и характер управленческих решений. Задача субъекта управления всегда состоит в том, чтобы понять, освоить запросы и закономерности управляемых объектов и их воспроизвести в своих управленческих решениях и действиях.

Механизм формирования и реализации управления схематически можно представить в следующем виде:

При анализе этой схемы важно запомнить, что под элементом «*потребности*» подразумеваются именно и главным образом потребности *управляемых объектов* в управляющих воздействиях (в предполагаемых управленческих решениях и действиях). Эти потребности имеют во многом объективный характер, поскольку связаны с организацией и осуществле-

нием различных видов человеческой *производственной* деятельности. И суть их не в том, чтобы деятельность была, а в придании деятельности *качеств производительности, рациональности и эффективности*. Персонал управляемых объектов может по-разному относиться к потребностям в управляющих воздействиях, может их и не желать (без них ему легче). Субъект управления *должен уметь* обнаруживать, выявлять такие потребности и, опираясь на них, управлять соответствующими явлениями, отношениями и процессами.

Следующий элемент характеризует потребность в управляющих воздействиях, которая уже *осознана* управляемыми объектами и предстает в виде «*интереса*», показывающего, в свою очередь, их отношение к субъектам управления. Здесь на первое место выдвигается близость, совпадение, понимание интересов субъектов власти-управления и управляемых объектов в *общих результатах* жизнедеятельности созданных ими управленческих систем. Чем достовернее знает субъект власти-управления самочувствие, настроение, мотивы людей в управляемых объектах, тем легче ему воспринимать их интересы в управляющих воздействиях. Управленческие решения и действия приобретают качества обоснованности и рациональности. В то же время субъектам управления необходимо постоянно «работать» с интересами персонала управляемых объектов и доказывать ему справедливость и актуальность своих управляющих воздействий. А практических вариантов может быть множество, поскольку все зависит от обеих взаимодействующих сторон.

Надо сказать, что именно во взаимодействии происходит формирование третьего элемента — *целеполагания* — «древа целей» для управленческой системы. Хочу особо отметить, что речь идет не только о целях, которые выдвигает субъект власти-управления, о чем пишут в большинстве книг, а о целях *для всей управленческой системы*, ибо их непременно придется выполнять ресурсами и трудом управляемых объектов. Последний момент часто не принимается во внимание, отчего и возникают ситуации, когда субъекты управления «строчат» свои программы, планы, реформы и прочее, а управляемые объекты на них не реагируют, по меньшей мере они их не вдохновляют и не мобилизуют. Конечно, цели для управленческой

системы призваны *продуцировать* субъекты власти-управления, но необходимо их *согласование* с теми целями, которые разделяются и поддерживаются управляемыми объектами.

Если с этим считаться и этому следовать, то четвертый элемент — «решения» — приобретает черты *объективной обусловленности, субъективной обоснованности и социальной эффективности*. Их констатирующая и постановляющая части содержат в себе в таком случае информацию не только о мнениях, суждениях и желаниях субъектов власти-управления (чего у нас часто и многовато), но и о *реальной* жизнедеятельности, потребностях, интересах и целях управляемых объектов. В результате субъект власти-управления ограничивает свой волюнтаризм, усмотрение, эгоизм и превращается действительно в того, кем он должен быть по определению — в *фактор развития*. Он, опираясь на свои знания, опыт, ресурсы, иницирует, вскрывает резервы, стимулирует производительное поведение и деятельность людей. Страна крепнет, территория обустроивается, растут благополучие и культура населения.

Нахождение *источника* управленческих решений в *управляемых объектах* имеет важное значение и для последующего определения их рациональности и эффективности. Один подход получается, когда анализируется и оценивается управленческая деятельность в субъектах власти-управления, и другой, если в анализы и оценки включать управляемые объекты и таким образом определять в целом *управленческую систему*.

Предложенная схема четко ориентирует предназначение и смысл управленческих *действий* (пятый элемент), которые всегда должны быть связаны с целеполаганием управленческой системы и практическим исполнением принятых управленческих решений. В данном контексте сами управленческие действия необходимо рассматривать именно как *управленческие*, т. е. создающие и обеспечивающие реализацию управляющих воздействий. К сожалению, у нас любят проводить непрерывные заседания, совещания, конференции, пятиминутки, летучки и иные организационные мероприятия, на них тратится уйма времени и материально-финансовых ресурсов, в них участвует в общем масса людей, но не видно что-то, чтобы от них был какой-то значимый управленческий толк.

Только постоянная связанность их с целями и решениями, подчинение их воплощению, способно изменить ситуацию «заседательства».

Из того, что сказано в данной схеме о всех пяти ее элементах, логически следует, что элемент «*результаты*» имеет особое *содержание*. Он фиксирует, раскрывает и характеризует общий, лично и общественно значимый *итог жизнедеятельности управленческой системы*, ее *вклад* в обеспечение потребностей людей. Это — не количество решенных и проведенных «мероприятий», командировок, проверок и отчетов, встреч, бесед и проводов у субъектов управления, а *реальное состояние и развитие* управляемых объектов, что и поддерживает уровень обустройства территории и благополучия ее населения. Такие *объективные* результаты легко обнаруживаются, если внимательнее присматриваться к происходящему вокруг и течению жизни. Скажем, количество и качество товаров и услуг, соотношение роста цен и оплаты труда, степень упорядоченности и безопасности жизни и множество других критериев и показателей, окружающих каждого из нас. Грустно, что в нашей личной, коллективной и общественной практике не любят *акцентировать* на результатах той или иной деятельности, особенно управленческой. Преобладают обещания, задумки, планы и т. п., что, разумеется, важно, но надо постоянно фиксировать, что же *на самом деле* получается из этого.

«*Результаты*» служат также обратной связью по отношению ко всем другим элементам, поскольку они позволяют выявлять, что послужило *источником и ресурсом* достижения поставленных целей (правильное определение потребностей в управляющих воздействиях, адекватное использование интересов, обоснованность целей, актуальность и сила решений, продуманность действий) либо, наоборот, помешало этому, привело к отклонениям, сбоям, провалам. Здесь нужна активная и мужественная аналитическая работа.

Схема показывает, наконец, что социальный механизм формирования и реализации управления с прямыми и обратными связями задает структуре управления свойства *кругооборота* («колеса»), который, прокручиваясь ежедневно, должен оставлять после себя все более высокий уровень эко-

номического, социального и духовного развития каждой управленческой системы, а следовательно, всего общества.

И *четвертый* вопрос, касающийся структуры управления, следует внимательно осмыслить. Причем вопрос, который как правило не ставится: в массе публикаций опускается как нечто, не имеющее значения. К структуре управления принято подходить как к явлению абстрактному, равно применимому везде. Вот и пытаются заимствовать структуры управления то в Европе, то в США, то в Японии, то еще где-то. Да, логические схемы, типовые модели, характерные формы можно изучать где-угодно и ими руководствоваться. Но по ним *нельзя* строить конкретные управленческие системы со всем набором их элементов. Для этого необходимо учитывать *действующие объективные условия и субъективный фактор*, в рамках которых и с потенциалом которых приходится организовывать и осуществлять жизнедеятельность соответствующим управленческим системам. О таких условиях и факторе и пойдет речь.

Кажется аксиоматическим тот *факт*, что в разных местностях страны (и, конечно, планеты Земля) людей со дня их рождения окружает *разная*, часто уникальная, *среда обитания* со своими особенностями географии (горы, степи, реки, морские берега и т. д.), почвы и климата (сравним: Север и Юг), растительного и животного мира, поселений (город, село), производственной, социальной и коммуникационной инфраструктуры (заводы, шахты, сельхозпредприятия и т. п., школы, вузы, дороги, транспорт и многое-многое другое), духовной жизни, ее традиций, обычаев, верований, информации, других явлений, отношений и процессов. И это все явления, отношения и процессы, которые существенно *влияют* на управление и его структуру. Ведь управление формируется и осуществляется не в каком-то «эфире», «торсионном» поле, а в реальной системе взаимодействия природы, человека и общества. Странно только то, что ни в одной публикации по управлению об этом не причитаешь. Если и пишут, то специалисты по другим отраслям знаний: географы, почвоведы, социологи, литераторы. Особо характерны в этом отношении работы по менеджменту: они излагают материал так, как будто *среда ведения предпринимательства* что у нас, в России, что в Японии или США одинакова, тождественна.

Пора все-таки различать технологии и технические средства ведения тех или иных дел, к примеру, правила рынка, международного общения, требования к качеству товаров и услуг и многие иные стандарты и параметры, и те объективные условия, в которых все это делается, и тот субъективный фактор, который все и вершит.

Поэтому, как и по предыдущим вопросам, хочу весьма кратко и схематично предложить иерархию и описание разных объективных условий и элементов субъективного фактора с тем, чтобы в своей практической жизни каждый обращал на них внимание и их учитывал, несмотря на огромный научно-технический и информационно-технологический прогресс, а также развитие глобализации.

Прежде всего особое значение принадлежит *природо-географическим, почвенно-климатическим условиям*, которые существуют в каждой конкретной местности. Пока еще никто не отменял морозов и жары, ливней и засухи, наводнений и землетрясений, значения воздуха и воды для всего живого и прочих явлений, которыми благодатно или разрушительно одаривает нас природа. А уж на территории России, на ее просторах, эта природа делает нашу жизнь весьма и весьма своеобразной, причем практически по всем ее проявлениям. Чего стоят только перепады температуры в 60 – 70°C (– 35°C зимой и + 35°C летом) для всего, в том числе здоровья и самочувствия человека?! Разве об этом можно забывать, хотя в то же время нельзя преувеличивать действие таких условий и на них списывать неграмотность, безделье и иные свои пороки. А то у нас сложилась практика, при которой то недоумевают ранней или холодной зиме, то не укладываются в сроки полевых работ, то обвиняют природу (или погоду) в вечно ремонтируемых дорогах, то еще что-нибудь. Как будто неведомы реалии и их свойства?

К следующему ряду относятся *естественно-общественные условия (и формы) жизнедеятельности людей*, которые сформировались исторически в процессах и вследствие длительного взаимодействия человека и природы. Их объективный характер определяется тем, что они вызваны требованиями природы и создавались адаптационными свойствами людей. Ведь если не подходить к жизни и ее истории волюн-

таристски, умозрительно, то следует признать что многое в ней происходило *по каким-то основаниям и причинам*. Конечно, везде соучаствовал талант и труд человека, но почему-то именно таким образом, что дал те результаты истории, которые мы знаем и которыми пользуемся. Разве география расселения людей (у моря или в горах), типы градо- и домостроений (кремль, русская изба), технологии земледелия, виды коммуникаций (морские, речные, сухопутные), ценности общежития, традиции, обычаи и т. д. (вспомните и посмотрите на страну и вокруг себя) не свидетельствуют о том, что в конкретных природно-географических и почвенно-климатических условиях люди находили, берегли и воспроизводили *формы своей жизнедеятельности*, обеспечивающие их существование?

Кстати, именно эти естественно-общественные условия, действующие постоянно и активно, явились *одним* из оснований возникновения и развития этносов, народов, наций. Достаточно посмотреть на горы, как нетрудно понять, почему их пространства, порой незначительные, населяет так много разных народов. Везде природа требовала своих форм приспособления к ее условиям.

Конечно, современная жизнь многое *типологизирует* (глобализация, информатизация, технологизация и т. д.), но нельзя не видеть и того, что в ней также проявляется тенденция к сохранению, а кое-где и к восстановлению *давних* естественно-общественных форм человеческого существования. И чем настойчивее попытки унификации, тем активнее обращение к *самобытности* и ее истокам. Диалектика в данных процессах сложная и влияет на управление.

К ряду объективных условий следует отнести и *культурно-историческое наследие*, которое у каждой страны и у каждого народа во многом *уникально*. Оно создавалось тысячелетиями, и сегодня мы воспринимаем его как объективную данность, которую надо хотя бы знать и понимать. «Граждане мира», нацеленные на какой-то универсум, часто отрекаются от своей национальной культуры либо относятся к ней пренебрежительно. Таких людей немало и у нас в России, которые практически не уважают и не любят свою Родину-Отечество. Именно из их среды выросли *радикалы*, которые в 1917 г. ввергли страну в одну пучину, а в 1991 г. — в дру-

гую. Последствия отрицания своей самобытности очень и очень тяжелы. Между тем, если внимательно присмотреться к мироощущению «граждан мира» с их радикализмом по отношению к российской истории и бытию, то можно легко обнаружить всего лишь поклонение англо-американским ценностям, а еще проще — возможностям больших сумм долларов и фунтов стерлингов.

Культурно-историческое наследие каждого народа — это его *богатство*, основа его сущности и источник силы. И его сохранение вовсе не противоречит современным процессам. Наоборот, широкий обмен достояниями разных национальных культур позволяет оптимально решать проблемы жизнедеятельности людей разных местностей. А наша страна в этом отношении неповторима. За свою историю она многое взяла у Скандинавии (через «варягов»), Византии (через христианство), восточных народов (начиная с времен Чингисхана) и, конечно, западных народов (в течение почти всей своей истории). Это величайшее сокровище для всего мира требует разумного отношения к нему со стороны управления и умелого его использования в интересах развития страны.

Кроме того, в качестве *объективных оснований* можно назвать и иные явления. Перечислю их:

производственная база с техническим оснащением и технологией, которая находится в ведении управленческих систем и ими используется для производственных целей; бесспорно, желательно иметь новейшие технологии, но чрезвычайно важно уметь работать и на том, что имеется;

система экономических отношений с ее правовым регулированием, которая существует на каждый конкретный момент времени, а то порой годами говорят о ее недостатках и необходимости совершенствовать, однако существующий потенциал не вводят в действие; с другой стороны, у нас безответственно относятся к этой системе и все ее переделывают, да так, что мало кто в ней разбирается, — нет устойчивости и гарантированности;

состав и состояние объектов социальной инфраструктуры, которые в каждой местности и по отношению к каждому человеку довольно различны; строительство таких объектов — дорогостоящее дело, и обслуживание людей во многом

зависит от того, как используется то, что есть в наличии, между тем порой в их массе не видно элементарного порядка;

материальная основа духовного потребления, которая формировалась веками и требует бережного отношения к себе; у нас просто страсть на то, чтобы ломать прошлое, не задумываясь над его культурно-историческом значении; нельзя не видеть, что материальной основе духовности уделяется мало внимания и ресурсов;

научно-техническое развитие, на результаты и уровень которого приходится опираться всем управленческим системам; наука творит постоянно, но необходимо полноценно использовать хотя бы те знания, которые доступны, как бы окружают нас, — здесь парадоксов тоже много: за спорами об относительности научных истин, о пересмотре методологии исследований и прочее-прочее не вводится в практику хорошо известное и выверенное.

Разумеется, можно назвать и многое иное объективное, что может выступать основой применительно к конкретной управленческой системе, ее субъекту и объекту. Люди «стоят» на объективном и одновременно его непрерывно воспроизводят. То, что сегодня было субъективным и зависело от нашей воли и труда, завтра превращается в объективное, которое нельзя никак изменить. Поэтому в управлении *решающей силой* всегда выступает субъективный фактор, который, кстати, по отношению к конкретному субъекту управления тоже имеет *объективный* характер.

Субъективный фактор страны — это совокупная энергия сознания, поведения и деятельности ее населения, направленная на его сохранение и воспроизводство, другими словами, на обеспечение *целостности, суверенитета, безопасности, упорядоченности и развития* общественной и частной жизни личности, общества и государства. Субъективный фактор творит историю и každодневное бытие, и тут, как говорится, «нечего пенять на зеркало». Что и как мыслим и делаем, так и получается. Правда, зависимости здесь очень сложные. Бывает, одни совершают глупости, предательство, а другим приходится за это расплачиваться жизнью.

Управление есть *часть возможностей и действия* субъективного фактора, причем, если быть справедливым, то незна-

чительная. В субъективном факторе проявляют себя обширные стихийные, спонтанные, случайные, самоуправленческие механизмы, на него влияют объективные условия (как позитивные, так и негативные), он зависит от генетической, исторической, национальной и межнациональной традиции и многих других обстоятельств. Его изучением веками заняты естественные, социальные и гуманитарные науки, данными которых должны пользоваться субъекты управления.

Для них важное значение имеют следующие *характеристики субъективного фактора*:

развитость, что выражается в уровнях образования, профессиональной подготовки, навыках и умениях людей, в состоянии их демографии, здоровья, семейных взаимосвязей, культуры, нравственности и в других критериях и показателях;

организованность за счет внутренних сил, действующих помимо управления: религия, мораль, правосознание, традиции, обычаи, менталитет и т. д.;

содержание интересов и целей, которые свойственны людям и преобладают среди них; именно они движут субъективный фактор и дают результат его активности;

отношение массы людей к социальным нормам, которые необходимо устанавливаются в современной биосоциотехносфере с целью сохранения каждой из взаимодействующих сторон и, главное, человека в них;

связанность мотивов и стимулов поведения и деятельности людей в общественной, коллективной и частной жизни, раскрывающая источники активности субъективного фактора.

Эти характеристики субъективного фактора в их конкретном измерении необходимо изучать, понимать и использовать при конструировании (формировании) управленческих систем и обеспечения их рационального, производительного и эффективного функционирования.

Таким образом, структура управления образует сложное явление со значительным числом элементов с их внутренними и внешними взаимосвязями. Ее нельзя сводить лишь к построению субъекта управления, даже такого вида, как государственное управление, с его сугубо организационными, правовыми и кадровыми признаками. Вниманием должна

охватываться вся управленческая система, которой управляет тот или иной субъект власти-управления. Особо важно учитывать *параметры управляемых объектов*. Сам субъект управления тоже надо выстраивать в определенной логической системе элементов. Функционирование любого субъекта управления предполагает его ориентацию на социальный механизм формирования и реализации управления. И, наконец, следует всегда учитывать объективные условия и качества элементов субъективного фактора, в рамках которых приходится действовать управленческой системе и ее субъекту управления.

Соответствующие *требования* к структуре управления необходимо предъявлять как к деятельности отдельного человека, так и любых его коллективных и общественных образований (организаций). Тогда будет меньше ошибок, иллюзий, «пустых» структур, непонятных преобразований и многих иных негативизмов, которые все еще присущи нашей жизни, нашим мыслям, поступкам и делам (о чем следующие очерки).

Очерк 3. СОЗНАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ (интеллектуальный аспект)

Мы знаем (это доказано историей, наукой, искусством и практикой всего человечества), что сознание людей (в их совокупности) обладает огромным потенциалом и неисчислимыми эвристическими способностями. Оно формирует идеалы и ценности, цели и мотивы, которыми люди руководствуются в жизни. Посредством него потребности превращаются в интересы и *двигают* поведение и деятельность людей (как отдельных, так и их объединений). Прежде всего сознание выступало и выступает инициатором и мыслительным *творцом* всего, что сегодня именуется искусственной, «второй» природой, цивилизацией. Все, хорошее и плохое, созидательное и разрушительное, что было в прошлом и наблюдается в наши дни среди людей, всегда *продоцировалось* сознанием.

Наличие сознания у людей является *предпосылкой, условием и движущей силой* управления. Как уже отмечалось, только там и тогда можно говорить об управлении, когда существует и действует сознание. Оно все определяет в управлении: от целеполагания до оценки эффективности. Но постоянно стоит вопрос: *а что известно* нам о сознании вообще и, более конкретно, о его связи с управлением и влиянии на него? Между тем на такой вопрос очень трудно отвечать, особенно если следовать не полетам свободной мысли, которые бесконечны, а *реалиям жизни*, тем явлениям, отношениям и процессам, которые ее отличают и характеризуют.

Дело в том, что говорить и писать, а при современных средствах — и показывать можно что угодно, причем, как обычно, весьма и весьма далекое от условий и обстоятельств, потребностей, интересов и целей *практической жизнедеятельности* людей. Однако океан пустых слов, звуков и образов, заполнивших чуть ли не все информационные средства и сети, почему-то вовсе не объясняет внятно происходящего как на планете Земля, так и в нашей родной России. Всегда и везде вроде бы реализует себя сознание. Но почему-то именно *таким образом*, который создает действительность, часто резко отличающуюся от провозглашаемых идейно-нравственных канонов.

Поэтому необходимо, хотя бы кратко, осветить некоторые аспекты данного вопроса, поскольку *желание управлять* (своим поведением и деятельностью либо поведением и деятельностью других) заставляет *каждого* иметь представление о сознании и его свойствах, отражающихся в управлении.

Сознание есть *продукт активности* человеческого мозга, что достаточно исследовано историей, медициной, психологией, социологией, юриспруденцией и другими отраслями научного знания. Правда, имеются и иные подходы, ищущие истоки сознания во Вселенной, в Космическом Разуме, в провидениях Бога и еще где-то. Порой сознание находят и в поведении животных. Здесь тайн много, но управление как практическое дело жизни людей требует *«приземления»* поисков. Непостижимым пока является и мозг человека, который одновременно и как бы параллельно выполняет многообразные функции: *физиологические*, обеспечивающие в целом жизнедеятельность организма человека (прежде всего через нервную систему); *психологические*, поддерживающие взаимодействие человека с окружающим миром (средой обитания) на чувственном уровне («душа», эмоции, настроение и т. д.); *логико-аналитические*, формирующие, собственно говоря, процесс мышления-познания, осмысление, описание местопребывания человека во Вселенной и на Земле, и *устроение*, в соответствии с уже понятым, своей частной и общественной жизни (духовность, наука, нравственность и т. д.).

К собственно сознанию относятся больше всего логико-аналитические функции мозга, что и выводит его на самую возможность творения и использования управления. Вместе с тем *многофункциональность* человеческого мозга, придающая единство телу, душе и духу или, иными словами, телесности, эмоциональности и разумности человека, позволяет полагать, что сознание основано не только на мысли либо выражается в ней, но и *соединяет в себе идеальное и материальное*. Ведь не может же сознание человека существовать вне его мозга, а мозг — вне тела. Более того, само мышление человека во многом зависит от здоровья его тела и состояния души. Присмотритесь внимательно к текстам научных и художественных произведений, и вы сами обнаружите такую взаимосвязь. Почему одни злобствуют, ненавидят, все критикуют, а другие относятся

к жизни взвешенно, спокойно, с пониманием ее сложностей? Гармония тела и души порождает и гармонию мышления.

То же можно сказать и об *объективированном* (культурно-историческом) сознании, которое воплощено в языках, религиях, традициях, обычаях, архитектуре, технических изделиях, сооружениях, технологиях, образе жизни, социальных нормах, институтах, менталитете и т. д. и т. п. и является опорой и основанием для любого личного сознания. Именно *материализация* сознания открывает возможность познания прошлого и созидания будущего. Существует еще не совсем исследованная диалектика взаимосвязей и взаимозависимостей между объективированным и субъективным сознанием (отдельного человека).

На *взаимозависимостях в сознании идеального и материального* хочу особо заострить внимание читателей, ибо в последние десятилетия под маркой борьбы с социализмом и преодоления его последствий были по сути преданы забвению диалектика, материализм, объективно обусловленная методология познания, теория человека и другие интеллектуальные явления, которые, кстати, неплохо разрабатывались при советском строе¹. Многие так называемые продвинутые «интеллектуалы» так перевернулись, что отказались даже от самих себя. Фантастическая ситуация! «Сделали» так, как будто предшественники и идеологи социализма, которые *никогда не имели никакого отношения к власти*, которая творила часто безобразия, а то и преступления, виноваты в том, что и как происходило на практике. И отказались от онтологии, гносеологии и методологии анализа и оценки жизненных процессов, от диалектики, логики и теории познания. Причем отказались не только от того, что говорилось, писалось и показывалось, т. е. от идеологии, пропаганды и социалистического «реализма», но и от объективно сделанного и материализованного в производственной системе, оборонном комплексе, науке, образовании, здравоохранении, сельском хозяйстве, социальной инфраструктуре и т. д.

А что взамен? Что *приобрели* мы в области сознания, не говоря уже о других областях, что будет показано не раз в данной

¹ См.: Дубинин Н.П. Что такое человек? М., 1983; Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М., 1972; Кон И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М., 1984; Фролов И.Т. Перспективы человека. М., 1979 и др.

книге? Ведь перемены в сознании всегда нужны *для чего-то*. Мы что, получили новое миропонимание и мирочувствование (имею в виду 95% населения, а не 5% присвоивших богатства страны)? Нам дали достоверное знание, особые методы и процедуры исследований, преподнесли современные технологии или еще что-то? Перемены в нашем сознании произошли в унисон с мировыми, и глобализация, информатизация и технологизация нас чем-то благодетельствовали? Увы, нет!

Вновь сработал тот стереотип, который уже 300 лет довлеет как злой рок над нашим сознанием. В книге, опубликованной в 1905 г., русский мыслитель писал: «...Съ Россіей такъ и было за эти 200 летъ, и она даже прославилась на весь міръ своимъ «обезьянничаньемъ» Европы. Сверхъ того, хотя у насъ проблески самосознания проявились очень рано, но подавляющее вліяніе европейской культуры породили въ образованномъ классе — особенно въ такъ именуемой себя «интеллигенціей» послѣднего періода — совершенно рабское усвоение и форм и духа «общечеловеческой культуры», яркій космополитизмъ и даже отрицаніе всего своего»¹.

Неслучайно многие почти в то же историческое время подчеркивали массовое *заимствование и подражание*: «...шелленгизм, гегелианство, сен-симонизм, фурьетизм, позитивизм, марксизм, ницшеанство неокантианство, Мах, Авенариус, анархизм — что ни этап, то иностранное имя»². *А что изменилось за сто лет?* Что теперь мы можем приобрести на Западе, куда направлены все вожеления нашей элитной интеллигенции? Воспользуюсь уже опубликованным в одном учебном пособии: антропологизм, историзм, механицизм, натурализм, неомарксизм, органицизм, позитивизм, психоанализм, психологизм, структурализм, сциентизм, феноменологизм, формализм, функционализм, холизм, эволюционизм и т. д. Одного только позитивизма насчитывают *двенадцать* разновидностей³. Можно назвать и множество других «интеллектуальных» взглядов, подходов, концепций, из которых многие имеют лишь то научное

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб, 1992. С. 304 — 305.

² Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 85.

³ См.: Философия социальных и гуманитарных наук. М., 2006. С. 73 — 78, 382.

значение, что они созданы на Западе. Но ведь люди обладают сознанием и на Востоке, Юге и других континентах и тоже как-то осмысливают, оценивают и регулируют свою жизнедеятельность. Тем более, что в период господства постмодернизма каждый может утверждать то, что Бог или дьявол на душу положил. По Конституции РФ, как и иных демократических государств, «каждому гарантируется свобода мысли и слова» (ст. 29) да и иные права и свободы. Следовательно, этим и пользуются многие пишущие, говорящие и показывающие.

Еще один пример того, как, следуя новым веяниям, определяется суть гуманитарного знания: «Теоретичность гуманитарного знания конституируется его генетичностью — выявлением существенно необходимых связей в историко-диспозиционных рассматриваниях при содержательно-диахроническом задании причинно-следственных цепей и их мотивационно-смысловом отслеживании»¹. Я признаюсь читателям, что не могу расшифровать данный набор слов и надеюсь, что может быть хоть среди вас найдется кто-то, кто это сделает. По крайней мере *понятно одно*: из словесных миражей, идеограмм, аббераций, чужих заимствований (которые уже при переводе во многом теряют свой смысл), игры в эрудицию и прочее нельзя сформировать какую-либо основу или технологию познания реальной жизни и выработки стратегии управления.

Прошу четко понимать мое мышление: *я не принижаю и не отрицаю* любое интеллектуальное творение, в каком бы уголке Земли оно ни рождалось. Его по меньшей мере всегда необходимо *знать, понимать и уважать*. И конечно, *использовать*, если для этого имеются условия, факторы, ресурсы. Но я никак не могу согласиться с тем, что русская цивилизация, если подразумевать под нею крупное культурно-историческое явление, не может быть *просто русской* со всем многообразием собственных свойств, источников развития, представлений о мире, других характеристик. Мы не Европа и не Азия, хотя расположены на этих континентах, не Запад и не Восток, хотя взаимодействуем с народами, которые относятся к тому и к другому. Мы — *многонациональный народ, творящий на своей территории свою жизнь*. И нам нечего стыдиться своей ис-

¹ Ильин В.В. Методология социально-гуманитарных наук. Философия социальных и гуманитарных наук. М., 2006. С. 122.

тории и своих деяний, перед кем-то заискивать и извиняться. У нас своя, как когда-то было модно говорить, великорусская гордость.

Только такое сознание, возрастающее на *родных корнях* и впитывающее все, что открывается в мире, может быть фундаментом целостности, суверенитета, безопасности, упорядоченности и развития нашего общества и каждой личности в нем. России всегда необходимо иметь *самостоятельное, мощное и талантливое сознание*. Когда она его сохраняла и являла миру, тогда успешно развивалась, крепла и решала свои геостратегические проблемы. И наоборот, стоит ей «надеть» на себя что-то несвойственное, как мартышка очки в известной басне И.Д. Крылова (1769 – 1844), так она сразу же слабела, «заблуждалась», совершала большие ошибки и теряла завоеванное (в труде и бою) кровью и жизнью своих сыновей и дочерей.

Поэтому при вскрытии и анализе слабых сторон в российском сознании я испытываю *боль и обиду*, но вынужден это делать, надеясь, что многие, прочитав соответствующие строки, более критически посмотрят на себя, оценят свои мысли, деяния и их результаты. Надо же из истории делать адекватные ей *выводы*. Итак, скажу искренне и откровенно только по той причине, что это крайне важно для управления:

в российском сознании *опасный*, чуть ли не пороговый удельный вес занимают представления, суждения, размышления, поиски, стереотипы, которые носят *умозрительный, виртуальный* характер, направлены на открытие «абсолютов» (во Вселенной, в природе, социальной жизни, мышлении и т. д.), отличаются *абстрактностью*, переходят нередко в словесную эквилибристику, но не связаны с реальной жизнью, с состоянием практики, с насущными потребностями людей, с интересами страны;

российское сознание в целом все еще не образует какой-либо системы, не содержит в себе прочных опорных точек, определяющих идеалов и ценностей, признанных векторов общественного развития, которые бы его как-то упорядочивали, организовывали, нацеливали на достижение чего-то; традиционно процесс интеграции сознания осуществляется не его *внутренними* импульсами, установками, а чаще всего возможностями государственной власти (разве не странно: одно

сознание при М.С. Горбачеве, другое — при Б.Н. Ельцине и третье — при В.В. Путине);

русское сознание *неустойчиво*, обладает широкой амплитудой колебаний — от идеализации до эсхатологии, не уверено в себе, отсюда в одном аспекте — постоянное заимствование, сверка с кем-то, быстрый отказ от одних взглядов и восторг по поводу новых, а в другом — неуместный снобизм, оправдание глупости самобытностью, вера в избранность (мессианство), нежелание и неумение признавать собственные ошибки и заблуждения, неспособность заниматься внутренним критическим *самоанализом*; небольшие успехи уже кружат голову;

русское сознание *противоречиво до саморазрушения*; здесь одни элементы непрерывно борются с другими, их не просто опровергают, а именно «изничтожают»; по отношению к моему «Я» остальные, как правило, противники, враги; в нем практически отсутствуют традиции терпимости, компромисса, доброжелательного оппонирования, уважения иной точки зрения, признания допустимости многообразия подходов, взглядов и позиций;

русское сознание в течение почти всей своей истории излишне *политизировано*, в нем большинство интересов и устремлений сосредоточено на власти и ее использовании для самоутверждения; в результате чисто мировоззренческие или идеологические споры (расхождения) разрешаются не путем испытания на практике, а силовым «разгоном» тех, кто в данный момент не попал под защиту власти (она — основной арбитр); и так до очередной перегруппировки сил;

русское сознание до сих пор в культурологическом отношении не обозначило своей природы и принадлежности; оно все мечется между Западом и Востоком, Европой и Азией, не может никуда примкнуть и в то же время не в состоянии доказать свою самостоятельность и самобытность, выбрать ту совокупность идеалов и ценностей, которая была бы рациональна, действенна и эффективна на нашей территории, среди нашего населения и в нашем геополитическом положении¹.

¹ Эти суждения уже были мною опубликованы. См., напр.: Атаманчук Г.В. Управление — фактор развития. Размышления об управленческой деятельности. М., 2002.

Полагаюсь на знания читателей и надеюсь, что они *найгут* в истории и нашей сегодняшней действительности *подтверждение* каждому сформулированному выше положению. Начните с былин и почитайте множество «современных» открытий. На удивление, в сознании мало что изменилось. Слова, может быть, и иные, но суть одна и та же. От того-то налаживать жизнь и управлять ею удается с большим трудом, и то лишь в отдельные периоды, когда нам везет с руководителями. Кстати, названные «слабости» приводят также периодически к печальным следствиям, при которых талантливость губится серостью, достижения одних людей сводятся на нет бездарностью или корыстью других. Скажем, значительное развитие производительных сил страны в пореформенный период (1861 – 1914 гг.) было обрушено революциями, Гражданской войной, коллективизацией и другими «левыми» экспериментами. Вновь понадобилось *титаническое* напряжение сил всех народов СССР, чтобы добиться его мощи и безопасности начала 80-х гг. XX в. но это все тоже было разрушено, и теперь, в XXI в., приходилось начинать все опять почти что на развалинах. Разве легко это знать, видеть и анализировать? Ведь вина здесь лежит *только и всецело на сознании*. Ссылки на что-то иное (внешнее по отношению к стране) ведут лишь к оправдыванию провалов и сохранению условий для их воспроизводства о будущем, в частности посредством ошибок, заблуждений и нелепостей в управлении.

Сознание имеет сложную *природу и структуру*, что существенно для его практического действия. Оно воспроизводится и развивается множеством источников и факторов: генетическими, этническими (национальными), историческими, религиозными, культурными, научными и т. д. Поэтому приходится учитывать, что, хотя все человечество в историческом масштабе времени обладает в чем-то *типичным* сознанием, оно распадается на большое число *национальных* (а то и местных) сознаний, которые не только отличаются друг от друга, но и противоречат между собой, порой непримиримы, антагонистичны. В итоге, как уже отмечалось, объективированное сознание практически везде привязано к своей стране, а то и к ее отдельному региону, и оказывает обширное влияние на субъектное (личностное) сознание. Хотя исключения, конечно, бывают.

Но многое, как мне представляется, и в развитии объективированного сознания, и личностного определяется *тремя* его составными частями, их местом и ролью в его собственном бытии: *образованностью, профессионализмом и нравственностью*.

Я умышленно пишу *образованностью*, а не образованием, поскольку между этими явлениями существует значительная *разница*. Образованность есть *результат* образования, *качество развития сознания*, в то время как образование представляет собой подсистему воспитания, обучения и просвещения людей (особо подрастающих поколений) с определенными технологиями и формальными (официальными) показателями. Можно, увы, иметь несколько аттестатов и дипломов о прохождении разных уровней подсистемы образования, но быть малообразованным человеком.

Критериями образованности выступают: обширность, глубина и достоверность знаний; способность к логико-аналитическому мышлению и объективной оценки жизненных явлений, отношений, процессов; взаимосвязь мышления и практического поведения и деятельности; умение самокритично воспринимать свое мышление и соотносить его с мышлением других; нацеленность на постоянное совершенствование своих знаний, опыта и эвристических дарований. Когда человек образован в указанном смысле слова, будь то ученый, политик, художник или управленец, инженер или врач и т. д., он адекватнее видит жизнь, лучше ориентируется в развивающихся обстоятельствах, оперативнее реагирует на перемены, меньше совершает ошибок и меньше заблуждается.

К сожалению, и в наши дни, когда остро видна общественная потребность в массовой образованности, у нас, при реформе образования основное внимание уделяется (почему-то) не смыслу образования, а его технологиям (количество школ, вузов, классов, компьютеров, оплата труда преподавателей, стоимость обучения и т. д.), которые, безусловно, нужны, но лишь в качестве *средства* достижения нужной для страны образованности ее граждан. Кстати, если вспомнить прошлое то ли дореволюционной России, то ли Советского Союза, то в нем на первом месте стояла именно образованность, а не «образованщина», как обозначает современный подход

А.И. Солженицын. Почти все русские мыслители XIX – XX вв. (писатели, художники, политики, ученые, педагоги и т. д.) всегда выступали за такую систему воспитания, образования и подготовки людей, которая бы давала им высокую образованность. Думаю, пора бы вспомнить прошлое и уже с учетом его достоинств проводить всякие реформы. Болонский процесс — важное дело интеграции и унификации разных национальных подсистем образования, но надо, двигаясь к нему, не *потерять* собственные приобретения. О рациональности данного процесса еще рано судить. Пока это модель, дождемся ее результативности!

Кроме того, нельзя не понимать, что болонский процесс ограничен лишь подсистемой образования — школа, вуз, а что происходит с их выпускниками в *дальнейшем*, какую они получают образованность, как ее реализуют в жизни и обеспечивают развитие страны, его особо не интересует. Внедряется стереотипы: личность сама должны проявить себя в рынке и добиваться своего благополучия. Сутобо и узко *прагматичный* взгляд, направленный на формирование рыночно-управляемого работника-потребителя. Не знаю, актуально ли это для нас, России? Исторически мы всегда производили *масштабный интеллект*, создавший собственную культуру, что хорошо известно миру и ценится в нем. Стоит ли разрушать рациональные традиции? Хочу, чтобы читатели сами обдумали поставленные вопросы и дали на них свои ответы и для своей судьбы.

Важным проявлением и свойством сознания служит *профессионализм*, выражающийся в характере и уровне осуществления разных направлений и видов человеческой деятельности. Сознание, реализованное в труде, в процессе своего исторического развития выработало множество профессий, в которых специализируются люди, создавая материальные и духовные продукты и социальные условия, необходимые для их жизни. В то же время занятия теми или иными видами деятельности формируют *особенности* личностного и корпоративного сознания, накладывает значительный отпечаток на его идеалы, ценности, цели и мотивы.

Профессионализм представляет собой определенную *совокупность знаний, опыта, умений и навыков* в какой-либо об-

ласти либо виде деятельности. Он имеет огромное значение для судеб как страны, народа, так и отдельного человека. Уже сам факт осуществления деятельности в разных, порой уникальных географических, почвенно-климатических и иных условиях требует от людей отвечающего им профессионализма, ведущего к приспособлению и освоению их. На нем выросли все национальные культуры, в которых непременно присутствует специфический для каждой из них профессионализм. Между прочим, существующий профессионализм разных народов, отдельных людей и их групп весьма отражается на уровне их социально-экономического, духовного и политического развития.

Идущая уже почти 300 лет *индустриальная модернизация* человеческой жизни, связанная с техникой, технологиями, научно-техническим прогрессом, информационной революцией и другими инновациями, предъявляет повышенные требования к профессионализму человеческого сознания и деятельности.

В работах по психологии, а в ее рамках — акмеологии (теории вершинного развития человека), используется *двузначное* понимание профессионализма:

«...*профессионализм деятельности* — качественная характеристика субъекта труда, отражающая высокую профессиональную квалификацию и компетентность, разнообразие эффективных профессиональных навыков и умений, в том числе основанных на творческих решениях, владение современными алгоритмами и способами решения профессиональных задач, что позволяет осуществлять деятельность с высокой и стабильной продуктивностью;

профессионализм личности — качественная сторона субъекта труда, отражающая высокий уровень профессионально важных и личностно-деловых качеств, акмеологических инвариантов профессионализма, высокий уровень креативности, адекватный уровень притязаний, мотивационную сферу и ценностные ориентации, направление на прогрессивное развитие специалиста»¹.

Если уйти от «дробности» и детализации, то понятно, что профессионализм характеризует *способность* человека ос-

¹ Деркач А.А. Развитие ценностной сферы профессионализма. М., 2001. С. 21.

ваивать и удерживать современные требования, предъявляемые к человеческой жизнедеятельности, и прежде всего к труду — созданию материальных, духовных и социальных продуктов. Профессионализм целостен, реализует сущность человека, хотя может проявляться в разных жизненных взаимосвязях по-разному. В этом смысле профессионализм деятельности есть производное от профессионализма личности, который и надо главным образом развивать. Исследования показывают, что только около 5% (и то в лучшие годы социально-экономического состояния страны) тех, кто занят своей профессиональной деятельностью, могут достигать ее высокого уровня.

Это означает, что в развитии профессионализма содержится огромный резерв и источник всестороннего обогащения как общества, так и соответствующего человека. Между тем в российском сознании традиционно почти незаметно уважение к профессионализму и стремление им овладеть. Разве что в спорте и искусстве, где приняты международные соревнования и победы в них престижны, сформировались определенные школы, способные готовить людей высокого уровня профессионализма. В других видах деятельности этим особо не озабочены. Больше принято уповать на талантливость нашего народа, который, мол, рождает достаточно самородков, эдаких мастеров-самоучек. В последние годы эта проблема вообще ушла из поля зрения многих структур государственной власти и бизнеса. Ведь почему-то все основательно подготовленные стараются побыстрее уехать за границу. Не ощущается ни системы развития профессионализма, ни стимулов для личностной активности. Трудно себе представить, как при таком положении можно надеяться на мощное будущее страны. Если в массовом сознании не культивируется профессионализм, то, спрашивается, откуда ему взяться? Рынок здесь заинтересован лишь постольку, поскольку может получить прибыль, т. е. экономически, а не социально.

В то же время не стоит забывать, что профессиональное занятие какой-либо деятельностью, тем более устойчивое и длительное, глубоко влияет на сознание соответствующих субъектов, закладывает в него адекватную профессиональ-

ную (корпоративную) *ориентацию*. Такое «специализированное» сознание не только берет из целостного сознания необходимую ему информацию, но и пополняет его своим содержанием. История свидетельствует, что закономерностью развития человеческой деятельности является ее все более разнообразная *дифференциация*, которая ведет к формированию все большего числа локализованных профессиональных (корпоративных) сознаний. Структура, генезис и динамика таких сознаний раскрывает характер и направление развития общества.

Ведь любой, самый перспективный и актуальный вид деятельности, должен *обеспечиваться* соответствующим сознанием. Сейчас, к примеру, у нас много говорится о передовых, высоких нанотехнологиях, об «экономике знаний», но что-то особо не наблюдается, чтобы к ним готовились необходимые отрасли сознания. Не очень просматриваются «стыковка», *согласование* и взаимодействие между разными видами профессионального сознания, что тормозит рост профессионализма в отраслях хозяйства и культуры. Как не видно и того, что имеются анализы каналов и процессов влияния разных видов профессионального сознания на содержание нашего сознания в целом. Скажем, насколько оно соответствует современным парадигмам глобализации, информатизации и технологизации?

В общем проблема профессионализма сознания, а на его основе и деятельности, у нас, из общественной превратилась даже не в частную, а *сутобо личностную*, отнесенную к уровню прав и свобод человека. Мол, у тебя есть права и свободы, вот и развивай, если хочешь, свой профессионализм, реализуй его в рыночных отношениях. А государственные, общественные и бизнес-структуры это особо не беспокоит. В стратегическом аспекте очень опасный симптом.

Созидательное, позитивное, жизнеотворяющее значение образованность и профессионализм в сознании приобретают тогда, когда они соединяются с *нравственностью*, которая уже своей сутью предполагает связь одного человека с другими, с обществом в целом. Ведь не будь подобной связи, то и умелых киллеров можно называть профессионалами, а всяких талантливых жуликов, паханов, проходимцев относить

к числу образованных. Тем более, что многие из них уже вошли в «высшее общество», стали «элитой». Вне учета нравственности, у нас немалое число явлений получило извращенное толкование, вследствие которого то, что осуждали все религии и светские морали, вдруг стало не только допустимым, но и вызывает восхищение, считается *образцом* успеха, достижением мечты. Вот что делается с сознанием!

Нравственность — это свод правил мышления и поведения человека, выработанных в течение длительной истории в целях сохранения и воспроизводства личностной, частной и общественной жизни. Данные правила нашли *выражение и закрепление* в религиях (в которых немало общего), морали, традициях, обычаях, менталитете, архитектуре (домостроения, церковные здания), художественных произведениях и других творениях человека. Наличие норм нравственности и их соблюдение позволило народам пронести важные для них идеалы, ценности и цели через все испытания судьбы, борьбу за свободу и выживание. Народы упорно *взращивали* свою нравственность, благодаря чему и состоялись.

Однако с появлением капитализма, люмпен пролетариата, рыночной экономики и прочих явлений Новейшего времени началось все ускоряющаяся *эрозия* нравственности. Особую лепту в распад нравственных устоев внесла так называемая *элитная интеллигенция*, которая агрессивнее всего продемонстрировала себя в нашей стране. Именно в пореформенный период она внедрила в сознание *нигилизм* (отрицание существующего, его критика и разнос), *анархизм* (проповеди вседозволенности, абсолютной свободы, самоутверждения эгоистического «Я») и *радикализм* (все надо разломать и построить заново, ибо только «продвинутые» знают, как надо жить). Последствия уже начали сказываться в конце XIX в. и сотрясали Россию в течение всего XX в.

Сформировалось огромное количество людей, для которых нравственность стала чем-то чуждым, анахронизмом, обузой для «свободного» человека. Как писал в 30-х гг. XX в. наш мыслитель: «Своекорыстные, безнравственные, продажные люди, беззастенчивые и беспринципные карьеристы; циничные демагоги; честолюбивые и властолюбивые авантюристы, — не говоря уже о простых преступниках, — не могут ни создать,

ни поддерживать здоровый государственный организм»¹. Поэтому вряд ли имеются основания для удивления тому, каким у нас получился социализм и в каком состоянии находится сегодня строительство демократии. Всегда и все в обществе делается людьми: каковы люди, таково и созданное ими.

Тем самым вопрос нравственности сознания является для нас основополагающим: он пронизывает все стороны нашей жизни. Сможем восстановить суть и масштабы нравственности, значит возникнут точки опоры для развития. Не сможем, метастазы безнравственности будут постоянно *сопирать* наше общество. Выбор здесь узок, и его должен делать каждый.

В общем задача стоит *простая*: образованность, профессионализм и нравственность необходимо превратить в краеугольные камни нашего сознания: общественного и личностного. И эта задача прежде всего и главным образом возлагается на управление, которое призвано снять пелену с глаз и увидеть жизнь такой, какая она есть на самом деле.

Вместе с тем при рассмотрении, описании и оценке сознания и его взаимосвязей с управлением следует принимать во внимание, что само сознание по его *доминирующему содержанию* отличается сложной структурой. Причем в основе такой градации находится как бы последовательность движения от абстрактного к конкретному или от чисто мыслительного до непосредственно объективно обусловленного. Это актуально для управления, поскольку с каждым уровнем (содержательным аспектом) сознания оно взаимодействует по-разному.

Самый высокий уровень принадлежит, можно сказать, *абстрактно-логическому мышлению*, в котором много предчувствия, предположения, интуиции, просто домыслов. Очевидно, существует немало того, что мы не знаем, а возможно, и не узнаем никогда. И хотя это вызывает любопытство и порождает размышления о метафизическом, трансцендентальном, вселенском, космическом, потустороннем, антимирах, Шамбале, теософии, мистицизме, магиях и прочее, все-таки *надо понимать*, что они приобретают смысл для людей в тех случаях, когда получают какие-то обоснования, доказатель-

¹ Ильин И.А. Путь духовного обновления // Путь к очевидности. М., 1998. С. 260.

ства и могут вводиться в человеческую практику. Здесь много спорного, и, видимо, плохо, когда это «затуманивает» человеческое существование, которое для каждого отдельного человека весьма коротковато.

В последние десятилетия, причем для многих неожиданно (после серьезного научно-технического продвижения), наблюдается всплеск интереса и авторитета *религиозного уровня* сознания. Жизнь демонстрирует, что религии обусловлены не только определенным содержанием мышления (поиски своих способов общения с Богом), но и конкретной привязкой жизни людей к соответствующим почвенно-климатическим и социально-экономическим условиям своей жизнедеятельности. Сами ареалы возникновения и распространения иудаизма, христианства (в разных его ветвях), ислама, буддизма, конфуцианства и т. д. о многом свидетельствуют, что порой не хотят изучать, понимать и учитывать. А для управления здесь кроется значительный ресурс обогащения его содержания, ибо игнорировать убеждения людей всегда *недопустимо*. У нас подобный опыт вообще драматичен.

Весомое место в сознании занимает *философско-художественный уровень*, традиционно обращенный к человеку, его эмоциям, сердцу, совести, душе и другим проявлениям его сущности. С древних времен философия и искусство (в разных его формах) были «поводырями» людей, несли (либо пытались нести) им познание жизни, определенную истину, правила поведения, идеалы, ценности, ориентиры, духовную чистоту. Правда, под влияние «свободы» и «прав» сегодня многое изменилось. Философия «поднялась» куда-то вверх, занялась собственным самовоспроизводством (феноменология + эпистемология), а искусство в своей массе «опустилось» вниз, стало смаковать и тиражировать низменные инстинкты (библейские Содом и Гоморру). Высокий *дух* почти ушел из этого уровня. Управлению здесь почти *нечего взять и не на что опереться*, разве что классику предыдущих веков. И управлять здесь чем-то тоже нельзя — свобода. Это — серьезная брешь в культурно-духовной сфере, с которой надо что-то делать.

В силу многих причин в нашей стране большое место занимает в сознании его *политико-идеологический уровень*. Это объясняется тем, что Россия традиционно (в силу множества

условий и факторов) чрезмерно *огосударствлена*, и государственная власть в ней играет определяющую роль в решении почти всех проблем жизнедеятельности людей. Попытка разгосударствления, предпринятая в 90-е гг. XX в., создала лишь разрушения, грабеж, вывоз национальных богатств, упадок производства и обнищание массы людей. Теперь медленно, путем укрепления правовой государственности и преодоления коррупции, думаем выправить положение. Поэтому взоры почти всех обращены на *политику*, в которой каждый ищет ответ на возможности обустройства своей жизни (кстати, и олигарх, и бомж). Зависимость от политики закономерно актуализирует *идеологии*, поскольку каждые группы (слои) населения пытаются обеспечить свой интерес и продвинуть его через политику.

Данный уровень сознания *непосредственно* связан с управлением, оказывает на него многостороннее влияние, предопределяет его черты, свойства и содержание. В то же время управление, в свою очередь, способно решать ряд политико-идеологических вопросов, что уже зависит от его ориентаций (стратегий) и потенциала.

Все большие масштабы и практическое значение приобретает *научно-технический уровень* сознания. Он наиболее объективирован и создал нашу цивилизацию, притом часто наперекор тому, что думают и говорят по его поводу другие уровни сознания. Состояние этого уровня сознания, его содержание и направленность *предопределяют* развитие производительных сил страны. Можно лукавить везде, но не здесь, ибо на выдумках, иллюзиях, чувствах автомобиль не поедет, самолет не полетит, дом не будет построен. Тут так все ясно, что и доказывать что-то неудобно.

Но на нашу беду перестройщики и либеральные демократы с каким-то экстазом громили самое главное в стране: ее интеллектуальные научно-технические достижения. Было разрушено, распродано, вывезено то, что составляло стратегическую основу нашего будущего. В результате, за исключением ОПК, почти все в этой области у нас стало импортным, а наши умы с трудом могут предложить на мировом рынке какой-то новый продукт либо ноу-хау. Разговоров в последнее время много — слабо просматривается их материализации. А здесь как раз то

явление, состояние которого в самых существенных чертах *определяется управлением*. Последнее выступает и разрушителем, и созидателем. Важен зримый перелом!

И еще об одном уровне сознания — *естественно-общественном*, создаваемом и сохраняемом, как говорят, народными массами: их традициями, культурой, обычаями, опытом, менталитетом, образом жизни, привязанностью к земле и, соответственно, к Отечеству-Родине. Этот уровень многими нашими «интеллектуалами» в большинстве игнорируется либо поддается критике (часто — унижается). Для «снобов» в нем нет ничего интересного, хотя именно он *держит страну на «плоту» истории*. Люди этого уровня трудятся на полях и заводах, воюют и учат, творят множество других материальных, духовных и социальных продуктов. В данном уровне сознания содержится огромная сила, созидаящая жизнь. Порой стыдно читать унижительные эпитеты в адрес этих простых, а по сути — *выдающихся людей*. Хотел бы я хоть раз увидеть интеллигента, который бы провел грузовик зимой от Тынды до Магадана. А потом послушать его размышления о сути и смыслах жизни. И, конечно, о качествах человека.

Если быть справедливым, то этот уровень сознания является самым *устойчивым фундаментом* управления. Он всегда выносит все тяготы и выручает. Жаль, что за это получает редко понимание и благодарность со стороны субъектов власти-управления.

Сказанное о сознании, разумеется, в самых общих чертах позволяет спроецировать ряд суждений, выводящих на особенности *управленческого мышления*.

Конечно, управленческое мышление воспроизводится сознанием общества и конкретных субъектов управления и несет на себе печать его взлетов и падений, откровений и заблуждений, всего, что оно содержит. И тем не менее оно не вправе повторять все то, что содержится в сознании (либо в индивидуальных сознаниях). Ведь субъект власти-управления потому-то и является таковым, что он выделен среди других и имеет возможность владеть и распоряжаться ресурсами, создаваемыми многими. Это уже налагает на него *обязанности быть более образованным, профессиональным, нравственным*, чем его управляемые объекты. Необходимо развитое со-

знание, способное действительно совершенствовать управляемые явления, отношения и процессы, сознание, поведение и деятельность людей. Иначе зачем управление? В этом аспекте все западные теории о самоуправлении *противоречат* тому объективному факту, что там везде действует огромный аппарат управления, в т. ч. и в бизнесе. И чем больше пишут, тем активнее он растет. Вот растет ли его мышление? Это другой вопрос.

Следует отметить далее, что управленческое мышление должно быть *критическим, поисковым, креативным*. Ему претит успокоенность, самодовольство, безразличие, инертность, ограничение малым и прочие убогие мысли и чувства, в которых нет нацеленности на новое, лучшее, возвышенное, совершенное. Печально отмечать, что как раз такого мышления нашим управленцам *нередко не хватает*. Характерный образец — многие наши нувориши: нахватали собственности, финансов, понастроили домов, пентхаузов, вилл, накупили массу всего, вплоть до яхт и самолетов, и погрязли в своем мещанском мирке, отошли от управления, даже не приступив к нему. Много *похожего* можно наблюдать и в мышлении некоторых наших депутатов, губернаторов, министров и иных зажиточных «чиновников». «Насытились и уснули».

Управленческое мышление, по сравнению с другими видами и уровнями сознания, не может не быть более *проницательным, прогнозным, стратегически смотрящим*. Если управляющие не будут позорче, помышленнее, поактивнее, понемпримиримее к недостаткам, к плохому, потребовательнее к себе, то ни о каком совершенствовании и развитии жизни не может быть и речи. Даже самостоятельные попытки управляемых объектов будут в такой ситуации постоянно наткаться на сопротивление субъектов власти-управления и, естественно, мало к чему приведут. Важно постоянно *сравнивать* с тем, что имеется в других аналогичных системах, как они организованы, функционируют и управляются. А то у нас почти все любят строить высокие заборы с тем, чтобы за ними никого не видеть и к себе поменьше пускать. Так удобнее надуваться и мнить себя «великим».

Особое значение для управленческого мышления имеет его *постоянное и полное соотнесение с объективной реаль-*

ностью, с происходящим в мире и в стране. Не иллюзии, сочинительства, самообманы, нарциссность, а объективная оценка состояния той или иной управленческой системы и ее роли в жизнедеятельности людей. Только опираясь на объективные факт, данные, опыт, ресурсы, информацию и т. д., можно использовать интуицию, предвосхищение, проникновение, предположение и не бояться открытости, проблематичности, вероятности. Управление всегда требует риска, смелости, мужества, ибо прошлое и настоящее в какой-то мере известно, а будущее, как правило, неопределенно. Но без взгляда в будущее нельзя управлять.

И последнее: управленческое мышление, по природе, сложное явление. Структурно ему необходимо иметь: *концептуальную часть* (видение глобально-исторических процессов); *идеологическую часть* (способы обеспечения в мире национальных и групповых интересов); *методологическую часть* (современный инструментарий познания, описания и практического изменения жизненных процессов); *политическую часть* (использование власти разных видов для решения общественных и частных проблем); *информационную часть* (способность распространять и объяснять свои суждения, мнения и решения) и т. д.

Об управленческом мышлении можно сказать и много другого, для этого существует обширная литература, как научная, так и художественная. Об известных управленцах-руководителях написаны сотни-тысячи книг. Читайте!

В завершение скажу *каждому читателю*: если хотите управлять своей судьбой (здоровьем, благополучием и семейным счастьем) и, безусловно, судьбой других, не говоря уже о судьбе Отечества-Родины, то активно, каждодневно, упорно *развивайте* свое управленческое мышление. Только оно ваш самый верный друг и помощник во всех ваших замыслах и делах!

Очерк 4. ВОЛЯ И УПРАВЛЕНИЕ (психологический аспект)

В чтении научной и художественной литературы есть большая польза. По ней хорошо видно, что привлекает внимание авторов, а затем, разумеется, читателей, становится предметом обдумывания, обсуждения, дискуссий. Так, если взять публикации, где задевается управление, то в них можно обнаружить самое упрощенное отношение к основному делу управления — к принятию и исполнению решений. Описывается лишь соответствующая *формальная* технология (процедуры, операции, формы, методы и т. д.). Захотел любой управленец, тем более руководитель, и принял решение, потом оно поступило к другому управленцу либо к людям, относящимся к управляемым объектам, и они его исполнили. Все просто, без напряжений и усилий.

Как будто субъект власти-управления — это не человек (группа людей) со множеством своих естественных качеств, действующий в определенных условиях. Скажем, он может быть нездоров, в плохом настроении, уставший, раздражен, иметь какие-то неурядицы в семье, во взаимоотношениях с начальством или коллегами, находиться в иных состояниях, которые трудно перечислить, вследствие чего осторожничать, бояться ответственности, неуверенно себя чувствовать и т. д. и т. п. А внешние условия, обстоятельства и факторы управленческой ситуации: недостаток информации, времени, ресурсов, быстрая смена событий, давление оппонентов и конкурентов, требования и контроль вышестоящих структур и прочие, не столь благоприятные «импульсы».

Не расположены могут быть ни дух, ни душа к принятию решений, а принимать их *надо*. В большинстве сам *социально-правовой статус* субъекта управления налагает на него обязанность принимать и исполнять управленческие решения. Однако последние при их исполнении *тоже* часто могут идти против желания исполнителя. Не нравится ему решение, не принимает он его, не хочет его исполнять, бунтует, возмущается, критикует, но подчиняться ему все равно *приходится*. В управлении постоянно возникают трудности, препятствия,

неувязки, сопротивление, нарушения, отклонения, недовольство, увиливание, лень кого-то и множество других подобных проявлений человеческого поведения и деятельности, без преодоления которых ничего нельзя сделать.

Поэтому в качестве предпосылки, условия и движущей силы (фактора) управления всегда выступает *воля*. Совместно с мышлением она представляет собой еще *одну способность* человека подчинять свое поведение и деятельность задуманному, необходимому, должному, установленному, обязательному и т. п. Без воли не может быть управления как целеполагающего и организующе-регулирующего воздействия. Воля буквально пронизывает управление и заставляет его компоненты (субъекты и объекты управления) реально, на практике осуществлять элементы управленческой деятельности (цели, функции, стадии, формы, методы и т. д.).

Но странное дело: в огромном потоке публикаций в области разных видов управления почти *не встречается* упоминания воли. Пишут о чем-угодно: можно насчитать не один десяток видов менеджмента — инновационный, мотивационный, административный, кадровый, политический, финансовый, эффективный и т. д.; многократны учебники и учебные пособия по разработке и принятию управленческих решений; очень популярны издания по персоналу и управлению им и т. п. И все они *обходят* стороной проблему воли. Даже в обширной литературе по психологии, в том числе управленческой, не сыщешь характеристики воли. Например, из 508 приведенных в списке публикаций, связанных с акмеологией, лишь одна (Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М.: Изд-во МГУ, 1991. 142 с.) поднимает вопрос о воле¹. Даже разработчик акмеологического знания в своем пятикнижном обобщающем труде «Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека»² не нашел нужным что-то обстоятельное сказать о воле. Как будто «акмэ» любого человека может состояться само собой, без напряженной и постоянной работы по собственному развитию. Еще более

¹ См.: Деркач А.А., Перельгина Е.Б. Имидж как феномен интересубъективного взаимодействия: содержание и пути развития. М., 2003. С. 751 — 793.

² См.: Деркач А.А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. В 5 кн. М., 1999 — 2001.

интересную позицию занимают «знатоки» того, как добиться успеха, стать богатым, знаменитым, хозяином своей жизни и т. д.¹ Здесь воля также *отсутствует*, как будто она и не нужна во всех этих делах. Интересно бы знать, а сами авторы воспользовались своими советами? Что-то их фамилии не мелькают среди богатых и успешных. «Классикой» здесь является подход американца, который все сводит к тому, что: составь тетрадку со своими мыслями, следуй ей, пополняй, погружайся в «импульс, инерцию» — свободный поток, и у тебя все пойдет «как по маслу»².

Подобные «сюжеты» вошли в моду в последние 20 — 30 лет, ими потчуют многие молодые умы, сводя *сложнейшие проблемы* современной человеческой жизнедеятельности к свободной самореализации личной экзистенции. Главное — хотеть, и все у каждого получится. *Все просто*: просто принять закон, просто его исполнить; просто управлять, да и ни к чему им заниматься; просто получить образование, стать высококлассным специалистом, обогатиться, получить известность, быть здоровым, преуспевающим, счастливым и т. д. ... до бесконечности. Торжествует *идеология* иллюзий, призраков, надуманности, обмана и самообмана, которая, безусловно, нужна тем, у кого в руках, власть. Они-то *знают*, что и как следует делать.

Поэтому в такой ситуации, которая окружает *каждого из нас* и воспроизводится всеми средствами информации, считая актуальным подробно раскрыть вопрос *о сущности воли* и ее роли в управлении.

В «Краткой философской энциклопедии», базирующейся на материалах философских словарей Германии, США и Англии, воля описывается следующим образом: «Воля — в противоположность влечению представляет собой духовный акт, благодаря которому подтверждается некоторая ценность, признание такой, или благодаря которому стремятся к ней. Направлена воля может быть только на (субъективно) ценное

¹ См., например: *Белянкин Е.О.* Как стать талантливым. На пути к успеху и богатству. М., 1999; *Свергун О.Ю.* Психология успеха, или Как стать хозяином своей жизни. М., 1999.

² См.: *Стивенсон Д.* Разум управляет капиталом. Технология изобилия / Пер. с англ. М., 2002.

(желать зла может только «сатана»), поэтому она зависит от индивидуальной субординации ценностей. Волевой мотив, а следовательно и ценность или положение вещей, обладающее ценностью, обнаруживаются в пределах некоторой ситуации. Каждый волевой мотив порождает контрмотив, от силы которого зависит, будет ее воля иметь своим следствием некоторое действие. Воля как духовный акт всегда является свободной волей, т. е. может выбирать среди многих мотивов даже такой мотив, который противоречит жизненным потребностям человека. Благодаря этому человек представляет собой единственное существо, которое может добровольно действовать наперекор собственным интересам и даже уничтожать себя (самоубийство)»¹.

Автор книг о кратологии (науки о власти) под волей подразумевает: «...1) стремление и способность осуществлять свои желания, достигать поставленных целей: очень важное, необходимое условие в политической жизни; 2) власть, возможность распоряжаться. Воля — непереносимое условие успешной руководящей, административной деятельности, а в оппозиционной деятельности — противостояния действующим властям»².

Схожих трактовок воли можно назвать и еще, но и из приведенных видно, что они весьма *неопределены и абстрактны* и почему-то связаны главным образом с целями, ценностями, мотивами, т. е. с чем-то, что уже постулировано (провозглашено) сознанием. В итоге вопросы о том, где источник (генезис) воли, в чем она состоит и как проявляется, *не раскрываются*.

Традиционно (и методологически) при анализе воли опираются на исследования трех выдающихся немецких интеллектуальных умов.

Артур Шопенгауэр (1788 — 1860) сформулировал два основных положения: 1) мир — воля в себе; 2) мир — представление для себя (главное произведение «Мир как воля и представление» — 1819). В соответствии с ними создал *метафизику всеобщей воли*, проявляющейся в объективном плане как *природа*, включая и человеческое тело, а в плане субъективном — как *сознательная воля*. Им утверждалось, что все в мире обладает

¹ Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 75.

² См.: Халипов В.Ф. Энциклопедия власти. М., 2005. С. 462.

волей (воля есть вещь в себе), из-за чего масса *объективных* явлений, взаимосвязей, процессов и т. д. подчинена всеобщей воле, которая в конечном счете непознаваема, беспричинна, не содержит основания и цели. Для субъективной воли имеет значение лишь тезис о том, что она означает *стремление*.

Фридрих Ницше (1844 – 1900), следуя идеям А. Шопенгауэра, оставил людям свой знаменитый труд «Воля к власти» (издан в 1906 г.). Прочитую небольшую мысль из раздела «Воля к власти в природе»: «...дело значительно уясняется, если на место индивидуального «счастья» (к которому стремится будто бы все живущее) мы поставим *власть*: «все живущее стремится к власти, к *увеличенной власти*», удовольствие – это только симптом чувства достигнутой власти... Вся движущая сила есть воля к власти, что кроме нее нет никакой физической, динамической или психологической силы»¹. В кратком выражении это означает, что все существующее, в том числе человеческое познание, есть только форма проявления воли к власти. Тем самым объективные законы природы, человека и общества, в числе которых и генетические, получили *универсальную* для них первопричину в виде воли к власти. Последняя стала и демиургом, и определяющей целью всего и вся. *Погмены* явлений, отношений и процессов колоссальные, хотя некоторым людям и социальным кругам весьма импонируют культ власти, во владении которой и усматривается смысл их жизни.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770 – 1831) – исключительно многогранный философ, диалектик, который в своем творчестве связал волю с *мировым духом* и объективировал ее в *велениях государства и права*. Считал идеальной конечной целью мира осознание духом своей свободы (в воле), а значит, и действительность *свободы*. Развитие человека состоит в том, что он познает объективный дух и его требования и в соответствии с этим получает *свободу воли* (свободную волю), необходимую для его жизнедеятельности.

Считаю необходимым *подчеркнуть*, что суждения в области метафизики всеобщей воли, воли к власти, реализации абсолютного духа через свободную волю и другие, написан-

¹ Ницше Фридрих. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М., 1994. С. 326 – 327.

ные в этом же русле (а за 150 лет их, немало), имеют под собой достаточно *материальные основания*, хотя выражены в «высокой» философской форме. Ими обобщался имеющийся опыт и прогнозировался *капитализм с рынком*, его законами и следствиями. С одной стороны, действительная *объективность* (по отношению к человеку) рыночных условий, факторов и требований, а с другой — *субъективное* противостояние этому одинокого *отдельного* человека со своей волей. Правда, *так* не принято размышлять (зачем будоражить сознание?), но если с «так» посмотреть на последние 200 лет, то многое можно увидеть, понять и объяснить в реальной жизни. Воля и управление предстанут совсем в *другом* аспекте.

Конечно, воля есть *дарование* человека, но не только как биосущества (его организма, тела и сознания), но и как социосущества (системы внешних условий, обстоятельств и факторов общественной (коллективной) и государственной жизни). В такой *совокупности* проявлений воля представляет собой:

во-первых, *механизм обеспечения* превращения потребностей, интересов и целей жизнедеятельности человека в *объективный результат*, ведущий к их удовлетворению и реализации; нет воли, все сводится к благим намерениям;

во-вторых, *состояние внутренней напряженности* человека или групп людей (коллективов, общностей), в соответствии с которым мышление, поведение и деятельность направляются на выполнение четко обозначенных дел, создающих в итоге как объективацию целей, так и новое качество жизни;

в-третьих, *движущая сила* человеческого существа, практически раскрывающая его физический, интеллектуальный и эмоциональный потенциалы, ими управляющая и их развивающая;

в-четвертых, способность человека управлять своей жизнедеятельностью, заложенная *генетически* (природой) и развиваемая *социально* — посредством воспитания, образования, накопления опыта и т. д.;

и в-пятых, *форма взаимосвязей* человека с другими людьми, с обществом, посредством которой он реализует свою сущность и добивается самоосуществления.

Если подходить к проблеме серьезно, исходя из реалий жизни, то волю следует рассматривать в *двух аспектах*: лич-

ностном — воля каждого отдельного человека, и социальном — то состояние волевого напряжения, которое создается и поддерживается в обществе. Последнее, безусловно, идет от людей, но объединяясь, придает обществу либо его составным частям особое состояние — *массовый волевой прессинг* (давление).

Разумеется, оба аспекта обуславливают друг друга, выступают в определенной «связке». Когда в обществе возникает мощное волевое напряжение, вызываемое сосредоточением его на решении актуальных проблем, то оно передается множеству людей и усиливает их личностный волевой потенциал. Советую о таком волевом порыве огромной силы почитать: об Отечественной войне 1812 года — роман Л.Н. Толстого «Война и мир», а о Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. — роман М.А. Шолохова «Они сражались за Родину». В те годы не отдельные люди, а целые *армии, народы* представляли собой единую волевою силу — от генералов до рядовых. В ситуации *волевой синергии* (слияния волей) слабый становится сильным, робкий — храбрым, осторожный — отважным. Неслучайно на Руси признается, что на миру (среди людей) и смерть красна. Отсюда, когда *взывает жизнь*, массовый воинский и трудовой героизм.

И наоборот, когда общество расколото на отчужденные друг от друга части, находится в состоянии раздора, взаимного недоверия, неопределенности, смуты, инертности и безразличия, то люди и с *сильной* волей мало что могут. Разве что реализуют себя в каких-то своих личных делах. Здесь тоже периодически проявляется некая *закономерность*, выражающаяся в том, что при разрушении общественного волевого напряжения необыкновенными темпами возрастают преступность, разгул страстей, аморальность. *Сильная воля требует дела*, а если его нет, то приходится бессмысленно куражиться. Подобных циклов в нашей истории за последние 150 лет было немало.

В связи с этим нельзя обойти вниманием множество современных концепций, связанных с *автономизацией и самореализацией* свободной личности. Безусловно необходимо, чтобы каждый человек обладал *сильной* волей, ее укреплял, развивал и, опираясь на нее, добивался в жизни осущест-

ствления своих способностей и благополучия. Это — *аксиома*, против которой просто нелепо возражать. Проблема в другом: в создании *действительных общественных условий* (экономических, социальных, культурных, информационных, организационных, правовых и др.), которые помогали бы человеку в его самоосуществлении, воспринимали его способности и дела, поддерживали и стимулировали его волевые качества. Даже те, кто приобрел (любыми средствами) миллиарды, не могут хорошо чувствовать себя в одиночестве. Что же говорить об обыкновенных трудящихся? Обладание сильной волей в личностном аспекте вовсе не исключает ее развертывания в *социальном аспекте*. Ибо любое признание (отклик, уважение, авторитет и т. п.) уже является социальным актом.

Вместе с тем должен сказать, что в российском обществе традиционно *не культивируется воля*. В моде разболтанные, расхристанные, живущие сиюминутными страстями люди, которые, если их чуть придавливает жизнь, теряются, паникуют, бросаются в пьянство, отказываются от дела, считают себя обиженными, незамеченными, предельно несчастными, хотя обычно почти каждого судьба рано или поздно *испытывает*. Воспитанием воли не занимаются в школах и вузах, за исключением, может быть, подготовки ряда специалистов: летчиков, подводников, испытателей, профессиональных спортсменов, десантников и т. д. Вряд ли где акцентируют внимание на воле в процессе трудовой деятельности, семейной жизни, взаимоотношений между людьми. Следствия — известны, они на каждом они шагу, смотрите и изучайте.

Такое отношение к воле и ее состояние в массе людей сказываются, естественно, на управлении. Ведь ключевое звено управления — управляющее воздействие — никак практически не осуществимо без воли. Поэтому в исторической памяти людей запечатлелись имена лишь тех императоров, полководцев, государственных деятелей, предпринимателей, мыслителей и иных творцов, которые отличались сильной волей и могли ей подчинять материальную и духовную мощь других.

Ввиду сложности управления (что уже отмечалось — очерк 2) воля в нем имеет многообразные проявления. Разные субъекты и объекты управления при реализации ими соответствующих целей, функций, полномочий, форм, методов, стадий,

процедур и т. п. нуждаются в разном их волевом сопровождении. Из-за этого личностные и социальные аспекты воли действующих в них лиц предстают в разном соотношении. Удачно связь управления с волей подметил Ф. Энгельс. В большинстве *единичных* управленческих взаимосвязей управления есть, конечно, «*навязывание чужой воли*», но если брать в целом управленческую систему (любую!) или их определенную совокупность (метасистему), то управление на самом деле «*огна управляющая воля*»¹.

Управленческая система всегда *иерархична*: в ней субъект управления по своему статусу призван навязывать свою волю управляемым объектам. Это — необходимо, и без этого не может функционировать управленческая система. В то же время сам субъект управления тоже *иерархичен*: в нем вышестоящие уровни навязывают свою волю нижестоящим. Иначе не может действовать организационная структура субъектов управления, обеспечиваться любой коллективный процесс. Не стоит забывать также и о том, что даже первые руководители субъектов управления, вплоть до главы государства, испытывают влияние *чужой воли*. Система международных отношений поддерживается как-то тем, что руководителям государств приходится согласовывать и корректировать свои решения и действия. В таком контексте война есть попытка силового навязывания чужой воли. Естественно, что проявление чужой воли всегда чувствует предприниматель (бизнесмен). Да и все мы, смотря телевизор, ведя по дороге автомобиль, обучаясь, читая книги, слушая музыку и т. д. и т. п., постоянно попадаем в поле действия чужой воли.

Поэтому, мне кажется, что окружение отдельного человека чужой волей представляет собой *естественное явление*, производное от общественного способа нашей жизнедеятельности. Чужая воля вовсе не всегда бывает злой, подлой, коварной, насильственной, деспотической и т. п. Если бы так было, человечество давно бы прекратило свое существование. Чужая воля не противоречит и свободе человека, поскольку она *взаимна*. И здесь я никак не могу согласиться с проповедями абсолютной свободы воли (мышления, поведения и деятельности), столь модными сегодня, так как абсолютная свобода

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 302; Т. 25. Ч. I. С. 422.

только одного человека ведет к рабству всех остальных. Реальная жизненная проблема не в борьбе против чужой воли, без которой нет управления, а в *содержании и целенаправленности* чужой воли, а также в особых *формах и методах* ее навязывания. Когда мы пеленаем ребенка, мы ему навязываем свою волю, но ведь делаем это от любви, заботы и для его блага.

Надо признать, что многие неопределенности, противоречия, столкновения и борьба с чужой волей в управлении возникают не только потому, что она содержит в себе что-то враждебное, ущербное для человека, но и от того, что своя воля не *развита*, не подготовлена к общению с другими, эгоистична, склонна к конфликтам. У нас, когда речь заходит об управлении любых видов, очень любят критиковать субъекты власти-управления за их склонность к требовательности, командам, административному давлению, наказаниям, взысканиям и прочее, но совершенно не анализируют волю, скажем обобщенно, *исполнителей*. Ведь каждый человек обязан обладать *своей волей*, позволяющей ему грамотно и нравственно мыслить, соблюдать идеалы, ценности и цели в своем поведении, качественно и производительно осуществлять свою деятельность (в избранном им же виде). Самое трудное в жизни, может быть, состоит не в том, чтобы под влиянием определенной ситуации или психологического состояния совершить какой-то подвиг, а в том, чтобы *всю жизнь оставаться человеком* и уйти из нее достойно, не отягощая этим своих близких.

К сожалению, самообман и обман самих себя стали у нас нормой общественного мышления. Много пишется о вере, любви, свободе, совести, семье, Родине, счастье, радости, самоосуществлении, причем обычно в возвышенных тонах. Но редко где и когда можно сыскать суждение о том, что все эти явления нуждаются в *волевом обеспечении* и требуют в своем достижении *мощной воли*. Принято в разных бедах, несчастиях, провалах винить кого угодно: историю, политику, власть, идеологию, какие-то подспудные, таинственные силы («закулису», масонство, заговоры), школу, вуз, начальство, соседей и т. д. (можно продолжать и продолжать), но почти не проецируется вина на *самих себя* (и конкретно). Нет самоанализа и самооценки! Причем сверху донизу. Немало руководителей

доводили управляемые ими управленческие системы до разрушения, банкротства, но сами не признавали за это свою ответственность. А на личностном уровне подобными случаями почти заполнена наша жизнь.

Разумеется, никто не исключает действие *внешних условий* и факторов: природных (землетресения, наводнения, засухи и т. д.), техногенных (аварии, взрывы, катастрофы), социальных (войны, конфликты, революции, реформы, преступность), но все упирается в то, *как ведет себя человек* в таких условиях экстрима. К тому же очень многие названные внешние условия создаются одними людьми по отношению к другим. В общем все сводится к одному простому выводу: *воля дается человеку для того, чтобы он управлял своим мышлением, поведением и деятельностью*. И пока каждый из нас и мы все вместе этого не поймем, трудно ожидать качественных изменений в системе управления и получаемых результатах нашей жизнедеятельности.

Слабость человека, семьи, рода, этноса, народа, общества, государства, любых организационных структур *содержится внутри них* и подпитывается их мышлением, поведением и деятельностью. В течение человеческой жизни, не говоря уже об истории, внешние условия и факторы (обстоятельство) могут меняться в разных направлениях — в диапазоне позитивных и негативных с широкой градацией. Здесь не всегда что-то зависит от нас, и приходится воспринимать судьбу (ее «подарки») такой, какой она получается на самом деле. Но главной *опорой*, рычагом выхода из положения всегда выступает воля, причем в сложном сочетании своей и чужой. Они всегда взаимодействуют, и надо, чтобы люди умело выстраивали требуемое *взаимодействие*.

Тем самым важное значение в управлении принадлежит послышке, состоящей в том, что оно должно представлять собой «*одну управляющую волю*». Конечно, такое определение во многом условно, аллегорично, потому что даже в одном небольшом субъекте управления из десятка человек вряд ли осуществима одна управляющая воля: сложение волей еще не дает одну волю. Но смысл данной послышки принципиален для управления в силу того, что именно *так формируется управленческий потенциал* любой управленческой системы и их совокупности.

Сразу же приходится отмечать, что одной, точнее *объединенной управляющей воле* противостоят все сегодняшние либеральные сентенции: о суверенной личности; о персональной свободе; о свободной воле; о всевозможных «само» и множество других. Выступающие с подобных позиций (вроде бы любви к человеку) однозначно делают вид, что они не знают закономерностей и форм современной общественной жизнедеятельности, особенно производства и потребления, с соответствующими технологиями. Почему-то когда речь заходит о человеке (который действительно должен быть в *центре внимания*), сразу же забывается та биосоциотехносфера в которой он существует и творит свою жизнь. Говорят о глобализации, технологизации, информатизации, интеграции, системности, взаимозависимостях и прочих явлениях, но тут же без веских объяснений уходят от ответов на вопросы: а как все это происходит, за счет *каких* механизмов и сил осуществляется?

Пора бы нашим «интеллектуалам» как-то *соединять* «концы с концами». Нельзя же, право, с одной стороны, желать, чтобы все крупные, обеспечивающие нашу жизнь, системы — энергоснабжение, коммуникации, космос, оборона, продукто-снабжение, МЧС, научно-производственные комплексы, многие конкурентоспособные корпорации и т. д. — функционировали как часы, а с другой — активно внушать человеку, что он, видите ли, свободен, самодостаточен, может посвящать себя утехам, наслаждениям, потреблению благополучия и прочим возможностям зажиточной жизни, причем *без упоминания* того, что все ресурсы счастья надо добывать, что они с неба не падают, а являются *плодом ума и рук человека*. И компьютер, при всех его возрастающих емкостях и быстродействиях, не заменяет нашего труда. Да и обыденные приятности человека в большинстве значимы для него, когда он их разделяет с другими. Надо бы биологическую и социальную сущность человека приводить к *общему знаменателю*. А то все хотят жить хорошо, а вот хорошо работать многим не хочется. Противоречия, разрушающие все умозрительные конструкции наших «интеллектуальных» умов!

Если главное в управлении выражается в управляющих воздействиях (целеполагание, организация, регулирование),

то им, логично, должно отвечать «исполнение». Это основы основ управления, ибо любые по целям и содержанию управляющие воздействия не имеют никакого смысла в случае их неисполнения. Однако, многие авторы пишущие о жизни и управлении ею, на *стадию исполнения* решений, норм, правил и т. д. не обращают должного внимания. Требуют суровых законов и нормативных правовых актов, но не изучают основания, причины, обстоятельства, из-за которых правовые установления остаются в форме их *провозглашения*, а жизнь идет по своим предназначениям. Порой не только широкие массы граждан, но и должностные лица не очень ознакомлены с законодательством и уж тем более не стремятся управлять в соответствии с ним. В печати отмечалось, что до 30% поручений даже Президента РФ не исполняется в срок и надлежаще. Что тогда говорить о решениях нижестоящих руководителей?

Одна управляющая воля как раз и необходима для обеспечения исполнения. Она, если существует в управленческих системах, является *гарантом* того, что управленческое решение субъекта управления будет принято во внимание, понятно, осмыслено и исполнено в обозначенных параметрах. Но именно здесь возникают сложные ситуации, которые следует познавать и, соответственно, учитывать в управленческой практике.

Во-первых, речь идет о *смыслах управленческих решений* и, естественно, о волеизъявлении субъектов власти-управления. Многое в них связано с тем, насколько субъекты власти-управления схватывают и отражают запросы общественной жизни, потребности, интересы и цели повседневного существования людей, хотя бы в своих управляемых объектах. Разрыв, контраст, противоположность смыслов управленческих решений и *реалий бытия* трудящихся и приводит к тому, что их не хотят исполнять, ими возмущаются, их «обходят» либо игнорируют. Логично, что в таких обстоятельствах вступает в действие *сила власти*: начинается давление, подчинение, наказание. Все автократизмы, авторитаризмы, деспотизмы, тоталитаризмы и иные потому-то и являются *таковыми*, что адекватные им субъекты власти-управления осуществляют противочеловеческое, антинародное управление. Поэтому когда описываются управленческие явления, отношения

и процессы, всегда надо видеть, исходя из чьих потребностей, интересов и целей формируются и реализуются управляющие воздействия. Здесь опыт истории многому учит, хотя тех, кто его усваивает, весьма мало.

Во-вторых, в виду имеется *управленческая подготовленность* населения, т. е. понимание людьми актуальности и необходимости управления как для себя лично (самоуправления каждого), так и для своих коллективов, территориальных общностей, общества и государства в целом. Когда веками субъекты власти-управления отчуждены от массы людей, издевательски относятся к ним, сами пребывают в роскоши, а их держат в полунищенском состоянии, а к тому же еще в отместку за это в стране проповедуется нигилизм, анархизм, непослушание, изворотливость и т. п., то трудно надеяться, что люди будут с уважением относиться к управлению и рьяно исполнять управленческие решения. Разумеется, «что сеем, то и жнем».

Кстати, особый *провал* в исполнении управленческих решений произошел в годы перестройки и либерально-демократических реформ. На глазах людей посредством организационно-правовых актов властей предрержающих вершились вопиющие явления, которых до того еще не знал так называемый цивилизованный мир. Возникла ситуация, при которой говорить трудящимся, да и большинству персонала субъектов управления о целесообразности рационального и эффективного исполнения управленческих решений просто *неудобно, стыдно*, «язык не поворачивается». Между тем говорить надо, и громко, и настойчиво.

Не может страна (и каждый из нас в ней) надежно существовать, если мы все вместе и каждый отдельно *не научимся и не будем управлять*. Хотя у нас слабовато обстоят дела с правом, законодательством, законностью и правопорядком, мы говорим о *правосознании*, без которого все названные явления не могут состояться. В условиях масштабного разгула, разложения, разврата и т. д. говорим о *морали*, которая тоже является спасительной нитью.

Подожли, полагаю, и к тому, чтобы говорить *об управленческом сознании*, которое необходимо формировать у каждого и, особенно, у субъектов власти-управления. Любой граж-

данин Российской Федерации должен иметь элементарную управленческую подготовку, позволяющую ему умело, толково, полезно строить себе достойную жизнь. Это постепенно и приведет к тому, что его воля сможет органично вписываться в общую (объединенную) управляющую волю и таким образом сообщать обеспечивать социально-экономическое развитие и гарантированную безопасность страны.

В-третьих, источником, импульсом и движущей силой формирования и действия «одной» управляющей воли, интегрирующей коллективные (групповые) и единичные воли, выступают *организация и правовые статусы субъектов* власти-управления, их взаимосвязи, координация и субординация и, соответственно, практические взаимодействия. В этом аспекте у нас тоже здесь гуляет большой блуд. Запущены невиданные представления о том, что рынок — это абсолютная свобода поведения производителя и потребителя (каждый воротит как может); что предпринимательство — это некая тайна, закрытость, неподконтрольность (лишь хозяин знает, что к чему); что СМИ — это вещь в себе и для себя, они глашатаи того, что считают нужным огласить, хотя почему-то непременно на этом зарабатывают себе большие деньги; что постмодернистское творчество — это ничем не ограниченное, даже эстетикой, самовыражение автора (любого в любой форме и любом содержании) и т. д.

Но хуже всего то, что *идеология своеволия*, которая до известных пределов терпима, получила распространение среди субъектов власти-управления и нашла зримое воплощение в их организации и законодательном регулировании. Даже территориальное управление в стране не приведено в четкую систему. Существуют: президентская вертикаль со своей администрацией, представителями на местах и подкурированными федеральными исполнительными органами; система федеральных органов исполнительной власти с Правительством, его аппаратом, министерствами, службами и агентствами тоже с соответствующими структурами на местах; губернаторы, президенты, правительства, администрации, министерства в субъектах Федерации с низовыми своими органами; главы и администрации муниципальных районов; главы муниципальных образований.

С одной стороны, совокупность этих органов как-то связана между собой, хотя бы Конституцией Российской Федерации, которая *равно* обязательна для всех, однако, с другой стороны, некоторые претендуют на, независимость, бесконтрольную свободу деятельности, отдельные — и на «суверенность», «самостийность». В последние годы немало сделано по усилению *субординации и координации* между органами территориального управления. Вместе с тем объективные результаты управления и внутреннее состояние межсубъектных взаимосвязей свидетельствуют, что пока еще *рановато* утверждать о том, что сформирована объединенная (общая) управляющая воля. О бизнесе в этом аспекте и сказать нечего, поскольку он вообще действует по законам джунглей (рейдерство). В системе общественного управления тоже положение не лучше, хотя у нас все еще безобразия оправдываются «первоначальным» накоплением капитала и «первыми» шагами демократии. А ведь времени прошло уже немало.

В-четвертых, влияют, разумеется, и более *широкие* условия и факторы. Личностная и общая (объединенная) управляющая воля в определяющей степени зависит *от состояния* жизни общества и человека в нем. Это состояния не поддается количественным и качественным описаниям. Здесь плохо срабатывает и статистика. От того, что такое-то ВВП в целом или на душу населения, для людей мало что значит. Один миллиардер — в долларах, а 100 тыс. человек — без ничего, а если вывести среднестатистическое, то получится, что каждый имеет 10 тыс. долл. У нас уже есть более 150 тыс. миллионеров, о которых только и показывают кинофильмы и телепередачи, но ведь они составляют всего 1/1400 населения страны. А живут все. Как?

Состояние жизни общества характеризует *взаимодействие* экономической, социальной, духовно-культурной и политической сфер. Дает ли это результат и как оно ощущается людьми? Важное значение в нем (состоянии) принадлежит не только тому, как сегодня живут массы людей, но и какие оно открывает *перспективы*. Жизнь объективно ориентирует людей на будущее, что предполагает существование в стране четкой, полной (по структуре жизни) и обоснованной *стратегии развития*. Без нее нельзя практически вершить какие-либо

крупные дела: строить заводы, транспортные магистрали, научно-производственные комплексы (технопарки), проводить фундаментальные исследования, формировать программы образования и т. д. А как функционировать множеству управленческих систем при отсутствии масштабной стратегии? Накапливать прибыль и пускать ее в потребление, что и делается повсеместно. Нельзя упускать из виду и такие качества состояния жизни, как ее *устойчивость, надежность, гарантированность*. Когда бесконечно что-то меняется непонятно почему, когда законы, по которым люди должны жить, логически не продуманы, когда человек, приобретая что-то, не знает, что с этим будет завтра, когда во внешней и внутренней политике нет *твердого стержня*, то людям трудно вырабатывать и практически осуществлять линию своей жизни.

Состояние жизни общества — это многогранное, комплексное явление, которое влияет на человека со дня его рождения до смерти. Именно оно множеством своих импульсов, каналов, элементов постоянно и неуклонно формирует личностную и общую (объединенную, одну) управляющую волю. Человек должен видеть, что в обществе есть что-то *большое*, актуальное, исторически значимое, на реализацию чего оно направляет свои усилия. А это большое требует и твоей воли, которая не только будет сопряжена с другими, но и получит от них поддержку, понимание и признание. К сожалению, наше общество в целом над такими проблемами *мало задумывается*: идет упование на какие-то силы, ресурсы, механизмы, которые будто бы помимо нас приведут страну к благополучию и безопасности. Даже для осознания состояния своей жизни боимся напрячь свою волю.

И в-пятых (последнее), о том, что уже отмечалось (в очерке 3), о *связанности духа и воли*. Потому, что именно дух строит, поддерживает и укрепляет волю, но дух сам должен иметь какие-то основы, *опорные точки*, которые его питают. За последние 150 лет российская власть и элитная интеллигенция посредством проповедей нигилизма, анархизма и радикализма немало «поработали» над тем, чтобы «*русский дух*» (А.С. Пушкин) унизить, оскорбить, дезориентировать, парализовать. Столько десятилетий гражданину России навязывалось ощущение неполноценности, второсортности, заблужде-

ний, ошибок, неспособностей и многого другого, что, конечно, не укрепляет внутреннюю силу, гордость, достоинство. Даже высшие проявления русского духа, в котором, естественно, всегда соучаствовали все народы Руси-России, методически и каждый раз под «новым» углом зрения подвергаются фальсификации, инсинуации, остракизму, шаржевому изображению, осуждению, очернению и проч. Какие сюжеты, события, происшествия, деяния давних либо новейших времен не возьми, то часто получается, что не как думали, не так делали, не туда смотрели и не в ту сторону шли.

Простительно было бы, если бы все это делали чужие, оппоненты или недруги. Первенствуют здесь свои, особенно представители «продвинутой» элитной интеллигенции, которые обычно и во власти, и при власти. Ну, хорошо, не нравится страна, так уезжайте за границу и наслаждайтесь там жизнью. Так нет и там упражняются в том, чтобы что-то плохое сказать о Родине — Отечестве.

Приведу слова, которые мне всегда причиняют глубокую боль: «Россия пережила революцию. Эта революция не дала того, что от нее ожидали. Положительные приобретения освободительного движения все еще остаются, по мнению многих, и по сие время по меньшей мере проблематичными. Русское общество, истощенное предыдущим напряжением и неудачами, находится в каком-то оцепенении, апатии, духовном разброде, унынии. Русская государственность не обнаруживает пока признаков обновления и укрепления, которые для нее так необходимы, и, как будто в сонном царстве, все опять в ней заснуло, сковано неодолимой дремой. Русская гражданственность, омрачаемая... необычайным ростом преступности и общим огрубением нравов, пошла положительно назад. Русская литература залита мутной волной порнографии и сенсационных изданий. Есть от чего прийти в уныние и впасть в глубокое сомнение относительно дальнейшего будущего России»¹. Это было написано С.Н. Булгаковым (1871 — 1944) — (философом, богословом) — после Первой русской революции 1905 — 1907 годов. Как видно из текста, ситуация удручающая, последствия — драматические.

¹ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. Вехи интеллигенции в России. М., 1992. С. 43.

Казалось бы, что это должно было насторожить, встряхнуть и заставить задуматься *правых и левых*, императорский двор и подданных. Увы! — нет, и через 12 лет страну втягивают во вторую полосу революций, которые порождают практически ту же самую ситуацию с теми же самыми последствиями. Только в 60-х гг. страна начала более-менее развиваться. Но в 80-х перестроичники и либерал-реформаторы *третий раз* в течение века преподнесли стране еще одну революцию (демократическую), вследствие которой она и стала почти такой, как видел ее С.Н. Булгаков в 1909 г. К тому же совсем с другими территорией и населением.

Для чего я об этом напоминаю? Для того, чтобы привлечь ваше внимание к тому, что очевидно в России имеется немало людей, которым почему-то не нравится наша страна и ее народы. Чужим подобное отношение простительно, своим — оно неприлично. И дело здесь не в том, чтобы восторгаться отеческими безобразиями, тупостью, неграмотностью и т. п. там, где они есть, а в *восприятии* того, что касается Родины. Легче всего всех во всем обвинять, а самим ничего не создавать. Вместо того, чтобы заниматься критикой и самокритикой, посыпать голову «пеплом», стонать, лучше было бы приобрести всем «крикунам» *элементарную волю*, которая обычно является основанием мужества, героизма, выдержки, преодоления испытания, устойчивости, и в соответствии с ней управлять своим мышлением, поведением и деятельностью, а при случае или поручении — и другими людьми.

Несмотря на реальные ошибки и заблуждения, утраты и разрушения, нашим людям есть чем *гордиться*, есть на что *опереться*, есть с чем *идти в будущее*. Следует только отделять плохое от хорошего, а не смешивать все в одну кучу. Пора совсем *по-новому* взглянуть на смысл и сущность «*русского духа*». Это особенно актуально, если посмотреть на то, что происходит в западной цивилизации и ее форпосте — США, причем не в аспекте развития техники и технологий, а именно того, что с пафосом именуют «человеческий фактор», «человеческий потенциал», «человеческий капитал» и т. д. Какие там действуют, проповедаются и утверждаются *идеалы, ценности и цели*? И что они несут всему человечеству в будущем? Печально, когда серьезнейшие процессы не анализируются и

не продумываются. Многие-многие у нас просто цитируют западных авторов, но *вовсе не вникают в смысл их позиций*. В этом я усматриваю самое слабое, уязвимое и беспомощное место в «русском духе».

Таким образом, с одной стороны, воля и управление тесно *взаимосвязаны друг с другом*, и воля выступает, как уже отмечалось, условием, предпосылкой и фактором управления, но с другой — сама воля в разных ее проявлениях есть продукт (результат) действия очень многих генетических, исторических и социальных оснований. В итоге вырисовывается сложная комбинация множества обстоятельств и сил, которые и воспроизводит то волевое состояние, в котором находится российское общество и каждый человек в нем.

В целом, если наши народы выдержали тысячелетние испытания суровым климатом, трудной добычей куска хлеба, бесконечными происками окружения по периметру своих границ и другими «уроками» истории, то это свидетельствует о том, что в своем «ядре» они обладают *сильной волей*. Они выстояли, победили в кризисные моменты и существуют. Об этом нельзя никому и никогда забывать. Вместе с тем нельзя не сказать, что к настоящему времени вследствие многих причин, в том числе и от исторического перенапряжения и утрат в его процессе большого числа лучших людей, уровень волевой подготовленности и волевой силы общества заметно ослаб. И недооценка в управлении волевой компоненты тоже говорит об определенной *усталости и инертности* не только среди населения, но и персонала субъектов власти-управления. Ничего не проходит бесследно и все можно понять.

Между тем активно происходящие в мире, на планете Земля, перемены, как бы их ни обозначать и в чем ни усматривать (постиндустриализм, глобализация, информатизация, столкновение цивилизаций, новое лидерство, технологизация, постмодернизм, энергоэкологическая революция и т. д. и т. п.), не оставляют России иного выбора, как *мобилизовывать все свои ресурсы на масштабный подъем своих производственных сил*. Здесь не обойтись программами по отдельным отраслям, «национальными проектами», которые как начало, отправные точки, безусловно, актуальны и необходимы. Но по сравнению с ГОЭРЛО 20-х гг., они, конечно, скромны и робки,

тем более при наличии значительных финансовых средств. Этого мало, и необходимо введение в действие источников, процедур, форм, которые при их реализации давали бы синергетический результат, превышали потенциал слагаемых.

Малые желания, чувства, стремления порождают и малые поступки и деяния. Только большие замыслы способны приносить большие результаты. Не всегда они удаются сполна, однако сам факт их существования, *борьба и труд за них* преобразовывают человека, наполняют богатым содержанием его жизнь.

Если окинуть взором любую человеческую судьбу, если посмотреть на историческую борьбу любого народа, то нетрудно увидеть, что все определялось в них волей. Сильная воля создавала сильные мысли, она же им подчиняла поведение и деятельность и, логично, вела к великим делам. Нельзя допустить, чтобы нас низвели к обывательству, мещанству, филистерству, жизни «моя хата с краю». *Согнувшийся народ* уже никогда не выпрямится.

Поэтому я полагаю, что воля — личностная и объединенная, общая, имеет в управлении гораздо большее значение, чем власть. О последней — грядущий очерк, но здесь скажу, что без настоящей, сильной, жизнеутверждающей воли власть не на многое способна. Были у нас хвастуны, которые гордились своей чуть ли не абсолютной властью, а страну доводили до беды. Почему: слов говорили много, а воли для их практического осуществления не имели либо ее не хватало. Кроме того, будучи властными лицами высшего уровня, они не понимали значения «одной управляющей воли». Творили идеи, концепции, реформы, программы и т. д., а никто на них не обращал внимания.

Отсутствие воли в управлении приводит к драме, а то и трагедии в управлении (читайте В. Шекспира). Вне опоры на нее любая власть становится иллюзорной, призрачной, пустым сотрясанием воздуха своими «велениями». Хотел бы, чтобы высказанные в данном очерке размышления заставили каждого читателя задуматься о своей воле, попытаться определить ее потенциал и, при необходимости, серьезно заняться ее развитием. Тем более, когда кто-то уже является управленцем, руководителем, обеспечивает своей

волей поведение и деятельность своих подчиненных и коллег. Жизнь — личная и общественная — «штука» трудная, тяжелая, в ней страдания и боль нередки. Но *жить надо*, значит надо формировать и укреплять свою волю. Каждый день и каждый час! Это то, что действительно находится в наших руках, зависит исключительно от нас. Здесь — мы Хозяева!

Очерк 5. ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ (социальный аспект)

Власть имеет определяющее значение для управления. Она по сути творец управления. Однако в России за редким исключением (кратким — по времени и локальным — по содержанию), между властью и управлением не сложились *объективно необходимые взаимозависимости*. Если бы они были, то, скорее всего, история и нынешнее состояние России были бы совершенно другими: рациональными и продуктивными, без особых смут, кризисов, революций и перестроек, заблуждений, провалов. Причем этот тезис касается *всех видов власти*: государственной (на ее уровнях, в том числе местном — местного самоуправления), власти собственности (богатства, денег, иных ресурсов), власти общественных объединений и партий, информационной власти. Вроде бы все они есть и весьма мощны организационно и ресурсно, но вот *результаты их функционирования* вряд ли соответствуют общественным и личностным потребностям и их надлежащему удовлетворению.

Как подсчитал академик Н.П. Федоренко, бывший долгое время директором ЦЭМИ РАН, «фундаментальный вывод... состоит в том, что Россия на сегодняшний день использует всего 2,4–2,7 своего совокупного национального ресурса, тогда как в США коэффициент полезного использования национального богатства в 10 раз больше (28,5%). В странах Европы этот коэффициент еще выше и достигает 50%, а по отдельным видам природных ресурсов (земельные угодья, уголь, нефть, газ, водные ресурсы) зашкаливает за 75–80%»¹. Дело здесь не в том, как многие полагают, что у нас огромные богатства и нам, мол, достаточно, их использования на 3–4%, и наши «верхи» выдают за свою большую заслугу то, что мы «вышли на объем на душу населения в 10 тыс. долл. Но при этом почему-то забывают, что в странах Западной Европы объем ВВП уже более 30 тыс. долл. и тоже движется вверх, не говоря уже о США — более 40 тыс. долл. И кроме того (а это главное),

¹ Федоренко Н.П. Россия: Уроки прошлого и лики будущего. М., 2001. С. 57–58.

что в этих странах за историю их существования накоплено масштабное имущество в виде дорог, домов, транспорта, коммунального хозяйства, объектов бытовых услуг, здравоохранения, образования и т. д. и т. п., которое нам *приходится создавать* чуть ли не заново, поскольку то, что имеется, весьма устарело и низкого качества.

Суть в другом: когда надо о чем-то размышлять, в данном случае о соотношении власти и управления, то следует прежде всего четко определять *основания, цели и критерии теоретических поисков*. Если ограничиваться сущим, скажем, нашими деревнями, поселками, городками и районными центрами и уровнем жизнедеятельности их населения, то, собственно говоря, и писать нечего. Как-то люди жили всегда, как-то живут и сегодня, будут жить и завтра. Но если *поднимать планку* нашего бытия, сравнивать ее с лучшими достижениями в мире, то, разумеется, суждения, оценки и выводы будут иными. Именно *точка зрения* диктует ход мышления и те результаты, к которым оно подводит. К сожалению, много еще у нас убогих ориентиров, и не только у «простых» людей, которые как бы *консервируют и оправдывают* нашу отсталость («ведь есть и более отсталые»), неумение основательно делать дело («имеются и еще хуже работающие»), смирение с недостатками, провалами (а кто не ошибается), невероятную выносливость в беде (хлеб всегда добывается в поте лица своего) и многие иные, которые необходимо не терпеть, не мириться с ними, а *преодолевать, изживать, считать* недопустимым и постыдным. Иначе ничего заметного никогда и не произойдет.

Само собой понятно, что судьба страны, населяющих ее народов и отдельных личностей определяется множеством обстоятельств, причин и движущих сил. Всех их не перечислить, даже в конкретной ситуации. Но нельзя не видеть и не понимать того, что важнейшим, основополагающим фактором общественного состояния и развития, к тому же постоянно проявляющимися и в жизни каждого человека, выступает власть, ибо из того, что нас окружает в обществе, это явление (феномен, категория) наиболее существенно и действенно в осуществлении наших потребностей и интересов, идеалов и ценностей. Можно сколько угодно кичиться своей свободой,

упражняться в инакомыслии, заниматься творчеством, реализовывать свое «Я» (или «Я-концепцию»), но стоит власти пошевелить «пальцем», как от этого мало что останется. Разве что воспоминания, и то, если они будут властью разрешены.

Кажется, что все это предельно очевидно, *наглядно*, выведено на тысячах сюжетов и ситуаций, но, по странным причинам, робко и ограниченно исследуется. Здесь нельзя радоваться той критике, тому «разбору», который раздается по поводу прошлого. Ведь он не отличается глубоким анализом, вскрытием его источников, выработкой каких-то профилактических мер. Причем, так было при смене всех режимов: ругали ушедшее, но были довольны нынешним, пока оно не ушло, чтобы затем приняться за него. А необходимо основательное исследование *сущности власти* и ее предназначения, без конъюнктурных подходов и правых-левых политических позиций.

Власть принадлежит, что же отмечалось в очерке 1, к числу *естественно-общественных явлений*, вызванных к жизни *объективными* условиями существования людей. Она представляет собой (повторю еще раз) *право и способность владеть, пользоваться и распоряжаться ресурсами* (теми и в той мере, в какой они значимы для человеческой жизнедеятельности), из-за чего и формируются те общественные отношения (связи, взаимодействия), в пределах и под влиянием которых *люди*, в силу действия разных *ресурсов* — материальных, социальных, информационных, административных и т. д., — добровольно (осознанно) или по принуждению признают верховенство воли других, а также целевых, ценностных, нормативных установлений и в соответствии с их требованиями совершают те или иные поступки и действия, строят и изменяют свою жизнь.

За тысячелетия своего существования власть подвергалась многообразной мифологизации. В интересах тех, кто обладал либо к ней устремлялся, власти давно придан мистический характер, нечто дарованное кому-то неизвестно за что. Ее неслучайно связали с разного рода верованиями (религиями) и постарались представить в качестве божественной конструкции, врученной отдельным людям для руководства массой других. Иерархи религиозных образований и сами ста-

ли властью по отношению к своей пастве и благословили на господство над подданными светскую власть. В результате на власть до сих пор наброшена пелена тайны, проникнуть под которую могут только избранные. Даже в развитых демократиях она только чуть-чуть приподнята, главным образом во время избирательных компаний. А что делается во «дворцах» власти постоянно, как никто ничего и не знает.

Между тем источником и наполнением (субстратом, «веществом») власти (всех ее видов и проявлений) выступает *объединение людей и создаваемые ими ресурсы*. Только объем, мощность и плотность объединения людей и их ресурсов определяют силу власти и ее возможности. Это относится ко всем видам власти, что бы по этому поводу ни писалось и ни говорилось. Как бы власть ни освещалась, ни преподносилась, ни изображалась, ни возносилась и прочее, ее *основание* («подпитывающая энергия») всегда находится внизу — *среди людей и ресурсов территории их проживания и их труда*. Если, по преданию, блистательный король Франции Людовик XIV провозглашал, что «Государство — это я», то мог он это делать не по причине своей мудрости и силы, а потому, что он владел обширной территорией и населением, которое на ней трудилось и ее защищало. Он всего лишь *пользовался и распорядился* плодами (результатами) всего этого. Возможности любого типа и вида государственной власти напрямую формируются тем, каковы территория и население государства и каков их ресурсный потенциал.

Вроде бы давно утверждается, что (цитирую) «если отправляться от государства как от некоторой целостности, то в составе ее приходится установить следующие *всем известные элементы*: 1) территория, 2) население, 3) власть, 4) организованный порядок»¹ (подчеркнуто мною. — Г.А.). Но у нас по-прежнему государство *отождествляют* с государственным аппаратом (что бы он ни «творил», все приписывают государству — территории и населению), а власть, которая принадлежит народу и им формируется, относят к *руководящему звену* государственного аппарата, а внутри него главным об-

¹ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 403. Примечание: Алексеев Николай Николаевич (1879—1964) — известный историк, философ права и государствовед.

разом — к *первому лицу*. И хотя, отдавая дань «известному», в Конституции РФ записали, что «носителям суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» (ст. 3.1), преодолеть понимание государства в рамках мышления Людовика XIV никак не удастся. Почти каждый, получивший власть, тут же забывает об ее источнике и основании.

Еще более закамуфлированной, «закрытой», умышленно оторванной от оснований выступает у нас *власть собственности*, особенно крупной. Порой собственность вообще не относят к явлениям власти, придавая ей сугубо экономическое значение. Мол, собственность — это результат труда того, кому она принадлежит: кто лично и хорошо работает, тот и приобретает собственность. Между тем еще К. Маркс писал: «...собственность, во всяком случае тоже представляет собой своего рода власть»¹. Поэтому сама по себе собственность может быть, конечно, священной и неприкосновенной (для пользования), но когда она выступает в виде власти (для других), то подлежит правовому регулированию в интересах общества.

Надеюсь, что вряд ли у кого вызовет сомнение утверждение о том, что собственность, включения в воспроизводственный процесс в форме *капитала* (возрастающая посредством использования), по своему источнику и механизму расширения представляет собой **способ присвоения (объединения) результатов труда многих людей**. И как бы не отдавать уважение талантам и рискам собственников, занятых предпринимательством, а не только роскошным потреблением, какое бы место в их собственности не занимали природные ресурсы, в конечном счете прибыль (доход) всегда создается людьми. И чем большее число людей *объединяют* свои усилия в работе на ту или иную собственность (государственную, муниципальную, акционерную, кооперативную, частную и т. д.), тем она выступает более весомой властью. В истории не зафиксировано случая, чтобы кто-то своим личным (индивидуальным) трудом создал крупную собственность. Только в наше время могут похвастаться большими личными доходами спортсмены и деятели искусства, и то лишь потому, что их самореализа-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 297.

цию поддерживает много людей (поклонников). Правда, такая собственность (богатство) в большинстве не становится властью. Собственность являет себя как *власть* тогда, когда ее поддерживают и расширяют *ум и труд наемных работников*, даже щедро оплачиваемых. Если оплачиваются, значит приносят искомую прибыль. В рыночных экономических отношениях сентиментальности, добродетели и благородства не бывает. Это — их закон, а меценатство и благотворительность есть всего лишь вложение в моральный авторитет, который часто тоже имеет экономическую либо социальную ценность.

Разумеется, что в обществе значительную по объему и многообразную по характеру власть создают *общественные объединения и политические партии*. В основном она распространяется на тех, кто входит в их состав. Но когда число объединяемых людей возрастает и занимает достаточно большой удельный вес среди населения страны, то властное влияние подобной структуры выходит за ее пределы и начинает сказываться на многом, в том числе на взаимоотношениях между такими общественными структурами.

Особо хотелось бы остановиться на освещении *власти информации* и соответствующих информационных средств (электронных, печатных, изобразительных и др.). Странно, но об этом влиятельном виде власти почти не пишут. Даже автор кратологии среди *сотен* видов власти не упоминает *информационный власти*¹. И это все в то время, когда со всех сторон звучит, что идет информационно-технологическая революция, мир охвачен процессами информатизации (Интернет), повсеместно внедряются информационные технологии, многие страны уже строят информационное общество, информация становится основным источником будущего развития, а для каждой страны все большее значение приобретают информационные ресурсы и многое иное в том же роде. Посредством информации и ее средств на планете создана совершенно *новая для всех ситуация*, при которой *виртуальный мир*, искусственно творимый средствами информации, и *объективная реальность*, создаваемая природой и

¹ См.: Халипов В.Ф. Энциклопедия власти. М., 2005. С. 443—444, 449—460.

людьми, настолько переплелись, сошлись в каком-то симбиозе, дополняют и зависят друг от друга, что порой и трудно, и невозможно разобраться, где и кто существует, что делает, отчего и почему что-то происходит.

Поэтому не замечать того, какую силу в обществе приобрела сегодня информация и ее средства, как она влияет на людей и нетрадиционные виды власти, полагаю, уже нельзя. Средства информации через слово, звук, образ оказывают сильнейшее воздействие на сознание людей и тем самым на их мышление и чувства, поведение и деятельность. Технические возможности информационной коммуникации в наши дни таковы, что *поступление информации* идет в каждый дом и квартиру, в автомобиль и везде, где бы ни оказался человек. Будучи здесь, еще более заманчиво. В отличие от государственной власти, действие которой ограничено территорией и населением государства, от власти собственности, которая всякий раз имеет свои пределы, не говоря уже о власти местного самоуправления, общественных объединений и партий, информационная власть *не имеет каких-либо границ, посредников либо препятствий*. Она свободно распространяется по миру и упирается лишь в способность своего влияния.

В этом смысле она все более теснит другие виды власти и практически всех их заставляет обращаться к ее потенциалу и даже в значительной мере подчиняться ему. Не только в нашей стране, но и в других, теперь редко можно увидеть, услышать или узнать напрямую («из первых уст»), что и как делают либо намереваются делать представители государственной власти, власти собственности, общественных объединений и партий. Все и почти всегда подается через корреспондентов, комментаторов, ведущих и т. д., которые как хотят, так и препарируют и комментируют информацию любых властных структур. Информационная власть действительно становится властью, используя потребности современных людей в информации и аккумулируя эти потребности в своих возможностях влияния. Ее природа и источник силы, несмотря на свою специфику, остаются в рамках власти как универсальной категории, определяются актуальностью информации для жизни людей и ее способностью объ-

единять людей вокруг нужных для них интересов и идеалов, ценностей и целей¹.

Вместе с тем при анализе власти (всех ее видов и уровней) необходимо всегда иметь в виду *три взаимосвязанных стадии* процесса ее существования:

формирование власти (зарождение, возникновение, становление, укрепление);

обеспечение функционирования власти (содержание аппарата, обслуживание, коммуникации, атрибуты и т. д.);

управление со стороны власти (воздействие, влияние, обеспечение развития тех людей и ресурсов, которые эту конкретную власть создают и поддерживают).

Приходится только сожалеть о том, что в исследованиях власти и, уж конечно, в ее *публичном* (от слова — *публика*) представлении, не делается различия процессуальных стадий ее *генезиса, источников развития*, а также направлений и форм ее *практического действия*. Обычно (традиционно) все исчерпывается описанием власти как какой-то данности, чего-то божественного, сверхъестественного, таинственной «вещи в себе и для себя». Отсюда и расхожее мнение о том, что «она (власть) неодинакова по своему характеру, содержанию и проявлениям в природе, в животном мире, во Вселенной, в человеческом сообществе (на разных этапах его развития), в разных странах, народах и ее отражению в их разных языках»². Такое неопределенное и «всеохватывающее» понимание власти приводит к тому, что вместо ее сущности нам преподносятся тысячи ее эпитетов, от самых возвышенных, поэтических до самых вульгарных, brutальных, которые, однако, *ничего не объясняют*.

Наверное, подобное положение *выгодно* самой власти, поскольку оно уводит от попыток измерения и оценки *власти*. Ведь если власть формируется посредством и в процессе объединения людей и создаваемых ими ресурсов, является *результатом* (и плодом, продуктом) этого объединения, то она, следовательно, имеет *социальную природу* (и ее нет ни в

¹ См. подр.: *Касельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / Пер. с англ. М., 2000; Информационные ресурсы развития Российской Федерации. Правовые проблемы. М., 2003 и др.

² *Халилов В.Ф., Башаратьян М.К.* Мир власти. М., 2005. С. 8.

естественной природе, ни в животном мире, а тем более, во Вселенной) и, исходя из нее, соответствующее *социальное предназначение*. Нельзя же, право, и в XXI веке полагаться на легенды о том, как власть вручалась ангелами (или архангелами), солнцем или еще чем-то, стоящим над основателями тех или иных королевских, царских либо императорских династий, или, если иметь в виду власть собственности, возникала вследствие уникальных дарований предков миллиардных состояний. Все — гораздо более земное, простое и легко просматривается даже обыкновенным взглядом (без микроскопа). Любая власть и формируется, и живет за счет *ресурсов естественной природы, ума и труда людей*.

Но когда мы признаем какое-либо основание, то по логике размышлений, должны четко следовать ему при построении какой-либо надстройки над ним. Люди испокон веков что-то делали всегда (дурью маялись редко!) для чего-то, с какой-то целью, для удовлетворения определенных жизненно необходимых *потребностей*. Значит, и власть формировалась, поддерживалась и защищалась ими не только ради того, чтобы у нее были Версаль, Виндзорский или Зимний дворцы, Персеполь, Запретный город (Китай) и другие величественные сооружения, в которых их хозяева утопали в роскоши, но скорее все-таки для того, чтобы она *управляла* совместными, коллективными, общественными поступками и действиями тех, кто эту власть «держит на своих плечах».

Объективно, в силу своей социальной природы и социальной сущности власть (любого рода, вида и уровня) имеет *одно единственное предназначение* (миссию, цель, функцию, задачу и т. п.) — *управлять жизнедеятельностью объединяемых ею людей*. Система доказательств здесь элементарная: если власть является продуктом объединения людей и вследствие этого получает право владеть, пользоваться и распоряжаться получаемыми от объединения ресурсами, то и направлять данные ресурсы она должна на удовлетворение и развитие потребностей и интересов объединяемого ею сообщества людей (будь то государство, муниципальное образование либо фирма). Таким путем реализуются как бы *обратные* (при взаимодействии субъекта власти-управления и управляемых объектов) и *прямые* связи (при управляющих воздействиях

субъектов власти-управления на управляемые объекты): сначала (снизу вверх) идет *аккумуляция* ресурсов (синергия, тектология, системность и т. п.), а затем *управление* (целеполагание, организация, регулирование) ресурсами в целях решения проблем, исторически возникающих перед объединяемыми властью людьми. Взятые или созданные ресурсы *возвращаются* обратно к людям и обеспечивают их существование и, соответственно, порождение новых ресурсов, и тем самым, *дальнейшее укрепление власти*.

Конечно, речь идет не только о благополучии каждого отдельного человека, входящего в определенные объединения людей (хотя оно и важнейшая функция последнего), но главным образом о сохранении и развитии *целостности* объединенных людей, например: государства, субъекта федерации, территориальной общины, акционерного общества, кооператива, фирмы, холдинга, компании и т. п., поскольку именно целостность выступает условием и средством гарантирования потребностей и интересов индивидуумов или их групп в ее в рамках. Распад целостности любого объема влечет за собой драматические последствия; от него страдают многие люди, число которых зависит от того, сколько их объединяет целостность. От разрушения государства, понятно, намного больше, чем от банкротства бизнес-структуры.

Здесь в качестве *закономерности (принципа)* должен осуществляться *кругооборот* между властью, объединяемыми ею людьми и добываемыми совместно ресурсами, в процессе которого под управлением власти жизнедеятельность людей приобретает все более высокие уровни — материальный, социальный и духовный. Понятно, что это лишь схема (формула) *долженствования*, которая не всегда «срабатывает» в реальности, в практике, но претензии в таких случаях (а их много) можно предъявлять уже не к схеме (формуле), а к тем обстоятельствам и причинам, людям и факторам, по которым она постоянно нарушается, причем оправданно и неоправданно, нужно или ненужно.

Все проблемы в этом отношении *возникают* в основном потому, что, обладая ресурсами, правом и способностью ими пользоваться и распоряжаться, власть неизбежно *должна направлять* их часть на обеспечение *собственного функцио-*

нирования. Власть осуществляется людьми с помощью большого набора материальных, финансовых, информационных, административных, интеллектуальных и иных средств. Безусловно, ей необходимы помещения, транспорт, коммуникации и многое другое. Представителей (носителей) властной компетенции (функций и полномочий) надо обеспечивать жильем, питанием, медицинским обслуживанием и т. д. с учетом, естественно, их семей. Разумеется, что уровень обеспечения функционирования власти призван быть достаточно *высоким*, поскольку, с одной стороны, власть владеет, пользуется и распоряжается ресурсами, и было бы наивным полагать, что она себя будет «обижать», а с другой она обязана управлять, а для этого тоже должна быть заинтересована в управлении (в противном случае надежды весьма иллюзорны).

Противоречия, сложности с многогранными следствиями начинаются при определении объема, предметного состава и способов использования средств, идущих на обеспечение функционирования власти, а более точно — *ее субъектов*. Здесь выбор всецело за субъектами власти, поскольку они-то и реализуют власть. При всех механизмах демократии, «проникновенности» СМИ, процедурах контроля и т. п. у власти всегда *есть возможность* и скрыть часть ресурсов, и доказать, что иначе нельзя их расходовать, и увильнуть от анализа, ибо еще никто снизу вверх ничего не контролировал, и приводить различные сравнения с кем-то (то ли с историей, то ли с каким-то зарубежным примером), и совершать еще какие-либо деяния *в оправдание* своего поведения и образа жизни. Все упирается в нравственные и ценностные ориентации субъектов власти. Если у них на первом месте стоят собственное богатство, погружение в роскошь, накопительство, богемное, гедонистское времяпровождение, к тому же наслаждение и упоение властью (все служат ему — «великому»), то зависящие от власти мало что могут. Разве что бунтовать в том смысле, как он описал А. Камю¹.

Кстати, и тот нигилизм, который с XIX в. широко распространился в мироощущении массы людей и весьма остро был представлен в творчестве Ф. Ницше, а практически вы-

¹ См.: Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / Пер. с франц. М., 1990.

разился в череде революций и потрясений XX в., тоже был инициирован *идеологией и психологией субъектов власти*, замкнутых на собственное эгоистическое благополучие. Из-за этого пролилось море крови и свершилась уйма бедствий, но особо не видно, чтобы что-то менялось, особенно в нашей родной стране.

Поскольку раскрытие «*внутренней жизни*» субъектов власти не является предметом данной книги, я отсылаю любопытствующего читателя ко множеству научных и художественных произведений, где все показано обширно, красочно и наглядно¹. Говоря обобщенно, в нашей стране, во всей ее истории субъекты власти в большинстве занимались именно «*своими делами*»: потребляли ресурсы власти для «властных» удовольствий либо использовали их в борьбе за ее передел, за возвеличивание одного в ущерб другому. Такие ориентации власти служили ранее и служат по-прежнему определяющим основанием наших исторических драм, постоянной отсталости по сравнению с европейскими странами, а теперь и с азиатскими, той бестолковщины, которая все еще характерна для российской жизни.

Хочу подчеркнуть, что дело не в том или не совсем в том, что наша власть отвлекает много ресурсов на обеспечение своего функционирования. Из истории хорошо известно, что власть никогда и нигде не бедствовала. Печально другое. Традиционно наша власть не очень любит заниматься делом управления. Ей больше нравится потреблять власть: во все времена стоило кому-то стать «властителем» — губернатором, уездным начальником, министром, дворянином (с большим поместьем), крупным купцом, промышленником и т. п., как он тут же начал перестраивать апартаменты, обновлять транспорт, расширять жилище, делать «парижский» гардероб себе и семье. За всеми этими «заботами» уже и времени и желаний управлять не оставалось. Были, конечно, прорывы, взлеты, просветления, которые сохраняли и развивали страну, но в большей степени

¹ См. напр.: *Третьяков В.Т.* Русская политика и политики в норме и патологии: Взгляд на события русской жизни. 1990—2000. М., 2001; *Соколин Б.М.* Продажа России (история и будущее отечественной приватизации). СПб., 2004; *Барзилов С.И., Чернышев А.Г.* Безумство власти: двадцать лет реформ. М., 2005 и др.

по причине личностного фактора, а не институционального, охватывающего все субъекты власти во всей их иерархии. Были «грозой» для многих субъектов власти Петр I, Екатерина II, Александр III, И.В. Сталин, вот тогда они и «крутились». Уходили такие авторитеты, все возвращалось на круги свои.

В результате и пришлось исследователю проблематики эпохальных и базисных технологических инноваций XXI века констатировать: «если сохранятся преобладавшие в 90-е гг. тенденции технологической деградации и отказа государства от поддержки базисных инноваций, то нас ждет перспектива отката на периферию мирового технологического переворота, снижения конкурентоспособности товаров и услуг и потери позиций не только на внешнем, но и на внутренних рынках. Разрушенный в 90-е гг. научно-технический потенциал будет невозможно возродить в течение десятилетий. Преобладающими укладами останутся четвертый и частично пятый. Немалая доля сохранится за третьим и реликтовыми укладами. Обеспечить достаточно высокие темпы экономического роста при устаревшей, физически изношенной технологической базе практически нереально»¹. Это обоснованный исторический приговор всем нашим *предыдущим* субъектам власти.

Правда, как истинный патриот страны, автор надеется на другую, более оптимистический, инновационный и мобилизационный сценарий, который может изменить вектор движения. Но, к сожалению, силы, способной вывести нас на путь динамического и устойчивого развития, он не обозначает. В таком ключе пишут многие. Объективно подают историю, объективно излагают современное состояние, объективно показывают общественные процессы и их динамику, но когда заходит речь о будущем, то практически все забывают об объективных закономерностях и уповают на чудо. Обычно желаемое выдают за возможное — возможное за действительное. Везде превалирует «необходимо», «должно», «должны» и т. п., адресуемые в пустоту. Кто «должен», почему «должен»; и далее, если «должен» кто-то и не делает это, то опять-таки «почему», как правило, не раскрывается.

Между тем *историческая беда* России воспроизводится не ее географическим, геополитическим положением или тя-

¹ Яковец Ю.В. Эпохальные инновации XXI века. М., 2004. С. 147.

желым почвенно-климатическим пространством (*объективные условия*), не социально-психологическими свойствами, духовной культурой или менталитетом ее народов (многонационального народа — по Конституции РФ) (*субъективный фактор*) — и не «кознями» ее западных, восточных и южных соседей (*международные отношения*), а только и исключительно философией и идеологией, ценностями и интересами, мотивами и целями ее субъектов власти, где, собственно говоря, и сосредоточено основное мировоззрение российской элиты¹.

Петр I «прорубил окно в Европу», надеясь на *встречное движение*, постижение европейской культуры, опыта и традиций, европеизацию страны, сближение народов континента и т. д. Но многие наши субъекты власти и элита, в том числе и та ее часть, которая даже «критиковала» власть (была в оппозиции к ней), возникшую ситуацию восприняли в своем понимании. Они (в качестве правила) избрали лучший для себя и *худший* для страны вариант мышления, поведения и деятельности. Заниматься обустройством огромной и сложной территории и, разумеется, развитием и благополучием ее народов было трудно, тяжело, требовало знаний, напряжения, упорства. Более легким и выгодным для них оказалось *взимание ресурсов* со страны, сосредоточение их как можно в больших количествах в своих руках и использование в благоустроенной Европе (*на готловеньком, сделанном другими*) для личной комфортной жизни. Никто еще не подсчитал, сколько такими людьми за 300 лет вывезено из страны ресурсов. Подобным образом поступало немало представителей императорского дома, дворянства, интеллигенции, купечества, бизнеса и т. д., — все зависело лишь от объемов ресурсов, которые удавалось заполучить. Не случайно эмигрировавшая после революций 1917 года значительная часть элиты, в том числе представителей субъектов власти того времени, сумела на Западе неплохо обосноваться.

Процесс *изъятия и вывоза* ресурсов, а также выезда их владельцев был, конечно, разным, но прерывался по сути

¹ См. подр. : Атаманчук Г.В. Управление: сущность, ценность, эффективность. М., 2006. С. 47 — 58 и других авторов.

лишь *один раз в истории* — при Советской власти, в основном в годы правления В.И. Сталина, что и позволило нам обеспечить ускоренную индустриализацию, победу в Великой Отечественной войне и превращение страны в сверхдержаву. Но уже в 60-е гг. он начал оживляться, расширяться, пока во времена так называемых перестройки и демократизации не приобрел гигантские масштабы. Здесь мы на самом деле оказались «впереди планеты всей», явив миру то, что он никогда и нигде не видел.

В результате комплекса происшедших перемен в 90-е гг. возник и укрепился своеобразный симбиоз государственной власти и власти собственности, который по характеру и иерархии можно (условно) расположить так:

представители руководящего звена федеральных и субъектов органов государственной власти (со своими помощниками и советниками) и представители крупного бизнеса (нувориши, олигархи);

представители руководящего звена органов местного самоуправления и представители среднего и малого бизнеса.

Разница между ними в *объемах* ресурсов, но ориентации весьма близки: безграничное обогащение и его активное потребление. Что, логично, с одной стороны, объясняет все уже случившееся и сегодня бытующее в стране (вывоз капиталов, коррупция, преступность, бедность и вымирание населения и т. д.), а с другой все более отдаляет нас как от западной цивилизации, так и от восточной, если иметь в виду Китай, Японию, Южную Корею, «молодых тигров». Добываемые ресурсы субъекты власти и близкие к ним представители элиты либо *вывозят* (объем здесь то уменьшается, то увеличивается), либо направляют на построение благополучия образца *высшего* европейского света в своих загородных дворцах. Конечно, не все такие, можно поискать и исключения, но в комплексных, системных исследованиях в основу надо брать лишь то, что *доминирует*, является преобладающим, создает тенденцию, становится определяющим *фактором* (силой).

Жизнь всегда устремлена в будущее, нацелена и подчинена его достижению. Управление тоже всегда ориентировано на будущее. Здесь они совпадают, но когда предвосхищается, прогнозируется, просматривается будущее и его начинают

программировать либо проектировать, когда формируется целеполагание в управлении, нельзя все это делать по поговорке «нарисуем — будешь жить». Основанием любого будущего, «завтра», является *прошрое и настоящее, реальное состояние* тех явлений, отношений и процессов, которые нам необходимы и опираясь на которые мы предполагаем идти вперед — в созидание будущего. Между тем вот этой самой *объективности*, четкой констатации реальных фактов, их источников и причин, их векторов и тенденции движения, их потенциала и сил активности и т. п., у нас не принято фиксировать. Их *заганнность и инерция не учитываются*. Вроде того, что, да, вчера было плохо, но завтра проснемся и все будет по-другому. Отсюда и в жизни и в управлении ею много иллюзий, навивностей, «прожектов», ошибок и заблуждений.

Если не вдаваться в историю, а ограничиться лишь нашими днями и попытками их переноса в будущее, то можно сказать *следующее*. Социально-экономическая ситуация (основа и для других ситуаций) у нас все еще весьма *противоречива и неустойчива*. В стране довольно быстро была приватизирована государственная и колхозно-кооперативная собственность, вследствие чего и ее объекты, и создаваемая ими прибыль сосредоточились в руках узкого круга людей. Идет дальнейшая концентрация капитала, который безусловно, озабочен *собственным воспроизводством*. По этим основаниям можно говорить об оживлении экономической жизни. Логично, что *торговый* капитал наполнил рынок многообразными товарами, которые не всегда доступны многим, но витринами создают впечатление обилия. Укрепился *банковский* капитал, подпитываемый в том числе и «теневой» экономикой, и теперь он ищет пути расширения финансового обслуживания населения (кредиты, ипотека, залог, сбережения и т. д.). Пошел разворот, хоть и медленный, *промышленного* капитала в область производства. Нам в XX веке благоприятствуют мировые цены на углеводороды и иное сырье, что существенно обогатило бюджет государства и создало базу государственных инвестиций. Окреп и капитал многих СМИ, что позволяет им нередко иметь самостоятельную позицию.

Все это — *положительные* аспекты, на которые в соответствии с еще советской традицией и акцентируют внимание.

Вместе с тем существуют и *отрицательные* моменты, которые для положения дел в обществе не менее значимы. Все не буду описывать, ибо это и невозможно, а о негативе знают все по своей жизни без разных дополнительных или комментирующих источников.

Привлеку внимание лишь к крупным, *исторически актуальным* явлениям. Скажем, сегодня справедливо указывают на рост инвестиций, что, конечно, хорошо, но не говорят об их *агрессности*. А ведь они в большинстве короткие, связанные со скорым возрастом капитала, и идут в производство товаров массового потребления. Передаваемые нам через такие инвестиции технологии носят в основном уже *отработанный* характер. Перемещается производство автомобилей, которые на Западе снимаются с конвейера. Для страны же самым важным является *состояние* основных производственных фондов (*производства средств производства*), которые в разных отраслях изношены в диапазоне от 90 до 30%. Сюда, кроме небольших бюджетных средств, наши (предпринимательские) и зарубежные инвестиции особо *не направляются*. Между тем именно здесь находится фундамент будущего технико-технологического развития.

Далее. Все вроде бы осознают, что в наступившее время (постиндустриализм) главным ресурсом создания будущего страны являются люди — граждане государства. Но население наше все еще сокращается. По разным прогнозам, в том числе ООН, оно к 2050 г. составит где-то 120 млн чел. И мало что в этом отношении может изменить иммиграция, которая к тому же способна резко повлиять на национально-этническую структуру населения. Конечно, есть надежды на национальные проекты. Однако дело даже не в количестве людей, а в их *качестве*, в рождаемой ими *энергии*. Наш соотечественник такое совокупное качество назвал *концентрацией пассионариев*. Он писал, что пассионарность нарастает в фазе подъема, достигает высшего уровня в акматической фазе, когда этнос предельно активен, начинает убывать в фазе надлома и постепенно сходить на нет в инерционной фазе, фазе обскурации и в реликтовом состоянии, когда развивается этническая дегенерация¹.

¹ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1989. С. 204 — 205.

Кто задавался вопросом о том, какова у нас пассионарность многонационального народа Российской Федерации и его отдельных наций (этносов)? Если народ уменьшается, стареет, болеет, ведет нездоровый образ жизни (пьянство, разврат, наркомания и т. д.), социально неустроен — *физическая* составная, к тому же — умышленно морально и интеллектуально разлагается, дезинформируется и дезориентируется — *духовная* составная, то что можно от него ожидать и какие на него возлагать надежды? Такие вопросы остро, тревожно не ставятся и не обсуждаются (как будто их нет), но это не мешает многим «энтузиастам» надеяться на великое и радужное будущее страны. Разве это серьезно?

И еще один момент, связанный с будущим и, закономерно, с интерпретацией сегодняшних мыслей и дел. В первые годы XXI века нам удалось выйти на 7-процентный ежегодный прирост ВВП. Этим постоянно гордятся субъекты власти. Но предпочитают умалчивать о том, от чего идет данный прирост: не от 90-го же года, который нам оставил социализм, а от 1997 — 1998 гг., когда ВВП упал больше чем наполовину. А если так, то много это или мало? Если столько лет восстанавливаем уровень 1990 года, то стоит ли так «возноситься»? Ведь критики социализма утверждают, что в 1990 г. в стране вообще не было товаров, люди начинали голодать и потому-то и потребовался переход к капитализму. Да и *реально* и объем ВВП, и уровень производительности труда и тогда, в лучшие годы социализма, не удовлетворяли потребности страны и на душу населения были низкими по сравнению с Западной Европой, особенно, с США. Это — как бы *сравнение* настоящего с прошлым. А какая ставится планка будущего? Куда и к чему ведут 7% прироста ВВП?

Приведу данные из доклада Всемирного банка, характеризующие состояние России и Канады — страны, которая по ряду параметров близка нам. 2004 г. — Россия: население — 142,8 чел., плотность — 8 чел. на 1 кв.км, ВНД — 487,3 млрд долл., на душу населения — 3410 долл., но с поправкой на ППС (разница цен) — ВНД — 1374 млрд долл., на душу населения — 9620 долл. Канада: население 31,9 млн чел., плотность — 3 чел. на 1 кв.км; ВНД — 905,6 млрд долл., на душу населения —

28 390 долл., но с поправкой на ППС — ВНД — 978 млрд долл., на душу населения — 30 660 долл.¹

Уровень жизни всегда определяется накопленным национальным и личным богатством и объемом ВВП (ВНД — мировой счет) на душу населения (хотя есть проблемы в его распределении). Канада с этой точки зрения не самая богатая страна в составе «восьмерки». Кто у нас *подсчитал* и откровенно сказал, сколько лет (десятилетий) понадобится для того, чтобы при 7-процентному росте ВВП наш народ добьется 30 000 долл. на душу? Так стратегически субъекты власти не смотрят, ибо многие из них дальше личных интересов и не заглядывают.

Не об этом свидетельствует суждение уже бывшего губернатора Новгородской области М.М. Прусака, относящееся к концу 2006 г.: «Не побоюсь сказать, что у нас вообще нет федеральной политики. Если бы она была, разве мы могли бы иметь такой разрыв между регионами? Он измеряется пропорцией, доходящей до 1:50. У нас 46—50 экономических укладов жизни, значит, должно быть 46—50 российских «территорий», «земель», «штатов» (национальные образования я сюда не включаю) со своими экономическими правилами. Но у нас по выравниванию территорий абсолютно ничего не делается. У нас все деньги и полномочия в Москве»².

Поэтому (!), пытаясь быть объективным и справедливым, нельзя *утверждать*, что уже все субъекты власти развернулись к интересам общества, сделали выводы из истории и выразили устойчивое намерение начать управлять общественными процессами, сознанием, поведением и деятельностью людей и готовы нести ответственность за это. Разумеется, как и в былые времена можно сыскать некоторое количество субъектов власти, которые поняли значение управления и заняты им. Но в общей их совокупности подобных субъектов власти явно недостаточно. Что они все-таки есть, вселяет *надежду*. В дополнение к ним более внимательно к управлению проявляют себя отдельные представители научного сообще-

¹ См.: Доклад о мировом развитии 2006. Справедливость и развитие. М., 2006. С. 272—273.

² Интервью с М.М. Прусаком. «Наша власть — дела и лица». Северо-запад. 2006. Сент. № 1(1). С. 7.

ства, средств массовой информации, актива общественных объединений и партий, «давит» и общественное мнение, показывающее в массе своей отрицательное отношение к ряду субъектов власти. Между тем, как показывает исторический опыт многих стран, подлинного подъема страны (уровень ВВП на душу населения по сравнению с нашими развитыми соседями) нельзя достигнуть усилиями отдельных государственных или муниципальных органов, патриотов-предпринимателей, «стахановцев» и героев, «ударников» труда и «бессребреников» — чиновников. Здесь необходимо именно и только *системное движение* в масштабах всей страны и при активном участии всех субъектов власти.

Таким образом, по-прежнему жизненно важными являются следующие положения:

1. Власть есть *продукт* и одновременно *условие и фактор* любой коллективно (общественно) осуществляемой жизнедеятельности людей. В современной биосоциотехносфере значение власти *возрастает*, хотя меняется соотношение между ее различными видами. Данное утверждение вовсе не противоречит расширению свободы, поскольку речь идет об *упорядочении* поведения и деятельности. Уловить и осмыслить направления и содержание изменений — основная задача науки и политики. Естественно, что возрастание роли власти подводит к тому, что в жизнедеятельности людей очень многое зависит от идеалов, ценностей и целей, преследуемых субъектами власти, от их потребностей и интересов, жизненной ориентации и практического поведения.

2. *Объективное предназначение власти* и ее субъектов всегда состояло и состоит в *управлении* жизнедеятельностью тех людей, которые своим объединением (свободным либо принудительным) породили данный вид и конкретный субъект власти. Несомненно, что между источником власти (люди) и ее исполнителем (субъект власти) существует определенное отчуждение и создаваемое им *противоречие*. В разных управленческих системах, естественно, разное. Ведь субъект власти (при всех его формальных параметрах) это человек или группа людей, которые в силу своего положения приобретают право и способность владеть, пользоваться и распоряжаться теми ресурсами, которые создают люди, дав-

шие им власть. А люди, как обычно, имеют свои личные потребности, интересы, цели, которые и стремятся прежде всего осуществить.

3. Управление со стороны субъектов власти является как раз способом *преодоления отчуждения и разрешения противоречия* между «властвующими» и «подвластными». Чем больше субъект власти направляет имеющихся в его ведении ресурсов на обеспечение и развитие жизнедеятельности объединяемых им людей (управляемых объектов), тем прочнее становятся взаимосвязи с последними, тем большую он от них получает поддержку, тем рациональнее и эффективнее имеет место функционирование и развитие соответствующей управленческой системы.

Опыт не только нашей страны, но и мировой, вплоть до сегодняшнего дня свидетельствует, что именно отсутствие управления или злокозненное управление со стороны субъектов власти, забвение интересов управляемых объектов *приводит* к нарастанию напряженности, конфликтам, кризисам, забастовкам, массовым процессам, беспорядкам, восстаниям и революциям. В таких событиях и деяниях, вызывающих часто катастрофические последствия, виноваты, как правило, власть, которая имеющиеся у нее ресурсы использовала не для управления, а для иных целей, чаще всего самообогащения.

4. Для реализации управленческого предназначения всем субъектам власти крайне необходим *духовный, интеллектуальный и нравственный потенциал*, который был бы достаточным для понимания сути и проблем управления и в этом отношении *превосходил* аналогичные возможности управляемых объектов. В самом деле, разве может состояться управление, если субъект власти не знает и не «схватывает» состояние управляемых объектов, их закономерностей и форм, не представляет, что, как и для чего они должны делать, в чем их жизненная миссия и в каком направлении им необходимо развиваться? В таком случае будет управление, ведущее к деградации управляемых объектов, либо всего лишь его имитация, от чего никому пользы нет. Но, *почему-то* именно предельно низкий уровень духовных, интеллектуальных и нравственных параметров субъектов власти встречается у нас сплошь и рядом. И никому не стыдно и никто из них не чувствует себя уязвленным, — все довольны.

5. Власть и управление, будучи общественными явлениями, воспроизводят в себе *культуру общества* (культуру как единство сознания, поведения и обеспечивающих институтов, способ жизнедеятельности людей), ею определяются и от нее зависят. Они, естественно, включены в целостный культурный процесс, в нем исполняют свою роль и оказывают влияние на другие элементы данного процесса. Грустно фиксировать, что в громадной российской философской, социологической, исторической, правовой, психологической, да и экономической (особо!) литературе познанию власти-управления, анализу их действия в тех или иных событиях, происшествиях, переменах, победах и поражениях и т. д. уделяется очень мало внимания. А в художественной литературе еще меньше можно найти сюжетов о том, а как же управлялись стройки и войска, заводы и производственные комплексы, исследовательские центры и образовательные учреждения, другие структуры. Вроде того, что все делалось само собой, автоматически, в силу стечения обстоятельств либо Божьей волей.

Думается, что сознание и поведение субъектов власти нельзя рассматривать изолированно, в отрыве от материального и духовного состояния общества, от массового сознания — стереотипов восприятия власти, от того места, которые люди им отводят в своей жизни, от того «следа», который они уже оставили своим «историческим» поведением. Здесь предстоит думать и работать всем над *авторитетом власти*, с тем чтобы превратить ее в высокое *культурное основание* исторического развития России. О предназначении власти и о его реальном воплощении можно писать до *бесконечности*. Каждый мало-мальски опытный человек, знающий жизнь вокруг себя и имевший то или иное соприкосновение с властью, может выразить собственное представление о власти и ее субъектах. Оно будет разным, но вряд ли удельный вес позитивного окажется превалирующим над негативным. И причины здесь не только в объективных трудностях и препятствиях, которые нередко возникают перед властью. Достаточно назвать войны или стихийные бедствия. Она — в другом: в *реальном поведении представителей власти* перед угрозами и опасностями, в ее честности и откровенности перед обществом и конкретными людьми. Когда власть занята делом управления, даже злостные ее противники многое пой-

мут и простят, а то и станут союзниками в спасении либо возрождении Отечества. Примеров в истории немало. Последний из них: деятельность В.В. Путина на посту Президента РФ.

В завершение следует сказать, что управление практически во всем *зависит от субъектов власти*. Последние тогда превращаются в субъекты управления, когда они все свои возможности, весь свой потенциал направляют на формирование и реализацию актуальных и действенных управляющих воздействий. Только реальность, действительность процессов управления со стороны государственных и муниципальных органов, собственников (бизнес-структуры), общественных объединений и партий, а также их результатов *in vivo общества*, может свидетельствовать о том, что субъекты власти выполняют свое объективное предназначение, служат интересам людей.

Если исходить из исторической судьбы России, о которой все-таки, многое (хотя и не все!) известно, из того, как в течение этого времени вели себя субъекты власти, то, конечно, особого воодушевления испытывать не получается. Даже в самые тяжелые, полные испытаний и бедности периоды наша власть всегда обладала большими ресурсами, можно утверждать, что была богатой. Это подтверждается хотя бы храмами, которые традиционно, до самого малого, были с золочеными куполами и золотым убранством внутри. Но *что-то* постоянно почему-то ориентировало субъекты власти на использование реальных огромных средств не для управления развитием и укреплением страны, а для собственных нужд, самообогащения и самовозвеличивания.

Очевидно произошел *большой разрыв* между сущностью власти как общественного явления, непосредственно связанного с жизнью людей, и идеологией и психологией субъектов власти, которые узурпировали *всеобщую миссию власти* и приспособили ее к применению в корыстных интересах. Неслучайно К.П. Победоносцев (1827–1907) — обер-прокурор Синода — полагал, что по идее своей власть основана на *правде*. И развивая его суждения, Л.А. Тихомиров (1852–1923) писал: «Правда это ни более ни менее как то, что *действительно есть, как основная реальность*, в противоположность всякой ошибке иллюзии или гипотезе. Правда — это основная сила,

не та, которая случайно, временно получает почему-либо преобладание, а та, которая по существу сильнее всех, высшая, основная реальность, хотя бы временно и случайно нами потерянная. Вот что такое есть правда. Она выражает коренную реальность человеческой жизни...

Только по отношению к этой высшей реальности, этой правде, познаем мы и *справедливость*, ибо справедливо то, что сообразно с правдой. Только отсюда мы получаем уважение к праву, которое есть формула справедливости»¹.

Правда, справедливость, как и *свобода*, и *ответственность*, являются глубинными основаниями человеческой жизнедеятельности, разумеется, коллективистской (общественной) и исторической. В жизни все хотят благополучия в рамках свободы и справедливости, но часто пытаются добиваться этого посредством именно неправды и безответственности. Подобное особо присуще субъектам власти. У них давно сложилось представление о *двух совершенно отчужденных мирах*, когда в своей среде субъектов власти действуют одни (собственно их) правила, идеалы, ценности, стиль жизни и т. д., а для управляемых объектов применимы *совсем другие*. Скорее всего, по данной причине многие преобразования в стране, вызываемые объективными потребностями ее развития и инициированные ее выдающимися людьми — Петром I, Екатериной II, Александром II и другими, занимавшими более низкое иерархическое положение, так осуществлялись субъектами власти, что они приводили чуть ли не к *противоположным* результатам. Субъекты власти подвели великие реформаторские замыслы Александра II к революциям начала XX века. Субъекты власти социалистические идеи — «живое творчество масс» (В.И. Ленин) свели к затхлой партноменклатурной системе их собственного диктата, которая и разрушила могучий Советский Союз. По такому же стереотипу новые так называемые демократические субъекты власти осуществляют современное переустройство страны, смысл и итоги которого ощущает каждый россиянин.

Почти везде и всегда в своей преимущественной массе субъекты власти отступают от правды и справедливости, от

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: СПб, 1992. С. 22.

свободы для людей и ответственности перед людьми. Соответственно, все это сказывается и на уровне управления общественными процессами (со стороны всех субъектов власти) и на уровне *управляемости* в обществе в целом. Выход здесь один, и с ним, наверное, согласится каждый: субъекты власти должны жить по тем же законам *нравственности, чести, достоинства*, которые являются обязательными для всех.

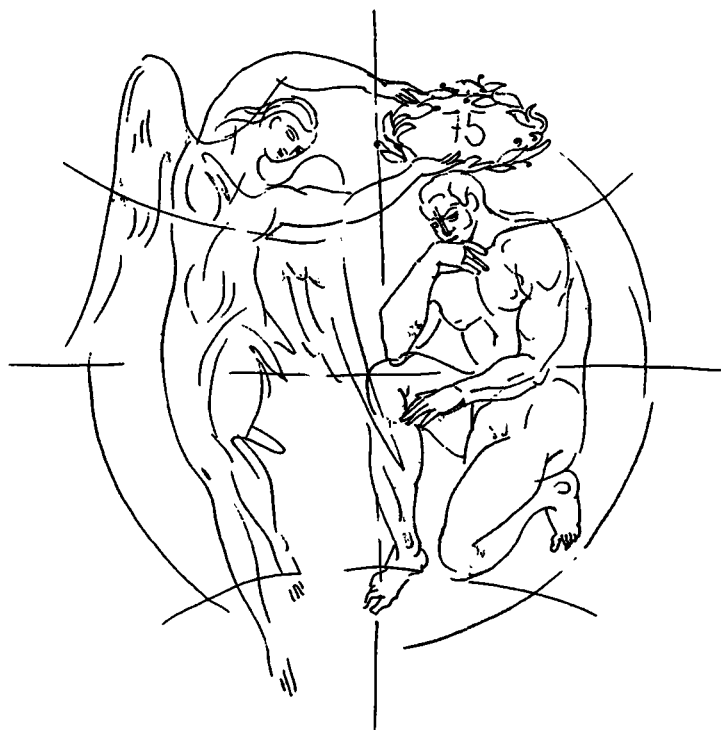
Таким образом, управление представляет собой одно из *свойств* биосоциальной сущности человека, позволяющее ему «продукты» своего сознания (идеалы, ценности, интересы, цели, нравственные и правовые нормы, религиозные верования и т. д.) практически воплощать в своем поведении и деятельности. Его реализация в течение огромного исторического периода многому научила человечество, поскольку все его великие созидательные и подлые разрушительные дела вершились с помощью управления, с использованием его потенциала. Управление было всегда вроде скальпеля, которым можно в равной мере и лечить и убивать. Так оно и проявляло себя, в зависимости от *выбора людей*. Вместе с тем наряду с личностным применением управление получило массовое осуществление в организации и регулировании *коллективистских* (общественных) взаимодействий людей. Оно состоялось как *повсеместно действующее* общественное явление. Сегодня в силу множества причин и оснований, о которых уже говорилось, управление значимо как никогда в прошлом.

Суть управления всегда состоит в том, что сознание *целеполагающе, организующе и регулирующе воздействует* на поведение и деятельность человека, подчиняет себе и заставляет достигать намеченных результатов. Та же *модель* существует и в коллективистских (общественных) отношениях, только здесь личностное сознание заменяет субъект управления — лицо, группа людей либо общественный институт, которые по разным обстоятельствам, основаниям и факторам были призваны управлять жизненными явлениями, отношениями и процессами. Необходимость выделения субъектов управления объективно обусловлена сложностью и трудностью *производства материальных и духовных продуктов и социальных условий жизни*, которые постоянно востребуются

людьми. Поэтому состав управления непременно включает в себя: *субъект управления — управляющие воздействия — управляемые объекты (воспроизводственные процессы)*. Реальный результат управления, состоящий в решении проблем, волнующих людей, в удовлетворении их потребностей и интересов, создается совместными, объединенными усилиями субъектов управления и управляемых объектов.

Но потенциал *самых* субъектов управления (сознания человека) определяется имеющейся у них *волей и властью*. Воля как психологическое явление, а власть как материальное, основанное на ресурсах, формируют силу управляющих воздействий. В последних *содержание* идет от сознания и выражается в целях, а *организующе-регулирующая* составная производится волей и властью. В современных условиях простор для личностного управления, невзирая на все проповеди свободы и прав человека, весьма *ограничен*. Основная часть ресурсов, необходимых для частной и общественной жизнедеятельности людей, находится в ведении субъектов власти (государственной и муниципальной, собственности и общественно-политической). Это надо отчетливо понимать и из этого исходить при рассмотрении любых вопросов. Ведь чем меньше будет иллюзий и самообманов, призраков и надуманностей в нашей жизни, тем больше оснований для *овладения* управлением.

В то же время задача видится и в том, чтобы выявить и осмыслить то, что необходимо для управления, чем его следует *обеспечивать*, чтобы оно было объективно обусловленным, субъективно обоснованным и социально эффективным. Ибо без должного обеспечения управления трудно надеяться, что оно способно реализовывать свой потенциал. Таким явлениям и посвящен следующий раздел.

Раздел II

ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ (ресурсы)

И в теоретическом осознании, и в практическом использовании управления предлагаемый раздел имеет основополагающее значение. Заранее предвижу, что он будет восприниматься с трудом. Ведь переубедить общество в том, в чем оно не сомневается, почти невозможно. У нас чуть ли не все верят в то (как уже не раз отмечалось в предыдущем разделе), что *каждый может управлять*, и дело это совсем несложное, достаточно, мол, общей подготовки и смышленного ума.

О каких-либо *предпосылках, условиях, требованиях*, которые необходимо заранее иметь, прежде чем приступать к управлению кем-то или чем-то, и говорить не приходится. Да и опыт нередко свидетельствует о том, что порой самые незаметные и неизвестные люди, получив посты разного рода «управляющих», удачно *на них* себя проявляли. Я согласен с тем, что предугадать дарования человека в делах жизни очень трудно (нет пока такой методики). Но в то же время известно, что талантливых людей, в том числе и в области управления, не так уж много. Статистические данные свидетельствуют о 5 — 7% от общего числа того или иного поколения.

А совокупные субъекты управления разных видов (вспомните четырех институциональных!) нуждаются в достаточно большом числе управленцев. Расчеты показывают, что это один человек на 5 — 7 работающих, а то и меньше, с учетом их современной технико-технологической оснащенности. Поэтому, если мы хотим не ограничиваться десятками или сотнями прирожденных управляющих либо отдельными примерами эффективных управленческих систем, а добиваться *массового подъема уровня управления* в стране, то следует позаботиться о создании определенных оснований, использование которых *гарантировало* бы нам какой-то оптимум управ-

ляемости общественных явлений, отношений и процессов. О них пойдет речь дальше.

Очерк 6. ЗНАНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ (подготовленность)

Взаимосвязь и соотношение знания и управления принадлежат к числу самых тяжелых и противоречивых проблем нашей исторической жизни. С одной стороны, если посмотреть на объем и развитие знаний в России, то без лишней скромности можно сказать, что народы страны обладают мощнейшим творческим потенциалом, сумели на северной евразийской равнине создать и развернуть свою, уже тысячелетнюю, самобытную цивилизацию. Эти знания зафиксированы в традициях, образе жизни, летописях, балладах, эпосах, художественной литературе и искусстве, созданиях зодчества, музыке и массе других носителей информации. От М.В. Ломоносова (1711 — 1765) до ныне живущих лауреатов Нобелевской премии Россию отличало масштабное и глубокое русло научных поисков, благодаря которым велик ее вклад в сокровищницу мировой мысли. Можно привести тысячи, десятки тысяч имен, которыми вправе гордится страна и которые широко известны в мире. Скажу, что в 1953 г. СССР делил 2-е и 3-е место с Канадой по коэффициенту интеллектуализации молодежи (КИМ) в мире, уступал только США. В 1950-е гг. учеными нашей страны было сделано 34% всех мировых открытий; в 1960-х гг. — 46% открытий, в нынешние годы количество годовых открытий составляет 20%, что совсем немало при учете нашего положения в последние десятилетия. О развитости знаний в нашей стране говорит и тот факт, что наша научная и художественная информация, а также ее творцы и носители весьма востребованы в мировом сообществе, и прежде всего в индустриальных демократиях, переходящих к постиндустриализму.

Приходится только сожалеть о том, что мы у себя, в собственной стране, *мало ведаем* об истории и накопленном богатстве знаний, которые сотворены нашими соотечественниками. Порой узнаем об их гениальности тогда, когда об этом скажут или напишут где-то за рубежом. Если отметили в США

или Европе, значит достойны внимания, а сами мы это сделать частенько не можем. Давно и упорно живет знаменитое: «В своем Отечестве пророков нет».

Но, с другой стороны, если отслеживать качество, уровень и результаты управления и исторически параллельно связывать их с развитием знания, в том числе и научного, то приходится признавать, что достижения управления не столь значительны, как у знания. Хотя здесь тоже можно назвать, скажем, начиная от А.Д. Меншикова (1673–1729), немало выдающихся людей. К примеру, Г.А. Потемкин (1739–1791); Н.Н. Муравьев-Амурский (1809–1891); А.В. Суворов (1730–1800); М.М. Сперанский (1772–1839); С.Ю. Витте (1849–1915); П.А. Столыпин (1862–1911); М.В. Фрунзе (1885–1925); масса крупных управленцев, обеспечивших Великую Победу 1945 г.; известные три «К», которые были не только гениальными учеными, но и блестящими руководителями судьбоносных программ – М.В. Келдыш; С.П. Королев; И.В. Курчатов. Имен управленцев, вошедших в историю, тоже можно насчитать не одну сотню.

В очерке 2 первого раздела было немало сказано о сознании и управлении, предполагая, что знание является важнейшей составной частью сознания. Мне уже приходилось ранее писать о связи знания и управления, и кто интересуется этим, может почитать¹. Поэтому здесь хочу порассуждать лишь о *современной ситуации* в области знаний и их использовании управлением в начале XXI века, причем, управлением во всех его видах, а не только в государственном.

Жить прошлым, каким бы оно ни было, нельзя, в любой момент времени можно жить только *настоящим и будущим*. Это – *первая посылка* из всего человеческого знания, о которой в стране постоянно забывают. Нас субъекты власти-управления то погружают в какую-то ностальгию, заставляя вспоминать величественные картины имперского или советского былого, то потчуют грядущим благополучием, авторитетом и мощью, ко-

¹ См., напр.: Атаманчук Г.В. Управление – фактор развития. Размышления об управленческой деятельности. М., 2002, глава «Интеллект – источник управления». С. 137–170; Атаманчук Г.В. Управление: сущность, ценность, эффективность. М., 2006. Гл. 1. Раздел 2 «Концентрация знаний, опыта, таланта». С. 195–219.

торые якобы наступят, но до них надо бы потерпеть в течение неопределенного *«переходного»* периода. В результате налицо стремление уйти от описания действительности, от реальной оценки сделанного, свершенного и рассмотрения его в качестве *реальной основы* для дальнейших шагов. Имеет место какая-то виртуальная, игра, фантазмагория и т. п., из-за чего редко кто знает и понимает, что и почему происходит на самом деле.

Особо нетерпимое в этом аспекте видится в том, что используемые в официальном общении, политическом и теоретическом лексиконе слова в большинстве своем оторвались от исконного смысла, *утратили адекватность и достоверность* и превратились в какие-то призраки, метафоры, аллегории, которые обильно заполнили информационное поле.

Сегодня практически ни в одной отрасли общественной мысли не сыскать знания, которое бы отражало *объективные процессы, реальные факты жизни*. В познании своей истории страна вынуждена довольствоваться чьими-то вкусовыми фрагментами. Один выхватывает какое-то лицо или событие в Российской империи и, поскольку сегодня это модно, им восхищается, особенно когда речь идет о давней элитной особе и ее деяниях. Другой (еще не утомившийся) что-то плохое находит в Советском Союзе и старается его представить в самых негативных чертах. Причем в последнем случае все сводится преимущественно к тому, *как были обижены диссиденты*, где-то «сидевшие», а вот как жили рабочие и крестьяне, что они делали и сделали, это никого не интересует. Предельно раздроблен *единый исторический поток* жизни со всеми его плюсами и минусами, а значит, опереться в прошлом не на что. Отсюда непонятны и те выводы и оценки, которые делаются по поводу нашей истории. Выскажу свое мнение: наша история не хуже истории какого-либо другого народа в мире, и нам нечего ее стыдиться. А если и были в ней раны, то надо дать им возможность зарубцеваться.

Аналогично положение и с характеристикой сегодняшних явлений, отношений и процессов. Утверждают, что у нас проведена *приватизация* и состоялось первоначальное накопление капитала. Но ведь приватизация есть возвращение людям собственности, которая была у них отчуждена, пусть и путем продажи отдельным лицам, главное, чтобы выручен-

ные деньги пришли в общество. А что у нас рабочие, крестьяне, другие труженики почувствовали в течение 15 лет? Что, от приватизации государственной собственности их благополучие очень повысилось? И много ли у нас насчитается людей, которые действительно осуществили первоначальное накопление капитала *своим умом и руками*? Скорее всего немного. Постоянно говорят, что у нас созданы *рыночная экономика, бизнес, предпринимательство*, т. е. те явления, которые присущи западной цивилизации, да и другие. Но разве то, что делается в нашей экономике: ее сырьевая направленность, активный вывоз капитала за границу, миллиардные затраты нуворишей (дельцов-миллиардеров) на свои личные удовольствия, непрерывный и почти криминальный передел собственности (рейдерство), огромный объем коррупции, бедность населения и прочее, известное каждому гражданину, может обозначаться вышеназванными словами, да еще и соотноситься с другими странами? Думаю, с большой и большой натяжкой.

Или возьмем *основные регуляторы* рыночной экономики — налоги, тарифы, пошлины, ставки кредита, банковские проценты на сбережения и т. д. Кто осмелится сказать, что они полностью соответствуют стандартам рыночной экономики, адекватно отражают соответствующие явления и хоть в чем-то близки к тем, которые приняты, к примеру, в ЕС? Не количественно (разница понятна), а качественно, *по содержанию*. Любой из этих регуляторов по сути *не несет* в себе экономических обоснований. Подоходный налог платят одинаково в размере 13%, что наемный работник из своей зарплаты, что нувориш, на которого этот же работник работает, из своего многомиллионного дохода. Тарифы просто с каждого Нового года повышают на 20%, причем все подряд, без дифференциации и, конечно, объяснений. Таможенные пошлины устанавливаются обобщенно, без учета реальных потребностей страны в тех или иных продуктах и тем самым способствуют подавлению отечественных промышленности и сельского хозяйства. Ставки кредита высокие, а банковские проценты на сбережения низкие. Практически человеку нельзя *сохранить* (накопить) свои деньги ни в рублях, ни в долларах, ни в евро — все съедает инфляция.

Труд как движущая сила воспроизводства потерял экономические характеристики; он не соотносится ни с производи-

тельностью, ни с приносимой прибылью, ни с квалификацией, ни с прожиточным минимумом, ни с ценами на продукты потребления. Но поразительное состоит не в этом (с 1991 г. в экономике имеет место профанация всего и вся), а в том, что в нашей *литературе* (переводной иностранной и отечественной) на полном серьезе подается менеджмент как нечто действительно существующее в российской жизни. Хотя бы что-то скорректировали, показали разницу. В итоге получаются экономические знания, которые *слабо связаны* с экономической практикой и, естественно, ее не развивают.

Нелучшим образом и преподносится знание о состоянии и процессах в *социальной сфере*. В основном описываются достоинства социального государства, провозглашенного в ст. 7 Конституции РФ, и права и свободы российских граждан. Однако предпочитают не объяснять, почему же в таком случае в 2005 г. смертность превысила в 2 раза показатели Европы и США, количество умерших превысило число родившихся по стране в 1,7 раза, а в двадцати семи регионах страны — в 2–3 раза. Убыль населения за прошедшие 14 лет составила свыше 11 млн чел.¹ Об уровне благополучия, состоянии здоровья, качестве жизни большинства живущих и писать как-то неудобно, потому что больно и стыдно. Достаточно известны факты об эрозийных процессах в образовании, науке, культуре. Не могу сказать, что реальности не фиксируются; в общем по любому срезу данные можно найти, но никто не сводит *их в систему*, не выявляет их причины и тенденции, не экстраполирует на будущее.

Социальная сфера есть *главная сфера* жизнедеятельности людей, поскольку именно в ней воспроизводится человек как биосоциосоздание. В ней все важно и незаменимо: сама социальная инфраструктура — от родильного дома до кладбища с узловыми элементами: питание, жилье, быт и возможности человека в пользовании соответствующими объектами (уровень и образ его жизни). Реально все это вместе взятое находится в состоянии длительной деградации, ибо даже с учетом средств, выделенных на давно назревшие *национальные проекты*, естественно (не говоря об искусственно) разрушительная динамика все еще преобладает над восстано-

¹ См.: Новиков А. Слово главного редактора // Наша власть: дела и лица. 2006. № 11.

вительно-созидающей. Безлюдными вообще становятся все большее число местностей, особенно за Уралом.

Однако, в это же самое время, когда казалось бы надо бить в *набат*, у нас при характеристике состояния социальных явлений явно видны самоуспокоенность, равнодушие, надежда на быстрый перелом ситуации. Более того, многие социологи еще полагают, что российская цивилизация может дать пример Западу и в противовес его техницизму сотворить ноосферно-корпоративное общество. Но (как и по другим вопросам) никто не говорит об *источниках, факторах и ресурсах* подобного возрождения страны, а без них все приобретает характер не научного знания (и не вообще какого-либо знания), а досужих размышлений. Мне бы тоже хотелось, чтобы Россия — *моя страна* — была лучшей в мире. К сожалению, история пока не позволила ей это осуществить. Значит, *что-то мешало*, и вот это что-то и надо бы исследовать. Ведь если мы его не будем знать, то как мы можем развиваться успешно? Везде и всегда актуальны *факты, данные, аргументы*, которые опять же почему-то не принято использовать.

Сказанное о состоянии и развитии экономических и социальных явлений логично подводит к знаниям в области *духовной культуры*. Это — *ключевые знания*, так как именно посредством них создаются, а затем и применяются знания ко всем иным сферам общественной жизни. В последние годы о духовности не говорит и не пишет разве что ленивый. Многие утверждают, что народы России обладают каким-то особым взглядом на жизнь, который и формирует своеобразный тип человека и, соответственно, отличные от иных культур взаимоотношения между людьми. Перечень свойств российской духовности, который приводится в печатных работах, огромен. В него включают: соборность, стремление к правде, универсализм, красоту, доброту, свободу, общинность, гуманизм, космизм, традиционность, религиозность, целостность, любовь к природе и т. д. и т. п. Каждое отдельное свойство трудно оспорить, ибо его можно сыскать в мыслях и чувствах, поведении и творчестве не одного человека. Все они где-то *бытуют*. Но если исходить из только что названных свойств, к которым можно добавить милосердие, сострадание, коллективизм и прочее, на них опираться и ими руководствоваться, то тогда никак нельзя понять

ни своей истории, ни нашего положения сегодня. Ведь все, что было, к примеру, лишь в одном XX веке и творилось правыми и левыми с *переменной их участия* в государственной власти, являлось продуктом идеалов, ценностей и целей представителей и носителей российской духовности. У нас любят *игнорировать правду жизни*, всегда искать кого-то «кто виноват», вместо того, чтобы признать, что виноваты все: разве правы те, кто вешал людей во времена П.А. Столыпина или создал ГУЛАГ в годы правления И.В. Сталина? И как можно определить, за какую справедливость кто боролся в годы Гражданской войны, когда брат стрелял в брата. Все это — ужасные события, о которых надо помнить, чтобы их никогда не допускать. Необходимо прежде всего в духовности добиваться самоосуществления ценности *любой личности*. Подчеркиваю: *любой!*

Поэтому и в самой духовности, и в ее связях с практикой жизни не все так просто, как порой преподносится. Образно выражаясь, духовность представляет собой *высоту полета духа* (разума) и *души* (эмоций) человека. Но высота — коварная вещь. Когда человек идет по аэродрому, он все видит в натуральную величину. Самолет взлетает и начинает набирать высоту. Если смотреть в иллюминатор, то сначала уменьшаются и пропадают люди, затем автомашины и отдельные деревья, еще выше — и уже дома, еще — и сливаются населенные пункты в большие пятна. А с высоты 10 000 м все кажется каким-то маревом, плохо просматриваемой местностью. Зато небо становится чистым, прозрачно-голубым, и можно видеть днем — Солнце, ночью — Луну и звезды. Сплошь и рядом подобное наблюдается и в духовности: чем выше высота ее полета, тем менее с нее чувствуется земля и уже редко где обнаруживается человек. Он из конкретного, реально живущего превращается в некую абстракцию, которая всего лишь *погрязнута*. Несмотря на это духовность все более воспаряется в небеса и становится далекой от бытия и жизненных потребностей людей, она уже *вселенская*, и ей нет дела до того, что творится в грешном человеческом обществе.

Значит, «высота полета» мыслей и чувств духовности должна быть *оптимальной*, не отрываться от серых будней простого, массового человека и помогать ему «подтягиваться» к осознанию своей сущности и своего жизненного предназначения.

Тогда она будет не «единицами хранения» в библиотеках, музеях и архивах, а непосредственно *действующим фактором* общественного развития. Печально, что многие, относящие себя к духовным пастырям или стремящиеся быть таковыми, об истинном смысле духовности забывают. И получается, что духовность не превращается в знание, в соответствии с которым выстраивались бы в стране политика и идеология, поведение субъектов и объектов управления. В стране вроде бы исторически всегда была богатая и возвышенная духовность, но земная жизнь людей протекала на бедном и отсталом уровне при политике и идеологии заблуждений, конфликтов, организации кровавых ошибок, угнетении и растрате производительных сил.

Любые иллюзии, призраки, воздушные замки, виртуальные сочинительства и прочие фантомы *не являются знанием*, пригодным для управления (в любом его виде). Только то, что связано с реальной жизнью миллионов людей, отражает их действительное бытие, характеризует их потребности, интересы и цели, способно влиять на природные и общественные процессы, может быть *проверено объективностью*, ею *измерено и доказано*, имеет право считаться знанием и вводиться в управленческие системы. Разумеется, все это актуально в том случае, если мы *на самом деле* хотим управлять, улучшать нашу жизнедеятельность, а не играть в управление и создавать видимость его существования. И опять же везде: и в маленькой фирме, небольшом коллективе и в государстве в целом. Настало время как-то *определяться*: или продолжать довольствоваться огромным словоблудием по поводу собственной истории и сегодняшней жизни, или встать наконец на почву фактов, реальностей, действительности и на базе их знания формировать управленческие системы, а в них реализовывать рациональное и эффективное управление.

Отсюда несколько *суждений*, к которым хотелось бы привлечь внимание читателей и заставить их задуматься о сущности знаний и их взаимосвязи с управлением.

*Выбор истинного знания**. Я осознаю, что в условиях нигилизма, релятивизма, экстрасенсов, магии, теософии, пост-

* *Истина* — противоположность лжи; все, что верно, подлинно, точно, справедливо. См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1997. С. 60.

модернизма и других «измов» так ставить вопрос с моей стороны весьма заносчиво. Любой возразит и скажет, а где *критерии* выявления и разграничения истинного и ложного, соответствующего и обманчивого? Конечно, сыскать абсолютно точные и исчерпывающие критерии сложно, тем не менее в арсенале людей имеется большой инструментарий, позволяющий видеть, *что есть что или кто есть кто*. Порой достаточно простых опытных очевидностей, различающих «белое», «черное» и промежуточные оттенки между ними. И потом истинное знание всегда верифицируется, проверяется, аргументируется, подтверждается объективностью, измеряется *практикой*.

Тем самым именно это *жизненное испытание* убедительно разделяет научно и опытно доказанное знание от разных умозрительных констатаций, авторских сентенций, досужих «изобретений» и иных демонстраций эрудиции. Не могу не привести несколько примеров того, как у нас легко выдвигаются суждения по сложнейшим вопросам мировой либо национальной жизни и на их основе делаются далеко идущие выводы.

1. «Современный этап развития общества может быть охарактеризован как "Великий перелом истории". Закончилась стихийная, конкурентная история. Появились в конце XX века "Экологические пределы" рыночно-капиталистической формы хозяйствования (природопользования) и исторического развития, обозначенные первой фазой глобальной экологической катастрофы. Если человечество не сменит основания цивилизационного развития, с переходом от доминанты Закона конкуренции и механизма естественного отбора к доминанте Закона кооперации и механизма общественного интеллекта, то человечество экологически погибнет уже в XXI веке»¹. Спрашивается: откуда идут такие констатации? Неужели то, что сегодня происходит в мире, свидетельствует о конце стихийной, конкурентной истории? И если капитализм исчерпал свой потенциал, то зачем мы в него влезли с таким *интеллектуальным восторгом*? Кризис, несомненно, налицо, но только ли в этом его причины и проявления?

¹ Субетто А.И. Системный анализ современного общества. СПб., 2004. С. 29.

2. «Сегодня очевидно, что на смену старой цивилизации, ныне умирающей, агонизирующей, назовем ее *“Западной”* (подчеркнуто мной. — Г.А.), приходит новая, во многом альтернативная ей цивилизация будущего, которой предстоит остановить экологическую и социальную катастрофы и обеспечить народам мира не только выживание, но прогрессивное развитие, а затем и процветание»¹. Неужели состояние и процессы в ЕС и США говорят о том, что их цивилизация умирает, агонизирует? А где можно обнаружить хотя бы «рассаду» новой, ноосферно-корпоративной цивилизации (как ее именует автор)? Разве то, что реально делается в России, свидетельствует о зарождении у нас нового и перспективного способа жизнедеятельности?

Подобными примерами можно заполнить весь оставшийся объем книги. Очень многие авторы не утруждают себя тем, чтобы чем-то подкреплять свои мысли, как-то коррелировать их с тем, чем на самом деле живет род человеческий, но попутно почему-то возмущаются тем, что мир идет куда-то не туда, а реально происходящее не соответствует их вождельным доктринам. В этом отношении можно только поддержать выводы информационно-аналитического агентства «МИК-Маркетинг и Консалтинг» о том, что «возникнув как порождение дикой приватизации, осуществленной по классовому принципу, люмпенэлита отличается непрофессионализмом и декласированностью.

В результате в России не сложилось организма «национальной корпорации» как организованного консенсуса элит. А ведь именно задачей такой «корпорации» во всех развитых странах является разработка и координация национальной стратегии, артикуляция своей воли и трансляция ее через правительство и средства массовой информации, формирование на этой основе целеполагания всего общества.

Отсутствие такой «национальной корпорации элит» приводит к тому, что в России налицо «кризис смысла»: нет ни сформулированных на основе анализа общественных предпочтений стратегических целей, ни ценностной системы, ко-

¹ Иванов В.Н. Новая цивилизация — путь России в будущее // Устойчивое развитие муниципального образования: теория, методология, практика. М., 2006. С. 49.

торая могла бы играть роль критериальной системы при принятии решений»¹.

Очевидно, что подобное положение непряскенности, мутн, многосзначности выгодно определенным кругам, которые, пользуясь им, совершают свои неблагоовидные дела. Они и специально создают большой объем квазизнания, чтобы, погружаясь в него, люди не могли разобраться в том, что происходит на самом деле. Имеет место масштабный маневр *отвлечения* внимания, который не дает возможности видеть даже действительно *позитивные перемены*. В него вовлечено немало вроде бы известных, авторитетных лиц, которые тоже с удовольствием сеют иллюзии, полуобманы, мнимые достоверности. Причем, в этом вопросе уже выработались известные традиции, вследствие которых как-то не принято фиксировать, отражать и оценивать реальные практические поступки и действия.

Наша страна обладает и *достаточным истинным знанием*, и значительным числом людей, которые привыкли жить в *правде* и нуждаются в ней. Важно, чтобы прежде всего субъекты власти-управления учились отделять зерна от плевел и общаться с людьми *нормальным языком*, в котором категории, понятия, термины и слова соответствуют их объективному источнику, точно отражают познаваемые предметы и их взаимосвязи. Укрепляющейся России нужны только истинные знания, используя которые можно будет успешно решать возникающие на ее историческом пути проблемы. Это — задача всех, хотя не все хотят ею заниматься.

Анализ и оценка знания. Каждый человек с малых лет находится в обширном поле природной, общественной и искусственной информации, из которого берет знания, необходимые для его жизни. Его обучают выбору знания и способам их использования. Иногда это удается, и человек приобретает стержень своей судьбы, чаще — не получается и, человек из одной ошибки переходит в другую. Здесь основная сложность для всех — это *выбор и закрепление того знания*, которое определяет *профессиональную деятельность*. Заблуждения в данном вопросе ведут к тому, что потом человек мечется и страдает в

¹ См.: Блеск и нищета российской элиты // Российская Федерация сегодня. 2004. № 4. С. 37.

течение всего трудового пути. Особо тяжело подобные ошибки и заблуждения сказываются тогда, когда человек входит в состав субъекта управления либо лично становится им. В таком случае его незнание тиражируется, распространяется на управляемые им объекты, т. е. касается многих людей.

Поэтому для управления (даже самим собою) требуется умение проводить анализ и оценку знания с точки зрения его *актуальности, достоверности и привязанности* к решаемым вопросам. В любое управленческое решение, в его констатирующую и постановляющую части необходимо вкладывать определенные знания, которые призваны адекватно оценивать управленческую ситуацию и давать точный ориентир действий (набор управляющих воздействий) на перевод ее в должное состояние. Значит, мы все обязаны владеть *методологией анализа* используемого знания и иметь *убедительные критерии* его определения, позволяющие двигаться в направлении рациональности и эффективности управления.

Методология анализа знаний в общем виде, если не вдаваться в десятилетние дискуссии о ее предмете, объеме и иных качествах, представляет собой систему определенных способов и приемов, процедур и операций, посредством которых познается и описывается объективная действительность, а также исследуется то знание, которое получается вследствие их (элементов системы) применения¹. То, что в мире накоплено огромное значение вовсе не говорит о том, что его можно брать и тут же использовать в управлении. Последнее всегда *конкретно* и нуждается в знаниях, соответствующих разрешаемым управленческим ситуациям (или вопросам). Тем самым, прежде чем ввести в практику какое-либо знание, его следует тщательно проанализировать.

Приходится отмечать, что во многих публикациях за спорами о предмете, методологии анализа знания как-то оказалась вне внимания *сущностная сторона* знания, его построение, изложение, доказательность, место и способ действия и другие практические свойства (потребительская ценность!), которые, естественно, в первую очередь нужны для управления.

¹ См.: Стефанов Н.К. Теория и метод в общественных науках / Пер. с болг. М., 1967. Хотя с того времени прошло много лет, ничего существенного в понимании методологии не произошло.

На таких практических аспектах анализа знаний и хочется остановиться.

Прежде всего при изучении множества литературных и электронных (виртуальных) источников знания отчетливо видно, что в настоящее время мало кто знает и использует элементарные логические правила. Нарушениями таких правил сплошь и рядом грешат и нормативные правовые акты и конкретные управленческие решения.

А ведь в науке логики (формальной и диалектической) весьма основательно изложены принципы и требования, предъявляемые к человеческому мышлению и материализации его продуктов. Назову несколько, ибо ими *должен пользоваться* каждый управленец: понятие и суждение; умозаключения и причинная связь явлений; аналогия и гипотеза; силлогизм и доказательство; определение и классификация и др. Важное значение имеют и *формально-логические законы*: закон тождества, гласящий о том, что объем и содержание мысли о каком-то предмете должны быть строго определены и оставаться постоянными в процессе рассуждения о нем; закон противоречия — в процессе рассуждения о каком-либо определенном предмете нельзя одновременно утверждать и отрицать что-либо в одном и том же отношении, в противном случае оба суждения не могут быть истинными; закон исключения третьего — в процессе рассуждения необходимо доводить дело до определенного утверждения или отрицания, в этом случае истинным оказывается одно из двух отрицающих друг друга суждений; закон достаточного основания — в процессе рассуждения достоверными следует считать лишь те суждения, относительно истинности которых могут быть приведены достаточные основания¹.

Вспомните теперь те источники информации, в которых излагаются те или иные знания, и посмотрите на характер и структуру предлагаемых в них суждений. Многие ли из них вы найдете соответствующими требованиям логики?

Еще более поражает ситуация, которая сложилась с использованием познавательного инструментария *диалектики*. Поскольку в советский период истории много говорилось о диалектике, то с отрицанием всего советского решили поче-

¹ См.: Логика. М., 1955; Формальная логика. М., 1977.

му-то забыть и диалектику. Как будто диалектика есть лишь порождение идеологов социализма, а не научное мышление, идущее в своем развитии от времен Сократа, Платона, Демократа, Гераклита и других древних умов. Если даже взять законы диалектики о всеобщей связи и взаимозависимости явлений, отношений и процессов, о переходе количественных изменений в качественные, об отрицании отрицания, на которых как бы «стоял» диалектический материализм, то они *никуда не ушли*. Можно их сколько угодно не замечать, однако они объективно действуют и будут действовать. То же относится и к таким категориям диалектики, как закономерность и случайность, историческое и логическое, содержание и форма, явление и сущность, часть и целое, конкретное и абстрактное, теоретическое и практическое, элемент, структура, система и ко множеству других, с использованием которых только и может анализироваться знание и вводиться в управленческие системы¹.

Имеет веские основания мнение, что «методология — явление интегральное, объединяющее в себе ряд компонентов: мировоззрение и фундаментальные общетеоретические концепции, всеобщие философские законы и категории, обще- и частнонаучные методы»². Кто хочет по-настоящему управлять, т. е. объективно обусловленно, субъективно обоснованно и социально эффективно, тот *должен* в совершенстве владеть методологией анализа знаний и постоянно ее применять в практике управления. Тем более в настоящее время, когда в информации, передаваемой по множеству каналов, весьма сложно отличить истинные знания от разных выдумок, сентенций, фальсификаций, квазизнаний, которые почему-то активно продуцируются.

Разумеется, что анализ знания влечет за собой его *оценки*, главным образом с точки зрения *пригодности* для целей управления. Но, как уже отмечалось, чтобы оценить знание, необходимы обоснованные критерии, «*шкалы координат*», ориентируясь на которые можно было бы проводить

¹ См.: Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1984; Рассел Бертран. Человеческое познание: Его сфера и границы / Пер. с англ. Киев, 1997.

² См.: Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблема философии права). 2-е изд. М., 2001. С. 46.

соответствующие операции со знанием. Управлению всегда приходится действовать в настоящем времени с попытками спрогнозировать и представить будущее. Следовательно, критериями могут быть лишь свойства, стороны, тенденции, взаимосвязи, которые отражают те ситуации, в пределах которых приходится принимать и исполнять управленческие решения. Таких ситуаций, естественно, много, как по масштабам, так и по источникам их порождения и природе влияния.

Среди них можно выделить несколько следующих, учет которых крайне необходим при оценке знания, актуального для управления.

1. Прежде всего имеется в виду развернувшаяся *информационно-технологическая революция*, в процессе которой качественно изменяются орудия и средства производства, труда и образа жизни людей и, соответственно, технологии их создания и использования во всех проявлениях человеческой жизнедеятельности. Это требует от субъектов и объектов управления поиска и применения того знания, которое способно продвигать в поведении и деятельности людей основные парадигмы технологического развития. Иначе — отставание в конкуренции и в конечном итоге проигрыш в решении собственных проблем.

2. Все более отчетливо виден *выход специализации и кооперации* производства и потребления за пределы отдельных стран и формирование глобальной экономики и, в какой-то мере, принципов, *типичных* для жизнедеятельности основной массы населения планеты¹. Процессы глобализации сочетаются с *локализацией*, возрождением национальной самобытности, индивидуализацией на уровне отдельного человека. Они очень противоречивы и ведут к неравномерности социально-экономического и культурного развития разных местностей и коллективов людей. Субъектам управления необходимо хорошо разбираться в знании, которое несет глобализация и сопутствующие ей явления. Ошибки здесь чреваты тяжелыми последствиями.

3. Технологические инновации, расширяющиеся до глобальных масштабов, обуславливают глубокие преобразова-

¹ См. напр.: Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001; Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2001, и др.

ния в организации практически всех элементов мышления, поведения и деятельности коллективов и общностей людей. Ядром организации становятся *крупные системы*, которые посредством сетевых связей вовлекают в свое функционирование множество так называемых малых и средних управленческих систем. Среди элементов организации именно интеграция (кооперация, координация) превратилась в важный фактор развития. Игнорирование субъектами управления организационного знания неизбежно ведет их к ослаблению своих возможностей в обеспечении рационального и эффективного управления¹.

4. Современный комплекс объективно действующих условий предъявляет совершенно новые требования к *человеческому потенциалу*. На первый план выдвигаются интеллектуальные способности человека, посредством реализации которых и идет во многом социальная перестратификация общества. Источниками будущего любого общества все более считаются состояния в нем образования, науки, информации, нравственных ценностей. Имеющиеся и предполагаемые: «экономика знаний», «высокие технологии», «инновационные технопарки» и другие «прорывные» явления основываются, как правило, на основательной научной подготовленности и таланте людей. В этом аспекте постоянное введение в управленческие системы развитого интеллектуального ресурса является как обязанностью субъектов управления, так и условием сохранения данных систем.

5. Все больше фактов свидетельствует о том, что уже серьезно нарушено взаимодействие совокупного человека и природы. Социотехносфера, созданная людьми, нарушили восстановительные возможности природы. Последняя, попав в кризисное состояние, наносит людям все более ощутимые ущерб. Тем самым ориентация на *экологические последствия* функционирования производственного механизма человечества вообще, и отдельных его групп в частности, выдвигается в качестве *императива* мышления, поведения и деятельности субъектов и объектов управления. Экологическое знание надо включать в процессы управления и исхода

¹ См.: Теория организации / Под ред. Г.В. Атаманчука. М., 2007.

из него принимать и исполнять те или иные управленческие решения.

Полагаю, что названных *пяти критериев*, к которым можно добавить много более частных, вполне достаточно для того, чтобы субъекты управления могли по ним оценивать то знание, которое они своей властью вводят в соответствующие управленческие системы. Было бы желание, а знание всегда можно найти, проанализировать и оценить.

Освоение знания. Традиционно у нас существует такое же отношение к знанию, как и к управлению. «Мол, все мы когда-то, где-то и чему-то учились, значит, знаем то, что нам нужно в жизни», а если кто получил диплом о высшем образовании, состоящий даже из троек, тот уже полагает, что приобретенных знаний ему хватит на все его дела. Не очень утруждают себя собственным развитием и многие руководители, возлагая бремя обеспечения их знанием на помощников, советников, референтов и иных специалистов.

Реальная ситуация, чуть ли не *типологическая*, состоит в том, что в стране в ее многочисленных «хранилищах» накоплено огромное знание (отечественное и зарубежное (переводное)), однако оно предельно ограниченно используется и в теории, и в практике управления. Нельзя также сказать, что наши политика и законодательство (как в истории, так и сегодня) основываются на обширном и истинном знании. Ведь, по сути, основной причиной бесконечных ошибок, заблуждений, неверных решений, которыми грешат наши субъекты управления, является недостаточное либо ложное знание. Надо больше знать, изучать и думать.

Освоение знания представляет собой *сложный процесс*, включающий в себя как *источники знания и их организацию* в определенную систему, так и *последовательность их обновления расширения* во времени. Неотъемлемой составной частью данного процесса является также *корреляция и адекватность* осваемого знания с теми проблемами, которые приходится решать управленческим системам, т. е. субъектам и объектам управления. Важно различать *первичные знания*, с которым и начинает функционировать управленческая система либо осуществлять деятельность какой-либо субъект управления, и *приобретаемые*, которыми они долж-

ны постоянно пополняются, чтобы соответствовать требованиям развивающейся жизни. Причем знания здесь как бы расщепляются на те, которые необходимы для управляемых объектов и субъектов управления отдельно и одновременно для их взаимодействия, поскольку и субъект управления и управляемые объекты практически непрерывно обмениваются знаниями.

Конечно, первичные знания по определенным стандартам специализации предоставляются высшими учебными заведениями. Сегодня — это тот минимум, без которого трудно браться за ведение даже самых небольших управленческих систем (скажем, малого и среднего бизнеса либо органов местного самоуправления). К сожалению, во многих случаях такой минимум очень узок, ограничен, низкого качества, из-за чего немало выпускников не востребуются бизнес-структурами, государственными и муниципальными органами. Приступая к практической работе, большинство таких людей сразу же попадают в положение, при котором для выполнения своих трудовых либо служебных функций они нуждаются в освоении *новых знаний*, актуальных для конкретных управленческих систем, куда они попали.

В реформах образования, которые проводятся и намечены, делаются попытки сблизить, согласовать содержание и объем знания, преподаваемого в вузах, с объективными запросами управленческих систем разного рода. Но нельзя не понимать, что переход, в большинстве своем, к платному обучению, которое становится ресурсом существования вузов, объективно ведет к снижению требовательности со стороны профессорско-преподавательского состава. Порой само обучение в таком случае становится *формальным*, а полученный диплом — юридической фикцией. В результате уже на этапе высшего образования подрастающие поколения не приобретают того знания, которое ставит их вровень с условиями и факторами современных воспроизводственных систем (по любым сферам жизни общества).

Эта проблема не нова. Еще в советский период наблюдался существенный разрыв между, скажем, модельными знаниями выпускников, данными им по соответствующим программам, и теми знаниями, которые требовались от них на практической

работе. Но он как-то смягчался общей системой государственного управления общественными процессами. Хотя его тоже можно считать одной из причин торможения социально-экономического развития страны. В условиях многообразия форм собственности и рыночных отношений, где каждый ведет дела самостоятельно и лишь в своих интересах, названный разрыв еще больше расширился. Когда делили и приватизировали государственную и колхозно-кооперативную собственность, на него, конечно, не обращали внимания. Не случайно в те годы более половины выпускников вузов шло работать не по специальности, да и сами вузы скорректировали подготовку в сторону сферы услуг (экономисты, юристы, социологи и т. д.).

Однако в последние годы практически вся жизнь в России приобрела свойства *роста, обновления, совершенствования, улучшения* и вполне закономерно ощутила нехватку нужных специалистов и в целом недостатку знаний во всех сферах и уровнях жизни, необходимых для рационального, ускоренного и эффективного развития. Следовательно, необходим *новый подход* к взаимосвязям вузов, с одной стороны, бизнеса, общественных структур, государственных и муниципальных органов — с другой. Предстоит создать по сути *новую систему* приобретения первичного знания в рамках вузовской подготовки. Такую систему при всем старании не может сформировать одно министерство образования и науки со своими агентствами. Для этого необходимо активное *встречное* участие в данном важном деле заказчиков — бизнес-структур, занятых в областях капиталов, товаров, услуг, труда и информации. Формы такого участия могут быть разные: совместная работа над программами обучения; организация практики студентов в тех структурах, которые намерены их заполучить; заблаговременный заказ на подготовку нужных специалистов с его, разумеется, финансированием; установление повышенных стипендий для лучших студентов и т. д. Крупные компании, корпорации, бизнес-ассоциации и т. п. структуры с большим по объему персоналом могут самостоятельно либо с долевым участием брать на свое содержание вузы или другие учебные заведения. Возможностей всегда много — было бы желание их использовать.

Большую и слабо проработанную проблему представляет у нас организация получения *приобретаемого знания*, иными словами, развитие знаний человека в течение всей трудовой деятельности. Известно, что в среднем (по разным видам разные сроки) производственные технологии обновляются через каждые 5 лет. Существуют также данные, что научное знание удваивается через 5–10 лет. В таких условиях, если представить, что человек после вуза трудится с 25 до 65 лет, т. е. 40 или более лет, то можно делать вывод о том, что освоение нового, приобретаемого в процессе работы знания становится не менее, а может и быть и *более актуальным*, чем первичная подготовка.

Здесь отчетливо просматриваются *два* направления решения названной проблемы, которые всецело зависят именно от субъектов управления. Первое относится к *саморазвитию* личности в процессе выполнения трудовых и служебных функций. Видимо, субъекты управления, особенно их руководители, должны не только поддерживать такое саморазвитие, но и способствовать ему, хотя бы путем предоставления современных источников знания. Конечно, имеется в виду развитие *профессиональное*, способствующее лучшему выполнению своих обязанностей, а не любительское, типа хобби. Надо пробуждать интерес человека к обогащению себя профессиональными знаниями и всячески его поощрять. Это одно из средств повышения производительности и качества труда, которые у нас, по сравнению с европейскими странами, находятся на весьма низком уровне (затратно-растратном).

Второе предполагает *воссоздание* (ибо что-то сохранилось, что-то пришло из прошлого) *системы удержания знания* у работающих на уровне усложняющихся требований общественного прогресса. Обычно говорят о структурах переподготовки и повышения квалификации, но мне кажется, что то, что в этих структурах делается, вряд ли можно назвать повышением квалификации. Тем более, что работающие или служащие проходят через такие структуры довольно редко и без какой-либо логики, часто вообще случайно и формально, а речь идет о том, чтобы в течение, скажем 40-летней трудовой деятельности человек проходил не менее 7–8 раз специальные курсы по профилю своей профессии, в которых он бы получал ново-

появившиеся знания и оказывался каждый раз на уровне времени. Тогда действительно можно было бы заложить систему, обеспечивающую весомое место России в научно-технологическом и информационно-технологическом развитии.

Между прочим подобная система удержания знания в рамках его мировой поступи необходима и для тех, кто трудится на научной и педагогической ниве, призван *обучать других*. Иначе будет продолжаться положение, при котором наши исследователи и «учителя» пользуются знаниями либо позавчерашнего дня, либо вообще отброшенными наукой и опытом. Часто оторопь берет, когда читаешь суждения ряда авторов, которые основаны на субъективистских сентенциях западных «интеллектуалов», а на самом деле очень далеки от западной политики и практики и никогда ими не учитывались. А потом все это огромными тиражами посылается нашим читателям, которые и не могут понять, что же происходит в России и в мировом сообществе.

Думаю, что все согласится с тем, что проблема освоения знания во всем его многообразии существует и ею бы надо основательно заниматься всем и прежде всего субъектам управления, особенно высокого иерархического звена.

Подготовленность персонала. В завершение данного очерка, хочу обратить внимание читателей на одно явление и предложить над ним поразмышлять. Накануне 2000 г. страна после пережитого дефолта 1998 г. находилась в тяжелом положении: более чем вдвое упал ВВП, давили международные долги, кому не лень грабили имущество страны и вывозили капитал за рубеж, чеченские боевики гуляли по городам, низинам и горам, инфляция достигала более 35% в год, основная масса народа бедствовала, граждане России вымирали, криминал держал власть за горло и т. д. и т. п., «описывать нету мочи». Но вот в 2000 г. страна избрала нового Президента В.В. Путина. Внешне вроде все осталось прежним: международная обстановка и политика мировых центров силы; территория страны и ее ресурсы; вымирающее, стареющее и болеющее население; в основном, за небольшим исключением, тот же состав государственного аппарата и бизнесменов; изношенная производственная база и т. д. *Изменилось лишь одно:* во главе страны встал подготовленный, нравственный, способный и

энергичный человек, который подобрал (по своей номенклатуре должностей) более-менее квалифицированных людей. И всего этого оказалось совершенно *достаточно* для того, чтобы страна начала возрождаться, укрепляться, развиваться. За прошедшие годы вырос ВВП; рассчитались с долгами по Парижскому клубу; вернули к мирной жизни Чеченскую Республику; снизили инфляцию до 9–10%; повысили зарплаты, пенсии, развернули жилищное строительство; накопили на «черный» день порядка 500 млрд долл. (запасы Центробанка и бывшего Стабфонда); укрепили внешнюю и внутреннюю безопасность и осуществили много иных *позитивных дел*. Конечно, нельзя сказать, что современное положение удовлетворяет общество, но нельзя и не видеть *больших перемен*.

Естественно возникает вопрос: почему всего за несколько лет так много сделано, какие факторы и ресурсы за это время сработали? И сразу же противоположный: а что не позволяло предыдущим руководителям поступательно развивать страну и не вести ее к разрушению производительных сил и утрате своих геостратегических возможностей? И на первый и на второй вопрос существует один ответ: *управленческая подготовленность руководителей*, как их лично, так и окружающего их аппарата. Ситуацию можно представить и в более широком масштабе: а) *историческом*: если бы страна управлялась подготовленными (компетентными) людьми, ее состояние и в прошлом и ныне было бы совсем другим; б) *конкретно-локальном*: жизнедеятельность каждой управленческой системы (завода, фабрики, кооператива, любого территориального образования и т. д.) определяется подготовленностью (и, конечно, нравственностью) их субъектов управления. Как субъекты власти управляют, такими и получаются результаты функционирования управляемых объектов.

Тем самым, что и хочется доказывать, уровень управления, его рациональность, актуальность и эффективность всецело *определяются подготовленностью персонала управленческих систем*. В свою очередь подготовленность, как многогранное явление, включает в себя владение необходимым комплексом знания, которое соответствовало бы следующим требованиям:

характер, содержание и объем усвоенного знания должны быть напрямую связаны с уровнем и масштабами проблем,

решаемых субъектами власти-управления; одно дело — государство, другое — субъект федерации, третье — муниципальное образование, четвертое — корпорация, холдинг, пятое — малая фирма и т. д.; различие понятно, но его часто игнорируют;

развитости мышления, состоящего как из памяти, способной накапливать, удерживать и выдавать (при необходимости) должные знания, и *эвристических* (поисковых, креативных) дарований, обеспечивающих соединение знания с конкретной управленческой ситуацией и выбором оптимальных вариантов управленческих решений; управленческое мышление характеризуется особыми качествами, и пора бы уже научиться их формировать, а затем практически использовать;

применением при анализе и оценке управленческих ситуаций и проработке управленческих решений актуального, достоверного и адекватного знания, отвечающего новейшим достижениям науки, опыта и искусства в мировом сообществе; здесь каждого субъекта управления ожидают большие трудности, но при постоянной и напряженной работе ума они в общем преодолимы.

Никто не ожидает от каждого управленца гениальности или высокой талантливости, но владеть определенными первичными и приобретенными знаниями он *обязан*. Если кто-то чувствует, что их нет, то *не надо браться* за властвование, от которого зависят судьбы многих людей. Сначала надо поучиться, накопить знания, а потом уже приступать к управлению. Подготовленность каждого и в субъектах управления, и в управляемых объектах, явление в целом *измеряемое и определяемое*. Ведь не бывает так в жизни, чтобы человек обладал знаниями, был интеллектуально даровит, а при выражении своих мыслей отличался косноязычием, скудостью лексикона, ошибочной дикцией, не мог внятно сформулировать несколько предложений. Смотрите и слушайте, что и как говорят ваши руководители и судите об их знаниях! Доступно и просто. Еще одним свидетельством интеллектуальной подготовленности субъектов управления выступает их умение *писать документы*, подчеркиваю писать, а не подписывать. Для того чтобы ставить «внизу» или «наискось вверху» подпись большого ума не надо. Трудности возникают тогда, когда

следует изложить мысли четко, внятно, логически правильно с тем, чтобы они были понятны и тому, кто их излагает, и тем, кому они адресованы.

Будь мое право, я бы предложил всем, претендующим на высокие посты в государственных и муниципальных органах, в бизнес-структурах и общественных объединениях, перед их занятием сдавать *устный и письменный экзамены* по предмету будущей управленческой деятельности. А то сотни раз приходилось наблюдать, как при выдвижении на вышестоящий пост кандидат интересуется зарплатой, маркой служебной машины, комфортом кабинета и прочими атрибутами власти, но почти никогда тем, какие же знания потребуются, каковы сложность, объем и ответственность предстоящей работы. Естественно, что поэтому не только низок уровень исполнения управленческих обязанностей, но и раздут штат советников, помощников, экспертов и иных специалистов. Часто и такого состава не хватает (говорят: он бюрократизируется), тогда в довесок к нему начинают создавать разные общественные структуры: палаты, советы, комиссии, комитеты, контрольные органы и т. д. Пытаются некомпетентность должностных лиц компенсировать разрастанием вокруг них обеспечивающего персонала.

В целом создание и использование, развитие и освоение знания, причем самого многообразного, является *первым и определяющим* фактором обеспечения управления. Следует говорить откровенно и честно: если нет либо не хватает знания, то все остальные факторы обеспечения управления не имеют практически действующего смысла. Ведь они тоже для каждой управленческой системы представляют особое знание, которое нуждается в усвоении и введении в управленческую и производственную деятельность. Необходимо всеми возможными и доступными силами добиваться того, чтобы коренным образом изменить отношение к знанию всех субъектов и объектов всех видов управления. Это — неиссякаемый (воспроизводимый) *источник* личностного, коллективного и общественного роста.

Очерк 7. ОПЫТ И УПРАВЛЕНИЕ (умение)

Все сюжеты приходится начинать к великому сожалению, с констатации одного и того же *стереотипа*: если мы наблюдаем какие-либо явления в жизни (они ощущаемы, видимы, известны и т. д.), но не находим их отражения в научном мышлении (в обобщениях, анализах, оценках), не говоря уже о политике, управлении, то значит (так можно полагать), они не интересуют общественную мысль, не становятся предметом внимания субъектов управления и, как следствие, остаются за пределами практического совершенствования. Так обстоит дело и с таким сложнейшим общественным явлением, как *опыт*.

Когда-то писали, что «диалектический материализм понимает под опытом всю совокупность взаимоотношений между общественным человеком и объективным, материальным, миром; в этом смысле опыт совпадает с общественно-исторической практикой людей»¹. Или: «Опыт — совокупность накопленных знаний и общественной практики людей, имеющей дело с объективной, независимой от человеческого сознания природой и преобразовывающей природу с помощью орудий производства, создаваемых людьми. Опыт, понимаемый как совокупная общественная практика, является основой познания и критерием истинности наших знаний об окружающем мире. В узком смысле под опытом понимают наблюдение и научный эксперимент»².

В действительности, т. е. в реальной жизни людей, опыт как общественное явление имеет в чем-то еще *большее значение*, чем знания. Он есть результат и выражение *практической* деятельности огромного числа людей и во многом производится и передается *непосредственно*, через прямое соприкосновение человека с объективным миром и друг с другом. В какой-то мере опыт приобретает и живая природа, когда ее представители путем испытаний, адаптаций, мутаций, приспособления и т. д. осваивают изменяющиеся условия среды

¹ См.: Энциклопедический словарь. М., 1954. Т. 2. С. 555.

² Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 413.

обитания. А человек со дня своего рождения и в течение всей жизни вынужден постигать опыт предыдущих поколений и на его основе и с учетом собственного поддерживать свое существование.

Во-первых, опыт *материализован* во всей современной биосоциотехносфере, которую человек во взаимодействии с природой создавал на протяжении тысячелетий. Он свидетельствует о реальной жизнедеятельности людей, о том, что и как они чувствовали, думали и делали. Причем главное последнее: *делали и сделали*, ибо мы знаем только о продуктах сделанного, по ним судим и оцениваем. И печально видеть, как при разного рода переворотах, революциях, «рывках», «скачках», «перестройках», «реформах» и т. п. у нас легко *разрушают* прошлое «до основания» и отказываются от мудрости опыта ушедших поколений. Рвут пуповину с историческим потоком жизни и остаются пустыми со своим снобистским воображением.

Во-вторых, опыт создается, апробируется и передается исключительно в процессе и посредством *практического* (а не умозрительного!) *взаимодействия* человека с природой и друг с другом во всех проявлениях его частной и общественной жизни. В этом отношении каждый человек является субъектом и носителем определенного опыта, который обеспечивает его выживание в нашем мире. Тем самым опыт постигается не только разумом (духом), но и эмоциями (душой) и телом человека. И действует он на человека предметнее, сильнее, осязаемее, поскольку посредством него приходится постоянно решать массу вопросов, когда даже задуматься нет времени. Именно опыт формирует интуицию, подсознание, реакцию, импульсивные поступки.

В-третьих, в силу объективных и субъективных условий и факторов опыт исключительно *разнообразен и многогранен*, ибо касается всех сторон жизни человека и общества; ему приходится сочетать все сферы, области и направления человеческого поведения и деятельности. Он крайне актуален для каждой личности и каждого общества, причем как в типичных, так и в уникальных своих чертах. Только системность опыта создает основу успешного решения проблем в непрерывно изменяющихся жизненных ситуациях. Не сто-

ит каждый раз «открывать Америку» или «изобретать колесо», если это сделано давно и здесь уже накоплен обширный опыт. Изучи и освой его!

В-четвертых, опыт имеет *исторический характер*, он, естественно, развивается, изменяется, преобразовывается в соответствии с теми требованиями, которые перед людьми выдвигают природа, производство и их собственные потребности. Каждый фиксируемый период времени (по формациям, технологиям, правлениям и т. д.) формирует соответствующий ему опыт. Значит, когда мы исследуем и пытаемся использовать актуальный для нас опыт, надо прежде всего четко разобраться в том, в какое историческое время с его основными чертами он вырабатывался, чем инициировался, на чем основывался и как практически действовал, к каким приводил результатам. А то у нас в одном предложении могут рассматривать опыт XVIII века, скажем, общины с барщиной, и опыт XX века, колхоза с комплексной механизацией, а то и вспомнить период Великого Московского княжества и сравнить это с Римской империей. Как будто и разницы-то нет!

И, в-пятых, применительно к определенной проблеме, задаче, ситуации, событию, происшествию, изделию, технологии, продукту и т. д. *опыт всегда конкретен*. Причем коррелятивная связь здесь непростая, поскольку применять нередко приходится прошлый опыт, а действующие лица, ресурсы и орудия труда в чем-то уже иные. Ничего не повторяется в полном совпадении, обычно существуют различия, которые надо видеть и учитывать. К примеру, выращивание одного и того же зернового злака в разных почвенно-климатических зонах. Или: использование зарубежного опыта по какому-либо делу — экономическому или политическому. Необходимо внимательное изучение всех составных, воплотившихся в данном опыте, тогда можно и повторить.

Таким образом, кратко обобщая сказанное, можно отметить, что *опыт* представляет собой важное *творение* и *достоинство* человеческого труда и таланта и к нему необходимо особое бережливое отношение. Вряд ли удастся чего-то хорошего достигнуть как отдельному человеку, так и стране в целом в случае, если опыт игнорировать, отрицать, отвергать, не замечать, дискредитировать и уж тем более не использовать. Ка-

залось бы, что мы получили добротные уроки после 1917 года, когда попытались сделать предшествующих опыт «предысторией» и без него начали строить «новый мир». Что сотворили, достаточно известно. Лишь когда «протрезвели», пошли вспоминать былое, обращаться к «духу предков», тогда потихоньку и начала развиваться страна. И там, где последовательнее это соблюдали, там и достижения были и солиднее и устойчивее. А где ерничали, «самотворили», там и получилось то, что получилось: разрушился социализм. Однако данные уроки, как и исторически предыдущие, не пошли на пользу, пока еще не видно, что из них сделаны *масштабные выводы*.

Либеральные реформаторы западного толка 90-х гг. XX в. полностью и всецело отказались от опыта социалистической жизнедеятельности и тем самым оставили общество, по сути, без всяких точек опоры. В этом вопросе они даже перешагнули революционеров начала века. Если первые (большевики) и не считались с многовековым опытом, однако взамен они предложили обществу свою *идеологию* (программы — минимум и максимум), свои представления о будущем и пути движения к нему (хотя бы: «советская власть плюс электрификация всей страны», — и это-то в 20-е годы послевоенной разрухи), пусть, как теперь пишут, — утопические, идеалистические, наивные и прочее, но *четко и понятно сформулированные*, то вторые, называемые демократами, не предложили ничего, кроме присвоения накопленного в стране имущества посредством частной формы собственности. А поскольку то, что было предложено, а затем сотворено, *не исходило* ни из какого-либо национального опыта и не имело precedентов в нашей истории, то выход нашли в призывах наследовать североамериканский и западноевропейский опыты, в которых *тоже подобного не было*.

Между тем, в отличие от литературных произведений (научных, художественных, учебных и т. д.), в которых удается легко и в больших объемах использовать и цитировать любых авторов на свой вкус и интерес, «заморский», чужой опыт так не перенимается. Можно сколько угодно посылать наших в зарубежные командировки, показывать и рассказывать им там о той жизни, все равно они все будут воспринимать на свой лад, а по приезде домой — окунаться в отечественный опыт,

по крайней мере, всё препарировать через него. Один банальный штрих: сколько и куда наши ни ездят, где и как ни живут, а пьют почему-то в традициях родного застолья. Многие идеологи реставрации капитализма считали также, что достаточно наводнить страну западными переводными изданиями, овладеть в ней многими СМИ и подавать через них «универсалистскую» информацию, внедрить у нас немало западных технологий производства и услуг, привести к нам огромное количество импортных товаров, к тому же со всех сторон сдавить военными угрозами НАТО, как граждане России тут же откажутся от своих традиций, обычаев, ценностей, идеалов, привычек и других элементов своего образа жизни и, соответственно, исторически приобретенного опыта. Как показывает время, из этой придуманной затеи мало что меняется в нашем мировоззрении и мироощущении.

Разумеется, речь *не идет и не может идти* о противопоставлении нашего и западного (или восточного, а то и «южного») опыта или о неприменимости его в российском социуме. Уже отмечалось, что мировые процессы глобализации, технологизации и информатизации несут в себе много *типологических стандартов* (параметров, норм, правил, нормативов, символов, брендов и т. д.), которые непременно должны входить в опыт *любого* народа и каждого человека. Имеется в виду совсем *другое* (о котором тоже уже немало говорилось), а именно: не разрушение опыта, создаваемого веками, а такое его *обогащение, модернизация, изменение*, которые бы обеспечивали историческое сохранение и развитие страны. Целесообразно органическое введение всего нового в выверенный опыт и не в противовес ему, а в *дополнение*, с тем, чтобы в системе получать новое и искомое качество жизни.

Реальные проблемы гораздо сложнее и судьбоноснее, чем их порой подают некоторые «интеллектуалы». На самом деле уже первые годы XXI в. показывают что мировая ситуация весьма кризиснее, конфликтнее и неопределеннее, чем многие прогнозировали после разрушения СССР. Ни один концептуальный вопрос не разрешен: все противоречия XX века просто спролонгированы не лучшим для нас образом. Отмахиваться от природных и геополитических угроз преступно, здесь на «авось» ничего не пройдет и «шапками» никого не

забрасаешь. Прощения и пощады тоже ни у кого не выпросишь. *Законы борьбы* за самоутверждение собственного достоинства то ли человека, то ли страны жестоки и неумолимы. Пора все это в конце-концов понимать и без дрожи в коленях. Нужна мобилизация всех наших ресурсов, в том числе такого воспроизводимого и неиссякаемого, как наш *исторический национальный опыт*, давший нам тысячу лет созидания, самобытности и свободы.

Взамен этого, что требует, естественно, большой и добросовестной аналитической, организационной и информационной работы, ставка сделана в соответствии с концепцией либерализма, на *личностный* опыт отдельного человека. *Социальный (обобщенный)* опыт уже не привлекает внимания, главное — индивидуальный, единичный опыт, который приобретает человек в процессе выполнения тех или иных профессиональных функций. Исходя из такой посылки, считается, что *опыт профессиональный* есть «следствие профессионализации человеческой деятельности, содержит субъективную составляющую в виде людей — носителей опыта. Имеется и объективная составляющая, отражением чего является должностная или организационная структура государственного органа, компании, фирмы. *Субъективированная* компонента профессионального опыта человека представлена в таких формах, как профессия, специальность, специализация. Основные *объективированные* формы профессионального опыта: рабочее место, должность, должностная структура, организационная структура. Таким образом, профессиональный опыт организации представляет собой единство профессионального опыта людей, персонала и структурного профессионального опыта»¹.

Такое суждение вроде бы обосновано, и против него нечего возразить. Разумеется, для каждого человека важен его «*личностный*» опыт как собственной жизни, так и своей трудовой (профессиональной) деятельности. На него он опирается, из него исходит, по нему творит и оценивает свое поведение и деятельность, успехи и неудачи, достижения и промахи. Столь же актуален для каждого государственного и муниципального ор-

¹ Энциклопедия государственного управления в России. Т. III. М., 2005. С. 295 — 296.

гана, бизнес-структуры (большой или малой), общественного объединения и т. п. тот опыт реализации своей миссии, который сложился и поддерживается в соответствующем коллективе. Однако, ведь, и личность, и коллектив *существуют в обществе* и в нем взаимодействуют с большим числом себе подобных. Да и человек, и коллектив в период формирования своего опыта на *что-то опирались*, чем-то подпитывались, откуда-то брали навыки, операции, действия, ориентиры, привычки, мотивы, стереотипы и иные «уроки». Логично, что, несмотря на свой сугубо индивидуальный опыт (по профессии — для отдельного человека, вида дела — для коллектива), они обязательно пользовались опытом *группы*, осваивали и применяли его. А если сказать по-крупному, то на *исторический и современный опыт того общества*, в котором они выросли и практически осуществляют свою жизнедеятельность. Вот этот-то опыт и надо бы изучать, знать, использовать, а лучшие его образцы и распространять.

Сказанным поставлена *очень большая, принципиальная проблема*. Она напрямую связана с *историей того*, как мы попали в современное положение, с анализом параметров самого положения и поиском путей его качественного изменения в условиях реально складывающейся мировой геостратегической динамики. Очерк посвящен рассмотрению лишь нескольких аспектов опыта субъектов управления. Касаясь *мирового опыта* жизнедеятельности разных народов и их государств, отмечу только, что те тяжелые, критические, опасные ситуации, в которые мы попадали и в которых находимся, во многом спровоцированы тем, что мы плохо, поверхностно и успокоительно для себя *исследовали то*, что реально происходит за пределами наших границ. По сути нам постоянно мешают наши доверчивость, наивность, упование на чьи-то добрые чувства, вера в чужое слово, порядочность и другие качества, которые, как мы полагаем, должны быть у наших партнеров и оппонентов. Исходим из каких-то постулатов, иллюзий, а не из реального исторического опыта. А потом обжигаемся!

Это так, к слову, ибо предметом рассмотрения является наш *отечественный опыт*, который, во-первых, принадлежит нам — наше достояние; во-вторых, используется нашими субъектами управления и в целом — управленческими системами; и в-третьих, может быть применен либо изменен

нашими усилиями, зависит от нашего желания и знания, нашей воли и власти.

Опыт — *общественное явление*, которое достается нам из прошлого, осваивается и творится нами, живет среди нас и сопровождает нашу жизнь. Поэтому он жестко взаимодействует со многими общественными явлениями, среди которых особо значимы такие, как технологии производства и потребления, традиции жизнедеятельности, культура, экология (в смысле восприятия природы). Трудно однозначно определить, что в таких взаимодействиях первично, а что вторично. В историческом кругообороте все сплетается, перемешивается, меняется местами, однако сохраняет свою качественную специфику.

Наиболее опыт соприкасается с *технологиями*, которые люди применяют при непрерывном воспроизводстве своей жизни, главным образом в деле производства и потребления товаров, услуг, капитала и информации. В общем любая технология есть *системное согласование* определенных поступков и действий людей в рамках понятных им процедур и операций, которое (при его соблюдении) ведет к необходимому для них результату. Обычно технологии *объективно обусловлены*, вызваны необходимостью поддержания и обеспечения жизни людей, хотя создаются и используются *субъективно*. С развитием технологий в них расширяется значение субъективного фактора, «высокие» технологии почти во всем являются творением человеческого разума. Но даже сугубо искусственные материалы делаются все-таки из естественного сырья.

К сожалению, при соотнесении опыта и технологий их *общее объективное начало* часто забывается, и создается впечатление, что да, технологии типичны, а вот опыт — индивидуальный, у каждого свой. В результате утрачиваются такие явления, как роль опыта в разработке и освоении технологий; взаимосвязь опыта и продуктивности и эффективности использования технологий; способы влияния технологий на формирование нового опыта; источники и факторы развития опыта совершенствования технологий и др. Из-за этого мы многое проигрываем в решении собственных жизненных проблем. Причем проигрываем всего лишь по причине пренебрежительного отношения к опыту технологий *собственной исторической жизнедеятельности*.

Между тем, если не вдаваться в отдельные ситуации, а рассматривать наш технологический опыт масштабно, с длительным временным интервалом, то мы можем и должны гордиться своими руками и головой. Задумайтесь над несколькими цифрами: самый крупный северный город Канады лежит на широте Курска, а у нас практически вся страна находится в районах с более суровым климатом; для обеспечения стандартов, которые естественны для США, нам необходимо 18 т условного нефтяного эквивалента на человека в год, мы имеем всего 8 т; сегодня по душевому ВВП Россия отстает от США в 5 раз, от безресурсной Японии — в 4 раза, от стран Западной Европы — в 3,5–4 раза¹. Практически подобное соотношение было и в прошлые века. Мы всегда жили в самой холодной и неуютной части планеты.

Однако успешно противостояли и жестким требованиям природы, и натиску наших передовых «друзей» по всему периметру наших границ и до сих пор живем, разумеется, трудно. Было бы удивительно в наших почвенно-климатических и геополитических условиях жить легко. Но народы нашего Севера за Полярным кругом в условиях вечной мерзлоты, тундры, четырехмесячной ночи за много веков создали такие технологии производства и образа жизни, которые обеспечивают и их существование, и равновесие с природой. Или возьмите огромный таежный регион Сибири, в котором одно только деревянное домостроительство является выдающимся технологическим изобретением. И вообще, русская изба обладает коэффициентом полезности для человека — 1; кирпичный дом — 0,8; железобетон — 0,5–0,3, и к ее технологичности для здоровья и жизни человека надо бы относиться с большим пониманием. А если учесть, что дерево — воспроизводимый ресурс с циклом в среднем 100 лет, то можно сделать вывод, что наши предки отработали неплохой опыт решения жилищной проблемы².

После революции 1917 года в условиях, по сути, технико-технологической блокады наши люди сумели заложить многие

¹ См.: Львов Д.С. Экономика и жизненный мир человека // Гуманитарные проблемы современной цивилизации. СПб., 2006. С. 24.

² См.: Перевезенцев С.В. Россия. Великая судьба. М., 2003; Дмитриева Т.Б. Характер: русский. М., 2001.

новые отрасли производства: самолетостроение, тракторостроение, танкостроение, ракетостроение и т. д.; они добились создания технологий по всему спектру современного производства, что и привело к Великой Победе 1945 года. Значит, уже *до революции* был создан опыт, способный продуцировать практически все то, что порождает мировое сообщество. И в послевоенный период мы создали технологии, позволившие обеспечивать на всех возможных направлениях военных угроз нашу национальную, прежде всего оборонную, безопасность. И сегодня нам удается поддерживать и модернизировать такие технологии, которые заставляют с нами считаться экономически более развитые страны.

Все это я напоминаю не для самохвальства или забвения тех бед, которым подвергалась и подвергается наша страна, а только с той целью, что надо бы все-таки *более внимательно относиться* к нашему технологическому опыту, который разбросан по многим «родникам» на огромной территории страны. Да и научиться сами технологии рассматривать с разумных позиций: не только с точки зрения быстроты и количества производства товаров, услуг и информации, но, главным образом, под углом *пользы человеку, обеспечения его гармонического развития, сохранения природы на будущее*. Нужен достаточно обоснованный *критерий* для анализа и оценки технологического опыта. И только при его наличии и использовании можно объективно подходить к тому, что мы имеем, и уже исходя из этого искать и заимствовать зарубежный опыт. А то немало можно назвать примеров, когда у нас открывали, испытывали, отрабатывали, а потом по чьему-то недомыслию это не замечали, оно уходило на Запад, там осваивалось и потом приходило к нам в качестве заморской диковинки.

Конечно, описать национальный опыт в технологическом «срезе» невозможно, но каждый субъект управления в области или отрасли своих интересов обязан такой опыт *находить, поддерживать и использовать*.

Нельзя не отметить, далее, сильную связь опыта с *традициями*. Традиция (от лат. *traditio* — передача; повествование) означает: 1) предание, устная передача исторического материала; 2) обычай, порядок, правила поведения, переходящие из поко-

ления в поколение¹. Можно утверждать, что традиции являются *формой закрепления опыта*, ибо то, что становится традицией, представляет собой его результат, прошедший проверку временем и событиями. Свои начала традиции берут в «седой» древности, и в течение истории их действия постоянно пополняются жизненным опытом, укрепляются либо предаются забвению. И если они существуют и сегодня, значит они необходимы людям, их поддерживают и им помогают в решении их проблем.

Традиции у каждого народа, у каждой страны многообразны, и их раскрытие не входит в предмет данной книги. Но о некоторых наших, российских традициях нельзя не сказать, ибо они в той или иной мере, но обязательно *присутствуют* в управленческих процессах: одни — в составе субъектов управления, другие — управляемых объектов. Классифицировать традиции можно по следующим основаниям:

по отношению к жизни, ее смыслу и ценностям: скромность; рачительность; экономность; хозяйственность; свободолюбие; рискованность;

по отношению *друг к другу*: коллективизм в формах артели, общины, вече, соборности; милосердие: взаимоуважение, товарищество, доброжелательность;

по отношению к *стране* (Родине-Отечеству): мужество, героизм, самопожертвование, органическая принадлежность; мистическая любовь.

Понятно, что не все наши люди следовали и следуют названным традициям; к сожалению, исключения всегда бывали, прежде всего среди тех, кто себя ассоциировал с элитой, непременно претендующей на *исключительность*. Но исключения потому и являются таковыми, что они подтверждают *правило-верность* массы трудящихся традициям даже в тот период, когда их отрицали, либо нигилистические большевики сразу после революции, либо радикальные либералы в период своего утверждения. Вот это-то веками и вызывает неприятие среди тех, кому не нравится Россия, многим, конечно, за рубежом, но немалому числу и своих, вечно недовольных².

¹ См.: Словарь иностранных слов. М., 1954. С. 696.

² См.: Жигков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб., 2001; Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2004, и др.

В нашей стране проживают представители порядка 170 народов (этносов), которые из глубины веков принесли с собой традиции своих предков. Они, естественно, *разные*, но тем не менее, поскольку приходится жить в одном государстве, *взаимодействуют* между собой, порой обогащая друг друга, порой — контрастируя. В любом случае они являются достоинством управления, с которым следует сотрудничать как при формировании управляющих воздействий, так и при их реализации. Причем это важно и субъектам и объектам управления, поскольку в них трудятся люди, соблюдая каким-то свои традиции. Опора на традиции и их использование расширяют опыт людей, позволяют разумнее целеполагать, организовывать и регулировать общественные явления, отношения и процессы. Надо не отбрасывать, а *осваивать* традиции, ибо жизнь с ними (в прошлом и сегодня) мы знаем, а что будет без них, никому не ведомо.

Логично, что опыт исторической жизнедеятельности людей образует *кругооборот с культурой* как способом этой жизнедеятельности. В нашей общественной мысли, между прочим давно, культура обычно интерпретируется как духовное явление. Причем в основу такого подхода берут святое Благовестование от Иоанна, в котором было сказано: «...в начале было слово, и слово было у Бога, и слово было Бог» (гл. I. 1). Однако при этом почему-то не считаются со святыми Благовестованиями от Матвея, Марка и Луки, в которых о магических свойствах слова ничего не сказано. Действительно, человеческая мысль выражается словами на том языке, которым владеет человек, однако это вовсе не свидетельствует о том, что слово первенствует в мире и творит этот мир. Все гораздо сложнее!

Мне кажется, что было бы большим *обеднением* сужение культуры до рамок исключительно духовности. Ведь всем важно, скажем, не только то, что чувствует человек в храме и какую там произносит молитву, но и то, как он ведет себя вне храма, как думает и поступает каждый день среди своих близких и трудов своих. Духовность всегда нуждается в *объективации*, в осуществлении в практических делах, в опыте повседневности. Наверное, любому человеку неприятно наблюдать, как за оградкой великолепного храма имеет место

убогий, грязный, бедный образ жизни, вроде того, что Благодарь веками почему-то не выходит за пределы храмовой территории. То же самое можно сказать и о содержании и гуманности российской научной и художественной литературы, в которой представлены миллионы добрых и чистых слов.

Культура, если ее рассматривать применительно к реальной (а не надуманной, «словесной») истории и современной жизни, представляет собой *единство идеального и материального субстратов*, иначе, единство слова и дела, а также их объективных результатов. Этот тезис имеет определяющее значение для нашего общества, в котором исторически слово весьма *дистанцируется* от действительности. Многие полагают на самых высоких уровнях (политики, ученые, писатели, журналисты и т. п.), что главное произнести слово, особо высокопарное, благозвучное, оригинальное, «вселенского масштаба», а что это слово порождает, какие создает следствия, «оракулов» уже не интересует и не беспокоит. Из-за этого в обществе и гуляют логократия, идеократия, а проще: демагогия и словоблудие. Веками и с нарастающим темпом благодаря все большим возможностям СМИ у нас все говорят и говорят: в одном направлении (к прошлому) — все разбирают по «косточкам» и критикуют, критикуют, делая из истории «черный квадрат» Малевича, а в другом (к будущему) — провозглашают гигантские перемены и фантастический взлет страны. Но слова ни в одном ни в другом направлениях не являются *достоверными, обоснованными и значимыми*, поскольку не отражают истинного состояния материальных (объективных) явлений, отношений и процессов.

А *действительное* в культуре всегда материализовано, несмотря на всю мощь духовного, поскольку только объективированное сознание позволяет последнее (духовное) воспринимать, ощущать, чувствовать, постигать и использовать. Сельские поселения, местечки и города, их благоустройство; заводы, фабрики, полевые станы и фермы с их механическим и технологическим оснащением, дороги и транспорт, оборудование школ и больниц; уровень благополучия, здоровья и образ жизни людей; «продукты» науки и их преобразующее влияние на общество; нравственное и эстетическое поведение людей и т. д. — вот что служит *свидетельством и характеристикой культуры*. С точки

зрения управления иначе нельзя рассматривать культуру, ибо в таком случае все можно свести к словесной нагрузке управленческих решений и действий и не видеть определяющего — *состояния жизнедеятельности управляемых объектов*.

Многие наши минувшие, нынешние и грядущие беды, о которых немало уже сказано и написано, и порождены, и инициированы, и углублены тем, что у нас часто больше уповали на слова, а не на объективные ресурсы и факторы их практической реализации. Неслучайно потом получалось то, что получалось, но за это приходилось и приходится расплачиваться огромной массе тех, кто эти слова не произносил и даже им не верил¹. Самое страшное здесь происходит от того, что «упования» провозглашают «интеллектуалы», а с их подачи они начинают использоваться субъектами власти-управления. Силой навязываются кому-то нравящиеся «измы» нередко тогда, когда их порочность очевидна в их содержании либо уже отвергнута опытом других стран. В результате энергия, время и ресурсы растрачиваются на никому не нужные иллюзии, будь то выбор способа развития или построение какого-то завода.

Поэтому для управления проблема *соотношения* опыта (выверенной практики) и культуры в подлинном ее смысле имеет решающее значение. Если кто-то из субъектов управления целеполагает исходя из известных лишь ему призрачных, эфемерных представлений, то трудно надеяться, что из таких целей получится что-то достойное. Как уже отмечалось (очерки 3,6), сознанием надо руководствоваться, знаниями необходимо обладать, но при разработке, принятии и реализации управленческих решений следует обязательно опираться на подтвержденный историческим опытом (испытанием) *потенциал* нашей культуры, который сам по себе достаточно мощный и созидательный².

Культура как *комплексное явление*, синтез идеального и материального, в таком ее понимании является важнейшим ресурсом управления, причем любых его видов. Ее необхо-

¹ См.: Барулин В.С. Русский человек в XX веке: Потери и приобретения. СПб., 2000; Шафаревич И.Р. Русский народ на переломе тысячелетий: Бег наперегонки со смертью. 2-е изд. М., 2000, и др.

² См.: Лихачев Д.С. Русская культура. М., 2000.

димом знать субъектам управления и активно вводить в управленческие процессы. Здесь лучше всего не слушать чьих-то «заграничных советов» по поводу нашей культуры, которые могут иметь разную подоплеку, а изучать и самим справедливо оценивать нашу культуру. При всех ее отмеченных чертах она — *наша культура*, нас взрастила и нас держит, выделяет среди иных народов. Значит, только с ее помощью можно управлять. Поражает порой другое: многие не знают своей культуры, а уже ее нигилистически предают забвению.

В качестве опыта для управления все большее значение в переживаемое нами время приобретает веками осуществляемое *взаимоотношение наших народов с природой*, или то, что ныне обозначается понятием «экология». По поводу последнего существует много разных взглядов, которые в обобщенном виде сводятся к тому, чтобы посредством определенных мер (законодательных, информационных, культурологических, естественно-природных и др.) как-то сохранить, спасти, а может быть (кое-где) и улучшить ухудшающееся состояние природной среды обитания человека.

Сразу отмечу, что широко используемые характеристики типа «окружающая среда», «неблагоприятные факторы влияния окружающей среды» и т. п. вызывают *непримение* и свидетельствуют о глубоких потребительских сдвигах в сознании людей. Спокон веков бытовало представление о слиянии человека с природой, о священничестве последней, о земле — кормилице и т. п., которым кланялись и которые боготворили. И крестьяне всегда и особо берегли природу. Перелом начался с индустриализации, когда в погоне за массовым производством, прежде всего, оружия для войн и предметов потребления для богатых, природа стала рассматриваться лишь как *источник ресурсов* для удовлетворения растущих потребностей «общества массового потребления», превратившегося ныне в «образец» цивилизации. Научно-технический прогресс, на который возлагали большие надежды, тоже пошел по пути расширения эксплуатации всех составных частей природы (воздух, вода, недра, поверхность Земли, живой мир), что привело к ее широкой деградации.

В итоге мощного прессинга идеологии и практики индустриализации и научно-технического прогресса была *перевер-*

нута тысячелетняя пирамида иерархии человека и природы, вследствие чего человек возомнил себя центром Вселенной, владыкой природы и последнюю стал рассматривать уже в качестве окружающей среды. Получилось, что не человек находится в природе, а природа окружает человека и призвана обеспечивать его прихоти. Определяющую роль в этом «перевороте» сыграла богатая часть общества — элита, запросы которой в роскоши превзошли все мыслимые когда-либо масштабы. К примеру, сегодня различие в душевых доходах 10% самых богатых американцев по сравнению с 10% самых бедных жителей Эфиопии превышает 10 000 раз¹. В то же время состояние трех самых богатых в мире людей равняется ВВП 48 самых бедных стран с населением в 600 млн чел.² А ведь все богатство, как к нему ни добавляй талант собственников, всегда создавалось и создается за счет ресурсов природы и труда людей.

Давно уже стоит (а может быть уже и вопиет) вопрос: что делается на планете и куда движется человечество? Скажем, еще в 1968 г. был создан известный Римский клуб из числа лучших ученых, опубликовавший доклады: «Пределы роста», «Человечество на перепутье», «Перестройка международного порядка», «За пределами века расточительства», «Цели для человечества» и многие другие. Шуму в СМИ по поводу каждого доклада было много, а политических или практических выводов почти никаких. Первый президент Римского клуба сформулировал для человечества *шесть* целей, которые связаны «с «внешними пределами» планеты; «внутренними пределами» самого человека; полученным им культурным наследием, которое он обязан передать тем, кто придет после него; мировым обществом, которое он должен построить; экосредой, которую он должен защищать любой ценой, и наконец, сложной и комплексной производственной системой, к реорганизации которой ему пора приступить»³. Идеи участников Римского клуба были опубликованы не в одной сотне книг. В 1992 г. по инициативе и под эгидой ООН в Рио-де-Жанейро была согла-

¹ См.: Бергсом Н. Усиление неравенства в новой глобальной экономике // Вопросы экономики. 2006. № 4. С. 84.

² См.: Мационис Дж. Социология. СПб., 2004. С. 400.

³ Печчеи Аурелио. Человеческие качества. М., 1985. С. 292.

сована концепция устойчивого развития мира. Приняты Монреальский, Киотский и другие протоколы об охране природы. В 2002 г. главы большинства государств в Йоханнесбурге подтвердили приверженность концепции устойчивого развития. Однако в национальном законодательстве, а уж тем более на практике, мало, *очень мало* что делается хотя бы для снятия агрессивно-разрушительного отношения к природе, не говоря уже о ее восстановлении.

Немало благоприятных перспектив связывается с *информационно-технологической революцией*, которая якобы может и должна создать технологии, которые бы щадили и экономили ресурсы природы и принесли людям информацию, которая формировала бы у них уважительное и бережливое отношение к собственной среде обитания. Между тем пока что возможности *нового интеллектуального прорыва* больше используются для отработки изощренных (бесконтактных) технологий уничтожения людей, чем для рационализации взаимоотношений современной социотехносферы с природой. Все, как заколдованные, не видят, что человеческая жизнедеятельность осуществляется на очень тонкой оболочке земного шара (атмосфера вверх — до 5 км; глубина вниз: грунт до 2 м; вода — до 20 м, с отклонениями уже с помощью технических средств), и если она будет уничтожена, то не помогут ни космические полеты, ни углубления в недра. Даже если читать фантастику, то легко увидеть, что самые изощренные умы ничего не могут больше придумать для человека, чем земные условия его жизни. Пусть искусственные, но земные.

В таких реальных условиях современной действительности видится поэтому весьма актуальным *возвращение к опыту предков* в их тысячелетнем взаимодействии с природой. Речь не идет, разумеется, о проповеди сохи либо давних примитивных технологий, а совсем об ином: *о мировоззрении и мироощущении людей*, в которых бы красной нитью проходило понимание абсолютной ценности природы для человека, который сам является прежде всего биологическим, т. е. природным, существом. У наших народов, в их философии, идеологии и психологии можно найти немало полезного и актуального и для далекого будущего. Тогда можно будет не

только с сохранением, но и с обогащением природы применять те технологии, которые с каждым днем преподносит идущая информационно-технологическая революция.

Все находится в руках людей, но плохо ими используется, ибо *нет еще революции в их умах*. И, конечно, в умах субъектов управления, озабоченных часто лишь своими мелкими корыстными интересами. А от субъектов управления все передается и к управляемым объектам. Сегодня *инерционное мышление* сильно, ведь нам долго внушали «бескрайние просторы», «бездонные кладовые», «безграничные леса» и т. д., в то время как все весьма и весьма *ограничено в природе*, и следует начинать думать по-другому. Не будем этого делать по собственной инициативе, — заставит природа, но уже жестко и разорительно.

И в завершение сюжета несколько суждений о *национальном управленческом опыте*. Я могу выразить только сожаление по поводу того, как у нас оценивается наш собственный опыт управления. Его почему-то либо отрицают (шельмуют), либо вообще не замечают. Это *неправда*, что у нас нет весьма положительного и достойного внимания опыта управления, причем всех его видов. Неправда по объективным и по субъективным основаниям. Если бы у нас не было опыта управления достаточного уровня, то объективно не было бы и страны. Известно, что российская общественная мысль настойчиво интересовалась проблемами государства, права, местной жизни, производства, армии, духовности и другими, и она субъективно, с точки зрения запросов жизни, не могла не озаботиться мировым и национальным управленческим опытом. По крайней мере с времен Петра I Великого (1672 — 1725) в России вырабатывался и накапливался опыт управления гражданскими, военными и производственными делами, о нем свидетельствует множество исторических фактов.

Со становлением отечественной *индустрии* у нас создавался и заимствовался опыт управления крупным машинным производством. Между прочим работа Ф.У. Тейлора (1856 — 1915) «Научные основы организации промышленных предприятий» была издана в Санкт-Петербурге в 1912 г. Известный ученый в области управления Кароль Адамецки (1866 — 1933) окончил Петербургский университет, работал

на заводах Луганска, Екатеринослава, с 1919 г. — в Польше. В 20-е гг. XIX в. у нас были изданы работы Анри Файоля, Г.Б. Друри, Г. Черча, К.Б. Томпсона и многих других известных авторов.

Надо честно сказать, что социализм *начинался* с признания важности управления и необходимости разработки соответствующих знаний. Сейчас это забыто, хотя методологически любой процесс надо рассматривать в его *генезисе и развитии*. Тогда можно обнаружить, как явление возникало, почему изменилось и к какому подошло результату, даже в случае прекращения его существования. Действительно, В.И. Ленин (1870—1924) уделял большое внимание вопросам управления в возникшем социалистическом обществе, к тому же находил возможность для личного рецензирования работ Ф. Тейлора, П.М. Керженцева, О.А. Ерманского, А.А. Богданова и других авторов. В Советской России были образованы Центральный институт труда при ВЦСПС (ЦИТ) во главе с А.К. Гастевым (1882—1941), Таганрогский институт научной организации труда и производства, Всеукраинский институт труда, Казанский институт организации труда, многие лаборатории по научной организации труда¹. Поэтому ничего, кроме неприятия, не вызывают сегодняшние суждения о том, что в начальный период Советской власти все делалось по «понятиям», экспромтом, интуицией, волюнтаристским произволом и т. п. Было бы так, то не сумели бы быстро и качественно (что показало вооружение армии в годы войны) провести *индустриализацию* страны. Забывается почему-то и тот факт, что многие производственные объекты строились с участием и под контролем многих иностранных специалистов, особенно из Германии и США. Так что и таким путем формировался управленческий опыт.

Конечно, особо трудно анализировать управленческий опыт с 1929 по 1953 г., когда в стране существовала авторитарная система управления в ее крайнем варианте жестокой диктатуры. Но и в этот период строились заводы и фабрики, создавались производственные комплексы, организовывались крупные НИИ, осуществлялись масштабные програм-

¹ См.: Беркович Д.М. Формирование науки управления производством. М. Наука, 1973.

мы, т. е. страна развивалась и крепла. Вот что показывают расчеты в сопоставимых ценах:

национальное богатство выросло с 455 млрд руб (1929 г.) до 1597 млрд руб. (1953 г.), т. е. в три с лишним раза;

национальное имущество увеличилось с 407 млрд руб. (1929 г.) до 1099 млрд руб. (1953 г.), т. е. более чем вдвое;

валовый внутренний продукт вырос с 48 млрд руб. (1929 г.) до 450 млрд руб. (1951 г.), т. е. почти в 9 раз;

основные фонды приросли с 37 млрд руб. (1929 г.) до 100 млрд руб (1953 г.), т. е. в 2 с лишним раза;

население увеличилось с 95 923 млн чел (1929 г.) до 106 540 млн чел. (1953 г.)¹, и все это с учетом огромных потерь людей и материальных ресурсов в годы войны и вследствие коллективизации и известного ГУЛАГа.

Значит, масса процессов кем-то и как-то *управлялись*. Если тщательно даже этот тяжелейший период проанализировать, особенно на среднем и низовом уровнях и применительно к развитию *производительных сил*, то может быть и там обнаружится что-то интересное. Главное для изучения истории, как мне кажется, *разбираться в ней*, выявлять ее движущие силы, обстоятельства, причины, факторы и многие иные явления, а не очернять ее или отбрасывать, так, как будто ее и не было. «Не будем вспоминать, вот и не будет ее».

После «оттепели» в течение 30 лет (1955 – 1985 гг.) начал формироваться *новый* управленческий опыт, в чем-то более демократический, рациональный и стремящийся к эффективности. Расширились международные контакты, стало издаваться большое число разной переводной литературы. Много стоит, к примеру, «Курс для высшего управленческого персонала» (М., 1970), сокращенный вариант изданного в США в 1964 г. шеститомного одноименного курса. Новой управленческой идеологии и технологии требовали начавшиеся *научно-техническая революция и компьютеризация*. В какие-то временные отрезки управление справлялось с объективными проблемами, в другие — затухало и теряло целенаправленность и динамику. В результате одни пред-

¹ См.: Федоренко Н.Б. Россия: Уроки прошлого и лики будущего. М., 2001. С. 463 – 479.

приятия и комплексы, особенно в области обороны, прорывали заскорузлость и находили инновационные направления собственного развития; другие, прежде всего в области производства продуктов потребления (питание, одежда) и жилья, как бы законсервировались в своей отсталости и инертности. В стране возникли глубочайшие противоречия между управленческим потенциалом субъектов партийного руководства и государственного управления. Такие противоречия *раздробились* на массу более мелких: между разными видами и уровнями власти, между отраслями производства и потребления, между субъектами управления и гражданами и т. д. Так называемая перестройка, начатая в 1985 г., не разрешила, а *усугубила* противоречия. И хотя уже был опыт реформ Дэн Сяопина, идущих с 1978 г. в Китае, у нас избрали другой путь, приведший к *краху* всех институтов общества и государства и к откату, с точки зрения интересов человека, далеко назад от почти всех стран Европы.

Но, как говорится, и *плохой опыт тоже есть опыт*, и его надо бы знать, ибо никто никогда не может дать гарантий того, что подобного не может случиться. В то же время нельзя не видеть, что, несмотря на «тектонический» разлом, крушение, казалось, всего и вся, страна *выжила* и сегодня серьезно *поднимается*. Следовательно, и в годы Советской власти был приобретен управленческий опыт, который позволил предприятиям (в промышленности и сельском хозяйстве), учреждениям образования и науки, многим объектам социальной и культурной сфер, фактически брошенными органами государственной власти, *сохраниться*, приобрести новый формационный вид и наладить свое функционирование в «диких» рыночных условиях. Огромную роль в деле спасения населения страны сыграли органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, на которые выпала самая тяжелая ноша решения управленческих проблем.

Вне всякого сомнения, в сказанном об опыте и управлении отчетливо видно, что в жизни имеют значение и *индивидуальный* опыт каждого человека и управленца, и *коллективный опыт* массы субъектов и объектов управления разных видов, и *опыт всего общества*, всех людей (общественный, социаль-

ный, социума), который накапливается веками и передается из поколения в поколение. *Все уровни опыта актуальны для управления.* Надо только не противопоставлять их друг другу, а, наоборот, *объединять, интегрировать и обогащать*, а то у нас некоторые любят поговаривать: «в стране дураков», «страна дураков», совершенно не задумываясь о том, что тот, кто эти слова произносит, сам вырос среди «дураков» и тем самым ничем не может отличаться от них. Ежели он почему-то считает себя умным, то, видимо, умными могут быть и другие. Это — мелочь, о которой не стоит упоминать, но она стала расхожим стереотипом, унижающим нашу собственную страну и ее народы. С этой точки зрения пора бы уяснить, что и в прошлом, в любые его периоды жили и действовали не только дураки (которых всегда и везде хватает во всех странах), но и умные, которые что-то знали, из чего-то исходили и определенным образом управляли. Кстати, те, которые при всех провалах, ошибках, заблуждениях и даже преступлениях субъектов власти-управления все-таки держали и удержали Россию. Давайте будем познавать историю с пониманием и уважением того, что было в ней лучшего и составило ее *стальной стержень*.

Очерк 8. ИНФОРМАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ (отражение)

Человек существует в рамках постоянного взаимодействия с природой, обществом, друг с другом, с самим собой. Он *воспринимает* импульсы, притяжения, отталкивания, сведения, данные, факты от всей многообразной среды собственного обитания, соучаствует в разных событиях, происшествиях, отношениях, процессах, личных и общественных делах и т. д. Одновременно инициирует свои потребности и интересы, цели и мотивы, чувства и желания, симпатии и антипатии, направляет свое «Я» на других и пытается его самореализовать. В результате жизнь людей протекает в невероятно сложном *информационном поле*, в пределах которого имеют место их коммуникации, общение, индивидуальное и совместное вос-производство.

В ХХI в. потоки информации растут в геометрической прогрессии, создав тяжелейшую проблему ее поиска, овладения и использования. Если говорить *в общем*, не вдаваясь в терминологические споры, пессимизм или эйфорию, то можно сказать, что в области информации накопились противоречия, которые сами по себе требуют осознания и какого-то разрешения:

объем информации таков, что его не может вместить вся совокупность ныне действующих компьютерных средств и коммуникационных сетей, а поскольку последние не способны осмысливать закладываемые в них сведения, то получается, что трудно выделить и найти те из них, которые актуальны и необходимы *для реальной жизни*; при обилии информации часто не хватает должной, развивающей людей и общество;

информационный бум породил умозаключения о том, что человечество вступило в *качественно новый этап* своего исторического развития: информационную эпоху, информационное общество, информационно-технологическую революцию, некоторые «спешащие» — уже и в ноосферу¹. Однако если судить по политике и фактам жизни, то даже в авангар-

¹ См.: Кастельс Мануэль. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. М., 2000; Уэбстер Фрэнк. Теории информационного общества / Пер. с англ. М., 2004.

дних в этом отношении странах (США, ЕС, Япония) что-то не наблюдается существенных перемен в миропонимании и мирочувствовании их элит и простых граждан — стереотипы потребительского общества XIX века господствуют, правда, применительно к новым видам товаров и услуг;

в последние десятилетия информацию все более рассматривают в качестве источника, ресурса и фактора решения тех проблем, которые волнуют людей и народы в целом¹. И хотя информационные средства расширили возможности бесконтактной коммуникации людей, их потенциал работает пока в *техничко-технологической плоскости* и слабо задевает так называемую *надстройку*, которая только и призвана обеспечивать рациональность и эффективность общественной и частной жизни людей.

Эти противоречия в информационном обеспечении нашего существования очевидны, зримы, легко наблюдаемы, но многие предпочитают видеть в данном процессе лишь позитивные стороны, отбрасывая негативные. По поводу возможностей информатизации сеются огромные *иллюзии*, так как многие полагают, что наконец-то найдена «палочка-выручалочка», с помощью которой можно легко решить проблемы самосохранения жизни на Земле. Здесь немало того, что напоминает тот детский восторг, который испытывали наши «перестройки» во главе с М.С. Горбачевым и «правее-правых» либерал-демократы во главе с Б.Н. Ельциным в связи с провозглашенным ими окончанием «холодной войны». Столько лет (!)твердили о «новой» эпохе, пока «как всегда, вдруг» не обнаружили вокруг себя передовые американские вооруженные силы в виде объектов ПРО (ракет и РЛС), которые на самом деле являются оружием нападения. Ведь никто не знает, какова на самом деле начинка ракет и кто и когда нажмет кнопку их пуска.

Между тем этому и неизвестно чему еще (увидим в будущем) *удивляться нет никаких оснований*. С информационной точки зрения стоило бы всего лишь почитать работу В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916 г.), но не буквоведски, а понимая смысл, где он тогда еще предсказывал *обострение борьбы за рынки сбыта товаров и вывоза*

¹ См., напр.: Информационные ресурсы развития Российской Федерации. Правовые проблемы. М., 2003.

капитала и за источники сырья. До сих пор мы не научились разбираться в том, *где суть* явлений (геостратегии, политики, экономики и т. д.), а где формы их проявлений либо сокрытий (камуфляжа). Промышленное развитие (индустриализация); научно-технический прогресс, его сопровождающий; информационно-технологические преобразования последних десятилетий; бесконечные смены идеологических парадигм; всякие так называемые столкновения цивилизаций; упорное навязывание одномерной демократии; «горячие» военные акции и многое другое, что происходит в мире, демонстрируют собой не более чем *формы* (способы, средства, технологии и т. д.) *обеспечения сути*: воспроизводства рода человеческого, поддержания определенного благополучия людей и главное — в силу иерархичности общества, — сохранения и укрепления власти богатства, сосредоточенного в руках немногих. В данном контексте государственная власть всегда демократичнее власти частной — капиталистической собственности (не путать с частной), поскольку она связана с развитием территории и населения соответствующего государства.

Информация не есть нечто абстрактно-нейтральное, которое якобы одинаково служит всем и позволяет каждому человеку состояться человеком. Она — весьма *избирательна*, целепотенциальна, содержит в себе чьи-то идеалы и ценности и всегда направлена на достижения каких-то результатов. Информация — это *власть над сознанием человека*, и следовательно, власть над его поведением и деятельностью. И приходится только пожимать плечами при сентенциях всяких источников и носителей информации (СМИ, кино, книги, реклама и т. п.) о том, что если вам что-то не нравится, то не смотрите, не читайте, не обращайтесь внимание и проч. Как будто непонятно всем, что при самой «защитной» подготовке и самом отрицательном отношении к тому или иному сюжету информации, она все равно *входит в наше сознание и остается в нем*. Информация впитывается человеком спонтанно, независимо от его воли, причем как мозгом, так и рецепторами всего организма. Все органы чувств человека настроены на прием информации, ибо обработка информации есть механизм существования человека. Та-

кие «очевидности» и позволили гениальному Биллу Гейтсу создать Интернет со тщательно продуманными программами, что для продвижения американских интересов является посильнее ракетно-ядерного оружия. Последнему можно противопоставить другое оружие и уравнивать его; для движения информации по всемирной паутине и посредством общения людей между собой практически *нет границ* и надежных преград. Она — свободна в своем распространении и, будучи структурирована в *должной логике* (компьютерные программы), формирует необходимое кому-то мышление, взгляды и оценки людей.

В современных условиях информация выступает *орудием глобальной борьбы* народов и государств за свое выживание и историческое самосохранение, правда, лишь в том случае, если значение и роль информации *осознаются*. Надо признать, что раньше всех стратегический потенциал информации поняли правящие круги США. Еще в начале 50-х гг. XX в. А. Даллес — теоретик и практик «холодной войны» — произнес широко известные слова, направленные вроде бы в адрес СССР, а фактически по отношению *ко всем народам*: «...человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посея там (т. е. у нас) хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как?.. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на Западе народа (имеется в виду русского), окончательного необратимого угасания его самосознания... Литература, театры, книги — все будут изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточничеству, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель... Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость и предательство... Национализм и вражда

народов, и прежде всего вражда и ненависть к русскому народу — все это "расцветет махровым цветом"¹. И так далее в однозначно таком же духе. Будем честными и спросим себя: разве за более чем 50 лет, несмотря на объятия и «братания», а главное — бесконечные наши уступки, что-то изменилось? Разве информация приобрела другую целенаправленность и содержание? И разве то, что-то происходило и все еще происходит в стране, не является часто адекватной реализацией сказанного?

Конечно, не все у наших оппонентов удалось, ибо встретило *сопротивление русской истории, традиции и духа*. Но многое из провозглашенного и осуществилось, дало в 80 — 90 гг. XX в. обширный всплеск негативизма, который придется еще долго преодолевать, причем при условии понимания его источников, движущих сил и результатов.

Тем самым при освоении *взаимосвязей информации и управления* всех видов не хочется ограничиваться лишь поверхностными суждениями, характеризующими емкости компьютеров, их число, длину коммуникационных сетей, глубину доступа к Интернету и другие технико-технологические параметры расширяющейся *информационной инфраструктуры*. Все это, конечно, необходимо, но в качестве *предпосылки*, материальной возможности собирать, классифицировать, удерживать и сохранять многообразные единицы информации о чем-то естественно-природном, общественном (социальном) и интеллектуальном. В определенном аспекте управление тоже представляет собой *вид информации* и работы с информацией. Все управленческие явления, отношения и процессы формируются, существуют (закрепляются) и реализуются через информацию и в соответствующей информационной форме. Следовательно, все, что имеет место в области информации во всех ее проявлениях, сказывается на управлении и многое в нем определяет, в том числе и в инфраструктурном основании, на фундаменте которого и выстраиваются информационные системы управления.

Однако, что нередко игнорируется, главное в информации состоит в ее *смыслах, содержании, направленности и прино-*

¹ Цит. по: Карпов В.В. Генералиссимус: историко-док. изд. (в 2 кн.). Калининград, 2002. Кн. 2. С. 466 — 467.

симых результатах. А здесь возникает большое расхождение между потребностями и интересами в информации управленческих систем, и прежде всего их субъектов власти-управления и другими творцами, источниками и носителями информации — СМИ (электронные и печатные), литература и искусство, политика и идеология в их конъюнктурном виде. В начале XX века возникший кинематограф называли «Иллюзион», позднее «Великая иллюзия» (есть и такой фильм). С того времени «производители» и распространители информации весьма преуспели в создании огромного *виртуального* объема (иногда считают — виртуального мира) информации. Разумеется, это нельзя воспринимать исключительно отрицательно. Во-первых, сознание людей всегда склонно к фантазиям, мистификации, аллегориям и другим формам «конструирования» своего продукта. Во-вторых, именно эвристические (творческие) способности людей привели к формированию «второй», искусственной, сферы жизнедеятельности людей, обозначаемой порой понятием «цивилизация». В-третьих, если виртуальный объем информации расширяется, особенно на коммерческой основе, значит он людям нужен и удовлетворяет какие-то их потребности и интересы.

Жизненные проблемы порождает не сама виртуальность, а ее *соотношение с реальной жизнью* и, соответственно, включение в процессы сохранения и совершенствования этой жизни. Сегодня отчетливо просматривается, что средства массовой информации (всех видов) выступают все более *конкурирующей силой* по отношению к субъектам государственного, муниципального и, в какой-то мере, общественного управления. По оперативности и массовости управляющего воздействия они уже превосходят возможности конституционно учрежденных систем управления и активно наращивают свою мощь. Поэтому обществу небезразлично, *какую* информацию «продуцируют» и несут людям СМИ. Особо важно видеть, какова мера в такой информации *реального* и *виртуального*, поскольку и то и другое потребляется людьми и отражается на их мироощущении и образе жизни. Ведь СМИ имеют своих сценаристов и режиссеров, которые делают все, что им поручают заказчики, подлинных их хозяева. Последние, исходя из своих целей, и наполняют

соответствующими образами, словами и музыкой виртуальную информацию, пытаясь отодвинуть в сторону и сделать незаметной реальную информацию.

Поэтому нельзя *упрощать* ситуацию, существующую в области взаимодействия информации и управления (всех видов и субъектов), или, иными словами, в «информационном обеспечении управления». Давно считается, что первостепенное значение для управления имеет *социальная информация*, содержащая сведения о состоянии и развитии социума, социальной структуры, о социальных институтах и процессах: о социальной сфере общества, о социальной жизни организации¹. Конечно, такая информация нужна, но в современных условиях для управления теми же общественными процессами, сознанием, поведением и деятельностью людей все возрастающее место принадлежит *информации об естественно-природных явлениях*, ибо экоположение все более усложняется. Далее, поскольку непосредственной производительной силой (К. Маркс) все более становится *наука*, создающая новую технику, технологию и культуру жизнедеятельности, то субъектам управления крайне необходима информация не только об уже сделанных открытиях и изобретениях, но и о предполагаемых, к использованию которых обычно следует заранее готовиться.

В общем любая управленческая система, особенно *крупная*, реализующая значительную общественную миссию, должна иметь, по крайней мере, *три источника и канала* ее информационного обеспечения:

о состоянии и жизнедеятельности общества, его личностей и институтов — *социальная информация*;

о потенциале и динамике естественно-природных условий и ресурсов, в том числе и по демографии населения — *экоресурсная информация*;

о процессах и направлениях научных исследований и создаваемых продуктах производства, обслуживания и потребления — *научно-поисковая информация*.

Только знание и синтез названных видов информации может выступать предпосылкой и движущей силой обосно-

¹ См.: *Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975; Новая технократическая волна на Западе. М., 1986, и др.*

ванного и эффективного функционирования любой управленческой системы, быть основанием «опережающего» состояния субъектов управления. Вместе с тем понятно, что не всю, даже такую специализированную, информацию управление способно объять. Ни у субъекта управления, ни у управляемого объекта на это не хватит сил. Для управления необходима особая информация — *управленческая*, т. е. та и только та, которая непосредственно связана с формированием и реализацией управляющих воздействий, имманентно свойственных конкретным управленческим системам, а в них — управляемым объектам. Это, можно сказать, избирательная, выборочная, селективная* информация, приспособленная для обслуживания управленческих процессов. Она призвана из всего многообразия современного информационного поля отбирать, фиксировать, анализировать, оценивать и хранить в общем *незначительный круг* сведений, данных, фактов, которые позволяют каждой управленческой системе находить свое место в общественной жизнедеятельности, удерживать его в условиях конкуренции, противоречий и борьбы и сохранять свою устойчивость и адаптационность в течение длительного времени.

Искать, находить и вводить управленческую информацию в соответствующие управленческие системы очень трудно, ибо требуется четкое знание предназначения (миссии) управленческой системы и той среды обитания (местопребывания), в которой ей приходится функционировать (действовать). А здесь все зависит от масштабов и сложностей *внешних* взаимосвязей каждой управленческой системы. Одно дело — небольшая фирма, маленькое предприятие (так называемый малый и средний бизнес), школа, больница и т. д., и совсем другое — муниципальный район, субъект федерации, крупная компания, корпорация, холдинг, государство в целом. Везде приходится осуществлять *выбор* своей информации и ею насыщать соответствующие уровни и звенья управленческой системы.

В принципе это скрупулезная интеллектуальная работа, предполагающая высокую компетентность, эрудицию и эвристичность тех, кто ею занят. Такую работу призвано вы-

* *Селектирование* — выделение нужного сигнала из всех остальных, основанное на его отличии от мешающих сигналов по какому-либо параметру.

полнять сознание субъектов управления, и в первую очередь их *руководителей*. Вместо отбора, однако, в управленческую систему часто закладывается любая, порой весьма излишняя информация, как говорится, на всякий случай. В последнее время в связи с массовой компьютеризацией и субъектов, и объектов управления вообще предполагается, что в Интернет можно вписывать какую угодно информацию. Мол, емкостей хватит! Сложился облегченный вариант информационного обеспечения многих управленческих систем, сводимый нередко к установлению в них всего лишь современных коммуникационных средств. На столах у персонала субъектов управления компьютеры, телефоны, факсы, электронная почта, в карманах — мобильники и т. д., но вряд ли кто может с уверенностью сказать, что из-за этого повысилась управляемость управленческих систем и, как следствие, общественных явлений, отношений и процессов.

Для многих субъектов управления по-прежнему остаются загадкой *контролируемые параметры* своих же собственных управляемых объектов. Отсюда масса пустой суеты («сверху») и масса злоупотреблений (внизу). Даже в одной сложной иерархической управленческой системе «верхние» уровни оказываются не в состоянии управлять нижестоящими в пределах всего лишь субъекта управления (органа, менеджмента и т. д.), не говоря уже об управляемых объектах. Хотя *внутренние* потоки информации не столь уж огромны. О беспомощности государственного аппарата известно давно и практически всем. Не определены в большинстве управленческих систем и *критические точки*, те их элементы и взаимосвязи (внутренние и внешние), которые с какой-то последовательностью воспроизводят напряжения, нестыковки, конфликты, сбои, кризисы. Ведь практически у всех *негативизмов* всегда имеются какие-то причины, импульсы, источники порождения, субъективные и объективные основания. Их надо отслеживать, выявлять, профилактировать, предупреждать и т. п. Значит, субъекты управления должны знать контролируемые параметры и критические точки и по ним постоянно собирать и обрабатывать информацию.

Напомню еще раз: именно отсутствие у субъектов управления информации о реальном состоянии жизнедеятельности

людей в обществе, территориальных и профессиональных общностях, в коллективах приводит, как правило, к недовольствам, забастовкам, демонстрациям, протестам, а то и революциям. Во всевозможных выступлениях против субъектов власти-управления у нас принято винить «простой» люд, хотя все это вызывается неумением или нежеланием управлять со стороны субъектов управления.

Чтобы подобного не было, *информационное обеспечение управленческих систем должно содержать в себе:*

характеристики состояния и развития социально-экономических, духовно-культурных и политических обстоятельств местопребывания управленческой системы, причем с дифференциацией на потребности субъектов и объектов управления; отсутствие либо малый объем такой информации часто приводит к тому, что многие создаваемые управленческие системы (малые или большие) не выдерживают конкуренции, дублируют друг друга, не соответствуют запросам и ожиданиям населения, остаются без необходимых ресурсов, вступают в противоречие с интересами комплексного развития и т. д., чем в конечном счете приносят вред и себе, и обществу;

сведения о сложившейся и действующей совокупности нормативных установлений, которые определяют жизнедеятельность людей в общностях и коллективах, являющихся средой обитания для соответствующих управленческих систем; обычно в этом вопросе все сводят к правовым (законодательным) нормам, хотя другие — нравственные, идеологические, технологические, экологические, традиции, религиозные и т. д. — имеют не меньшее значение; любая норма влияет на управленческие процессы и тем самым обеспечивает формирование и реализацию управляющих воздействий;

данные об экологической ситуации, которая диктует использование допускаемых ею производственных и социокультурных технологий и накладывает многие ограничения на их параметры; между тем, несмотря на серьезные вызовы и угрозы, сегодня не только «малые» управленческие системы, но и крупные — больших производств, городов и муниципальных районов — не очень-то считают актуальным собирать и анализировать экоресурсную информацию и лишь с ее учетом разрабатывать стратегию своего развития; нередко необходимые

выводы откладываются на будущее, как будто тогда смогут происходить в природе какие-либо чудеса ее исцеления;

представления о направлениях, возможностях и результатах научно-технического и информационно-технологического поиска, вследствие применения достижений которого и создается потенциал обновления, инноваций, конкурентоспособности практически всех управленческих систем и, конечно, общества в целом; все, чего добились развитые страны и что поддерживает их динамику, основано на научно-поисковой информации, которую призваны вводить в свою деятельность все управленческие системы;

параметры, раскрывающие качества человеческого потенциала (в иных интерпретациях: ресурса, капитала, фактора и т. д.) как собственной управленческой системы, так и других, с кем приходится взаимодействовать, — отраслевых и территориальных; качество персонала управленческой системы есть источник и сила ее воспроизводственных возможностей, которые постоянно нуждаются и во внешней подпитке (притоке новых кадров), и в сравнительной оценке с другими управленческими системами; рациональность и эффективность управления напрямую обусловлены уровнем развития персонала управленческих систем, и из этого давно пора всем сделать надлежащие выводы.

И, конечно, что само собой разумеется, субъект управления должен иметь полную и объективную информацию о себе самом и о тех управляемых объектах, которые входят в возглавляемую им управленческую систему. Но знать все о себе полезно лишь в сравнении с другими, поскольку только таким образом можно честно оценивать свой потенциал и эффективность его использования. Причем вся информация (извне и изнутри) должно быть структурирована по определенным критериям, постоянно пополняться, обновляться, перерабатываться с тем, чтобы всегда находиться на уровне требований времени.

Вместе с тем следует отметить, что для управленческой информации, как ни для какой иной, особое значение имеют ее качества. Ведь она является основанием для формирования управляющих воздействий и посредством властных возможностей субъектов управления определяет функционирование

управляемых объектов. Здесь зависимости очевидны: какую информацию закладываем в управленческие решения и действия, такие и получаем результаты на «выходе» управленческих систем.

Значит, работая с информацией, необходимо ее анализировать и оценивать по ряду *параметров*, которых, естественно, много, но некоторые из них можно назвать.

1. Информация призвана соответствовать *параметру актуальности* (от лат. *actualis* — деятельный), который включает в себя как назревшую важность, необходимость чего-то, так и новизну, оперативность собранных сведений, данных о чем-то. Это — первейшие качества управленческой информации, ибо между сбором информации, ее обработкой в субъекте управления, закреплением в определенном решении и ее движением в процессе его исполнения проходит значительное время, за которое ситуация в управляемых объектах может существенно меняться. Сроки сохранности актуальности информации зависят от того, как в процессе ее сбора удастся обнаружить самое важное, существенное, закономерное в организации и функционировании управляемых объектов либо нижестоящих субъектов управления. Следует сознавать реальные *противоречия* в информационном обеспечении управления, состоящие в том, что управленческие решения и действия принимаются с ориентацией на будущее, однако на основе информации о прошлом. Здесь ошибки вполне допустимы, но их количество и глубина могут быть ограничены за счет актуальной управленческой информации.

2. Особое значение для управленческой информации имеет такое ее качество, как *достоверность*. На первый взгляд многим кажется, что нет ничего проще, чем познать какие-либо явления, отношения, процессы. Тем более, что у нас уже укоренился стереотип того свойства, что если какой-то «большой» начальник приехал в любой производственный управляемый объект, то он сразу, как рентген, видит все его недостатки, правильно их классифицирует и тут же дает «ценные указания» по их исправлению. Увы! Все готовится заранее, в том числе и «ЦУ (ценные указания)», а потом все эти «ЦУ» сразу же повисают в воздухе после его отъезда. Достоверность анализа и характеристики любого познаваемого пред-

мета создается постепенно, лишь вследствие многогранного, комплексного отражения его внутреннего субстрата (состава) и внешних проявлений. Любая поверхность осматривается хорошо, но что скрыто в глубине, порой невозможно постичь. А это — *глубинное* — постоянно меняет поверхность.

Однако нельзя не видеть, что не все наши субъекты управления, притом весьма высокого уровня, стремятся получать и использовать именно достоверную информацию. Кстати, и внутреннюю — о жизнедеятельности страны, и внешнюю, раскрывающую реалии международных отношений. Нередко из достоверного выбирается «нужное», то, что отвечает интересам и вкусам руководителей, ласкает их самолюбие, возвышает их в собственных глазах и т. п. Причем постоянно забывается, что только обнаружение слабых, уязвимых мест, акцентация недостатков, выявление опасных тенденций, ориентация на *правду* (и только правду) служат условием и фактором решения объективно возникающих проблем, предпосылкой развития.

3. Сегодня в мире накоплены огромные объемы разнообразной информации, которые, по идее, надо использовать в управлении. Но, как хорошо известно, возможности человеческого мозга усваивать, анализировать и удерживать информацию довольно *ограничены*, даже у гениальных людей. Естественно, что и субъекты управления, которые разрабатывают, принимают и исполняют управленческие решения, находятся в положении, при котором вынуждены сознательно идти на *сокращенный вариант* применяемой информации. И уповать здесь на потенциал компьютеризации вряд ли стоит. Эвристические (инновационные, прорывные) управленческие решения может принимать только сознание людей — субъектов управления, иначе это будет воспроизведение того, что уже заложено в компьютерных программах, т. е. *механическое тиражирование стандартов*. Тем самым перед каждым субъектом управления постоянно возникает проблема определения *достаточности информации* для функционирования своей управленческой системы и обоснования конкретных управленческих решений.

Достаточность есть *мера* той информации, которая реально закладывается в управленческие процессы. Она свидетель-

ствует о том, что информация получена по ряду важных признаков, которые вполне раскрывают исследуемый предмет, прежде всего его внутренние источники, движущие силы и внешние детерминанты, дают представление о предмете в целом, обеспечивают предпосылки для прогнозирования и моделирования возможных новых состояний этого предмета.

4. Для общения и понимания информации ей необходимо придавать качества *аутентичности*, используемые в двух смыслах. Во-первых, от греч. *autnēntios*, как соответствие предметному, действительному, верному, основанному на первоисточнике, когда достоверность подтверждена аргументами, фактами, точными свидетельствами, доказательствами и т. д. И во-вторых, как словесное и текстуальное выражение в понятной людям форме, с использованием широко принятых категорий, понятий, терминов, слов нашего родного русского языка. А то порой отсутствие знаний, ясности и четкости мышления затушевывается такой квазииностранщиной, что даже профессионально подготовленный человек в такой псевдоинформации ничего не может разобрать. Стало модой, особенно среди «эрудитов», описывать элементарные (простые явления), отношения, процессы и т. д. в сверх усложненных, искусственно надуманных выражениях.

Аутентичность информации помогает ее освоению и способствует лучшему пониманию смысла и содержания управленческих решений.

5. Управление, как уже не раз отмечалось, есть общественное явление, характеризующее взаимодействие людей между собой и с соответствующими ресурсами (в широком смысле слова). А уже единичный человек при исполнении какого-либо дела олицетворяет собой очень сложную структуру, которая все более и более усложняется при нарастании количества взаимодействующих людей, средств и орудий их труда. В силу таких обстоятельств управленческая информация обычно приобретает качества *комплексности* (*многогранности*). Если говорить о ней только с точки зрения отраслей научного знания, то легко можно найти аспекты экономики, социологии, политики, техники, психологии, математики, права и т. д. и т. п. К тому же подобные аспекты призваны характеризовать в единстве и взаимосвязи всего лишь элементы управленческой

системы. При принятии управленческого решения надо много *знать* о его предмете с тем, чтобы в управляющие воздействия вложить тот комплекс средств, который может сохранять либо преобразовывать комплекс свойств управляемых объектов.

Анализ функционирования управленческих систем именно *по результатам*, причем как кратковременным, так и долгосрочным, между тем показывает, что многие из их субъектов управления ограничиваются использованием каких-то одномерных, отраслевых, ограниченных источников и каналов информации, что приводит в конечном счете к их неустойчивости и малоэффективности. Почему-то часто видят одно, не замечают другого и игнорируют третье. Уже в течение столетий никак не удается состыковать в должную *целостность* экономику и политику, социальную жизнь и культуру, технико-технологическое развитие и духовность и т. д., к тому же как в пределах отдельных управленческих систем, конкретных территорий, так и в стране в целом. Узость взглядов и подходов на каждом шагу разрывает на части практически все общественные явления, отношения и процессы. Пора бы это увидеть и над ним задуматься.

6. И последнее, относящееся как к качеству информации, так и к работе с ней. Имеется в виду *доступность* информации, которая связана с ее открытостью, гласностью, возможностью ее оперативного получения в нужное время и в нужном объеме. Это — принципиально для управления, ибо нередко в субъектах управления значительная часть информации бывает закрытой и используется очень узким кругом должностных лиц. Логично, что информация объективно привязывается по своему характеру и предназначению к должностному уровню ее пользования. Секретность информации и другие ее ограничения необходимы *всегда*, причем это касается всех видов управления и на всех «этажах» их иерархии. Нельзя не учитывать, что информация, особенно инновационная, уникальная, является ресурсом в конкуренции и вообще в социальной борьбе, и поэтому ее секретность (запрещенность) и доступность должны иметь обоснованную меру. Искусственное ограничение движения информации не способствует развитию, в то же время утечка ценной информации подрывает созидательный потенциал управленческой системы и, конечно, страны. Все имеет свои границы.

В завершение суждения о качествах информации хотелось бы подчеркнуть, что они выполняют свою роль тогда, как выступают во взаимосвязи друг с другом, придают информации синергетический характер и обеспечивают ее энергичное действие.

При рассмотрении управленческой информации важное значение принадлежит, далее, ее условному подразделению на *обеспечивающую и управляющую*. Это позволяет более четко определять характер и содержание, источники и формы выражения искомой и используемой информации.

Управленческая система и, конечно, ее субъект управления должны, как уже указывалось, искать, анализировать, отбирать, хранить и вводить в свое функционирование многогранную информацию: статистические данные, аналитические материалы, социально-экономические обзоры, экспертные заключения, акты (справки) проверок, выводы и предложения научной мысли, выступления средств массовой информации, обобщения собственного, национального и мирового опыта, докладные записки, обращения сотрудников и граждан, отчеты о выполненной работе и иные сведения, которые поступают в нее и представляют интерес. Одна часть такой информации нужна для понимания своего предназначения и среды обитания, скажем, для развития собственного кругозора руководителей, исполнителей субъекта управления и персонала управляемых объектов. Другая часть является *обязательной и официальной*, поскольку призвана отражать и характеризовать постоянную жизнедеятельность самой управленческой системы, что необходимо как для анализа и оценки качества (и результата) своего функционирования, так и для внешнего контроля со стороны потребителей, общества и уполномоченных государственных и муниципальных структур.

Названная управленческая информация в основном *обеспечивает* организацию и деятельность любой управленческой системы. Для большинства из них, прежде всего тех, кто работает легально (законно), эта информация должна закрепляться в определенных формах (образцах, документах, стандартах, модулях и т. п.), что облегчает к ней доступ и ее понимание и быть упорядоченной по установленной или самостоятельно разработанной схеме (структуре информационного обеспече-

ния управления). Разумеется, ей необходимо соответствовать требованиям, о которых уже говорилось.

Особое место в управленческой информации занимает *управляющая информация*, в которой непосредственно содержится набор и «заряд» управляющих воздействий, которые в целом призваны обеспечивать целостность, суверенитет, безопасность, упорядоченность и развитие общества и конкретных в нем явлений, отношений и процессов. Эта управляющая информация обладает сложной *структурой*, иерархическим характером и значительным числом источников ее порождения. Естественно, она включает в себя совокупность управленческих решений и действий, которые предпринимает каждый субъект управления, прежде всего руководящее звено, в отношении организации и активизации функционирования своей управленческой системы. В то же время в нее входит та управляющая информация, которая направляется на соответствующий субъект управления и которой он должен руководствоваться, ее исполнять, контролировать реализацию и отвечать за результаты. Источников подобной информации много, начиная с Конституции Российской Федерации, законодательства и завершая управленческими решениями органов местного самоуправления и тех субъектов управления, которые являются вышестоящими применительно к рассматриваемому субъекту управления либо находятся с ним в договорных отношениях.

Для управления и в пределах управленческой информации *параметры управляющей информации*, характеризующие ее целенаправленность, содержательность и ресурсообеспеченность, имеют определяющее значение. Особо важно, чтобы такая информация была согласована в своих смыслах, системно организована (по-вертикали и по-горизонтали), имела четкие прямые и обратные связи, действительно стремилась к совершенствованию и модернизации (обновлению) управляемых объектов. О этом приходится писать с болью и тревогой. Если внимательно проанализировать те акты, которые идут от субъектов управления разных видов и уровней (правовые и организационные), то придется признавать, что в них собственно управляющей информации содержится мало. Даже законы наши грешат во многих случаях пустотой: то принимаются

нормы с большим отложенным временем их ввода в действие, то они не несут в себе предполагаемых организующе-регулирующих начал; то не успели вступить в законную силу, как начинают корректироваться, изменяться, дополняться; то при исполнении оказываются неотражающими запросы жизни, и в первую очередь управляемых объектов и т. д. Еще хуже обстоят дела на нижестоящих уровнях государственного управления и практически в большинстве структур менеджмента. Огромной пустотой отличаются всевозможные организационные мероприятия: совещания, советы, комиссии, форумы, конференции и т. д., на которых кто-то что-то говорит, но в итоге никто не знает о чем, для чего и какой это имеет смысл. Пошла мода на дорогостоящие экономические «тусовки», которые, за небольшим исключением, почти ничего не дают ни для теории, ни для практики управления.

И получается *в итоге*, что в обществе существует огромный объем управленческой информации, обработкой которой, если охватывать все виды управления (государственное управление, местное самоуправление, менеджмент, общественное управление), занято более 15 млн чел., но массив самой *управляющей* информации является незначительным, плохо организованным и слабо действующим. Все усилия управленческого персонала уходят на создание и предложение руководителям *обслуживающей* информации, из которой последние порождают мало объективно обусловленной, субъективно обоснованной и социально эффективной управляющей информации. Доказательства такого вывода? Состояние и уровень жизнедеятельности управляемых объектов на нашей территории, выражаемые в масштабах и качестве производства материальных и духовных продуктов и социальных условий жизни. Какое бы здесь ни было продвижение, начиная с 2000 г., его явно *недостаточно* для решения внутренних и международных проблем страны и обеспечения достойного благополучия ее населения.

В связи с этим нельзя не сказать о таком вопросе, как *информационные качества управленческих решений и действий* (хотя об их сути речь впереди). Дело в том, что именно управленческие решения и действия, в одном направлении, — в себя, *вбирают* обслуживающую управленческую информа-

цию, а через нее и иные виды информации, а в другом — от себя, содержат и несут управляющую информацию, посредством реализации которой и поддерживается гомеостазис и развитие управляемых объектов и, соответственно, общества в целом. Каковы управленческие решения и действия, такова и объективные результаты их исполнения!

Информационные качества управленческих решений и действий (или, иными словами, их информационный уровень, потенциал) представляют собой *сгусток (энергетическое ядро) управляющей информации*, отражающий определенную управленческую ситуацию, проблему, взаимосвязь, задачу и содержащий «заряд» (мощность) управляющих воздействий, призванных перевести их на новый уровень. Это — как раз то, что и создает управление, его олицетворяет и характеризует. Но чтобы все это реально происходило, управленческие решения и действия призваны учитывать следующие *требования*.

1. Управленческие решения и действия (любого вида, уровня и предназначения) должны в своих составных частях — констатирующей (аналитической, объяснительной), служащей их основанием и обоснованием, и постановляющей (директивной, резолютивной), в которой выражается воля и ресурсы субъекта управления, *содержать управляющую информацию*, ради которой они и иницируются. По своему предназначению (общественной роли) любой субъект управления призван всегда и во всем концентрировать все свои усилия, ресурсы и время на том, чтобы производить высококачественную управляющую информацию и добиваться ее возможно полной реализации в состоянии и развитии своих управляемых объектов. Все иное, чем он может быть занят, не имеет отношения к управлению, это, уже, нечто *другое*.

2. Обычно управленческие решения и действия направляются на сохранение или преобразование управляемых объектов, которые являются сложными, динамичными и, в известной мере, саморегулируемыми человеческими образованиями, работающими с многогранными ресурсами. Следовательно, приходится добиваться такого положения, чтобы в них была сосредоточена реально возможная *полнота информации*, обеспечивающая комплексное управляющее воздействие, способное охватывать конкретные управляемые

объекты. Часто этого не бывает, и субъекты управления, не утруждая себя особым напряжением, принимают управленческие решения либо действия по отдельным аспектам, элементам, сторонам или взаимосвязям управляемых объектов либо нижестоящих субъектов управления. Итог: решений много, они разнообразны, а управляемый объект находится в неприглядном состоянии. Он не ощущает *целостного* управляющего воздействия; имеются лишь фрагменты управляющей информации, несостыкованные по многим параметрам.

3. Управляющая информация всегда направлена на людей с тем, чтобы они ее воспринимали, понимали и использовали в своей деятельности. Тем самым любое управленческое решение и действие требует *плотности, четкости и чистоты записи* предлагаемой в них информации. Плотность записи информации обуславливает, что в решении или действии содержатся лишь те сведения, данные, нормы, наметки, планы, указания, требования и т. д., которые имеют непосредственно *управляющий смысл* и прямо относятся к соответствующему вопросу. Для четкого изложения материала важно правильное употребление слов, логичность построения предложений, адекватность используемых понятий, терминов, ясность и емкость формулировок, обоснованность требований и т. д. Если употребляются иностранные или новые слова, желательно их объяснение. Чистота записи информации означает, что в ней нет ничего лишнего, каких-либо «шумов», не относящихся к содержанию рассматриваемого вопроса. В четком и ясном выражении нуждаются: конкретные исполнители, объем и содержание подлежащей выполнению работы, ресурсы, выделяемые под данную работу, сроки (начальные, промежуточные, конечные) исполнения работы, порядок и формы контроля, подведения и оценки проделанной работы, стимулы за качественное и своевременное (или досрочное) выполнение работы и т. д.

4. Заслуживают внимания вопросы *структурно-смыслового построения информации* в управленческих решениях и действиях. Имеются в виду:

внутренняя *согласованность* смыслов информации, излагаемой как в констатирующей, обосновывающей части управленческого решения и действия, так и в постановляющей, резолютивной;

последовательное *вписывание* информации, вкладываемой в данное управленческое решение и действие, в ту, которая уже содержится в других принятых управленческих решениях и действиях либо предполагается к принятию в будущем; управленческие решения и действия призваны создавать системно организованную управляющую информацию;

выражение информационного содержания управленческого решения и действия посредством *правил формальной и диалектической логики*, что для каждого пользователя управляющей информации создавало бы убедительное и ясное суждение о том, чем руководствовался субъект управления при разработке и принятии управленческих решений и действий (доказанность оснований) и что он хочет получить в результате их реализации;

отработка и устойчивое структурирование *каналов передачи* информации к исполнителям по-горизонтали и по-вертикали; обеспечение сохранения и понимания управляющей информации при ее движении к разным пользователям; организация обратных информационных связей и оперативного информационного контроля.

Сегодня, в условиях обширности и мобильности средств и сетей коммуникации, вследствие чего на служебное место сотрудника любого субъекта управления поступает большой массив информации, очень важно добиваться того, чтобы в этой информации *выделялись* управленческие решения и действия, несущие управляющие воздействия, и каждое из них отличалось *конкретным* информационным содержанием. Тогда можно как-то упорядочивать управленческую информацию, в ней — управляющую информацию, а далее — более дифференцирована и конкретно ту информацию, которая необходима данному субъекту управления и обеспечивает функционирование его управленческой системы.

Большое практическое значение для каждого, кто реализует свои функции в субъекте управления, имеет *организация и распределение* управленческой информации в нем самом, тем более, что многие из них состоят из целого ряда иерархически сочлененных управляющих компонентов (субсубъектов управления). Везде в субъекте управления существуют: его руководитель, руководящее звено, оперативно-исполнитель-

ский персонал, вспомогательные службы, «входы» и «выходы» информации и внутренний информационный обмен между его сотрудниками. Необходимо внимательное продумывание, отслеживание и оценка рациональности и эффективности движения управленческой информации. С одной стороны, чем весь персонал субъекта управления лучше знаком с необходимой ему управленческой информацией, тем больше создается предпосылок для повышения уровня управления. Но, с другой, нельзя исключать возможностей утечки, кражи или продажи самой актуальной и доверительной информации и тем самым нанесения вреда субъекту управления либо в целом управленческой системе. Здесь иерархическая структура субъекта управления, его вертикальное и горизонтальное построение должны выступать как бы «шкалой координат» распределения и движения управленческой информации.

И последнее, на что приходится обращать внимание при рассмотрении вопроса о соотношении информации и управления, видится в тех *глубоких преобразованиях*, которые по всем направлениям жизни людей происходят в рамках *современного скачка* научно-информационно-технологической революции. Я не берусь даже кратко описывать, что здесь происходит, ибо перемены идут столь быстро, что любые публикации за ними не поспевают. Научные исследования, определяющие характер и темпы информационно-технологической революции, приобрели на основе новой экспериментальной базы и нарастающих знаний *возможности* создавать на атомарном и молекулярном уровнях (нанотехнологии) продукты, превосходящие по своим качествам естественную природу.

Поэтому вполне обоснованно сегодня говорится о «новой экономике», «экономике знаний», «информационной экономике», «информации как ресурсе развития» и т. д. С влиянием информации связывают процессы глобализации; она позволяет интегрировать в определенную систему познание далекого космоса и генома человека и всего живого. Вырисовывается, можно сказать, чуть ли не фантастическая картина будущего человечества¹. В любом случае, независимо от того, что и как

¹ См., напр.: Уэбстер Фрэнк. Теории информационного общества / Пер. с англ. М., 2004; Капица С.П. Информационное развитие общества, демографическая революция и будущее человечества. М., 2006.

будет в перспективе, для всех субъектов управления остается (и будет всегда) проблема, с одной стороны, *осмысления и овладения* той массой информации, которая порождается ускоренными темпами, а с другой — *умелого ее использования* для развития самого себя и своей управленческой системы.

Обычно и в теории, и в практике все происходящее вследствие действия информации и средств ее обслуживания обозначается термином «*информатизация*». Но это термин многозначный, и каждый его аспект несет свое значение, в том числе и для управления. Прежде всего информатизация имеет смыслом создание компьютеров и соответствующих коммуникационно-информационных сетей, в числе которых и мировые сети. С переходом на цифровые технологии здесь открывается простор для качественно новых социальных сетей (межчеловеческого общения по всей планете), сетевых консультаций по любым вопросам, Интернет-представительств, телеконференций, создания электронных центров взаимодействия и иных форм контактов между людьми и организации их жизнедеятельности.

Имеется в виду, далее, повсеместное устройство *информационных систем* в рамках конкретных управленческих систем (в субъектах и объектах управления) и их объединение в более сложные территориальные или корпоративные информационные системы производства, обслуживания и управления. В таких информационных системах осуществляется *сочленение* технических средств информатизации (компьютеры, телефоны, факс-шлюзы, смартфоны, коммуникаторы и т. д.) и упорядочения смыслов и потоков собственно информации, особенно управленческой. В результате информационные системы управления стали управлять не только производственными процессами, но и сознанием, поведением и деятельностью людей, причем как в управляемых объектах, так и в субъектах управления. И сегодня порой трудно сказать, кто непосредственно принимает управленческие решения — люди, субъекты власти либо созданные ими автоматизированные системы управления (АСУ, компьютерные центры, информационные пункты управления — ИПУ и т. д.)¹.

¹ См., напр.: Информационные технологии в структурах государственной службы. М., 1999.

Тем самым информатизация поставила на повестку дня также самый сложный вопрос: *познание, освоение и овладение информацией как социальным средством общения людей между собой, способом их взаимодействия на уровне, естественно, сознания*. Все чаще говорят об информатиологии — науке об информации¹. Как показывает течение жизни, при всей важности технической основы информатизации — информационных технологий главное в информации состоит в том, что она несет людям, какие проповедует идеалы, ценности и цели, как обеспечивает удовлетворение человеческих потребностей, интересов и мотивов жизни. Ведь пользователями и производителями информации даже в предельно глобальной коммуникационной сети являются люди со своими знаниями и опытом, разумом и чувствами. Неслучайно «продвинутые» компьютеризированные роботы пытаются наделять человеческими качествами и им подражать.

Следовательно, определяющим в сути информатизации, или, как сказано в Хартии, принятой «восьмеркой» в июле 2000 г. в Окинаве, — *глобального информационного общества*, является не потенциал трансграничных информационно-телекоммуникационных сетей, а *развитие человека, его благосостояние, отношения между людьми, народами и государствами*. Между тем во множестве публикаций, посвященных проблемам информатизации, акцент делается на абстрактной информации и ее технико-технологическом применении². И при этом *забываются*: биосоциальная сущность человека, который для своей жизни должен потреблять еще что-то, кроме информации; существующие формы собственности («священной и неприкосновенной») и экономических отношений; реалии социальной инфраструктуры и их влияние на человека; духовно-нравственное развитие людей, емкость их интеллекта; состояние международных процессов, безопасности и угроз в мировом сообществе и много-много иных объективных и субъективных условий, обстоятельств

¹ См.: Попов В.Д. Информатиология и информационная политика. М., 2001.

² См.: Колин К.К. Фундаментальные основы информатики. Социальная информатика. М., 2000; Ракитов А.И. Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях. М., 1998.

и факторов. Анализ и оценка результатов и перспектив информатизации (информационного общества) даются преимущественно умозрительные, иллюзорные, вне учета *реальных* фактов жизни и их реальных экстраполяций. Информатизация «рисует» так, как в начале XX века многими рисовался социализм, мир без войн, всеобщее процветание или еще что-то. Нигде не обсуждается всего-навсего маленький вопрос о том, а сколько информации может взять хорошо подготовленный человек, освоить, понять и применить из своего персонального компьютера.

Для управления, формируемого и реализуемого субъектами управления, информатизация как комплексный процесс, характеризующий одну из сторон развития современного общества, открывает новые возможности его рационализации и повышения эффективности. Здесь предмета даже для критики нет. Но следует отчетливо видеть суть и место действия всех элементов информатизации, ее пределы и противоречия и, основное, ее влияние на социально-экономическое, духовно-культурное и политическое состояние общества и, конечно, конкретных управленческих систем. Информатизация — это *творение разума и рук человека*. Значит, и его приходится изучать, отслеживать и оценивать по определенным критериям и показателям. Причем, не глобально, что обычно легко, а применительно к собственной стране, субъекту Федерации, муниципальному образованию, компании, фирме, предприятию, школе, вузу и т. д. Тогда и подход, и суждения будут объективными, честными и справедливыми.

Очерк 9. ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ (урегулированность)

Важнейшим средством и фактором обеспечения управления является *право*. Оно столь же давнее (в смысле осознания в качестве такого), как и управление. Право и управление взаимосвязаны и во многом обуславливают друг друга. С одной стороны, управление есть целеполагающее организующее-регулирующее воздействие субъектов власти на управляемые объекты, и следовательно, органически *включает* в себя потенциал и механизмы права и постоянно их использует. С другой, право как общественное явление имеет свои цели и функции, формы закрепления и методы реализации и с этой точки зрения управление призвано *способствовать* практическому действию права и должно само находиться в рамках его требований. Диалектика взаимосвязей здесь весьма сложна, гибка, богата разными переходами, о чем следует всегда помнить.

Начать хочу с очень, как мне кажется, интересного суждения: «Самым святым, что есть у Бога на земле, Иммануил Кант назвал право.

И что наиболее примечательно, мысли Канта о праве и на прямую, и как повод для размышлений к попыткам на основе его идей решить непростые правовые вопросы оказались в высшей степени современными, ближайшим образом затрагивающими сложные и острые проблемы сегодняшнего дня, суть и перспективы правового развития в современном мире, в нашем Отечестве¹».

Право принадлежит, безусловно, к системе нормативных регуляторов общественных отношений, сознания, поведения и деятельности людей. Дискуссии, причем исторически давние, идут в основном по поводу *субъекта (источника)* правоустановления². Поэтому еще в древнеримском праве, от которого идет и современное правопонимание, для его обозначения употребляли два понятия. *Jus* — *объективное право*, совокупность правовых норм и институтов; оно отличалось от

¹ См.: Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на Земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998. С. 2.

² См.: Марченко М.Н. Источники права. М., 2005.

религии, нравов, обычаев, бесправия; и *Lex* (*leges* — мн. ч.) — юридическая регламентация, установленная и принятая как обязательная; в публичном праве — закон (*leges publicae* — принятый народным собранием), в частном — одно стороннее или многостороннее проявление воли частных лиц (*leges privatae*)¹. Право порождено объективными потребностями людей в общественном (коллективном) способе своей жизнедеятельности и должно отражать и обслуживать их интересы и волю.

Но с самого своего возникновения право находится в том противоречии (внутреннем, имманентном), что, выражая стремление к общему порядку обустройства жизни людей, оно объективно не совпадает с частными (локальными и единичными) мотивами людей в их конкретных поступках и действиях. Срабатывает также иерархическое строение общества, которое находит закрепление в государстве как его форме. Существенно значение принадлежит, далее, и механизму обеспечения реализации права как способа разрешения его противоречивости. Очевидно, что установление какого-либо общего порядка, правила, нормы всегда будет не совпадать со всем многообразием жизненных проявлений и вызывать со стороны ряда людей, порой и больших масс, их неприятие.

Поэтому следует согласиться с мнением о том, что к наиболее существенным признакам права относятся: 1) государственно-волевой характер; 2) нормативность; 3) властно-регулятивная природа; а само право — это система общеобязательных, формально-определенных норм, которые выражают государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер; издаются или санкционируются государством и охраняются от нарушений возможностью государственного принуждения; являются властно-официальным регулятором общественных отношений².

Такое понимание права, сводящее его к системе специально установленных норм (правил), достаточно корректно и соответствует его исторической действительности. Вместе с

¹ См.: Бартошик М. Римское право: понятие, термины и определения / Пер. с чеш. М., 1989. С. 163, 178 — 179.

² См.: Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правовое понимание на грани двух веков). Изд. 2-е. М., 2005. С. 59, 80.

тем нельзя не учитывать того, что именно связанность права как системы норм с государством, а точнее *всего лишь с государственной властью в ее иерархической структуре*, нередко приводила и приводит к тому, что смысл и содержание права ограничиваются интересами и волей узкого круга господствующих экономически и политически сил. Часто так называемая *государственная воля* (по формальным признакам) *разрушала* основополагающие элементы самого государства — *территорию и население*. Особо подобное характерно для всевозможных революций и контрреволюций, которые, по сути, всегда влекли за собой тяжелейшие последствия как для государств, так и для творимого под их маркой права.

Тем самым при характеристике (и понимании) права нельзя видеть лишь совокупность правовых норм, а следует исходить из *единства социологического, нормативного и практического аспектов и их обратных связей*.

Несмотря на историчность, преемственность и институциональность права как общественного явления, конкретные правовые нормы, которые устанавливаются либо признаются государственными органами, а порой и населением посредством референдумов (голосований), всегда разрабатываются и принимаются *определенными людьми*. А это ведет к тому, что даже при искреннем стремлении к идеалу они могут не так понимать общественные закономерности, отношения и процессы, не во всем учитывать потребности и интересы в правовом регулировании, не уметь четко сформулировать содержание правил и требований, совершать ошибки, не говоря уже о корыстных намерениях и т. д. В результате нередко закон или иной нормативный правовой акт, в котором сосредоточены правовые нормы, *не совпадает* с необходимым либо желаемым, вызывает критику и неприятие. Из-за таких причин и возникло различие права (как бы объективной справедливости, гуманизма, порядочности, правды и т. д.) и закона (правовой нормы, принятой государственным органом, — *юридического установления*).

Значит, любые действия людей в области разработки и принятия правовых актов должны опираться на глубокий анализ социальной действительности, быть достаточно обоснованными, пытаться отражать потребности и интересы общества и

конкретных его структур (классов, слоев, профессиональных групп и т. д.). *Социологический аспект* и позволяет видеть в юридических установлениях их соответствие представлениям людей о праве. Необходимо, разумеется, чтобы все юридическое совпадало с правовым и выступало в единстве.

Отсюда огромное значение в творении права *нормативного аспекта* — формулирования и юридического (в актах государственных органов) закрепления (утверждения) норм (правил) поведения людей и ведения общественно значимых дел. Считается, что такая норма (правило) должна состоять из трех основных элементов: *гипотезы* — части нормы, которая обозначает условия, обстоятельства, отношения жизни, в которых она может действовать, *диспозиции* — части нормы, раскрывающей (описывающей) смысл, содержание самого правила поведения, т. е. юридические права и обязанности, возникающие у субъекта поступки и деятельности, *санкции*, в которых характеризуются меры взыскания, наказания, которые могут предприниматься при нарушении (несоблюдении) диспозиции соответствующей нормы. Отношение к праву, его восприятие и оценка во многом зависят от того, каковы правовые нормы и что они несут людям в их повседневной жизни.

Правовые нормы есть суть, *сердцевина права*, а в своей совокупности (лучше, в системе) они создают *модельный образ* тех общественных отношений, которые необходимы обществу, его форме — государству для исторического самосохранения и развития. Естественно, что к их качеству предъявляются *особые требования*, несоблюдение которых снижает их роль и превращает либо в формальность, либо в негативизм, создающий напряжение среди людей. Между тем «творцы» правовых норм не всегда об этом задумываются и впопыхах на «злобу дня» строчат бесконечные ряды правовых норм, пытаются количеством заменить их качество.

Логично, что любые суждения о праве не могут не включать в себя *практический аспект* — реальное действие правовых норм в жизни. Если считать право действительно общественным явлением, то следует признавать, что только *наличие его практической реализации* (исполняемости) определяет сам факт состоявшегося правового регулирования. Последнее наступает не тогда, когда приняты (установлены) те или иные

правовые нормы (правила), а когда ими руководствуются в поведении и деятельности людей и в соответствии с их смыслом (и замыслом) осуществляются поступки и ведутся дела.

Это — самый трудный, тяжелый аспект права, ибо принять можно любые правовые нормы, а вот добиться того, чтобы такие нормы вошли в сознание людей и стали для них ценностью, служили ориентиром в повседневной жизни, формировали нужный обществу правопорядок (исполняемость права), не всегда и не во всем удается. Причем по очень многим причинам, таящимся практически во всех элементах общества. Почти все хотят, чтобы право действовало, но относят это почему-то к другим. Воспитание праву идет «со скрипом».

Еще в конце XIX в. немецкий ученый Рудольф Иеринг (1818 — 1892) издал небольшую, но многозначительную работу «Борьба за право», в которой писал: «Жизнь права есть борьба, борьба народов, государственной власти, сословий, индивидуумов», а также, что «все великие изобретения, на какие может указать история права: отмена рабства, крепостного состояния, свобода земельной собственности, промыслов, вероисповедания и пр. — все это пришлось добывать лишь путем ожесточеннейшей, часто целые столетия продолжавшейся борьбы, и путь, по которому шло при этом право, нередко отмечен потоками крови, всегда же попранными правами». Им были обоснованы идеи, которые будут скорее всего актуальными всегда:

борьба за право есть обязанность правомочного по отношению к самому себе;

борьба за право есть *поззия* характера, ибо право есть для личности моральное условие ее существования, а защита его — ее собственное моральное сохранение;

защита права есть обязанность перед обществом (каждый есть прирожденный борец за право в интересах общества);

борьба есть вечная работа права¹.

Конституция Российской Федерации 1993 г. положением о том, что Россия есть правовое государство (ст. 1), поставила право в центр общественной и частной жизни и провозгласила человека, его права и свободы *высшей ценностью* (ст. 2). Это ко многому обязывает, причем как субъектов власти-управления,

¹ См.: Иеринг Рудольф. Борьба за право. М., 1991. С. 5, 9.

так и всех граждан и вообще жителей страны. Право и управление во всех его видах, что уже отмечалось, теснейшим образом взаимосвязаны, переплетены. Субъектам и объектам управления постоянно приходится обращаться к праву, вводить его в свои процессы и оформлять их посредством него. Поэтому для управления, которое в принципе направлено на те же цели, смыслы и содержание права создают *ту основу*, которая и предопределяет его рациональность и эффективность.

Между тем в нашей теории, политике и практике вопросу о том, *каково право как система правовых норм*, что оно провозглашает либо утверждает, к чему стремится и прочее *прогнозно-программное*, не уделяется должного внимания. Многие увлечены методологией права, пониманием права, общей теорией права и другими *абстрактными* концепциями, а не исследованием целей, содержания и потенциала действующих правовых норм, сосредоточенных в разных нормативных правовых актах (законах, кодексах, указах Президента РФ, постановлениях правительства РФ и т. д.). А затем почти непрерывно критикуют субъекты управления и порождаемые их деятельностью социально-экономические и иные последствия, источники которых между тем заложены как раз в тех или иных правовых нормах. Ведь именно *несовершенство* правовых норм и ведет часто к извращению управления, ненадлежащему использованию его возможностей.

Когда-то известный русский мыслитель И.А. Ильин (1883 — 1954), посвятивший почти всю жизнь осмыслению права, написал: *«Норма есть суждение, устанавливающее известный порядок как должный, или еще проще: это есть выраженное в словах правило лучшего... Это означает, что в каждой норме, к кому бы ни относилась и кем бы она ни была установлена, имеется в виду некоторый лучший порядок действия; этот «лучший» порядок и устанавливается как обязательный... Понятно также, что каждая норма и каждый императив как правила лучшего должны предписывать то, что в самом деле является лучшим. Человек должен соблюдать предписанный порядок именно потому, что он лучший. Поэтому прежде, чем устанавливать норму, необходимо иметь верное и отчетливое представление о том, что есть лучшее»*¹.

¹ См.: Ильин И.А. Теория государства и права. М., 2003. С. 67 — 78.

Действительно по своему предназначению право представляет собой средство *созидания, обновления и развития*. В нем позитивное содержание построения лучшего, рационального, эффективного, как в публичных (общественных), так и в частных (личностных) вопросах, всегда должно *превалировать* над запретительным, ограничивающим. Да и само запрещение мыслится всего лишь в качестве *дополнения* к позитивному — средство его охраны и защиты. Основное в праве — это *позитивное обязывание*, требующее совершения разумных и конструктивных поступков и действий, и *дозволение* (разрешение), определяющее простор творческих и самостоятельных человеческих решений, ведущих к оптимизации общественной и частной жизнедеятельности.

К сожалению, в России в XX веке как-то сложилось так, что в правовом регулировании была преобладающе выражена отрицающая, разрушительная сторона права. Советское право «преодолеvalo» буржуазное право конца XIX — начала XX в., демократическое право все еще «борется» с советским, попутно выбрасывая из него и то, что имело *общеправовой* (типологический) характер. Неслучайно и после революции, и после преобразований 90-х гг. экономика страны и благосостояние ее населения весьма «проседали» вниз. И для того, чтобы ситуацию исправить и создать правовые условия для развития, пришлось уже прошедшие 8 лет XXI века потратить на множество реформ практически по всем направлениям нашей жизнедеятельности.

Но, все еще нельзя сказать, что уже *убраны правовые преграды* для повышения уровня управления в стране. Скажем, правовое регулирование федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления не представляет собой (и по вертикали, и по горизонтали) *целостной*, логически согласованной правовой системы, которая придавала бы государственному и муниципальному управлению должную динамику, силу и эффективность. Каждый уровень действует во многом сам по себе, что не приносит вполне возможных результатов управления.

Не сформулировано *российской правовой модели* экономической деятельности в условиях рыночных отношений, которая бы обеспечивала *взаимосвязь и дополняемость*

между крупным, средним и малым предпринимательством (бизнесом). В отношении малого и даже среднего бизнеса проявляются стереотипы, которые существовали где-то в первой половине XX в., когда еще не было сетевой организации производства, обслуживания и потребления и каждый что-то делал на свой «страх и риск». Право 90-х гг. XX в. практически создало «олигархический» капитализм, который в силу ограниченности мышления его хозяев не способствует социальному преобразованию страны и повышению в ней качества жизни. Переориентация создаваемых ресурсов в области частнокапиталистической сферы на *развитие* страны идет медленно и занижает потенциал последнего. Налоговое, таможенное, тарифное, кредитное и иное регулирование в качестве инструментов государственного управления социально-экономическими процессами никак не может перейти на принципы *дифференциации и конкретизации* применительно к потенциалу ресурсов и актуальности запросов на них.

В то же время по ряду принципиальных вопросов правового регулирования *сохранения и использования ресурсов* наблюдается необъясняемая спешка. Введены в действие Земельный, Водный, Лесной кодексы, закон о недрах и другие акты, хотя соответствующая социально-экономическая и экологическая *оценка* таких ресурсов по сути *не проведена*. В экономический оборот включаются объекты с неопределенной потребительской ценностью. В законодательстве акцент сделан на ч. 2 ст. 9 Конституции РФ, гласящую, что «земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иной формах собственности», но *исторически определяющая* ч.1 этой же статьи, состоящая в том, что «земля и другие природные ресурсы *используются и охраняются* в Российской Федерации как *основа жизни и деятельности народов*, проживающих на соответствующей территории» (подчеркнуто мною. — Г. А.), почему-то *призабыта*. Получается, что, не зная значения конкретных природных ресурсов для будущего страны, ее определенных территорий и проживающих здесь людей, у нас стремятся их побыстрее *приватизировать*. Мол, такова международная практика, требования ВТО и т. д., хотя во всем этом стоило бы внимательно *разобраться*, учитывая реальную

ситуацию в области ресурсообеспечения мирового сообщества. Не могу не сказать и о том, что многие противоречия наличествуют и в правовом регулировании *духовно-культурной* сферы, не говоря уже о политической, что требует больших и специальных исследований.

Очерк посвящен *правовой урегулированности* управленческих явлений, отношений и процессов. Но все вышесказанное является *прямой предпосылкой* (прелюдией) его раскрытия, поскольку мне меньше всего хотелось бы указывать лишь на *формальные* правовые признаки управленческих структур, решений и действий. Это делается обычно и давно, но его явно недостаточно. Формальные требования должны всегда соблюдаться (это — аксиома), но когда речь заходит об управлении, проблема ими не исчерпывается. Социальное предназначение управления (что уже было достаточно показано) состоит не только и не столько в следовании признанным юридическим канонам, принципам и постулатам, а в том, чтобы *реально* сохранять, изменять, развивать, совершенствовать, вести к «лучшему» управляемые объекты, а через них и всю страну. Управление *объективирует* правовые установления и превращает их в комплексное бытие общества.

Прежде всего для любых управленческих систем и их субъектов основополагающее значение имеет их *правовое учреждение*. Это означает, что факт возникновения, преобразования или прекращения существования (ликвидации) управленческой системы должен быть юридически (посредством конкретных правовых действий (процедур) и решений) *удостоверен*. Порядок такого удостоверения для различных управленческих систем разный. Государство удостоверяет себя через конституцию и международно-правовое признание. Государственные и муниципальные органы удостоверяются посредством тех процедур и актов, которые установлены в конституции, законах, нормативных правовых актах либо в уставах и положениях о них. Здесь учитываются: месторасположение и природа соответствующих органов в государственном аппарате; юридическое выражение совокупности управленческих функций и полномочий этих органов в отношении отдельных управляемых объектов; юридическое закрепление их организационных структур, форм, методов и процедур функционирования.

Если говорить о гражданском обороте, в котором участвуют почти все субъекты управления и в той или иной мере их управленческие системы, то удостоверение здесь статуса *юридического лица* осуществляется в соответствии с Гражданским кодексом РФ (гл. 4 ст. 48—67). В частности в ст. 52 указано, что «юридическое лицо действует на основании устава, либо учредительного договора и устава, либо только учредительного договора. В учредительных документах юридического лица должны определяться наименование юридического лица, место его нахождения, порядок управления деятельностью юридического лица, а также содержаться другие сведения, предусмотренные законом для юридических лиц соответствующего вида. В учредительных документах некоммерческих организаций и унитарных предприятий, а в предусмотренных законом случаях и других коммерческих организаций должны быть определены предмет и цели деятельности юридического лица¹».

Удостоверение возникновения и существования управленческой системы и ее субъектов имеет *определенное общественное значение*. Причем не с точки зрения того, кто создает управленческую систему, что обычно везде подчеркивается, например, предприниматель, банкир, политик, лицо, непосредственно исполняющее полномочия государственных органов, еще какой-то амбициозный деятель (здесь все и всегда выступают за свободу — волю), а с *позиции потребностей и интересов общества* (людей), на удовлетворение которых и направлено функционирование любых управленческих систем. Сегодня существует большой простор для инициативы и творчества людей в деле раскрытия их потенциала. Однако, факты упрямо говорят о том, что такие возможности часто и широко используются *во вред* общества, но с весьма большой наживой для отдельных дельцов. Об этом свидетельствует значительный объем теневой (серой) экономики, контрафакта, некачественной продукции, обмана потребителей, завышения

¹ Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». № 129-ФЗ от 8 августа 2001 г. с последующими дополнениями и изменениями; Федеральный закон «О лицензировании» № 128-ФЗ от 8 августа 2001 г.; Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от № 7-ФЗ 12 января 1996 г. и другие нормативные правовые акты.

цен, мелькание фирм-однодневок, низкооплачиваемых работ и многих других полупреступных деяний, игнорирующих по сути правовую систему общества.

Оказывается, что *это можно делать*, оно сходит с рук, на нем возникает богатство, а затем и высокое место в иерархии общества — нарушители законодательства нередко становятся депутатами представительных (законодательных) органов. Для них замыкается круг, который даже в правовом аспекте *тормозит* общественное развитие. Конечно, хотелось бы, чтобы субъекты управления сами делали выбор в пользу четкого установления своего правового статуса, ибо это придает им устойчивость и перспективу. Но если в правовом регулировании имеются «лазейки», которые соблазнительны, несут прибыль, к тому же неучтенную, то наивно надеяться, что ими не воспользуются.

Второй «блок» управленческих явлений, который связан с правом, видится в правовом регулировании *функциональных отношений* внутри управленческих систем, их субъектов и объектов и между ними. Именно через них осуществляется координация и субординация деятельности персонала управленческой системы, в процессе и результате которых каждый из них реализует свою социальную (и служебную, трудовую) роль, а управленческая система выполняет свою общественную миссию (предназначение) — удовлетворяет необходимые общественные и частные потребности. В *теоретической модели* предполагается, что внутрифункциональные отношения в любой управленческой системе будут регулироваться таким способом, чтобы на выходе из нее получался наиболее рациональный и эффективный «продукт» ее усилий — товар, услуга, информация, капитал, управленческое решение, организационная форма управления, подготовленный специалист, научное открытие или изобретение и т. д. Соответственно, общество заинтересовано в том, чтобы у всех управленческих систем «продукт» их деятельности был актуальным, качественным, соответствующим потребностям в нем и способствующим укреплению и развитию страны.

Думается, что обществу и людям, находящимся *за пределами* каждой конкретной (юридически учрежденной) управленческой системы, безразлично, что и как происходит в

ней, каким образом создается ее «продукт» и можно ли полагаться на заявленные для него параметры. Между тем такие по своему характеру технологические вопросы деятельности управленческих систем пока не приобрели должной правовой регуляции. К примеру, в федеральных законах «О банках и банковской деятельности» (№ 17-ФЗ от 3 февраля 1996 г.), «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (№ 94-ФЗ от 4 июля 2003 г.), «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)» (№ 31-ФЗ от 21 марта 2003 г.), «О некоммерческих организациях» (№ 179-ФЗ от 23 февраля 2003 г.), «О производственных кооперативах» (№ 31-ФЗ от 21 марта 2002 г.), «Об акционерных обществах» (№ 208-ФЗ от 26 января 1995 г.), «О сельскохозяйственных кооперативах» (№ 73-ФЗ от 11 июня 2003 г.), «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (№ 169-ФЗ от 08 января 2003 г.), «Об обществах с ограниченной ответственностью» (№ 31-ФЗ от 21 марта 2002 г.) и многих других* характеризуются в основном *внешние* статусные взаимосвязи, однако почти ничего не говорится о *внутренних*, благодаря которым, собственно говоря, и действуют управленческие системы. Не лучшая ситуация и в структурах государственного аппарата, вследствие которой внутренние взаимосвязи (штатное расписание) формируется *лично* руководителем, исходя, естественно, из его представлений и интересов. А это уже не правовые, а *субъективно-регламентные* функциональные отношения.

Подобный подход, который получил широкое распространение, когда даже в уставах и положениях о разных структурах внутренняя их деятельность обходится стороной, основывается, как можно понять, на *свободе и рыночных принципах* организации и функционирования управленческих систем. Но эта свобода и этот рынок при сохраняющейся интерпретации явлений получились почему-то *односторонними*, с пользой лишь для очень узкого круга лиц. Как известно, в любой управленческой системе ее «продукт», предлагаемый обществу, создается *совместными* усилиями (умом и трудом) ее субъектов и управляемых объектов, но прибыль от него поче-

* Специально привожу законы для сведения читателя, поскольку, наверное, не все знают об их существовании.

му-то присваивается в преобладающей своей части ее субъектом, а в нем — его руководящим звеном.

Умышленно создана *эфемерная* (блудливая) ситуация, при которой совершенно *разные явления получили одно и то же общественное звучание и правовое регулирование*. Все обозначили одним понятием «частная собственность», под которое попали, что приобретенные и поддерживаемые личным трудом человека квартира, дом, автомашина, гараж и еще что-то, что средства и продукты производства, которые создаются трудом десятков, а то и сотен тысяч человек, но потом принадлежат *одному*. Стало модным почему-то не выделять среди частной собственности такой ее вид, как частнокапиталистическая, суть которой объективно (научно) была раскрыта еще в «Капитале» К. Маркса (1864 г.). Сегодня даже солидные энциклопедии не упоминают среди разных видов собственности *собственность именно частнокапиталистическую*¹. Между тем ее природа совсем *иная* как по отношению к обществу, так и по отношению к отдельному человеку, который трудится на эту собственность.

На практике подобное стыдливое умалчивание частно-капиталистической собственности привело к тому, что она *менее всего* (по отношению к другим видам) подвергнута правовому регулированию. Крупный капитал в России состоялся быстро (число только миллиардеров в долларах перевалило за 100), и он закономерно начал поглощать средние и малые объекты частной собственности. Кстати, именно он привел к обнищанию населения, к перепаду между 10% самых богатых и 10% бедных в 15 — 20 раз, некоторые называют и 30, а по правде говоря никто цифр точно не знает, ибо даже нет шкал по их исчислению. Но главное для меня не в анализе экономических явлений и их последствий, а в том, что благодаря такому подходу у нас оказались юридически неурегулированными, *закрытыми* и произвольными те внутрифункциональные отношения, которые складываются в управленческих системах, принадлежащих отдельным крупным капиталистам. Нельзя не замечать, что идеология «самостийности» частнокапиталистической собственности распространилась и на государ-

¹ См.: Экономическая энциклопедия. М., 1999. С. 736 — 739; Энциклопедия государственного управления в России. Т. IV. Ч. I. М., 2006. С. 218 — 229.

ственную собственность, в которой топ-менеджеры крупных компаний оплачивают себя (получают доход) в несколько раз большем объеме, чем члены Правительства РФ, которые вроде бы их курируют.

В итоге в стране сложилась ситуация, в которой получаемая прибыль в крупной управленческой системе распределяется совсем по иным основаниям, чем в других странах с длительным опытом рыночных отношений¹. Даже если зарплата в таких системах у наемных работников более-менее приличная, все равно существование несправедливости и отсутствие четкой правовой регламентации внутрифункциональных отношений создает в них напряженность, недовольства, конфликты, которые проявляются, естественно, в разных формах. Люди через общение между собой всегда знают, что и как делается субъектами управления и их руководящим звеном. А негативизмы, как бы их ни скрывать, непременно снижают работоспособность и эффективность функционирования управленческих систем. Тем более в современных условиях, когда ставится задача человеческий ресурс превратить в человеческий фактор и капитал. В таких условиях долг субъектов управления видится не только в том, чтобы сполна использовать потенциал законодательства, а в том, чтобы активнее и шире опираться на *ценность права*, руководствоваться не только его буквой, но и духом. Иначе не поднять страну на нужную высоту.

Третий «блок» вопросов, который заслуживает особого внимания, связан с *реализацией конституционного статуса гражданина* в управленческих процессах. Здесь тоже много правовых взаимопереходов, которые стоило бы исследовать. В Конституции РФ провозглашен обширный комплекс прав и свобод человека и гражданина (см. ст. 17 — 63) и сказано, что «человек, его права и свобода являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» (ст. 2). По *содержанию* правовых норм мы поставили себя на уровень развитых

¹ См., напр.: Хенджерсон Д. Радость свободы или рынок без тормозов. Надо ли регулировать рынок? / Пер. с нем. СПб., 2004; Харингтон Д., Эсселинг К.С., Нимвеген Х.В. Оптимизация бизнес-процессов: документирование, анализ, управление, оптимизация / Пер. с англ. СПб., 2002, и др.

демократических государств. Но когда человек и гражданин соприкасаются с конкретной управленческой системой и особенно с ее субъектами, то частенько от этих прав и свобод мало что остается.

Многие субъекты управления *ограничили* доступ к себе (лишь по определенным дням и часам, с предварительной записью и преодолением охраны); заставляют человека выстраивать очереди в ожидании обычно неприветливого приема; требуют от него бесчисленного набора справок, которые можно легко запросить через компьютерную сеть, и, разумеется, оплаты за почти любой документ. Сегодня трудно попасть в поликлинику, больницу, устроить ребенка в детский садик или школу. Даже в отделениях Сбербанка, который хвастается своими прибылями и меценатством, не протолкнуться и нечем дышать. Огромными толпами старых, немощных людей заполнены помещения Пенсионного фонда. В муки, да еще за свои немалые деньги, превратились технические осмотры автотранспорта. Человека, за исключением, конечно, крупного начальника и богача, встречает «стена», которую ему приходится преодолевать с большим трудом. Причем, что тоже знаменательно, один и тот же стереотип действует в субъектах разных видов управления. Если быть объективными, то трудно сказать, *где сильнее бюрократия* (не веберская, а наша — Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, Н.Е. Салтыкова-Щедрина, М.А. Булгакова и многих других авторов) в государственных и муниципальных органах или предпринимательских структурах, партийных и общественных организациях. Думаю, что читатель может сам определиться.

В частнокапиталистических предприятиях, которые теперь доминируют в народном хозяйстве, человек вообще находится в *полной зависимости* от хозяина (собственника). Здесь воля последнего абсолютна и полностью свободна. Но об этом почему-то не пишут, более того, такое положение пытаются выдавать чуть ли не за благоденствие. Уже считают, что современные наемные работники в своей деятельности ориентируются на патерналистские и партнерские отношения со своим руководством¹. Не на юридически определенные

¹ См.: Темницкий А.А. Ориентация рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством // Социо. 2004. № 6.

и зафиксированные, а *отцовские и содружеские*. Потому-то в заключаемых трудовых договорах (гл. 11 Трудового кодекса РФ и служебных контрактах (гл. 5 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации № 79-ФЗ от 27 июля 2004 г.) *никогда и нигде* не указываются *фиксированные* размеры оплаты труда наемного работника или государственного служащего. Обычно перечисляются обязанности и ответственность последних и общее «отеческое» усмотрение работодателя при оценке его труда, поощрении либо стимулировании.

За столетия авторитаризма разных форм воспитался человек — *конформист, проситель, хамелеон*, который в принципе не уважает ни себя, ни других. Он подобострастно выслушивает начальника, но тут же в душе его ненавидит. Он делает вид, что работает, как говаривали при социализме, а начальство, что его труд оплачивает. У нас часто судят о сознании и поведении человека лишь по тому, как он ведет себя на работе либо службе и не анализируют, что происходит за их пределами. Не хотят видеть, что тот вандализм, который сопровождает нашу жизнь (мусор выбрасывается где попало и заполнил уже все придорожье и леса, цветы и лужайки мнутся, заборы ломаются, двери вышибаются, машины заезжают куда попало и т. д. и т. п. — здесь каждый может прописать ситуацию по месту своего жительства), представляет собой *месть людей* за унижения, бедность, обманы, фальшь провозглашаемых ценностей. Даже понятие «гражданин» давно *девальвировало*: подданный, «винтик», наемный работник, который постоянно находится в чем-то подчинении, когда надо только кланяться и благодарить.

В результате, если смотреть на реальную жизнь *видящими глазами*, у нас человек и гражданин все еще находится не в правовом поле своих конституционных прав и свобод, а под прессингом *усмотрительной воли* субъектов власти, особенно власти собственности. Но почему-то это главное, определяющее *не замечается*, главным образом пишут об отдельных фрагментах, случаях, личностях, злоупотреблениях и т. п., а не о комплексе жизненных отношений и кризисов. Хочу для читателя проанализировать всего лишь *один номер* еженедельника «Аргументы и факты» № 16 за 2007 г., вышедший в дни,

когда пишутся данные строки (апрель). В статье А. Шевякова «Почему рост экономики в России выгоден богатым? (с. 11) приводится такая таблица:

Насколько вырастают наши доходы от роста ВВП?	
Все население страны в зависимости от дохода разбиваем на 10 групп (по 10% в каждой). 1 — группа самые бедные граждане России, 10 группа — самые богатые. Какую прибавку к своим доходам получают граждане, если ВВП вырастает на 100 руб. на душу населения:	
Средний доход — в группе	Прибавка
1 группа — 1043 руб.	5 руб.
2 группа — 2004 руб.	12 руб.
3 группа — 2888 руб.	18 руб.
4 группа — 3874 руб.	25 руб.
.....	
9 группа — 16 518 руб.	150 руб.
10 группа — 37 333 руб.	200 руб.
<u>В среднем прибавляется 65 руб.</u>	
<i>Исследование Института социально-экономических проблем</i>	

Но далее в том же номере в статье В. Костикова «Дом, который построил Путин» отмечается, что «русские за один только 2005 г. потратили на покупку зарубежной собственности и активов более 120 млрд долл (в 2000 г. — 20 млрд)» — (с. 6). Это означает, во-первых, что это лишние деньги, которые вроде бы и не нужны для развития страны; во-вторых, если их (округленно разделить на число граждан России, то получится, что почти у каждого (от дитяти до старцев) за год изъяли почти тысячу долларов, или (по сегодняшнему курсу) более 25 тыс. руб., т. е. ежемесячно 2000 руб. Добавьте их к бедным группам (1 — 4) и они сразу же изменятся; и в-третьих, если эти деньги освоены Западом и там не вызвали инфляцию, то почему их нельзя было использовать дома? Цитирую: «...в российской столице потребители — люди второго сорта. На первом месте интересы компаний-монополистов. *Нас лишили права выбора!* Мало того, мы даже не можем проконтролировать, сколько реально потребили газа, воды, сколько проговорили по телефону. И что самое ужасное — наше бесправие «освящено законом» (с. 23). И когда человек спрашивает: как же так, оклад у госслужащего 8000 руб., а получает он 120 000 руб., ему первый

замглавы Комитета Госдумы по конституционному законодательству А. Москалец объясняет, что это своего рода игра в прятки с народом (с. 8). И в завершение статья С. Миронова «Взятка как измена Родине» (с. 5), как будто он публицист, а не председатель Совета Федерации ФС РФ, через который проходит и утверждается масса законов.

Подобных суждений, фактов, цифр и прочее в современных печатных изданиях не обилие, и изобилие. В электронных СМИ их, конечно, мало, ибо здесь все смеются, поют, а в кино «пачками» убивают. Это свидетельствует о многом. Во-первых, о том, что мы действительно живем в *свободном обществе*, которое развивается, крепнет и приобретает новое самосознание, которое не боится правды и понимает, что правда целебна, даже если она горька. Во-вторых, о том, что наличие множества *негативизмов*, которые не принимаются людьми, ими отторгаются и критикуются, свидетельствует, что не все ладно в родном Отечестве, что сегодня, повзрослев и приобретя опыт в демократии и рынке, можно многие вопросы решать более рационально и эффективно. И в-третьих, в том, что за прошедшие годы, осознав многие ошибки и упущения и обеспечив определенный экономический рост, мы все еще не доискались до *тех оснований, причин, источников*, которые воспроизводят массу негативизмов, причем в очень, опасном масштабе.

Часть таких оснований, причин и источников содержится и в правовом регулировании, о чем данный очерк, а затем и в практике субъектов управления. Поэтому в завершение хотелось бы еще раз подчеркнуть важнейшие зависимости между правом и управлением, причем пока лишь с точки зрения формирования и реализации ими актуальных для общества *регулятивных предпосылок*.

1. В силу своей объективной природы (сущности) право, связанное с государством как *триединством территории, населения и власти*, имеет основополагающее значение для управляемых объектов. Оно создает определенный общий фундамент для огромного многообразия управленческих систем (их организации и функционирования). Именно благодаря праву и его действию обществу задается *матрица*, формирующая его целостность. Тем самым вполне очевидно, что каково в обществе право и отношение к нему, таковым является и по-

ведение субъектов управления. Это мудрыми людьми понималось давно. Еще в начале XX в. известный наш правовед В.А. Кистяковский (1868 – 1920) писал, что «право по преимуществу социальная система и притом единственная социально дисциплинирующая система. Социальная дисциплина создается только правом: дисциплинированное общество и общество с развитым правовым порядком — тождественные понятия¹».

Вновь и вновь приходится сожалеть, что знаменитые российские стереотипы нигилизма, анархизма и радикализма никак не *согласуются* с правом и постоянно приводят к тому, что субъекты власти предпочитают управлять не на основе и в соответствии с правом, а уповая на субъективистское усмотрение и волевой прессинг, переходящий часто в элементарное насилие. Так решали многие вопросы левые в период революций и социалистического строительства, когда творился дикий произвол в отношении людей, сложившегося уклада жизни и общественных отношений. Недалеко от них ушли и правые, которые вроде бы ломали тоталитаризм, но опять в ущерб правам, свободам и благополучию массы людей.

И в XXI в., несмотря на существенные сдвиги в развитии законодательства, совершенствовании государственного аппарата, укреплении судебной системы и деятельности иных правоохранительных органов, уровень правового регулирования общественных отношений, сознания, поведения и деятельности людей все еще не *соответствует* потребностям жизни и усложняет развитие страны. Получается, как ни странно, что само законодательство создает условия для того, чтобы субъекты власти-управления чувствовали себя свободно в восприятии ценностей права. Часто личная выгода играет для них определяющую роль в принятии и реализации их управленческих решений.

2. *Взаимосвязь между правом и управлением* осуществляется посредством *конкретных правовых норм*, закрепленных в актах законодательства либо иного нормотворчества. Но эта взаимосвязь очень сложная, распадается на множество тонких «нитей», которые не всегда и хорошо просматриваются. Дело в том, что в обществе действуют сотни тысяч управленческих

¹ Кистяковский В.А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) // Вехи. Интеллигенция в России. 1909 – 1910. М., 1991. С. 109.

систем и субъектов управления ими, которые весьма дифференцированы и специализированы. Притом многие из них находятся в конкурентных отношениях друг с другом. Даже государственный аппарат распадается на большое число государственных органов со своей компетенцией; тоже относится и к местному самоуправлению. Все управленческие системы имеют какие-то свои локальные (узкоконкретные) потребности и т. д. и, соответственно им, выбирают из правовых норм лишь те, которые актуальны для них и позволяют им решать свои вопросы. Потому-то по поводу применения норм права между разными субъектами власти управления возникает немало юридических конфликтов и споров.

Стремление субъектов управления избирательно подходить к праву и пользоваться только нужными им правовыми нормами часто всего-навсего для конкретной ситуации является естественным подходом. У каждого свои проблемы, и он пытается решать их доступными ему средствами, в том числе правовыми. Отсюда понятно значение тех *требований к праву и его нормам*, которые предъявляются со стороны управленческих явлений, отношений и процессов. Для того чтобы управление осуществлялось более-менее (в рамках реально возможного) согласованно, рационально и эффективно, необходимо самим правовым нормам придавать большую *четкость и ясность, последовательность и системность*. Данные требования в аспекте форм правового регулирования вроде бы уже осознаны.

Сделана попытка привести комплекс административных реформ, часть которых закреплена законодательно. Найден, как мне представляется, перспективный выход в правовом решении вопросов, отнесенных ст. 72 Конституции РФ к совместному ведению Российской Федерацией и субъектов Российской Федерации. В частности приняты: Водный кодекс РФ, Жилищный кодексы РФ, Земельный кодекс РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях, Лесной кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ, Семейный кодекс РФ, Трудовой кодекс РФ и другие законодательные акты, которые *единообразно* регулируют соответствующие общественные отношения на всей территории страны и в отношении всех ее граждан, физических и юридических лиц.

Гораздо лучше стали выстраиваться правовые нормы по структуре: гипотеза, диспозиция, санкция, что способствует их более правильному применению в управлении.

Нельзя, однако, не видеть, что *горизонтальная «стыковка»* правовых норм при отраслевом и функциональном законодательстве происходит с трудом, порождает порой расхождения и противоречия, чем могут пользоваться «ловкие» субъекты власти-управления. Проблема обеспечения целостности самой правовой нормативной системы продолжает сохранять свою значимость и предполагает дальнейшее совершенствование процессов законотворчества и иного правового регулирования. Ее более качественное решение позволит предъявлять четкие требования по вопросам организации и функционирования любых управленческих систем и субъектов управления ими.

3. Как известно, в праве содержатся *разные нормы* по характеру и определению поведения и деятельности участников общественных отношений (физических и юридических лиц): *позитивного обязывания, разрешительные (дозволительные) и запрещающие*. Последние в основном присущи уголовному и административному законодательству. Главный же массив правовых норм образуют те, которые несут в себе *позитивное* (созидательное, творческое, развивающее) содержание. Можно сказать, что по своему предназначению правовые нормы создают, фиксируют и закрепляют *новые*, более актуальные и современные, общественные отношения, виды (технологии) действительности и социальные роли людей. Идеология права, особенно в демократическом, правовом государстве и свободном гражданском обществе, всегда должна быть конструктивной, прогрессивной, скажу современным словом, *инновационной*.

Между тем до сих пор в праве, и прежде всего в отношении к нему, мы никак не можем избавиться от рудиментов (пережитков) авторитарно-бюрократического прошлого. И причина этого кроется не столько в самих предлагаемых обществу правовых нормах, сколько в их *понимании и восприятии гражданами*, и, конечно, в первую очередь субъектами власти и управления. Возник и расширяется необъяснимый (почему-то?) парадокс: чем больше посредством правовых норм

(позитивного обязывания и разрешения) расширяется свобода в определении сознания, поведения и деятельности людей и образуемых ими организационных структур, тем больше в обществе наблюдаются злоупотребления предоставленными правами и свободами. Тот «дикий» капитализм с огромным всплеском преступности, который состоялся в 90-х гг. XX в. и тянет за собой последствия до наших дней, является всего лишь *результатом* того, как была практически использована свобода. Этот опыт не стоит забывать, ибо он свидетельствует, что свобода, которая не урегулирована правом, легко превращается в свой антипод — произвол. Действенную грань между свободой и произволом можно проводить только через правовое регулирование в его позитивной направленности.

Отсюда логично идут *следствия*, о которых тоже предпочитают мало говорить. Сегодня не только для управления, но и для действенного функционирования любых общественных явлений крайне нужна *правовая пропаганда, правовое обучение, правовая информированность*, другие меры, направленные на развитие *правового сознания и правового поведения*. Кажется элементарным, что законы требуют разъяснений, объяснений, популяризации. Но дело часто ограничивается их публикацией в официальных изданиях и выпуском массивных комментариев для специалистов. И только на какие-то запретительные, санкционные правовые нормы, которые объективно вызываются кризисным, угрожающим состоянием тех или иных отношений и процессов, наши СМИ (электронные и печатные) обращают внимание. Анализируются не *причины*, вызывающие «наказательные» нормы, а всего лишь содержащиеся в них санкции. Как будто дело в наказаниях за нарушение правил дорожного движения, и то в случае, если заметил сотрудник ГИБДД, а не в том *безобразном поведении* на дорогах водителей, от которого страдают все. Обычно фиксируются лишь смерть и физические увечья, а на огромные *экономические убытки* для страны не обращают должного внимания. Уже само плохое движение увеличивает расход топлива, уменьшает моторесурс и загрязняет среду нашего обитания. Разве можно быть к этому безразличным? И так по каждому вопросу: отношение к земле, воде, воздуху, лесам, зеленым насаждениям, домам, коммунальным объектам и т. д.

Позитивный аспект правового регулирования все еще не находит поддержки со стороны общества, прежде всего субъектов власти-управления.

В нашем обществе исторически давно звучат стенания по поводу *свободы*. Если смотреть хронологию стенаний, то легко обнаруживается, что очень многим не хватало свободы в дореволюционный период, затем то же самое имело место в советский период. Но стоило в годы перестройки провозгласить свободу, пусть пока ограниченную, советскую, как разрушилась страна — СССР. *Полная*, так можно сказать, свобода была дана в начальные годы становления демократической России, но она довольно быстро привела к деградации производительных сил (упадку производства и социальной инфраструктуры), резкому расслоению населения, обеднению и вымиранию его значительной части. *Вновь я напоминаю* об этом потому, что все «колебания» между свободой и несвободой (диктатурой, авторитаризмом и т. д.), а также все последствия, порождаемые первым и вторым явлением, вершились субъектами власти-управления: государственными органами, партиями, общественными движениями, промышленно-финансовыми группами и т. д. Даже во внешне видимом просторе стихий (анархии) всегда действуют определенные *центры силы* — субъекты власти-управления. Да и сама стихия (анархия) обычно творится этими же самыми субъектами власти-управления независимо от того, являются ли они непосредственно правящими (в государственном аппарате) или находящимися в оппозиции, а то и в подполье.

Печально, что когда у нас анализируются те или иные процессы — исторические либо современные — то почти всегда *обходится* вопрос о том, *какие* субъекты власти-управления и *почему* выступали инициаторами и организаторами соответствующих идеологий, изменений и преобразований, а также к чему все это приводило. А в частности, применительно к данному очерку, как все эти, бывшие и действующие, субъекты власти-управления *относились к праву* — важнейшему общественному институту, вбирающему в себя множество актуальных ценностей жизнедеятельности людей — религиозных, моральных, этических, национальных, культурных и т. д. Скептическое отношение к праву, игнорирование его

требований со стороны субъектов власти-управления наносит вред как обществу в целом, так и *разлагающе* действует на каждого человека и гражданина. Необходимо всегда помнить, что последствия правонарушений (я не говорю об уголовных преступлениях), которые вершатся субъектами власти-управления, более обширны, глубоки и длительны во времени. У власти больше ресурсов и, соответственно, последствия измеряются ими.

Таким образом, представляется, что субъекты власти-управления должны быть *заинтересованными* и в качестве права, и в его авторитете в обществе, и в его развитии, и в повсеместном применении. Опора на право дает возможность любой управленческой системе функционировать надежно, устойчиво, гарантированно; это служит и предпосылкой для рациональности и эффективности управления. В праве сосредоточиваются накопленный человеческий опыт, добытые знания и эвристические возможности людей. В крайнем случае, если право в чем то отстает, то надо стремиться не к нарушению правовых норм, а к *опережающему* развитию нормотворчества любых форм и уровней. Выбор за субъектами власти-управления.

Очерк 10. ПРАВСТВЕННОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ (упорядоченность)

В нашей литературе, отражающей сложившееся мышление, принято за правовым регулированием рассматривать законность и, как ее результат, существующий *правопорядок*. Это вполне логично, ибо, о чем писал еще К. Маркс (1818—1883), «урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от простого случая и просто произвола»¹.

Действительно, любое общество в форме государства тогда выступает таковым, когда *внутри* него многообразные виды общественных отношений, виды (технологии) деятельности и виды социальных ролей людей достаточно упорядочены и обеспечивают его *целостность, суверенитет, безопасность и развитие*. Первой предпосылкой и условием этого служит, разумеется, *правовая урегулированность* основных параметров происходящего. Но не надо, видимо, особо доказывать, что для того чтобы правовая модель (любой целенаправленности, актуальности и качества) была практически реализована, то необходима огромная работа государственных органов, общественных и предпринимательских структур, средств массовой информации и общественного мнения.

Среди важнейших проявлений (и направлений) такой работы особо выделяются следующие.

Во-первых, *развитие правового сознания* людей, что является многогранной проблемой, включающей в себя правовую пропаганду, правовое обучение, правовую информацию, правовое воспитание, правовую культуру и т. д., т. е. все то, что связано с формированием *понимания и уважения права*, как предельно необходимой для всех общественной ценности. Ясно, что когда право обладает авторитетом в глазах людей, то с ним и считаются.

Во-вторых, создание во всех организационных структурах *контрольных механизмов*, которые призваны обеспечивать *реализацию* правовых норм и сообщать об этом субъектам

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 356—357.

правоустановления. Контроль практически всюду выполняет функции *обратной связи*, позволяет видеть, как на самом деле осуществляется правовое регулирование.

В-третьих, существование в составе государственного аппарата *специальных правоохранительных органов*, определяющей целью которых является обеспечение исполнения и применения правовых норм в соответствующих правовых процедурах (процессуальное право). К числу таких органов относятся: МВД, МЧС, ФСБ, ФСО, иные федеральные службы. В настоящее время образована довольно обширная подсистема правоохранительных органов, направленная на поддержание в обществе необходимого правопорядка.

В-четвертых, традиционная деятельность органов *прокуратуры и органов судебной власти* с особым конституционным статусом, единственным предназначением которых служит защита права, обеспечение законности и правовые разрешения возникающих конфликтов. С момента принятия Конституции РФ (1993 г.) в стране идет, по сути, непрерывный процесс совершенствования организации и деятельности данных структур и усиление их влияния в правоприменительной сфере жизни общества и государственного аппарата.

И в пятых, формирование в целом — и обществе, и в государстве, и среди граждан и иных лиц — *состояния законности* в разных ее интерпретациях (как режима, метода, принципа, условия правового государства и т. п.), вследствие которого функционирование и развитие общества осуществлялось бы в соответствии с правом, на основе законов, при строгом соблюдении интересов, свобод и прав всех субъектов государственной, общественной и экономической жизнедеятельности¹.

Однако всегда надо учитывать, что при всем величии и историческом опыте права оно является все-таки *внешним*, в известной мере принудительным, регулятором сознания, поведения и деятельности людей, причем всех их правовых статусов, начиная от Президента Российской Федерации и кончая находящимся уже не у дел пенсионером. С точки зрения пожелания, надежды, необходимости и т. п., конечно, было бы хорошо, если бы все почитали право и из его постулатов исхо-

¹ На эту тему см: *Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации.* М., 2005.

дили в своей жизни и, особенно, в процессе исполнения профессиональных обязательств. Но люди обычно при принятии любых своих решений и совершении действий руководствуются прежде всего своими *внутренними побудительными* мотивами, которые основываются на их личных потребностях, интересах и целях, идеалах и ценностях, их культуре и запросах, духовном и душевном развитии. Все эти внутренние регуляторы в совокупности образуют *нравственность* — важнейшее свойство человека.

О ней знают и пишут давно: еще в дорелигиозный период было создано много таких представлений, культов, мифов, поверий, магий, табу, запретов и т. д., которые содержат нормы отношений человека к природе и друг к другу (одного — к другому)¹. Практически все религии, начиная с XI—V вв. до н. э., буквально *пронизывались* нравственностью, были по смыслу протестом против того разгула страстей и корысти, которыми уже отличалось то время. С тех же пор, от Сократа, и светская (языческая) мысль тоже озабочена проблемами нравственности. Вся история человечества *связана* с нравственностью (моралью, этикой), является в какой-то мере *борьбой* за нее. Разумеется, что в течение тысячелетий создана поистине грандиозная научная, религиозная и художественная литература о нравственности, знание которой необходимо для каждого человека, ибо нет такого, кто бы не задумывался о своем поведении и общении.

Но в данной работе нет места для освещения истории и теории нравственности, ее многообразных учений, законов, обычаев, традиций, императивов и реального состояния соответствующих явлений, отношений и процессов. Управление действует сегодня и будет завтра, оно всегда ориентировано на будущее, поэтому внимание хочется сосредоточить на *значении нравственности управления в переживаемое нами время*.

Прежде всего считаю необходимым определить свое представление о нравственности, в соответствии с которым будет раскрываться этот сюжет. Дело в том, что вольное обращение с понятием нравственности приводит к тому, что каждый ее

¹ См.: Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультура. М., 2002; Серов Н.В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. СПб., 2004.

толкует по-своему и из собственных эгоистических интересов использует как угодно. Все мерзости, которые пережило человечество и с которыми любой индивид сталкивается ежедневно, всегда получали и получают часто *оправдание, извинение и прощение*. Если смотреть на то, что масштабно происходит в мире, а уж в нашей стране тем более, то, как мне кажется, было бы справедливым и честным вообще *отказаться* от употребления понятия нравственности. Зачем обманывать себя и других? Но поскольку многие все-таки уповают на нравственность и хотят ее возродить, о ней приходится писать применительно к управлению.

Немало людей (и теоретиков) полагают, по аналогии с правом, что нравственность принадлежит к внешним регуляторам, сформированным традициями, пророками, моралистами и другими авторитетами, и усваивается посредством воспитания, проповеди, образования, информации и т. д. Из-за этого нравственность часто рассматривается как вроде бы *навязываемое явление*, сковывающее свободу поведения человека. И свобода почти повсеместно, а у нас — в первую очередь, *противопоставляется* нравственности.

Нередко нравственность ассоциируют с велениями, канонами, постулатами разума и тем самым относят ее к *интеллектуальным* явлениям, что как бы освобождает от нее тех людей, которые не претендуют на высокую культуру и не причисляют себя к интеллектуалам. Хотя, по правде говоря, именно наша — *российская интеллигенция* — в течение минимум двух последних веков выступала активнейшим разрушителем нравственных основ российского общества. Создана обширная антинравственная научная и художественная литература. Это же свойственно и искусству.

Распространено мнение, что нравственность связана с *чувствами* человека, с эмоциональной стороной его поведения, и может исследоваться в координатах *психологии и психики*. Тем самым она имеет в какой-то мере как бы генетическую основу и зависит от врожденных качеств человека. Отсюда, в общем-то, и требовать от людей нравственность надо осторожно и избирательно. Из ничего ведь нельзя сделать что-то.

Нравственность сводят также всего лишь к *реакции* человека на те социально-экономические и политические условия,

при которых он рождается и проводит свою жизнь. Каковы, мол, конкретные условия, такова и нравственность людей, и удивляться здесь нечему, ведь человек должен как-то выживать. При этом почему-то упускается из виду, что именно люди (не каждый, разумеется) *творят* социально-экономические и политические (можно добавить и духовно-культурные) условия. Любые революции и контрреволюции, войны и разрухи, братоубийства и терроризм, грабежи и обнищание и т. д. и т. п. возникают не сами по себе, а по воле определенных людей, причем инициированные *их отношением к нравственности*. Но обычно, на пепелище крови и бедствий, «великих» создателей этого не судят, а восхищаются ими.

На самом деле нравственность — это очень *многогранное, сложное и комплексное явление*, характеризующее, может быть, главный параметр сущности человека как биосоциального создания. «Био» органично связывает человека с естественной природой; оно же через нравственность человека выражает его понимание и восприятие природы, ее почитание, уважение и сохранение. Это признавалось еще язычеством. «Социо» раскрывает отношения между людьми, их принадлежность к обществу как неперемennomу условию и фактору их *очеловечивания*. Следовательно, нравственность отражает *внутреннее состояние* человеческого организма, *единство* его интеллектуальных (разум), эмоциональных (душа) и физических (тело) начал. Именно в соответствии с этим *состоянием* человек мыслит, поступает, действует, общается, регулирует все свои жизненные взаимосвязи. В нем он *целостен*, и поэтому печально наблюдать хамелеонство, «переворачивание» из одного в другое, бесконечные согрешения и покаяния, ложь, обман, фарисейство, блуд и т. д. и т. п. (подобные явления трудно перечислить, ибо их очень и очень много). Значит, у человека нет *органической, собственной целостности*, и он, как флюгер, постоянно приспосабливается, изворачивается, конъюнктурен, служит и вашим и нашим, то левый, то правый, то христианин, то мусульманин и т. д.

Удачный синоним нравственности нашел в своем выступлении на X Всемирном Русском народном соборе (4 — 6 апреля 2006 г. в Москве) митрополит Кирилл — «человеческое *достоинство*», которое он описал как «то, что заслуживает уваже-

ния и чести, и то, что имеет большое значение и ценность». Конечно, человеческое достоинство, сокрытое внутри человека, предполагает *самоуважение* и уважение других. Здесь срабатывают не только логические размышления или многогранные чувства, но и просто физические ощущения.

Говоря метафорически, нравственность есть *внутренний генератор* (источник энергии), постоянно подпитывающий *взгляд* человека на окружающий его мир. Это — принципиально: для каждого (без исключения) мир *объективен*, а вот взгляд на него *субъективен* вообще и *индивидуализирован* — персонально. В реальности здесь возможны бесконечные вариации и, естественно, такие же бесчисленные объяснения каждого поступка и действия, чем, собственно говоря, все и заняты. Вместо честного восприятия самих себя весьма удобно искать основания и причины своего поведения и деятельности во внешних условиях, обстоятельствах, факторах, случайностях и т. д. Все время «пеняют на зеркало», которое не имеет никакого отношения к тому, что оно отражает на самом деле.

Хочу сказать, что нравственность является *большим достоянием либо приобретением* человека. Не всегда она приносит материальные выгоды, но обязательно формирует добрые отношения многих людей к ее субъекту и часто делает его бессмертным в человеческой памяти. К сожалению, нравственность давно перестала пользоваться авторитетом в обществе, ее заслонили другие ценности. Еще в 1863 г. наш пророк Ф.М. Достоевский (1821–1881) в заметках о путешествии за границу написал: «Накопить фортуны и иметь как можно больше вещей — это обратилось в самый главный кодекс нравственности, в катехизм парижанина... Теперь надо накопить денежки и завести как можно больше вещей, тогда и можно рассчитывать хоть на какое-нибудь уважение»¹.

С тех пор названная тенденция еще более укрепились и расширилась, стала доминирующей, превратилась в культ. Этому можно было бы только радоваться, если бы оно свидетельствовало о росте благоденствия людей, ибо вещи, безусловно, каждому нужны. Но все, как и во всем, упирается в меру. Вещи, по идее, должны быть связаны с потребностями,

¹ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. М., 1956. С. 102.

удовлетворять их. Не думаю, что для того, чтобы посмотреть время, нужны часы ценой в 1,3 млн евро. Поэтому, как отмечалось через 110 лет, «вещи не только вещи. Они стремятся собой заменить стоимость человека, они характеризуют его качество. Человек меняет один автомобиль на другой, чтобы подтвердить, что он богатеет, тянется от второго автомобиля к третьему, он живет в долг, захлебывается от вещей, конкурируя с соседом.

Он пленник инерции, жадности, подражания... Дело идет о борьбе с пустотой жизни¹».

Полагаю, что почти каждый (у кого вещи уже удовлетворили его потребности) согласится с тем, что реальная жизненная проблема таится вовсе не в вещах самих по себе, а в *отношениях между людьми*, которые опосредуются вещами. Последние всего лишь *средство* для жизни, а не ее самоцель или процесс. Сегодня все отчетливее ощущаются результаты той социально-экономической системы, которая была избрана человечеством уже более 300 лет назад и казалась многообещающей: посредством массового производства она должна была обеспечить благополучие людей. И действительно, в *технологическом аспекте* она создала массу товаров, услуг и информации, необходимых людям. Но в *социальном, гуманитарном, человеческом аспектах* она не сумела, не захотела или не смогла предложить тем же людям что-то иное, кроме вещей (в обобщенном виде). Наоборот, теперь все превращено в «вещи», которые продаются и покупаются: от органов человека для пересадки, его красоты, силы, мужества до любых произведений его разума и рук. Все имеет единственно и всецело *меновую стоимость*. Апологет капитализма Фридрих фон Хайек (1899–1992) честно говорил: «Имеет ли какой бы то ни было смысл понятие социальной справедливости в экономической системе, основанной на свободном рынке? Категорически нет»².

Но если в систему не заложен *параметр социальной справедливости*, то, значит, в ней не может быть нравственности и она действует по *другим законам*, именно тем, которые ей имманентно присущи. Столь подробно пишу об этом, доро-

¹ Шкловский В.Б. Эйзенштейн. М., 1973. С. 155–156.

² Hayek F.A. Low, legislation and liberty. Roufledge, 1982. Vol. 2. P. 68.

гие читатели, потому, что *научный подход* к освещению какого-либо вопроса предполагает следование *объективным фактам, событиям, закономерностям, тенденциям*, а не изобретательство приятных кому-то иллюзий, химер, миражей, виртуальностей либо взываний к чьему-то долгу, обязанности, совести, а то и самопожертвованию. Если мы признали эту систему целесообразной для себя и закрепили ее основные положения в Конституции 1993 г., то необходимо и все следствия рассматривать исходя из ее «железной поступи». Мне понятно суждение о том, что «мы живем уже в условиях нового губительного тоталитаризма. По утверждению прекрасного режиссера В. Абдрашитова, самые мрачные прогнозы Дж. Оруэлла и Е. Замятина могут показаться детским лепетом; никакой тоталитаризм — сталинский, гитлеровский или полотовский — не сравнится с тоталитаризмом, который нам поселяют в умы и души. Современному бизнесу не нужны самобытные люди с разными интересами. Зачем уничтожать людей физически, они могут быть мускульной силой и пушечным мясом, а главное идеальным потребителем¹».

Но если это *так*, что может вызывать разные точки зрения, то почему подобный способ жизнедеятельности мы называем цивилизацией, демократией, постиндустриальным обществом, описываем его через права и свободы людей и упорно стараемся его внедрять, копировать, заимствовать и нередко поем ему панегирики? Пора бы в конце-концов разобраться с тем, *что мы хотим от жизни*, какой она должна быть у нас. А то пишут, что главными ценностями являются культура, искусство, образование, досуг и тут же, через несколько абзацев, к ним добавляют труд, карьеру, собственность. Соединяем несоединяемые явления, чему не помогает даже диалектика.

Я никому ничего не навязываю, ни к чему не призываю и ни от кого не требую «должен», ибо прекрасно знаю, что все это пустые слова, которыми пестрят все носители информации. Просто хочу высказать некоторые суждения: может быть кто-то над ними и задумается.

¹ См.: Скотов Н.Н. Российская культура и процессы глобализации // Культура и глобальные вызовы мирового развития. V Международные Лихачевские научные чтения. 19–20 мая 2005 г. СПб, 2005. С. 14.

Нравственность при всей ее сложности, многогранности и ситуативности (конъюнктурности), — явление *формируемое* и, следовательно, *управляемое*. Когда люди хотят, то они могут утверждать в обществе определенные постулаты по разным вопросам жизни. Так и общество, если оно обеспокоено состоянием нравственности среди людей, тоже способно влиять на них. В принципе в обществе среди людей нет ничего такого, чтобы не зависело в той или иной мере от них самих. А всякие стенания по поводу бесконечных негативизмов свидетельствуют лишь об одном: такими вопросами (проблемами) не желают серьезно заниматься.

В обобщенном виде то *реальное* состояние нравственности в нашем российском обществе, которое наблюдается сегодня, является следствием отсутствия достаточно *твердого* и *самостоятельного* мышления относительно нас самих, нашей истории, мирочувствования, способа жизнедеятельности, идеалов, ценностей и целей, потребностей и интересов, традиций, обычаев и менталитета. Наши так называемые интеллигенты (не могу назвать интеллектуалы, потому что это слово обозначает высокий разум и обширную эрудицию, чего у них не хватает) при рассмотрении любого явления, отношения и процесса обязательно *все сравнивают* с другими народами, прежде всего с западноевропейскими. Они никогда даже не задумываются над тем, а как же явления, отношения и процессы *привязаны* к нашему геостратегическому пространству, масштабам и качеству территории, почвенно-климатическим условиям, исторически сложившемуся образу жизни, национально-этническому составу населения, семейно-родственным отношениям и многому другому, что и делает нас *специфической цивилизацией*. Дело не в названиях — восточно-христианская, славяно-тюркская, евразийская, русская, российская и т. д., — а в сути, в *глубинном устойчивом содержании*. А ведь наши люди, проживая за границей по нескольким поколениям, не могут ассимилироваться и сохраняют свою самобытность.

Но, по канонам «интеллигентов», анализ и оценка делается не по тому, как и насколько наша жизнь *соответствует* нашим представлениям о Добре, Красоте и Истине, а лишь по совпадению ее элементов и взаимосвязей с западноевропей-

скими образцами (лекалами, шаблонами и т. д.). Причем используется лишь один метод: если не совпадает, а отличается, то тем самым сразу же обозначается как негативная, отсталая, некультурная, недемократичная, нецивилизованная, архаичная, деспотическая и т. д. — во множестве самых грязных эпитетов. И как-то странно, что не видят или забыли, что очень много разрушительного, унижительного для нас, развращенного и т. д. *пришло к нам как раз из Европы*, которой мы так умиляемся. Нигилизм (Фридрих Ницше — 1844 — 1900), анархизм (Пьер Жозеф Прудон — 1809 — 1865), радикализм (идеологи французской революции — 1789 — 1793), культ личности (Артур Шопенгауэр — 1788 — 1860), социализм — утопический и научный, терроризм (Луи Огюст Бланки — 1805 — 1883), современный либерализм и т. д. и т. п. — все было возвращено там и заимствовано нами. Не стоит упускать из виду, что оттуда же к нам приходил Наполеон I Бонапарт (1769 — 1821), а также Первая и Вторая мировые войны. От чего же после всего этого нас еще и ругают, что мы мол, неполноценные европейцы?

Между тем в глаза бросается одно обстоятельство: все — критиканство, унижение, «разоблачение», недовольство и прочее подобное в России — почему-то хорошо *оплачивается из-за рубежа*. Я не слышал, чтобы книгу с *добрым взглядом* на Россию когда-либо издали в европейских странах либо какому-нибудь автору-патриоту там дали хоть маленький грант. За пасквиль, пожалуй, можно получить гонорар, достаточный на загородный дом, роскошную квартиру, мерседес и пансион на безбедную жизнь. Так дело обстоит давно, и потому-то там с удовольствием *содержали* анархистов, эсеров, меньшевиков, большевиков, диссидентов, других «критически мыслящих личностей». И сегодня многие из оных проживают в столицах и иных комфортабельных местах в Европе, в том числе и потомки наших диктаторов, деспотов, кровопийц, разрушителей и проч. Где здесь хоть какой-то *нравственный императив*?

А «ларчик» открывается банально просто. Слишком обширную и богатую на ресурсы территорию, а также обильное талантами население, причем с сильным вольнолюбивым духом, имеет наша страна. Недаром А. Даллес назвал наш народ, имея в виду прежде всего русский, самым непокорным на Земле. Вот где наше *проклятие* со стороны Запада и Европы, в том числе:

богатство ресурсов и гордость. Уж столько веков нас «полощут» и заставляют проливать свою кровь, много раз пропели над нами панихиды, казалось, и поставили осиновый кол, а мы стоим и не собираемся сдаваться на милость «доброхотов».

Поэтому нравственность каждого из нас начинается с ответа на вопрос: «Что для тебя Россия: *Родина или ресурс?*» Если Родина, то тогда естественны ее уважение, почитание, охрана, защита, желание обеспечивать ее целостность, суверенитет, безопасность, упорядоченность и развитие. При таком отношении все неурядицы, безобразия, недостатки должны рассматриваться в качестве *болезни родного «организма»*, которую надо преодолевать объединенными силами и в целях именно *оздоровления, укрепления.* А если — ресурс, тогда совсем другое дело: чем страна слабее, опустошеннее, конфликтнее, преступнее и т. п., тем это лучше для овладения и вывоза ресурсов. Известно: в мутной воде лучше ловится рыбка. Вот и *насаждают* нам извне и изнутри безнравственность, чтобы можно было подешевле и побольше взять у нас ресурсов. Так было с временем Петра I, который прорубил «окно» в Европу, чтобы оттуда, как задумывалось, *перенимать* профессиональный опыт, а получилось на деле вывоз через него всего и вся. Этим не гнушались ни императорская фамилия и дворяне, ни большевики, не гнушаются и либерал-демократы. Здесь трудно что-либо советовать. Каждый должен сделать выбор для себя, быть последовательным в таком выборе и не обманывать других.

Разумеется, выбор касается всех, и прежде всего субъектов власти. Дело в том, что любое общество всегда является иерархическим, представляет собой *вертикально интегрированную систему.* Можно сколько угодно говорить о горизонтальных взаимоотношениях, о свободе поведения, о спонтанности, стихийной самоорганизации, чудодейственности рынка и других явлений, которые несомненно *существуют*, но организованность общества, сплоченность и кооперацию его частям придают *главным и определяющим образом* субъекты власти (о чем уже неоднократно отмечалось), в руках которых находится самое существенное для жизни — *ресурсы.* Именно наличие ресурсов в ведении государства и его аппарата, собственников и их менеджмента, местного самоуправления, партий и общественных объединений, а теперь уже и

средств массовой информации и иных структур, в том числе и антисоциальных, *заставляет* людей прислушиваться к ним, подчиняться их управляющим воздействиям, ориентироваться на них, а то и брать с них пример. Состояние нравственности в обществе, в массе управленческих систем, среди, по сути, всех управляемых объектов в преобладающем удельном весе *зависит от нравственности субъектов власти*. Многие, говоря обобщенно, наши власть предержащие почему-то думают, что только сверху (с их стороны) видно, что делается внизу; нет, снизу (даже через пятиметровые заборы, охрану, другие «кордоны») тоже хорошо просматривается верх. Этому способствуют и сами власть предержащие, которые в конкуренции и борьбе часто *обнажают* сами себя.

История сложилась у нас так, что в какой-либо ее конкретной точке, избранной для художественного или научного анализа, редко найдется сюжет, событие, поступок, деяние и прочее, в котором бы наши власть предержащие являли народу какие-нибудь случаи нравственного поведения, хоть в чем-то сравнимые с той *чистотой, верой, надеждой*, с которой в течение веков миллионы простых людей служат Отечеству — Родине. Сложилось, о чем я, как и многие другие, пишу давно, в нашем *властном пространстве* свое, резко своеобразное суждение об идеалах и ценностях, потребностях и интересах, целях и мотивах жизнедеятельности. Здесь мещанство, обывательщина, стяжательство, эгоизм процветают бурно, проникли во все «щели» мышления и материального бытия, захватили даже самый низший уровень этой иерархической пирамиды. Считается унижительным, если кто-то, получивший хоть маленькую власть (в муниципальном образовании, бизнесе, общественном объединении, в средствах массовой информации, науке и т. д.), продолжает жить в прежней квартире, использовать старую дачу, ездить на небольшом автомобиле, открыто и доверительно общаться с людьми. Человек власти, так повелось издавна, должен непременно *отделяться* какой-то невидимой стеной от массы рядовых граждан. И чем он выше по статусу, тем такая стена толще и непроницаемее. Отдельные исключения могут быть, но они дорого обойдутся тому, кто осмеливается выходить за пределы принятого и освященного опытом властвования.

Не могу не отметить (что вызывает ужасные ощущения) и то, что почему-то именно среди властей предержавших весьма большой процент предательства, заговоров, провокаций, заказных убийств, компрадорства, совершаемых в большинстве всего лишь ради того, чтобы удовлетворить свои честолюбивые амбиции. Причем подобное характерно как для тех, кто в какой-то момент истории находился в «правлящей» подсистеме, так и для оппозиции, которая часто «борется» исключительно за овладение властью. Исторический опыт показал, что всем «борцам», от крайне левых до крайне правых, нужна главным образом власть, а не благополучие трудового люда и суверенитет страны. И они почти всегда, за мелкую мзду, находят в кругу элитной интеллигенции также тех, кто готов им послужить. Недаром, видимо, в минуту собственных разочарований И.А. Бунин (1870 – 1952) воскликнул: «Страшно сказать, но правда: не будь народных бедствий, тысячи интеллигентов были бы прямо несчастливейшие люди. Как же тогда заседать, протестовать, о чем кричать и писать? А без этого и жизнь не жизнь была»¹. Действительно, «крику» со стороны властей предержавших и элиты по поводу их «заботы» о народе и стране предостаточно, но вот реальное их мышление и поведение уныло, серо, однообразно: личный интерес, личная корысть, жажда власти.

Но нравственность никогда и нигде не выражалась словами и не исчерпывалась ими. Она *практична*, ибо только реальные, зримые для всех поступки и действия могут свидетельствовать об истинной сущности человека и его отношении к другим людям. Здесь тоже видна определенная *двузначность* властей предержавших. Когда речь заходит о ком-то из своих, они *весьма солидарны между собой*. За редким исключением (периоды кровавого диктата), даже врагов из своей среды при совершении ими явных преступлений жалуют. Разваливается страна, разрушаются производительные силы, масса людей бедствует, гибнет в конфликтах, но виновных в этом, как правило, нет. И опять одно и то же: так было давно, так имеет место быть и сегодня.

¹ Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М.; СПб., 1990. С. 101.

Конечно, как говорится, «яблоко от яблони недалеко падает», и поэтому множество проявлений безнравственности можно найти среди «простых» людей. Но ведь известно, что кому много дано, с того и спрос должен быть больше. Нельзя же, право, владеть, пользоваться и распоряжаться огромными ресурсами, а по качеству и уровню нравственности сравнивать себя с каким-то малограмотным бедолагой.

В так называемую эпоху глобализации, информатизации, технологизации можно добавить: демократизации, либерализации, постмодернизма и т. д. — вопрос о нравственности вообще и субъектов власти в частности приобретает *особую остроту*. Ведь нравственность имеет не только духовно-чувствительные проявления («блажь некоторых правдолюбцев»), но и обширные *геостратегические, социально-экономические, чисто рыночные, культурные и даже инфраструктурные параметры*. Ее ограниченность либо отсутствие влияют на все элементы воспроизводственной системы, поскольку любые количественные и качественные измерения жизни приобретают смысл через их фокусирование в нормах нравственности.

Сказанное вполне и наглядно подтверждают объективные факты, события и взаимосвязи. В 1997 г. была издана совместно с учеными США книга «Власть и нравственность», в которой тогда еще отчетливо говорилось о грядущих печальных последствиях того, что Россия начала и ведет свою трансформацию *без какого-либо учета* исторически сложившихся нравственных канонов¹. Наивно думать, что кто-то ее читал из властей предрежащих и запомнил хоть одну мысль. И закономерно, что через 10 лет, по данным социологических исследований, люди считают, что нами правят: крупные бизнесмены — 63% опрошенных; руководители преступных группировок — 57%, причем рост здесь почти вдвое. В то же время не видят смысла и целей экономической и социальной политики государства: экономическая политика — 81,2—87,7%; социальная — 78,4—70,0%, а также проводимых реформ: налоговая — 78,8; судебно-правовая — 79,4; земельная — 78,3; военная — 74,6; образовательная — 71,0; жилищно-коммуналь-

¹ См.: Власть и нравственность: согласие, благополучие, безопасность. М., 1997.

ная — 71,0; пенсионная — 68,8; административная — 77,5¹. Все свидетельствует о том, что отчуждение всех власть предержащих (а не только государственной власти, на чем часто заикаются) и остальной массы народа продолжает *усугубляться*. И цифры экономического роста мало изменяют картину, ибо его результаты потребляются главным образом «золотой сотней». Пишет же главный редактор «Forbes», что только за 2006 г. совокупное состояние 100 богатейших бизнесменов России выросло на 36%². А остальных жителей страны, в том числе и тех, кто это богатство создавал своим трудом? Людям постоянно подбрасывают подачки в таких размерах, что они тут же съедаются инфляцией. Дошло до того, что они не могут сохранить или на что-то накопить заработанный рубль. Обычно банковские вклады по предлагаемым процентам совпадают с размерами инфляции, а то и меньше их.

В общем (ибо на эту тему можно писать бесконечно и приводить все новые и новые факты) *проблема существует*, ее следует анализировать и делать из оценок какие-то выводы. Как уже отмечалось в начале книги, в управлении все определяется человеком. Нравственный выбор в каждом случае делается человеком. Тут мы действительно равны. Различается лишь *цена выбора*. Чем выше политический, социально-экономический или духовно-культурный статус человека, тем цена выбора выше и дает, соответственно, более обширные и далекоидущие последствия. Потому-то и требования к составу и уровню качеств нравственности для таких людей объективно высокие. И если их нет, то никакой пропагандой, пиаром, политехнологиями, имиджеологией и прочими мерами не внушить к ним *искреннего уважения*.

Считаю долгом напомнить, что во всем мире познанию нравственности и формированию в ее рамках человека всегда уделялось большое внимание — это и идеи о построении жизни в согласии с природой (Диофор Кронос, киренаики, кирики, стоики, эпикурейцы и т. д.), к которым мы обращаемся сегодня в связи с экологическим кризисом; и мысли о предназначении человека к социальному служению, к бла-

¹ См.: Бойков В.Э. Социально-политический фон самоидентификации российского населения // Социология власти. 2007. № 2. С. 39 — 45.

² См.: Forbes. 2007. Май. С. 29.

городным поступкам во имя других (христианство, Платон, Аристотель и их последователи); и призывы к духовному совершенствованию человека (буддизм, конфуцианство); и мощная система ограничений (мусульманство); и суждения И. Канта о моральном долге, всеобщем характере нравственности (категорический императив); и гегелевское понимание морали как функции, связывающей человека и общество (субъективно-объективная категория) и многое-многое другое вплоть до наших дней.

Нравственность всегда находилась в центре российских социальных и духовных исканий. Когда-то философ, богослов В.В. Зеньковский (1881 — 1962), оценивая итоги размышлений 120 русских философов на протяжении XVII — XX вв., писал: «Если уж нужно давать какие-либо общие характеристики русской философии, то я бы на первый план выдвинул *антропоцентризм* русских философских исканий. Русская философия не *теоцентрична* (хотя в значительной части своих представителей глубоко и существенно религиозна), не *космоцентрична* (хотя вопросы натурфилософии очень рано привлекли к себе внимание русских философов), — она больше всего занята *темой о человеке*, его судьбе и путях, о смысле и целях истории. Прежде всего это сказывается в том, насколько всюду доминирует (даже в отвлеченных проблемах) *моральная установка*¹. Немало было сказано слов о коммунистической нравственности. В середине XX в. известный русский мыслитель И.А. Ильин (1883 — 1954), рассматривая возможность духовного обновления посткоммунистической России, предложил следующие нравственные ценности, на которых может (или должно) становиться ее будущее: Вера, Любовь, Свобода, Семья, Родина, Национализм, Правосознание, Государство, Частная собственность (даю в авторской последовательности. — Г.А.)².

Не могу не привести перечень нравственных ценностей, составленный советскими авторами в предперестроичные годы: польза, самовыражение, удовлетворенность, радость, признание, добро, обладание, свобода, истина, правда, порядок, красо-

¹ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л., 1991. С. 16.

² См.: Ильин И.А. Путь духовного обновления // Путь к очевидности. М., 1993.

та, которые, по их мнению, могут служить мерой развития или утраты социального и человеческого качества в индивиде¹.

Поскольку мне не к кому обратиться «наверху», я обращаюсь к читателю: где они, эти нравственные ценности? И почему понятия *чести, достоинства, верности долгу* (не говоря уже о Родине), *добропорядочности, справедливости, правды, милосердия, честности, чистоты* (хотя бы семейно-родственных отношений), *преданности* и другие, которые жили среди людей *веками*, так быстро ушли их эпицентра нашей общественной жизнедеятельности? Я верю, что они где-то остались, в сознании и поступках «простых» людей, но отодвинуты на периферию внимания. Взамен еще раз напомним то, что вы видите и знаете: информационное поле России в подражание худшим образцам западных стран заполнено насилием, сексом, жестокостью, пьянством, моральным и мировоззренческим развратом, издевательством над историей, ложью, фарисейством, лицемерием, фальшью и т. д. и т. п.

Даже элементарные, *прагматические* постулаты типа: «Живи сам и давай жить другим», «Помни что жизнь переменчива», «Бессмертие человека создается его делами», «Авторитет — категория прибыльная» не прививаются².

Самыми популярными стали ценности, сформированные за два последних века индустриальным (постиндустриальным), потребительским обществом: *капитал, богатство, успех, власть, господство, престиж, прибыль, нажива, доход, накопительство, вещизм, вседозволенность, эгоизм, культ силы, извращенность* и прочее, что нам демонстрируется посредством слов, образов, звуков и материальных атрибутов. От такого разгула страстей уже взбунтовалась природа, но даже это — наглядное — основных потребителей — нашу элиту особо не волнует. Мол, на наш век хватит! Манкурты в безграничной жадности изошренно готовят грядущие человеческие трагедии. Это надо видеть и об этом помнить!

Но пока человек жив, пока его народ существует, в них бьется мысль, чувство и кровь, они многое (жаль, что не все)

¹ См.: Нравственная жизнь человека: искания, позиции, поступки. М., 1982. С. 21.

² См.: Атаманчук Г.В. Управление — фактор развития. Размышления об управленческой деятельности. М., 2002. С. 129 — 135.

могут. Жизнь и есть непрерывное восстановление, утверждение и созидание. Поэтому в завершение данного несколько печального сюжета хочу привлечь внимание к пяти явлениям, которые составляют основу нравственности управления и отношение к которым может быть критерием ее измерения и оценки.

1. *Территория: ее ресурсы, состояние и обустройство.* Мы все на ней где-то живем и пользуемся всем для нас необходимым: воздухом и водой, растениями и животными, подземными кладовыми. К этому так все привыкли, что очень многие просто не замечают ничего вокруг себя и не ценят в качестве условия, фактора и источника своей жизни. Да и нравственность здесь действует преимущественно *огна* — *побольше использовать, урвать, разрушить*. Внушено же мнение, что на нашей территории все безгранично, безмерно, неиссякаемо, бездонно и т. п.

Между тем нельзя ни на минуту *забывать* о том, что мы живем в мире, в котором, с одной стороны, наглядны перенаселение, гонка вооружений, рост потребностей, а с другой — истощение ресурсов (как подземных, так и наземных), кризисные процессы в среде обитания человека и всего живого, полуголодное существование огромных масс людей, снижение темпов производства и обеднение человеческой культуры вследствие ее односторонней вестернизации и многое другое *негативное*. Все это усиливает значение территории со всеми ее возможностями и делает ее *объектом* геостратегических и геополитических интересов как транснационального (космополитического) капитала, так и целого ряда стран, которым «тесно» в их национальных границах. Наша страна имеет большую территорию — более 17 тыс. кв. км. И хотя у нее сложное широтное расположение (холодный климат, 60% территории с вечной мерзлотой, часть — засушлива, часть — малоплодородна и т. д.), современные технологии и динамика их развития *создают* предпосылки для весьма продуктивного освоения. Многие мы еще здесь как следует и не представляем.

В общем территория — это *священный, бесценный подарок природы, судьбы и истории каждому народу*, который ею владеет и на ней осуществляет свою вековую жизнедеятельность. Следовательно, все управленческие системы и

их субъекты власти-управления призваны разумно обустривать территорию, ценить ее и улучшать, создавать и повышать потенциал, рационально и эффективно использовать ресурсы. Она нужна и нам, и нашим потомкам. Отношение к территории есть *первое и основное свидетельство нравственности мышления и поведения любого человека и, конечно, субъектов управления*. А здесь у нас, как говорится, непаханое поле, вандалистское восприятие территории как чего-то чуждого человеку. И редко где и когда можно обнаруживать признаки какой-либо культуры, философии и идеологии заботы и бережливости.

2. *Население, его структура, благосостояние и тенденции развития*. В мире нет другой страны, которая бы в течении одного XX в. в силу стечения роковых внешних и внутренних причин понесла в абсолютном и процентном отношении такие огромные *человеческие потери*. Наметившееся в 90-х гг. превышение смертности над рождаемостью и устойчивое уменьшение населения пока не приостановлено. И сегодня граждан где-то около 142 млн, что применительно к населению планеты (6,5 млрд чел.) составляет чуть больше 2%. Учитывая совокупность жизненных условий и факторов, этого, безусловно, очень мало. Но ведь кроме количества есть еще *качество населения*: возрастная и половая структура, здоровье и образованность, калорийность питания и образ жизни, характер и объем каждодневных преждевременных утрат, комфортное жилье и добротная одежда (особенно на холод), социально-психологическое самочувствие и отношения и многие другие критерии и показатели. Надо учитывать и удельный вес разных патологий: физических, умственных, нервных и т. п., который среди нашего населения тоже значительный. Сегодня практически у всех здравомыслящих людей состояние населения, происходящие в нем процессы вызывают глубокую тревогу.

В литературе и публицистике часто употребляют термины: «человеческий потенциал» (на что население способно), «человеческий фактор» (*ценность людей как создателей материальных, социальных и духовных продуктов*), «человеческие ресурсы» (*средство в руках властей предержащих для получения прибыли или решения какой-либо задачи*). У нас,

несмотря на множество политических заявлений и правовых норм, пока доминирует *ресурсный подход*, при котором от человека стремятся получить максимум, а дать взамен минимум. Это подтверждает и оплата большинства видов деятельности и социальных долей, и размер пенсий и пособий, и компенсации потерь вследствие чрезвычайных событий, и всяческие «расчеты» минимальной зарплаты, потребительской корзины, медицинских услуг, тарифов, и другие объективные факторы. И причина здесь не в отсутствии материально-финансовых средств, которых в среднем на душу населения уже достаточно, а в восприятии человека. Традиционно в России «массовый» человек никогда не ценился, причем как на государственном уровне, в производстве, бизнесе, так и в быту, в межличностных взаимосвязях, при элементарном общении.

Видимо, субъектам власти-управления в данном аспекте требуется действительное обновление, *разрыв с прошлым* и формирование подлинных институтов демократии и либерализма. Но не для некоторых избранных, а для всех граждан и жителей страны. *Конкретные дела* призваны показывать наступление такого *гуманистического перелома*.

3. *Власть: издержки на нее, компетентность и эффективность*. Практически все уже высказанные в очерках суждения связаны с властью (разных ее видов). Власть — непререкаемый атрибут человеческой (коллективной, общественной) жизнедеятельности. Тем самым проблема состоит не в отрицании или нигилистическом поприятии власти, а в ее *рациональной модернизации*. Все современные условия и факторы (крупное и укрупняющее производство, масштабные технологии, огромное количество технических средств, техногенные опасности и аварии и т. д. и т. п.) способствуют *возрастанию* роли и значения власти. И если мы жаждем будущего, хотим иметь могучую, процветающую страну, значит всем нам необходимо *постигать власть*, изучать и осмысливать происходящие в ней процессы, измерять и оценивать характер и результаты функционирования определенных властных структур.

Однако в этом вопросе над нами (почти всеми!) прямо довлеет давно сформированный и активно воспроизводимый *стереотип* понимания власти как чего-то таинственного, сверхъестественного, надчеловеческого, доступного лишь

особым, выдающимся личностям. И хотя исторический опыт начисто опровергает такой стереотип, у нас ему упорно следуют. И в советский период, и сегодня немало было и есть «незаменимых» руководителей. В ряде субъектов Федерации они уже по 25 лет стоят во главе их. Особых успехов нет, но им гарантируются должности до смерти. В США более 200 лет действуют сроки ограничения пребывания в статусе губернаторов штатов, но у нас ввести подобный порядок никак не удастся. Как будто не понимается, что если один во главе чего-то много лет, то и весь аппарат власти *под ним* состоит из его ставленников и, логично, ему предан.

Я понимаю, *замкнутый круг*: модернизация власти зависит от самой власти. Тем не менее в демократическом государстве и обществе имеются правовые механизмы воздействия на власть (опять: всех видов). Главное, чтобы общество и каждый гражданин перестали быть *безразличными* к тому, что говорит и делает власть, наблюдали за ее словами и делами и сами помогали ей совершенствоваться. Ничто не происходит само собой, все требует усилий, продуманных, настойчивых и последовательных. В принципе *можно превращать власть в экономически рентабельную, компетентную и эффективную*. Этой проблемой занят весь мир и накоплен опыт ее решения. Пусть небольшой, но он имеется. Везде пытаются следить за государственным аппаратом, местным самоуправлением, бизнесом (от корпоративного до малого), общественными объединениями и партиями.

4. *Государственный суверенитет*. За XX в. транснациональный капитал немало «поработал» над тем, чтобы размыть, дискредитировать, свести на нет государственный суверенитет. Именно богатыми, прежде всего представителями монополий, была обоснована идеология космополитизма (граждан мира). Преуспели в этом направлении и классики социализма, которые в целях объединения пролетариата (бедных) выдвинули концепцию пролетарского (социалистического) интернационализма. И тот и другой подход, правда с разных сторон, был связан с борьбой против государственности, но, как ни странно, *почему-то именно против государственности* Российской империи и Советского Союза. Стоило бы задуматься, но кто у нас хочет этим заниматься? Для сравнения: внут-

ри США, для собственного «потребления», ни одна из этих «больших» идей не получила поддержки и распространения. По отношению к другим — да, все только об этом и пишут, но по отношению к себе — нет.

Сегодня работает в какой-то мере синтез этих идей под маркой глобализации, информатизации, технологизации. Естественно, что научное мышление должно исходить из объективных событий, процессов и закономерностей. Мир на самом деле активно интегрируется, превращается в целостную систему. Но и в таких условиях никто не отменял государственный суверенитет, который, как писал еще в 1903 г. приват-доцент Демидовского юридического лица, не только является исторической категорией, но и характеризует собой и ныне юридическую природу государственного властвования и представляет собой необходимый критерий, дающий возможность отличать государство от других публично-правовых союзов и отличать сферу властвования каждого государства как субъекта суверенной власти в пределах своей территории от сферы власти других государств¹.

Причем, что приходится постоянно подчеркивать, имеется в виду государство как *триединство территории, населения и власти*. Иначе суверенитет можно сводить лишь к власти, что и сотворили у нас авторы суверенной демократии. Получилось, что суверенность сводится к самостоятельности выбора способа властвования, а что происходит на территории с ресурсами страны, как живет наш многонациональный народ, вроде бы суверенитета не касается. Нельзя попутно не отметить, что приращение демократии эпитетов показывает, что с ней самой что-то не в порядке. Достаточно вспомнить конституционную демократию, христианскую демократию, либеральную демократию, социалистическую демократию, свободную демократию и т. д., которые всегда выражали интересы определенных групп в рамках демократии.

Государственный суверенитет шире любого механизма демократии, поскольку выражает *самостоятельность, независимость и верховенство жизнедеятельности населения на своей территории*, другим словом, его *свободу, достоинство и*

¹ См.: Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1903. С. 586.

равноправие. В этом направлении все субъекты власти-управления и управляемые объекты обладают большим простором деятельности и несут важные обязательства перед страной и ее будущим. Вряд ли стоит об этом когда-либо и кому-либо забывать. Можно сотрудничать везде и со всеми, но хранить как зеницу ока свой государственный суверенитет.

5. *Национальная безопасность*. За свою историю Россия провела около тысячи войн, в которых ей приходилось защищать свою мирную жизнь. К сожалению, и в XXI в., ничего особо не изменилось: интеграция идет параллельно и взаимосвязанно с конкуренцией национальных интересов. Власть ни одного государства, тем более крупного, не отказалась от разведки, информационных провокаций, экономических диверсий, идеологического и культурного прессинга и других форм и каналов проникновения в чужую жизнедеятельность, и, разумеется, нашу.

Здесь нет ничего нового, необычного, экстраординарного — это реалии вековых международных и сугубо межгосударственных отношений. Только мы в пылу какой-то эйфории «вселенской» любви, дружбы, милосердия или еще чего-то провозглашаем иллюзорные лозунги типа «мир — народам», «общечеловеческие ценности», «Европа — единый дом» и т. п., а потом пожинаем их горькие плоды. И разрушив своими руками собственную систему национальной безопасности, через некоторое время начинаем ее восстанавливать при больших затратах ресурсов.

Национальная безопасность всегда имеет *два* взаимосвязанных проявления: *внутреннее и внешнее*. Хотя внешнее все-таки зависит от внутреннего. Когда страна представляет собой *патриотическую целостность*, сплочена, придерживается общих идеалов, ценностей и целей, *органична* во всех своих параметрах, тогда легче решать вопросы внешней безопасности, которые не всегда зависят от нас. Современное геополитическое и геоэкономическое положение России простое. Стоит посмотреть на карту мира, чтобы это понимать без лишних объяснений. Поэтому любая управленческая система и ее составные части не могут у себя и вокруг себя не просматривать условия и факторы, обеспечивающие национальную безопасность. Не надо только полагать, что, мол, нас такая

проблема не касается, а дело это — государственного аппарата и его спецслужб. Нет, национальная безопасность является *тем параметром*, который сохраняет нашу жизнь, имущество, благополучие и будущее. Ведь всегда могут быть люди, которые способны и желают принести вред любому из нас¹.

Думается, что если мы все же проникнемся актуальностью и важностью названных явлений, то в целом возрастет и нравственность управления. По крайней мере, всегда можно применить данную «*шкалу координат*» и убедительно сказать, *кто есть кто*.

* * *

Таким образом, прежде чем браться кому-либо или когда-либо за управление (формировать и реализовывать управляющие воздействия), следует приобрести соответствующие знания, накопить опыт, обогатиться информацией, освоить право, проникнуться нравственностью. И лишь затем уже вступать на тропу управления и вести за собой людей.

¹ См.: Международная безопасность в условиях глобализации. М., 2007.

Раздел III

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ (практика)

Этот раздел имеет в основном *технологический* характер и тем самым по отношению к объему книги является весьма кратким. Причина такого похода объясняется следующим образом. На тему осуществления управления, понимаемого в большинстве как процесс подготовки, принятия и исполнения управленческих решений, а в ряде случаев — и проведения управленческих действий, создана обширная научная литература, причем и отечественная, и зарубежная. Многие названия публикаций содержатся и в прилагаемом списке, и каждый может их изучить. Немало по данным вопросам написано и мною, и мне бы не хотелось повторять то, что уже *было сказано*. И главное, практически все люди в течение своей жизни, и прежде всего, разумеется, субъекты власти-управления, постоянно принимают какие-то управленческие решения (даже для себя в пределах самоуправления) и в общем-то знают, *как и почему* их принимают, *каким* способом исполняют *и что* из этого получается. Предложить что-то новое здесь весьма сложно, поскольку порой навыки, привычки, опыт, интуиция, эмоции и т. д. превалируют над логическим просчетом, рационализмом, поиском вариантов, моделированием либо научной методологией. Жизнь заполнена управленческими решениями, хотя не все могут объяснить, чем они руководствуются при их принятии и доведении до исполнения.

Основное внимание считаю необходимо сосредоточить на *результатах* управления и определении их *эффективности*. Здесь наше слабое, уязвимое место, ибо при принятии управленческих решений у нас многие — орлы, а при подведении итогов превращаются в «мокрых куриц» которые ни за что не могут ответить. И лишь затем, опираясь на анализ результатов и эффективности осуществления управления,

показать реальные и массовые источники и факторы развития управления.

Очерк 11. УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ (формы и содержание)

Думаю, что все знают либо чувствуют, что управленческие решения представляют собой *продукт сознания*, как разума, так и эмоций. Какие бы потребности человек ни испытывал, какие бы интересы ни преследовал, какими бы идеалами, ценностями и целями ни руководствовался, он все равно это «пропускает» через свое сознание и внутри него делает *выбор* из множества возможных вариантов мышления, поведения и деятельности. Только в нашей российской практике могут быть управленческие решения, о которых потом говорят: «да получилось случайно», «не подумали», знаменитое «хотели как лучше, получилось как всегда», «не досмотрели», «бес попутал» или еще что-то извинительное, требующее прощения. На самом деле, если подобное бывает, значит *так* срывает сознание и за него надо отвечать.

Говоря кратко, управленческое решение является сложным *социально-интеллектуально-волевым образованием*. Это, естественно, *логический акт*, выражение мысленного процесса, проявление разума, продукт сознания конкретных людей. Оно всегда и одновременно *волевой акт*, поскольку подразумевает четкую нацеленность на определенные результаты и усилия для того, чтобы такой результат реально состоялся (был создан). А поскольку в абсолютном большинстве оно адресовано *другим людям* (или их структурам) либо связано с ними и заставляет их на него ориентироваться, то управленческое решение олицетворяет собой и *социальный акт*.

Управленческие решения можно (и следует!) анализировать, оценивать и характеризовать по разным аспектам:

мировоззренческому, при котором управленческое решение рассматривается как сплав знаний и опыта, мыслей и чувств, представлений и ценностей, выражающих глубинные основы человека или соответствующего субъекта власти;

идеологическому (совпадающему с телеологическим), где выделяется целенаправленность, проявление интересов и

идеалов субъектов власти или их (что вполне возможно) управляемых объектов;

информационному, раскрывающему объем и содержание сосредоточенной в управленческом решении констатирующей и директивной информации;

юридическому — как комплексу используемых или вновь формируемых правовых норм (обязательных установлений);

педагогическому, показывающему, как содержание и целенаправленность управленческого решения могут и будут влиять на людей, отражаться в их сознании и вызывать у них нравственные чувства;

как *форма управленческой деятельности*, посредством которой получает внешнее выражение (объективную фиксацию) умственный и физический труд персонала субъектов власти-управления;

лингвистическому, при котором содержание управленческого решения описано с использованием адекватных понятий, терминов, слов, их построений и конструкций четким литературным языком, в том числе государственным.

В центре внимания управленческого решения всегда находятся *управляющие воздействия*, т. е. целеполагающее, организующе-регулирующее влияние субъектов власти-управления на управляемые объекты либо на нижестоящие, подчиненные иные субъекты управления, которые объективно необходимы для их сохранения либо обновления (модернизации). Такое управленческое решение обычно, традиционно образуется, из двух частей: *констатирующей* (аналитической, обосновывающей, оценивающей) части, в которой описываются состояния определенных явлений, отношений и процессов, выявленные интересы и цели в управлении, обстоятельства, факторы и причины, вызывающие надобность в управляющих воздействиях и т. д., и *постановляющей* (резолютивной, директивной, нормативной) части, в которой сосредоточиваются требования и установки, нормы и положения, актуальные действия и т. п., которые необходимо *исполнить* для перевода управленческой ситуации в новое состояние, в также указываются выделяемые ресурсы, варианты поведения и ответственные исполнители¹.

¹ См., напр.: Карданская Н.Л. Принятие управленческого решения: Учебник. М., 1999; Литвак Б.Г. Разработка управленческого решения:

Следует помнить, что *принятые* управленческие решения как бы *отпочковываются* от субъектов их принятия, приобретают *институциональный* характер и начинают самостоятельную жизнь. Многие управленческие решения нормативного свойства действуют десятилетиями, порой и тогда, когда их авторов давно уже нет на «должности», а то и в мире этом. Такая институциональность управленческих решений заставляет субъекты их принятия очень внимательно подходить к замыслам, содержанию, формам, используемым ресурсам, методам исполнения и другим элементам управленческих решений, которые способны проявляться только с течением времени и приводить к тем результатам, которые вначале (при принятии решения) вроде бы не предполагались, тем более, что решения готовили и принимали *одни*, а пользуются ими совсем *другие*, которые по их поводу обычно имеют свои интересы и свое мнение. Это и порождает постоянные отчуждения между субъектами власти-управления и массой людей, о чем подробно уже говорилось. Вопрос об управленческих решениях, если *перевести* его из формальных констатаций, которые, разумеется, являются их необходимой предпосылкой, в область *практического* социально-экономического, политического и духовно-культурного действия, является предельно актуальным для каждого и всех. Он — масштабен и многогранен, поэтому в предлагаемом очерке будет выделено лишь несколько его элементов. Об остальных надо читать и читать научную литературу и описания опыта, их осмысливать и постигать.

Инициация управленческих решений. Порой субъекты власти полагают, что без их непрерывных и «силовых» (подчиняющих) управленческих решений не может осуществляться жизнь, люди не знают, что делать, управляемые объекты не в состоянии реализовать свои функции и т. п. В известной мере (именно — мере) так оно и есть, тем более, что люди у нас за века авторитаризма к такому положению приучены. И нередко беспомощны в условиях свободы и не могут надлежаще пользоваться своими правами. Это надо преодолевать, и речь должна идти об *объективно необходимой, жизненной гетерминированной* (обусловленной) инициации управленческих

решений. Решения нужны тогда, когда действительно возникают *управленческие ситуации*, т. е. такие взаимоотношения, поведение и деятельность людей, какие не могут быть упорядочены, налажены, осуществлены либо усовершенствованы *помимо* управляющих воздействий соответствующих субъектов управления. Тем самым инициация управленческих решений призвана проходить по весомым причинам и основаниям, вызываться реальными обстоятельствами и осуществляться *ответственно*. Иначе в управленческие системы вводится много шумов, пустой активности, неэффективных усилий («много шума из ничего»).

Естественно, что самым сильным и объективным импульсом для быстрого и неотложного применения управленческих решений выступает прежде всего *экстремальная (чрезвычайная)* ситуация, в которую попадает человеческая жизнедеятельность. Это природные катаклизмы (землетрясения, наводнения, пожары, извержения вулканов, резкие перепады температур, космические влияния и т. д.), различные технические и технологические аварии и катастрофы, которых в нашу техногенную эпоху становится все больше; обширные общественные конфликты, потрясения, негативные проявления (массовые и групповые беспорядки, вооруженные нападения, терроризм); эпидемии и эпизоотии, блокирование опасных производств и многое другое. Особенность таких ситуаций, *мгновенно* превращающихся в управленческие, состоит в том, что они возникают внезапно, неожиданно, сопровождаются человеческими жертвами, разрушением сооружений и технических средств, огромными экономическими потерями (о которых часто забывают), угрозой расширения, иными тяжелыми, вплоть до психологических, последствиями.

Здесь все субъекты управления и подведомственные им управляемые объекты призваны действовать *оперативно, энергично*, по заранее подготовленным и отработанным *моделям* (технологиям), умело охватывать своими управленческими решениями возможные варианты углубления и распространения бедствия. Как правило, субъекты управления, исходя из технологий управляемой ими производственной деятельности, *обязаны знать и держать под контролем источники и факторы* возможной опасности, пытаться предвидеть и об-

наруживать слабые или потенциально слабые места, иметь продуманные и экспериментально проверенные варианты управленческих решений и действий на случай теоретически предполагаемых происшествий. Как укоренилось в народной памяти, «мы не знаем, когда придет беда, но всегда должны быть к ней готовы».

Следующим импульсом, который также предельно актуален для инициации управленческих решений, является возникновение *конфликтной ситуации*. Суть ее заключается в наращивании противоречий, столкновении интересов, борьбе амбиций и т. п., которые не могут разрешить *сами и самостоятельно* участники соответствующих отношений. Это: забастовки, акции протеста, голодовки, пикеты, групповые обращения с недовольством по поводу тех или иных явлений, ссоры и скандалы в коллективах людей, другие социально-психологические напряжения, подрывающие ритм работы и состояние управленческих систем. Конфликтные ситуации вызревают подспудно, медленно, локально и только со временем дают о себе знать. На нарастании конфликтов обычно сказываются несправедливость, пренебрежительное отношение к нуждам и жизни людей, неуважение других, иные действия снобистского характера, особенно субъектов власти-управления, и т. д. Может быть, и парадоксально, но распространение информации, активизация и публичность борьбы за права человека, движение к демократии и свободе, широкие миграции и другие современные обстоятельства *стимулируют* возникновение конфликтов. Люди все менее хотят мириться со своим жалким положением подневольного работника.

В настоящее время развивается научное знание, охватываемое понятием «конфликтология», и каждому представителю субъектов управления надо бы с ним ознакомиться и использовать в своей практике¹. Скажу лишь, что есть несколько вопросов, на которые стоит обратить внимание:

1) *описание* конфликта: его мотивы, источники, масштабы, степень остроты, интенсивность, глубина, участники, способы ведения конфликтных действий и т. д.;

¹ См.: Рубин Д., Пруйт Д., Ким Х.С. Социальный конфликт: эскалация, тупик, разрешение. М., 2002; Уткин Э.А. Конфликтология: теория и практика. М., 1999; Зайцев А.К. Социальный конфликт. М., 2000 и др.

2) *сущностные характеристики* конфликта: его причины, объективные и субъективные аспекты, функции, стадийность, системные взаимосвязи с другими явлениями, внутренние и внешние «подпитки», вариантность эскалации или затухания, схемы развития, фоновые обстоятельства, речедивность, видимые и латентные течения и т. д.;

3) *обнаружение и устранение причин* противоречий, локализация конфликта и придание ему законных форм, ограничение его позитивным направлением, формирование гарантий преодоления конфликта и недопущения его в будущем. В общем конфликт — это реальность общественной жизнедеятельности, и приходится учиться им управлять.

Важное значение в качестве импульса инициации управленческих решений имеет *проблемная ситуация*. Это наиболее часто встречающийся импульс, ибо проблемная ситуация порождается *диалектикой жизни*, закономерностями движений, развития, перемен, извечным противоречием между стабильностью и изменчивостью, между отживающим и рождающимся, между старым и новым. Данная ситуация не обладает непосредственно побудительным, «давящим» свойством; она даже длительное время может не замечаться, недооцениваться, игнорироваться. В ней *все зависит от субъектов управления*: а) от того, какими идеалами, ценностями, целями, представлениями и мотивами они руководствуются сами (если им многое безразлично, то так же они будут относиться и к проблеме, и к ее импульсам); б) от действия признанных критериев, стандартов и показателей, достоверно измеряющих состояние и уровень функционирования управляемых объектов; в) от профессиональной подготовленности и добросовестности персонала субъектов управления, который знает, что и как должно быть в соответствующих видах деятельности; г) от наличия, скажем так, контрольных механизмов, публичного анализа, сравнений, ориентации на лучшее, конкуренции и т. д. Не сама проблемная ситуация иницирует управленческие решения, а *отношение к ней*. Если жить по стереотипу «пока гром не грянет, мужик не перекрестится», то можно проходить мимо проблемных ситуаций, что у нас и имеет место давно и с завидным упорством. Это почти все понимают, а вот выводов особо не видно.

Немало импульсов для инициации управленческих решений создают *обращения граждан*, их групп, коллективов, объединений, а также *выступления средств массовой информации*. По смыслу демократии, Конституции РФ и правовому регулированию, все субъекты управления обязаны реагировать на потребности и интересы людей, защищать их правовые статусы и помогать в решении их социально-экономических проблем. Все упирается в их желание и готовность. Здесь пока положение не очень благоприятное. Только к Президенту РФ адресуется в год около миллиона обращений граждан.

Наряду с инициацией управленческих решений, определяемой состоянием, поведением и запросами управляемых объектов (о чем шла речь), большое место занимают и импульсы, исходящие от *вышестоящих субъектов власти-управления*. Это — нормы законодательных и иных правовых актов, которые устанавливают обязательные правила ведения управленческих и общественных дел и требуют их соблюдения. Это обязательные указания вышестоящих по отношению к ним и субординированных с ними субъектов власти-управления. По всем принципам управления директивная управленческая информация должна восприниматься адресными субъектами управления (теми, кому она предназначена) и вызывать с их стороны необходимые управленческие решения по ее претворению в жизнь. Это, наконец, факты, отношения, события, состояния и прочее, выявляемые в процессах *контроля* и требующие своевременной и адекватной реакции. Контроль в управлении есть *обратная связь* по отношению к управленческим решениям, и он должен осуществляться постоянно.

Социальные смыслы управленческих решений. Как уже отмечалось не раз, управление (всех видов) *органично включено* в поддержание и воспроизводство человеческой жизнедеятельности. Это означает, что каждое управленческое решение (стратегического масштаба или индивидуальное) призвано исходить из такой жизнедеятельности и направлять ее к *лучшему, более совершенному осуществлению*. Сегодня почти не употребляется понятие «прогресс» — позитивное, качественное развитие, но если подобное имеет место, то оно означает, что мы *потеряли* всякие горизонты и всего лишь мельтешим

в повседневных делах. Тогда роль управления ограничена и низка.

С точки зрения *общего требования*, социальные смыслы управленческих решений в своей совокупности представляют собой отражение, использование и воплощение в практике *исторического предначертания* человечества, хотя, к сожалению, мы не знаем какого, выражение глубинных основ и перспектив его существования. История здесь не содержит ответов, тем не менее каждые новые поколения ведут упорную борьбу за Добро, Красоту и Истину. Нет человека, даже самого малоразвитого, который не задумывался бы над тем, *почему мы живем, что творим, каково содержание и объективные результаты нашей жизнедеятельности*. Кто-то больше, кто-то меньше. Но понять хочется!

Естественно, что все, что человек знает, думает, желает, он *вкладывает* в управленческие решения, по которым и можно судить о том, какой этот человек. И когда мы с такой позиции обращаемся к управленческим решениям наших субъектов власти-управления, то ли в истории, то ли сегодня, то в них (что бы об этом ни говорилось), мы видим их *реальные мысли и чувства*, потребности и интересы, намерения и устремления. При нынешнем все перекрывающем рефрене «зашиби, достань денюгу», а затем «с ней гульни, оттянись» трудно надеяться на то, что в управленческих решениях появятся благородные мысли и чувства. Мы в обществе почему-то не замечаем, насколько почти все кругом измельчало, стало *низменным и пошлым*, а потом диву даемся от того, как мыслят и поступают субъекты власти-управления. Они ведь тоже люди, которые «питаются» *соками общества*. Бесспорно, они должны быть птицами высокого полета. Но где найти необходимых птиц? Понимание подлинного смысла сущности и перспектив развития нашей жизнедеятельности, которую модно обозначать понятием «цивилизация», остается большой проблемой. Надо хоть чуть-чуть прогнозировать, куда и зачем мы движемся, а уже на этой основе принимать конкретные управленческие решения.

По крайней мере, для каждого субъекта власти-управления в центре его внимания не могут не стоять следующие явления.

1. Состояние и закономерности *тех управляемых объектов*, которые входят в соответствующие управленческие системы. Производство материальных и духовных продуктов и социальных условий жизни, о чем уже говорилось в самом начале, осуществляется в определенных географических, почвенно-климатических и технико-технологических условиях. Конечно, не каждый субъект управления здесь все знает, но он должен все-таки представлять, что такое труд шахтера, металлурга, промысловика, дальнобойщика, повара, учителя, врача и т. д. и т. п., а не выступать, как часто бывает, поучающим дилетантом. В настоящее время именно состояние и материально-финансовое обеспечение управляемых объектов является самой уязвимой стороной России. За годы приватизации их хорошо пограбили, и теперь приходится многие из них восстанавливать. Даже многие объекты оборонно-стратегического уровня были приведены в негодность. Над управляемыми объектами пролетел инициированный нашими властями-предержащими страшный *разрушительный смерч*. За двадцать с лишним лет в мире виды (технологии) производственной деятельности и услуг ушли далеко *вперед*, предельно обновились, и очень важно нам, чтобы восстановление старых и создание новых управляемых объектов происходило с учетом *того уровня*, на котором находятся родственные (по профилю) управляемые объекты в самых высокоразвитых странах. Хочу особо подчеркнуть, что в данном аспекте самое главное заключается даже не в технико-технологическом «срезе», а в *подготовке и профессионализме людей*. Здесь все больше чувствуется «ахиллесова пята»: люди плохо используют купленные технологии и еще хуже создают, хотя возможность для субъектов власти-управления огромны, но не очень видно, чтобы они стремились их использовать. Чуть ли не везде нужна «подгонялка».

2. В свободном обществе, к которому мы все-таки потихонечку движемся, все большее значение приобретают инициатива, самостоятельность, самоуправление, личная ответственность и другие ценностные явления. В таких условиях значительной *автономизации личностей*, их структур и деятельности (в бизнесе, частной и общественной жизни и т. п.) перед субъектами власти-управления стоит сложная проблема

определения *реальных потребностей* разного рода управляемых объектов и нижестоящих субъектов управления в их *управляющих воздействиях*. Здесь в большинстве мы находимся в глубочайшем противоречии: много говорится и пишется о свободе мышления, поведения и деятельности человека и гражданина, но тут же, причем почти по всем линиям, идет «закручивание гаек». И чаще всего как раз *невпопад* ограничивают и запрещают не там и не то, что нужно. Всем известно, что дело не в детализации правового регулирования, не в создании все новых и новых законов, не в суровости санкций и т. п., а в реальной возможности *достижения исполняемости* предлагаемых правовых (шире: социальных) норм (правил) и иных установлений. Если они не соответствуют потребностям и интересам людей, ими не воспринимаются и отторгаются, то практически нельзя создать достаточные контрольные механизмы. Над каждым контролером надо ставить еще контролера, и так до бесконечности, ибо самого «высшего» контролера тоже необходимо контролировать.

Между тем в огромнейшем числе случаев субъекты власти-управления не затрудняют себя познанием управляемых объектов и выделением того, *что же им нужно от них*, какие они ожидают управляющие воздействия, которые могли бы им реально помочь, подсказать, направить, сориентировать, перевести в новое, лучшее состояние. Редко в каких управленческих решениях можно сыскать социальный смысл, который бы их заинтересовал, заставил его усвоить и использовать в своей жизни. Традиционно от «начальства» ждут не доброты, заботы, мудрости, а какого-то подвода, ухудшения состояния, нового взыска, ограничения и еще чего-то, что лишало бы людей спокойствия, уверенности, надежности в своем существовании. Кстати, «начальства» в самой обширной иерархии — от бригадира, мастера до Правительства. А так управлять нельзя, ибо это мнимо-, квазиуправление, игра в него.

Святой долг любого субъекта власти-управления состоит в том, чтобы постоянно проводить аналитическую работу по отслеживанию состояния, перемен, тенденций и всего иного происходящего в управляемых объектах и своевременно вводить в них актуальные, необходимые и достаточные управляющие воздействия.

3. На социальные смыслы управленческих решений часто и негативно влияет *обманчивое мнение*, что вроде бы только один какой-то субъект управления управляет управляемыми объектами, находящимися в его ведении. Другие субъекты управления как бы не замечаются. В результате менеджмент «борется» с государственными органами; местное самоуправление тоже считает себя «независимым», субъекты общественного управления вообще претендуют на какой-то особый статус (некоторые из них полагают себя свободными даже от Конституции РФ). Все всем «мешают», каждый держит исключительно в своих руках «истину», модно конфликтовать, не признавать друг друга. Создается нередко ситуация, при которой люди во многих управляемых объектах и не знают, кого слушать, кому подчиняться, какие указания исполнять. И никто вроде не видит, что от подобной управленческой «метушни» *общий уровень управляемости* общественных явлений, отношений и процессов отнюдь не повышается.

Приходится вновь повторять, что все виды управления и, соответственно, их субъекты *объективно необходимы* и призваны согласовывать свои управляющие воздействия с тем, чтобы для управляемых объектов существовало четкое и понятное им *системно организованное управляющее поле*. Это означает, что каждый субъект управления, прежде чем принимать свои управленческие решения, должен вначале выявить и оценить, какие по отношению к конкретному управляемому объекту действуют в данный момент управляющие воздействия, как и насколько они соответствуют потребностям и интересам управляемых объектов и обеспечивают их функционирование. Вообще каждому субъекту управления следует иметь в своем распоряжении *«матрицу»* совокупности управляющих воздействий разных субъектов управления, которые в целом определяют его управляемые объекты, да и его собственный статус. Тогда действительно можно будет принимать не надуманные, «пустые» управленческие решения, а всесторонне просчитанные, жизненно необходимые и востребованные управляемыми объектами. Это — предпосылка избежания параллелизма, дублирования, наложения или пробелов, отсутствия там, где нужно, управляющих воздействий.

4. Если субъекты управления хотят на самом деле управлять (а не создавать иллюзии этого), то социальные смыслы, которые они вкладывают в свои управленческие решения, должны быть надежно и вполне *обеспечены ресурсами*. Обычно необходимых ресурсов много: знания, опыт, право, материальные, финансовые, организационные, информационные, стимулирующие и т. д. — надо только, чтобы управляемые объекты видели и ощущали, что они в *наличии* и применяются практически. А то у нас нередко управленческие решения пестрят призывами, намерениями, обещаниями, желаниями, концепциями и еще чем-то, что, как правило, никогда не выполняется. До сих пор *смешиваются* политика, идеология, пропаганда, агитация, объяснения, разъяснения, «планов громадьё» и управление как реальное направление сознания, поведения и деятельности людей на достижение четко обозначенных целей (задач, проектов, видов работ и т. д.), получающих реализацию в определенных объективно выражаемых *результатах*. Результаты же в основе своей зависят от ресурсов (любого рода). Нельзя забывать и о том, что всякие игры в управление разочаровывают людей в нем и приводят к тому, что потом даже объективно обусловленные, субъективно обоснованные и социально эффективные управленческие решения воспринимаются скептически, без внимания и веры в них, а то и вообще отторгаются.

5. Свои социальные смыслы управленческие решения реализуют тогда, когда они превращаются в управляющие воздействия, которые *реально влияют* на управляемые объекты. Именно реальность, создания объективными результатами, позволяет, по принципу обратной связи, видеть, раскрывать и оценивать предназначение и содержание управленческих решений. Иначе можно до бесконечности творить из одних решений другие, поражать публику масштабами и эрудицией мышления, но ничего не доводить до практики. В этом отношении и для этого очень важна правильная иерархическая организация управленческих систем (особенно крупных, больших) и их вертикальных и горизонтальных взаимодействий между собой. Дело не только в мудрости «верхов», но и в том, чтобы «низы» осознавали, понимали и использовали эту мудрость. Говорю об этом потому, что у нас не только

плохие решения не исполняются, но и к *выдающимся* порой пренебрежительное отношение. За многим плохим не замечается и многое хорошее.

В подобных условиях весьма актуально следующее:

последовательная *субординация* управленческих решений, вследствие которой управляющие воздействия, созданные на высших уровнях сложно организованных субъектов управления, проходили бы через их вертикальные и горизонтальные звенья и адекватно воспринимались управляемыми объектами;

осуществление в процессах исполнения вышестоящих управленческих решений такой *дифференциации и конкретизации* управляющих воздействий, которая бы не утрачивала их социального смысла, но была приспособлена к потребностям и особенностям каждого управляемого объекта;

создание в низовых структурах сложно организованных субъектов управления достаточно плотной и прочной *взаимосвязи* между ними и управляемыми объектами, что предполагает обоснованное распределение управленческого потенциала субъектов управления.

В общем создание и реализация социальных смыслов управленческих решений представляет собой сложнейшую, прежде всего *интеллектуальную*, проблему, от исполнения которой зависит почти все в управлении: его обусловленность, обоснованность, рациональность, эффективность, авторитет, влияние и т. д.

Информационные качества управленческих решений. Данные качества управленческих решений подробно рассмотрены во II-ом разделе, очерк 8 «Информация и управление», и если кто забыл, то стоит вернуться и еще раз почитать. К сказанному, поэтому, хочу добавить лишь несколько мыслей.

Разумеется, люди имеют мнение об управленческих решениях исходя из той управленческой информации, которая в них содержится. И, естественно, ее читают, пытаются понять и соотнести как-то со своей жизнью. Они всегда хотят знать, из каких оснований делалось управленческое решение, что в нем скрыто и несет либо для конкретного человека, его коллектива, либо для страны в целом. К сожалению, очень часто и во многих управленческих решениях людям, обществу преподносятся лишь какие-то абстрактные выводы и ориентиры,

короткие выжимки и общие замыслы. И только по истечении длительного времени, когда многое уже стало историей, люди узнают о том, что *на самом деле* эти решения содержали иной контекст и привели к совсем другим результатам, чем в них провозглашались. Никто еще не объяснил, почему и как принимались властно-управленческие решения М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина и по какой причине они привели к тому, к чему *реально* привели. То ли в области национальной безопасности, когда страна разоружилась по собственной инициативе и теперь все удивляются ее наивности; то ли в состоянии той или иной территории; либо в уровне жизнедеятельности тех или иных групп населения. А потом идет вселенский и дилетантский крик о прошлом, вне всякого научного анализа и оценки.

Если взять за основу *совокупное влияние* управленческих решений на судьбу страны и жизнедеятельность большинства ее населения, то можно почти безошибочно сказать, что субъекты власти-управления в большинстве *игнорируют* условия и факторы, источники и ресурсы придания им *надлежащих информационных качеств*. Они *не хотят* или *не могут* в одном аспекте — к прошлому или сегодняшнему — честно и полно *отражать* объективную действительность. Было бы по другому, нас бы меньше обманывали и мы бы сами меньше заблуждались, причем по любым вопросам. А в другом — не стремятся *использовать* имеющуюся информацию, в том числе научную, для *вариантного* предвидения, прогнозирования, программирования, проектирования и планирования нашего *будущего*, разумеется, для каждого субъекта власти-управления в рамках его управленческой системы. Из-за этого получается, что по многим направлениям развития мы «просыпаемся поздно» и делаем что-то назревшее впопыхах и не всегда надежно и эффективно. Надо *много-много думать* и уже тщательно выверенные умозаключения вкладывать в управленческие решения.

Правовые характеристики управленческих решений. Конституция РФ, как уже отмечалось, провозгласила наше государство правовым (ст. 1), и следовательно, любое управленческое решение, каким бы оно ни было актуальным и насыщенным по управляющим воздействиям, должно всегда ориентироваться на действующее правовое регулирование

и ему соответствовать. Это в наше время *первый признак* цивилизованности, при которой право уважается и практически действует (подробно об этом было сказано в разделе II, очерк 9). Исходя из такой посылки (универсальной для всего мира!), при принятии и реализации управленческих решений, а также в самом их тексте (содержании) необходимо соблюдать предъявляемые к ним *правовые требования*.

Первое: управленческие решения, кем бы, когда бы и по какому бы поводу ни принимались, призваны нести в себе и утверждать в жизни *ценность права*. За свою длительную историю произвола, волюнтаризма, властного самодурства, повсеместного забвения права мы настолько изуверились, что большинству кажется странной сама постановка такого вопроса. Любой скажет: разве можно сыскать примеры, свидетельствующие о том, что наши власть предержащие следовали прямым нормам законов, а уж тем более каким-то там ценностям права? Да, это верно, так было и так есть. Однако это вовсе не значит, что так должно быть. Если мы не возвысим авторитет и роль права, то так и останемся теми, кто знает только насилие и ему подчиняется. Пора все-таки сделать какой-то *выбор*, и не на словах, а на деле, и он *за нами*.

Второе: управленческие решения любых видов субъектов управления следует принимать *на основе законов*, в соответствии с их духом и буквой, во имя практического исполнения законов. Режим законности имеет большое значение для управления, поскольку он является одной из гарантий практической реализации управленческих решений. Это своего рода «мост» между законодательством и правопорядком, т. е. системой стабильных правовых институтов и отношений, существующих в государстве, обществе, между людьми, которая обеспечивает их потребности, интересы и цели. Три правовых явления — *закон, законность и правопорядок* — создают в совокупности ту систему жизни, в которой управленческие решения и отражают ее смыслы, и обеспечивают их развитие.

Третье: в соответствии с правовым регулированием каждый субъект власти-управления может и действует в направлении и рамках его *юрисдикции*, т. е. объема правовых возможностей по отношению к людям и ресурсам, находящимся в самом субъекте управления либо в подлежащих его ведению

управляемых объектах. В органах государственной власти и местного самоуправления их юрисдикция характеризуется посредством понятия «компетенция» (юридического описания совокупности управленческих функций и полномочий органа). В гражданско-правовых отношениях юрисдикция зависит от *право- (де-) способности* юридического и физического лица. Каждый субъект управления должен знать и строго следовать своей юрисдикции при принятии и исполнении своих управленческих решений.

Четвертое: в упорядоченном обществе, в котором устойчивы правовые статусы и юрисдикционные параметры участников различных видов отношений, компетенция, правоспособность, уставная возможность, права и свободы субъектов управления осуществляются в обозначенной для них *правовой форме*. Этим достигается соответствие управленческих решений юрисдикции субъектов управления, а сама правовая форма свидетельствует о юридическом потенциале конкретных управленческих решений. Многими нормативными правовыми актами, начиная с Конституции Российской Федерации, установлено, какие субъекты власти-управления и в каких правовых формах обязаны осуществлять свою юрисдикцию. Соблюдение правовых форм превращает управленческие решения в соответствующие *правовые акты*: законы, указы, постановления, распоряжения, приказы, инструкции и т. д.

Пятое: в институциональных субъектах власти-управления их управленческие решения принимаются в установленном *правовом порядке*, с использованием рациональных технологий, что и позволяет добиваться их актуальности, достоверности и необходимой управляющей силы. Соблюдение правовых процедур (административных регламентов) связано с юридическими качествами управленческих решений и влияет на них. В правовых статусах многих субъектов управления описаны организационно-правовые процедуры реализации их юрисдикции, предусмотрены и способы контроля за их использованием.

Шестое: управленческие решения тогда приобретают законную форму и все свои управляющие качества, когда они получают установленные *юридические реквизиты*. К ним, в частности, относятся:

исполнение текста документа на бланке (в том числе при использовании компьютера), на котором содержатся наименование, природа и принадлежность субъекта управления (его правовой статус);

оформление подписей и виз лиц, ответственных за подготовку и принятие соответствующего управленческого решения;

указание даты, фиксирующей время издания и порядковый номера управленческого решения;

скрепление управленческого решения печатью субъекта управления и запись его в книгу исходящих документов.

Все это для многих «начальников» кажется мелочью, на которую даже не стоит обращать внимания, но такая мелочь порой творит далеко идущие последствия (документы подделывают, им специально придают извращенное содержание, фальсифицируют и т. д.).

Седьмое: в современном обществе управленческие решения должны приобретать *гласный, публичный характер*, становиться доступными (известными) не только непосредственным исполнителям их, но и другим лицам и другим субъектам управления, заинтересованным коллективам, а то и всему обществу. Это обязательное требование в демократическом правовом государстве, касающееся всех субъектов управления. Изъятие имеют лишь секретные управленческие решения.

Соблюдение стадий управленческого цикла. В функционировании субъектов управления все, что связано с управленческими решениями, занимает большой удельный вес. Они почти постоянно что-то делают по подготовке, принятию и реализации управленческих решений. Причем одни решения готовятся, другие — принимаются, третьи — исполняются, по четвертым — подводятся итоги, пятые — программируются, и так изо дня на день, потому что этого требует жизнь, и прежде всего конкретные управляемые объекты.

В процессе своего существования — от зарождения (инициации) идеи и до полного выполнения и замены другим — управленческое решение проходит ряд этапов, последовательных процедур, на которых по нему совершаются четко продуманные действия. Эти этапы, процедуры называются

стадиями управленческой деятельности, поскольку они охватывают и сугубо управленческие (организационные) действия (о чем следующий очерк). В совокупности и своей логике стадии образуют определенный кругооборот, который характеризуется как *управленческий цикл*. И если субъект управления хочет, чтобы в нем работа с управленческими решениями была упорядочена, отличалась рациональностью и эффективностью, то ему необходимо соблюдать предназначение, содержание и последовательность стадий управленческого цикла.

Разные авторы аргументируют разное количество стадий управленческого цикла: от четырех до десяти. В своих публикациях я настойчиво обосновываю семь стадий управленческого цикла, которые вынесены мною из собственной практики.

1. *Анализ и оценка управленческой ситуации*, служащие импульсом в инициации управленческого решения. Еще многие у нас как бы следуют девизу Юлия Цезаря «пришел, увидел, победил», забывая при этом, что Цезарь был один в истории, а сказанное им — лишь крылатые слова, что подтверждает факт его беспечной гибели. На самом деле познание любой управленческой ситуации образует очень сложный процесс, если стремиться к тому, чтобы вскрывать причины, движущие силы, механизмы и т. д., а не скользить по поверхности. Именно полнота постижения управленческой ситуации закладывает основы качеств и управляющего потенциала будущего управленческого решения, ориентированного на ее преобразование.

2. *Прогнозирование и моделирование необходимых (возможных) действий* по сохранению или обновлению управленческой ситуации. Разумеется, многое здесь предопределяется характером и состоянием управленческой ситуации. Поэтому приходится учитывать *ограничительные условия* и факторы (как объективные, так и субъективные); наличные и возможные материальные и финансовые ресурсы; «поле» и пределы действий, установленные законодательством; время, отведенное на работу с данной управленческой ситуацией; человеческий потенциал и многое иное. Однако главное — это *творческий подход*, поиск вариантов, выход на оптимальное решение, дающее комплексный результат.

3. *Разработка предполагаемых управленческих решений.* Эта стадия продолжает предыдущую, фиксирует сделанный и обоснованный выбор варианта управленческого решения и выражается в тщательном осмыслении проекта его содержания, конкретизации выделенных ресурсов, определении предполагаемых результатов, подборе исполнителей, планировании сроков и технологий деятельности и т. д. Обычно такая подготовительная, аналитическая и проектная работа осуществляется аппаратом субъектов управления, который и вносит свои предложения, идеи и предлагает модели руководящему звену. Рациональность данной стадии в значительной степени определяется тем, как в ней сотрудничают руководители и подчиненные, представители различных подразделений субъектов управления. Актуально и привлечение экспертов, общественности, заинтересованных лиц. Чем больше участвует специалистов в наполнении знаниями и опытом проектов управленческих решений, тем больше шансов на их мощный управляющий потенциал и последующее успешное исполнение.

4. *Обсуждение и принятие управленческих решений.* Это — самая ответственная и определяющая стадия, в которой управленческие решения приобретают заверченный вид (по всем своим качествам) и соответствующую юридическую силу (часть из них становится правовыми актами). Здесь важно, чтобы смысл, цели, содержание и обеспечивающие ресурсы, исполнители и сроки исполнения, соотношение констатирующей и постановляющей частей получили поддержку и одобрение всех участников данной стадии. Поэтому и обсуждение, и принятие управленческих решений, даже в случаях единоличного способа управления, должны проходить в открытой демократической процедуре, при возможности высказывать свое мнение и давать оценку с учетом позиций и возможностей заинтересованных сторон. Конечно, что у нас привычно, может доминировать волевой прессинг первого руководителя, которому остальные вынуждены подчиняться. В отдельных обстоятельствах, подобное может быть, но его постоянное действие, как показывает история даже небольшой управленческой системы, приводит не только к снижению обоснованности, рациональности и управляющей силы управленческих решений, но и парализует, по сути, все другие стадии управ-

ленческого цикла. Возникает безразличие как в подготовке, так и реализации управленческих решений (если начальник все знает, то будем делать только то, что он скажет).

5. *Исполнение принятых управленческих решений.* Одна из слабо отработанных стадий, ибо многим руководителям субъектов управления кажется, что главное — принять управленческое решение, а исполнено оно будет непременно. Большая наивность! Не исполняется масса управленческих решений, но их редко кто считает. Эта стадия включает в себя: своевременное оформление управленческих решений в виде документов со всеми необходимыми реквизитами; адресное доведение информации, содержащейся в решениях; обсуждение и согласование между исполнителем плана (проекта, программа, технологии) действий по реализации решения; осуществление актуальных и предметных практических действий по претворению в жизнь всего, что намечено в решениях.

6. *Контроль выполнения и оперативное информирование.* У нас почему-то считается, что контроль является действием, которое совершается при подведении итогов либо при прекращении исполнения управленческих решений. Из-за этого он часто бывает тогда, когда «поезд уже ушел» и изменить что-то нельзя. Между тем контроль имеет смысл лишь при выполнении им функции обратной связи, постоянно сигнализирующей о ходе и состоянии реализации управленческих решений. И он должен идти сразу же за началом исполнения управленческого решения и сопровождать его до снятия с контроля. При осуществлении контроля надо знать контролируемые параметры, которые характеризуют реальный вклад соответствующих явлений, отношений и процессов в жизнедеятельность людей (что-то полезное, актуальное, необходимое и т. д., а не формально-бюрократические показатели), а также находить критические точки, в которых наблюдаемые или преобразующие явления, отношения и процессы протекают трудно, противоречиво, неустойчиво, кризисно.

7. *Обобщение проведенной управленческой деятельности и оценка новой (результатирующей) управленческой ситуации.* Если мы приняли управленческое решение или их ряд, то

всегда следует знать, к чему же они привели, как изменилась иницилирующая управленческая ситуация. Целесообразно *определять*:

соответствие итогов реализации управленческого решения тем целям, заданиям, планам, установлениям и т. д., которые были в нем сформулированы;

реальное использование при его реализации тех форм, методов, средств, ресурсов, информации и т. д., которые были в нем намечены и предложены;

поступки и действия исполнителей, благодаря которым получен соответствующий результат.

Управленческие решения имеют *системный* характер, но надо бы знать, что *каждое их них* привносит в развитие управляемых объектов и повышение уровня управляемости. Использование стадий управленческого цикла открывает такую возможность.

Иерархия управленческих решений. Все субъекты власти-управления в пределах своей юрисдикции сами, самостоятельно и по собственному усмотрению принимают и реализуют управленческие решения. В своевременных условиях, обстоятельствах и факторах (обширный международный обмен, многообразные формы собственности, предпринимательство, рыночные отношения, свободы и права людей, демократические механизмы управления и т. д. и т. п.) пределы юрисдикции весьма большие, и практически каждому субъекту управления позволяют рационально и эффективно управлять. Правда, не все и не всегда к этому стремятся, «ловкие» хотят не трудом и умом, а всякого рода обманом, мошенничеством, злоупотреблением, коррупцией и прочим подобными действиями побыстрее и побольше сорвать свой куш — «деньги правят бал».

Поэтому в упорядоченном и государственно организованном обществе субъекты власти-управления находятся в определенной иерархии. Их самостоятельность и свобода корректируются друг другом, что и оформляется посредством правового регулирования. Это — объективная необходимость, следование которой только и обеспечивает свободу и права всех, создает предпосылки целостности, суверенитета, безопасности, упорядоченности и развития общества. Как

показывает исторический опыт, особенно наш, весьма близкий по времени, *иного не дано*.

Соответственно иерархии и определенной правовой субординации субъектов власти-управления выстраивается и *иерархия управленческих решений*. Уже правовые статусы субъектов власти-управления создают для этого убедительные основания. Одно дело — субъекты управления, которые имеют своими управляемыми объектами комплексное развитие процессов на определенной территории — государственные органы и органы местного самоуправления, другое — те, которые реализуют локальные интересы: экономические, социальные, духовно-культурные, политические, информационные и т. д. *Целое* всегда должно превалировать над *особенным и единичным*, хотя оно состоит из них и ими поддерживается. Более того, как уже отмечалось, целое должно быть *целостным*, т. е. внутренне согласованным, ибо лишь в таком состоянии оно приобретает свой наибольший потенциал. Жаль, что наши ретивые «интеллигенты» разных мастей об этом постоянно забывают. Стремясь вроде бы к демократии и свободе, они своим эгоизмом их активно разрушают. Не понимают элементарной диалектики.

Основополагающее, исходное и регулирующее, место в иерархии управленческих решений занимает Конституция Российской Федерации 1993 г. Следует помнить, что конституция для любой страны является отражением и закреплением определенной системы общественных отношений, имеет *учредительный характер*, задает обществу целевую и ценностную структуру, закладывает в него как бы «генетический код», по которому оно призвано воспроизводиться и развиваться. Важно всегда учитывать, что «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации» (ст. 15). Это означает, что все без исключения управленческие решения любых субъектов власти-управления обязаны основываться на Конституции РФ и *соответствовать ее духу и букве*.

Второй уровень правового регулирования, равно обязательный для всех, образуют конституционные федеральные и федеральные законы, а в субъектах Федерации — их законы.

Все они в совокупности не должны противоречить друг другу, а наоборот, создавать целостную, системно организованную *законодательную базу* для всех управленческих решений всех субъектов власти-управления, в том числе и действующих в области предпринимательства (бизнеса).

По Конституции РФ обширную и принципиально актуальную для страны *нормативно-управленческую деятельность* осуществляет Президент РФ (см. ст. 80 — 92 Конституции РФ). Он — глава государства, Верховный Главнокомандующий ВС РФ, гарант Конституции РФ, определяет основные направления внутренней и внешней политики государства и выполняет много иных важнейших для страны функций. Естественно, что его акты (нормативные и индивидуальные) играют огромную определяющую роль в управлении делами государства и общества.

Далее по иерархии сверху вниз можно выделить следующие группы управленческих решений, как нормативного, так и индивидуального свойства:

управленческие решения *федерального значения*, в том числе общие федеральные нормативные акты, к которым относятся постановления и распоряжения Правительства РФ, а также некоторые акты министерств, федеральных агентств и служб, имеющие общенормативный характер по специальным вопросам их компетенции;

управленческие решения *глав и правительств* (администраций) субъектов Федерации, регулирующие многие управленческие явления, отношения и процессы на территории их;

так называемые *ведомственные* управленческие решения многообразных министерств, комитетов, агентств, служб, управлений, государственных корпораций и т. д., предназначенные для управления в пределах соответствующих управленческих систем (субъектов и объектов управления);

управленческие решения органов *местного самоуправления*, касающиеся жизнедеятельности муниципальных районов и муниципальных образований в рамках их правового статуса;

управленческие решения, принимаемые посредством разных форм *самоуправления*: сегодня таких решений становится все больше.

Таким образом в обществе по отношению к различным управленческим системам и их субъектам управления действует и постоянно принимается множество управленческих решений, которые в общем-то надо знать, понимать и из них отбирать то, что непосредственно относится к конкретной управленческой системе. Разумеется, что фиксация и анализ управленческих решений, «окружающих» и предопределяющих жизнедеятельность какой-либо управленческой системы, проблема сложная и трудоемкая. Но понятно, что чем будет лучшей обознанность в том *управляющем «поле»*, от которого зависит управленческая система, тем ее субъект управления будет совершать меньше ошибок, правонарушений, отклонений от требуемых стандартов и параметров. И здесь затраты, рассчитанные на длительную перспективу, обычно себя оправдывают: знание управляющего «поля» способствует рациональности управления.

Очерк 12. УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ (виды и значение)

В управлении, как уже было сказано, все осуществляется людьми (с имеющимися у них ресурсами) посредством их *действий*, т. е. практического направления и применения их умственного, эмоционального и физического потенциала. В управленческих решениях лишь олицетворяются (*внешне выражаются*) результаты уже выполненных действий и планы (программы), наметки предполагаемых. Собственно говоря, и методы, и стадии управленческой деятельности, и организационные формы управления, и технологии управления и многое иное также есть проявление определенных действий людей. Не случайно столь широко применяется понятие «*жизнедеятельность людей*» (человеческая жизнедеятельность, общественная жизнедеятельность, государственная жизнедеятельность и т. п.), означающая, что все в жизни людей может быть только благодаря их действиям — психофизиологической активности.

Многообразие направлений и способов жизнедеятельности людей предопределяет огромное количество действий, совершаемых людьми в соответствии со своими способностями, подготовленностью, профессионализмом и исполняемыми видами (технологиями) деятельности и социальных ролей. В таком контексте в управлении имеют место многие те же действия, которые присущи способу жизнедеятельности людей, называемому часто понятием «культура». Какова культура народа, так он и управляется. В то же время управление требует особых действий, совокупность которых обозначается термином «*управленческая деятельность*». Хочу еще раз напомнить основные черты управленческой деятельности, которые, естественно, влияют и на управленческие действия:

интеллектуальный характер, поскольку сама суть управления влечет за собой необходимость мышления, знаний, опыта, творчества, короче, вовлечения всего сознания людей;

теснейшая связанность с информацией, ибо само управление является и видом информации, и основано на информации, и содержит в себе информацию;

социально-психологическое явление, в котором широко выражены, в разных, конечно, пропорциях, социальные и психологические взаимосвязи людей. Здесь особо реализуется феномен воли;

коллективистская деятельность — в силу того, что и субъекты власти-управления, и управляемые объекты состоят из значительного числа людей, организованных определенным образом;

деятельность, которая по многим элементам и параметрам подлежит довольно подробному *правовому регулированию*.

Значит, когда речь идет об управленческих действиях, то очевидно, что в них всегда должны присутствовать основные черты управленческой деятельности. *Действие* представляет собой *единичное и практическое усилие человека* по достижению какой-либо цели, выполнению задачи, производству продукта, вызванных его потребностями и интересами. *Операция* — набор определенных действий, взаимосвязанно и последовательно выполняемых с целью получения искомого промежуточного или конечного результата — потребительской ценности. *Процедура* — это правила (нормы) осуществления действий и операций в разных видах человеческой жизнедеятельности, выработанные наукой либо практикой.

В управлении, которое характеризуется действиями, операциями, процедурами, направленными на формирование и реализацию управляющих воздействий, все эти явления приобретают новые — управленческие — свойства. Они призваны порождать(создавать) такой результат, который был бы способен влиять на сознание, поведение и деятельность других людей. Не просто подготовить и принять какое-то управленческое решение и получить от него моральное удовлетворение, а отчетливо понимать, что оно представляет собой не более чем *предпосылку*, ибо должно привести в движение, инициировать активность тех, кому оно адресовано.

Здесь вновь приходится обращаться к очень сложной проблеме, о которой много было сказано в первом разделе. Очевидные слабости управления часто возникают из-за того, что у нас управленческие действия *отождествляют* с действи-

ями в иных сферах и областях человеческой жизнедеятельности. Имеет место *упрощение* действий, что и снижает рациональность и эффективность управления, причем везде и на всех уровнях. Управление, что проходит красной нитью по всем очеркам, должно обладать *опережающим потенциалом*. Не ограничиваться какими-либо отдельными успехами, не довольствоваться достижениями чего-то по сравнению с чем-то, не упиваться прорывами на отдельных направлениях (что, безусловно, важно), а измерять все *по уровню и качеству жизнедеятельности всего населения на определенной территории*. Я всегда полагал и полагаю, что наши ресурсы позволяют нам иметь статистические показатели США, а образ жизни — более гуманный, нравственный и эстетический. Так что простор для движения вперед весьма и весьма большой.

Разумеется, что для этого нужен известный настрой, целенаправленное напряжение, подчинение всего и вся рациональности и эффективности управления. А тут приходится исходить из той ситуации, которая довольно быстро сложилась у нас в субъектах власти за совсем короткие годы демократических преобразований. Либерал-демократы, заполучив власть, сразу же принялись обогащаться и формировать вельможный статус своего существования. Место своего пребывания превратили в роскошные апартаменты, загородные дворцы, самые дорогие средства передвижения. Везде высший комфорт, нега, эстетическое наслаждение, гурманство, строго охраняемое от посторонних глаз. В результате управление у таких субъектов власти ушло куда-то на периферию, стало перепоручаться нижестоящим, а те — еще более низшим. Из управления *ушел стратегический подход*. Практически все виды субъектов власти поразила коррупция. Бизнес покупает в государственных и муниципальных органах необходимые ему управленческие решения, а представители названных органов охотно их продают. А потом они вместе обвиняют государство, т. е. нас — граждан, за творящиеся безобразия. Во второй половине своего президентства В.В. Путин начал потихонечку тормозить тех, кто правдой и неправдой сосредоточил в своих руках огромные ресурсы, и заставлять их что-то делать для страны.

Но уже успели возникнуть и укрепиться определенные стереотипы, атрибуты престижа, привычки, которые активно культивируются, пропагандируются и становятся образцами для подражания.

Поэтому если внимательно присмотреться к жизнедеятельности множества субъектов власти, то в ней подлинно управленческие действия занимают довольно мало места. Как сказано в одной газете, наш олигарх тратит на себя в месяц в среднем порядка 140 млн руб.¹, а такое потребление требует и сил, и времени, и внимания. Где уж тут до управления! Нетрудно представить себе и ту атмосферу, которая господствует в таком субъекте власти, и как она влияет на его аппарат и какие реально диктует действия. Потому-то при значительных в целом материально-финансовых ресурсах, и даже на душу населения, у нас медленно решаются вопросы должного обустройства территории, развития производительных сил и благополучия населения. Конечно, при подходе каждого очередного выборного года обильно обещают большие «прорывы», качественный рост, предельную заботу о человеке и прочие (здесь различие с временами руководства КПСС весьма незначительное). Но обычно и на всех уровнях субъектов власти после *занятия* искомым местом все продолжается в основном по-прежнему. Пролонгировавшие свое пребывание во властных креслах — дальше расширяют и многообразят свое богатство и способы его потребления. «Новички», пробившиеся во власть, сразу же устремляются вдогонку за «тяжеловесами», ведь стыдно и унижительно отличаться от них.

Я убежден, что подобное мирочувствование подавляющего числа субъектов власти, подчеркиваю, всех видов, является *главным препятствием* на пути рациональности, гармоничности и эффективности нашей частной и общественной жизнедеятельности. Когда нет стратегических целей, высоких мыслей, благородства чувства, искренней любви к Отечеству, то какие управленческие действия можно ожидать от субъектов власти? *Нажива* никогда не была и не может быть смыслом управления как общественного явления. Все великое всегда требует величия разума и души. *Мелкое порождает мелкое.*

¹ См.: Аргументы и факты. 2007. № 25. С. 46.

Поскольку управленческие действия направлены на обеспечение функционирования как самих субъектов власти, превращая их в субъекты управления, так и управляемых объектов, то для них обязательными ориентирами могут и должны быть:

умелое и продуктивное *соединение потенциала людей и ресурсов*, которое в каждом случае (отдельном, коллективном и массовом) соответствовало бы мировым стандартам, параметрам, технологиях и т. д. Здесь отделяться всякими сносками на то, что вот мы мол своеобразные, живем в какой-то «переходный период», имеем не такие, как у других условия либо факторы, по-иному мыслим и чувствуем, нельзя, ибо с точки зрения производства и его продуктов никому нет в мире снисхождения по поводу нашей уникальности. Будь уникален, но действуй на уровне и еще лучше;

осуществление любых действий (деятельности) в пределах *принятых норм, напряжений и результатов*. В какой бы мы ни жили общественно-политической и экономической системе (названий много и их еще придумают), это необходимо всегда — *производительность труда все определяет в обществе* и каждый обязан трудиться с полной отдачей своих способностей. Не просто делать что-то и как-нибудь, а вовремя, в должном количестве и качестве. А то, порой, наши законодатели спят месяцами, а на последних заседаниях принимают по десятку законов. Это что, работа?

определение и соблюдение адекватных современности *нормативов затрат (расхода)* времени, энергии, ресурсов, веществ, информации и т. д. на воспроизводственную и управленческую деятельность, с одной стороны, и *количества и качества получаемых материальных, социальных, духовных и чисто управленческих продуктов* — с другой. В этом вопросе у нас полная *запущенность*, поскольку, как и при социализме, живем в неизмеряемом затратно-растратном режиме. Не имеем понятия «цены» и ей не придаем значения. Штаты субъектов власти-управления не выдерживают никаких социально-экономических обоснований. Там, где один профессиональный управленец может быстро и качественно выполнить необходимую работу, содержатся десятки бескрылых, «серых» исполнителей, которые ходят друг за другом и не могут взять

в руки пера и написать страницу актуального текста. Зато в поездках, на приемах, форумах, презентациях, фуршетах, балах почти все необыкновенно активны. Совокупные издержки на управление огромны, однако продолжают *расти*. Даже в государственных корпорациях их руководящее звено получает в год по несколько миллионов долларов в качестве оплаты, без учета ресурсов их служебного обеспечения (офисы, автомашины, самолеты и т. д.)¹. Видимо, «гениальность» их необыкновенная, несравнимая с Президентом страны. Где же при таком подходе сыскать источники инвестиций? Здесь каких-либо ограничений не существует: барин сам себе хозяин. А под стать и по примеру барина относятся к проблеме затрат и все подчиненные;

установление и практическое применение *стимулов и санкций* за выполнение установленных норм действий (деятельности) и соблюдение нормативов расхода ресурсов и получаемого количества и качества результатов. У нас существует оплата труда (зарплата), которая в большинстве носит сугубо *формальный* характер. Как полагали в прошлом: «Мы делаем вид, что работаем, вы — что нам платите». *Вид* потому, что от стараний и таланта управленца оплата его усилий не зависит. *Стимулов*, связанных с личностными дарованиями, их развитием и применением, практически не имеется. Поощрения, вознаграждения не соотносятся с вкладом любого исполнителя, а определяются его «начальником». Более урегулирован лишь институт санкций (разных видов), но его применение часто упирается в ограниченные возможности контроля. Следует помнить, что не санкции, а именно стимулы иницируют, мобилизуют, развивают человеческую активность в силу их прямой связи со свободой.

Система элементов «нормы — нормативы — стимулы (санкции)», регулирующая действия людей с их ресурсами, актуальна для любой управленческой системы, и особенно для их субъектов. Даже сугубо творческие (эвристические) усилия подпадают под ее влияние.

Управленческие действия очень *многообразны* и, по сути, бесчисленны в своих характеристиках, ибо их каждый раз

¹ См.: 50 самых «дорогих» топ-менеджеров // Журнал РБК. 2007. № 7. С. 62 — 74.

приходится совершать в конкретных параметрах условий и факторов, обстоятельств и времени, ресурсов и действующих лиц, целей и заданий и т. д. Даже, казалось бы, такие во многом регламентированные и типичные (типологизированные) действия, как, скажем, проверки, лицензирование, аккредитация, аттестация, нормирование, анализ, оценка, фиксация, измерение и тому подобное, также требуют конкретного и порой уникального осуществления. Поэтому в дальнейших суждениях будут представлены лишь *некоторые* положения и выводы, использование которых может придавать управленческим действиям больше продуманности, системности и эффективности.

Праксеология как научное знание о рациональности действий. Называю обобщенно «действий», без прилагательного «управленческие», поскольку данные знания равно применимы и в субъектах, и в объектах управления, и в их взаимосвязях. *Праксеология* (от греч. *праксис* — действия, энергия, опыт, предприимчивость и «логия» — наука) представляет собой совокупность научных знаний о наиболее совершенных (*лучших*), рациональных (выверенных разумом и опытом), эффективных (полезных) действиях людей при решении их жизненных проблем. Это понятие ввел в широкий оборот польский ученый Тадеуш Котарбинский (1886—1961), который нашел для своей обобщающей работы очень удачное название «Трактат о хорошей работе»¹. Действительно, все идеи праксеологии проникнуты одним; как научить людей хорошо работать. Не «вкалывать» от случая к случаю, не делать что-то как-нибудь, а работать *продуктивно, экономно и результативно*. А это большая, трудная и всемирная проблема, включающая в себя в конечном счете взаимоотношения человека с планетой Земля.

Можно утверждать, что еще ранее философские основы праксеологического знания обосновал наш соотечественник С.А. Подолинский (1850—1881) в работе «Труд человека и его отношение к распределению энергии», впервые опубликованной в 1880 г. в журнале «Слово». В ней он, в частности, высказал *важнейшее положение*: «Если мы назы-

¹ См.: Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе / Пер. с польск. М., 1975.

ваем трудом все действия, увеличивающие бюджет превращенной энергии человечества, то расхищением мы должны назвать все действия людей, ведущие к уменьшению этого бюджета. Мы говорим «действия людей», потому что и помимо таких действий происходит постоянная растрата энергии в пространство, но оно есть только рассеяние, а под именем расхищения мы понимаем увеличение этого рассеяния особыми действиями людей, имеющими неизменным своим результатом расход лишних количеств энергии¹. Как известно, почти все живое выработало *равновесно-восстановительный способ* жизнедеятельности на планете Земля, что обеспечивает его существование уже десятки миллионов лет. У него (живого) потребление и «производство» как-то балансируются, из-за чего уменьшение массы энергии происходит медленно, а иногда и вообще не происходит. Лишь человеческое потребление стало таким, что для его удовлетворения не хватает его собственных производительных сил, и оно все больше идет за счет ресурсов природы планета Земля. Причем эксплуатация природы с каждым годом усиливается, а социально-экономические, духовно-культурные и технологические инновации пока не приводят к значимым послаблениям. И природа начинает *расплачиваться* с нами в бесконечно разных формах.

Все это означает, если говорить масштабно, что люди все еще не научились так действовать и жить, чтобы именно и только *своим трудом* (умственным и физическим) создавать все, что необходимо для их потребностей. Они потребляют продукты, творимые *иными видами энергии и вещества*, строят свое благополучие за счет них, хотя многие из них не обладают способностью возобновляться; они исчерпываются безвозвратно. Разумеется, это удел человечества, но в свою очередь он ставит перед ним проблему *совершенствования своих действий* и, конечно, поступков, которые ведут часто к еще более тяжелым последствиям, чем действия. Непогашенный окурок может привести к большому пожару.

Праксеология *аккумулирует* в себе знания, связанные с действиями (работой, трудом, достижениями и т. д.) человека,

¹ *Поголинский С.А.* Труд человека и его отношение к распределению энергии. М., 2005. С. 148.

из различных отраслей науки — медицины (анатомии и физиологии), психологии, механики, математики, геометрии и др. Главное в выборе знаний: поиск таких действий человека, которые бы позволяли ему, с одной стороны, осуществлять действия, производящие максимальный внешний результат (материальный, социальный, духовный, управленческий и т. д.), а с другой осуществлять их таким образом, чтобы они сохраняли его здоровье и трудоспособность, приносили удовлетворение, обеспечивали многолетнее напряжение. При использовании рациональных действий человек способен выполнять их всю жизнь до самой смерти, что подтверждает опыт многих людей. Он же говорит и о том, что человек, правильно выстроивший свои действия, успевает за одно и то же время выполнить эффективно очень многие дела. Каждому человеку дается в среднем 70—80 лет жизни, но они и проживаются по-разному, и приводят к разным завершающим результатам!

Тем самым праксеологические знания нужны всем, и печально наблюдать как то, что уже хорошо проработано, проверено, доказано, известно, по сути, *игнорируется*. Об этом свидетельствует не только общая организованность и производительность такой деятельности, но и ее отдельные проявления, с которыми постоянно соприкасается каждый человек: магазин, поликлиника, транспорт, школа, учреждение, орган и т. д. В основном здесь царит безалаберщина, часто непонятно почему, что и как делает тот или иной работник.

Применение праксеологических знаний влечет за собой *взаимодействие* как бы двух сторон: *внешней*, составляющей условия осуществления действий человека, и *внутренней*, состоящей из умения и готовности человека к осуществлению требуемых от него действий. Тут одно предопределяет другое: если нет условий (они не созданы) для рациональных действий, то их и невозможно осуществить, а если человек не обучен данным действиям, то он их и не выполнит, как его ни заставляй. И, естественно, ответственность за плохое состояние названных сторон лежит на субъектах власти-управления: у них ресурсы, и они должны их использовать и для создания условий действий, и для подготовки людей к таким действиям. Конечно, и у себя, и в управляемых объектах.

Формирование внешнего контура действий и использование для этого праксеологических рекомендаций начинается с обустройства помещения, а в нем — рабочих и служебных мест. Здесь актуальна масса вроде бы «мелочей»: объем помещения и его части для одного места; состав и температура воздуха; освещение (естественное и искусственное); высота и площадь стола и стула (либо агрегата, станка, механизма и т. д.); расположение средств и орудий труда (действий); обеспеченность носителями информации и коммуникаций; шумовой фон (раздражители); контактность людей по горизонтали (кооперация) и вертикали (субординация); регламенты действий; требования к количеству и качеству результатов действий и т. д. Все это должно быть конкретизировано и приспособлено к каждому помещению и месту действий в нем (далее будет сказано о роли в таком обустройстве эргономики, технологии и организации). Нередко приходится кое-что *индивидуализировать* (делать уникальным), исходя из анатомо-физиологических особенностей работника (рост, здоровье, физическая сила, возраст и проч.). В общем задача в таком деле любого субъекта управления состоит в том, чтобы каждому в управленческой системе создать такое рабочее и служебное место, чтобы оно объективно (уже своим расположением и обстановкой) способствовало совершению, наиболее рациональных и эффективных, т. е. совершенных, действий¹.

Более сложным и трудным является, конечно, дело подготовки, обучения, тренировки, приобретения навыков, закрепления опыта человека в совершении нужных (для него и общества) действий. Человек, как уже отмечалось, олицетворяет собой решающий потенциал, ресурс, фактор, капитал, резерв развития. На данную тему последние пятьсот лет, начиная с эпохи Возрождения, писано-переписано. Но нельзя сказать, что найден «ключик» к активизации и рационализации действий человека, повернув который, можно от него добиться желаемого. Обоснованно пишет В.И. Патрушев, что «углубление знаний о человеке должно идти в направлении лучшего понимания человека *«изнутри»*, его воли

¹ См.: Пицоловский Т. Принципы совершенной деятельности (Введение в праксеологию) / Пер. с польск. Киев, 1993.

и сознания. Такой подход выражает сущность человека и общества, условия их существования и внутреннее содержание деятельности, самопонимание «жизни — в деятельности», общественно-социальные связи, исходное начало и единственную реальность человеческой сути, что обуславливает актуальность праксеологической проблематики. Ведущим здесь выступает *труд*, необходимый для устройства земной жизни человека, его среды, и средства, орудия, которыми оперирует человек в преобразовательной деятельности, все составляющие его трудовой активности»¹.

Между тем определяющее в формировании, развитии и существовании человека — его *целостность, цельность* в своей биосоциальной сущности — до сих пор должным образом не осознано. Все еще бытует мнение, что если человеку что-то задано, то оно проявится, если есть сила, то будет сильным, родился умным, значит, талант реализуется и т. д., по-старому «что Бог дал, то и имеется». Хотя очевидно и подтверждено миллионом фактов, что любая заложенная в человеке генетическая информация (код) в своем практическом осуществлении требует *поддержки, признания и стимулирования* со стороны других (прежде всего семьи) и общества во всех его возможностях. *Приучать человека к действиям* надо со дня рождения, с детских лет, на школьной скамье, с тем, чтобы он вовремя приобретал ловкость, сноровку, физическую развитость, умение совершать простые и сложные движения. Каких действий, скажем, можно ожидать от подрастающих поколений, когда из выпускников школ только 10% обладают нормальным (по стандартам) здоровьем и столько же, в лучшем случае, имеют гимнастическую тренированность? У нас вообще редко кто делает ежедневную физическую зарядку в течение всей своей жизни, которая является основной предпосылкой успешного совершения любых трудовых, в том числе управленческих, действий.

Не лучше обстоит дело с подготовкой в области *мыслительных действий*. В школе тренировка и развитие разума (мозга) ведутся без должной методики. А все большая компьютеризация массы производственных и управленческих процессов

¹ Теория организации: Учебник / Под ред. Г.В. Атаманчука. М., 2007. Гл. 11. С. 268.

приучает людей действовать в этой области как бы по шпаргалке. Введена в компьютер программа, ею и будем пользоваться, «пусть она знает и думает». *Эвристический*, поисковый, творческий потенциал мышления развивается у многих слабо.

Не могу не отметить, что на интенсивность, качество и результативность действий влияет социально-экономическая система жизнедеятельности, которая обуславливает *интерес* человека в совершенствовании своих действий. Отчуждение разных видов и форм отношений между субъектами власти и другими людьми неизбежно порождает недовольство, безразличное отношение к своим действиям и их результатам, порой просто нарушение существующих требований.

Короче говоря, сегодня праксеологическое знание обширно, весьма проработано в нашей и мировой мысли и практике, его необходимо знать, осваивать и предметно использовать в управлении, при совершении различных управленческих действий.

Эргономика (от греч. *ergon* — работа; *nomos* — закон) — *научное знание о взаимодействии человека с орудиями и средствами воспроизводственной системы*. Это в определенной степени знания, параллельные, дополнительные и продолжающие праксеологию. Ведь человек в течение времени труда (работы) не только осуществляет те или иные действия и операции, но выполняет их *при применении* необходимых орудий труда и *использовании* соответствующих средств производства (сырья, продуктов «первого» передела и т. д.). Сегодня вследствие промышленной, научно-технической и информационно-технологической революций, длящихся уже почти 300 лет, создано огромное количество и многообразие машин, агрегатов, изделий, комплексов, производственных и информационных систем и т. д. и т. п., с которыми приходится взаимодействовать на работе и в быту. Техносфера окружает нас и требует к себе постоянного внимания. Мы должны овладевать ею или она подчинит нас своей мощью.

Эргономика изучает действия человека (его коллективов) *в единстве* с теми орудиями и средствами производства (работы, труда), которые он должен приводить в движение с целью получения искомого результата. Здесь происходит *соединение субъективного и объективного*, в котором, есте-

ственно, более устойчивым, просчитанным, надежным выступает, скажу обобщенно, «техника» (совокупность орудий и средств производства). Объективное представляет и реализует свои законы, которые в технику закладывает человек. Возникла и постоянно проявляется довольно парадоксальная ситуация: человек вложил в «технику» свой творческий талант, проектировал, испытывал, создавал и тиражировал ее, он (в принципе) знает ее параметры и способы эксплуатации и тем самым призван им (закономерностям функционирования «техники») *подчиняться*, однако, как показывает опыт, именно человек широко *нарушает те «технические» законы, которые сам же сотворил*. В большинстве случаев техногенные катастрофы и аварии, транспортные происшествия, чрезвычайные события на производстве и в быту, множество увечий и смертей людей происходят не столько из-за поломок «техники», сколько *по вине человека*. Но это как бы чрезвычайные события, а в массе своей благодаря неподготовленным либо неумелым действиям человека потенциал «техники» не используется должным образом и не дает того роста производства или услуг, который запрограммирован и вложен в нее.

Множество фактов говорит о том, что *в сочленении* человека и «техники» самой уязвимой, слабой стороной оказывается человек. В результате огромные капиталовложения, которые инвестируются в развитие «техники», не всегда приносят запроецированный социально-экономический эффект. Понимая это, сегодня все чаще пытаются между человеком и «техникой» поставить компьютер и иные регулирующие-контрольные механизмы, которые бы компенсировали ограниченность людей и обеспечивали четкое функционирование «техники» и, логично, повышали ее производительность и социальную полезность. Сочленение человека с «техникой» и составляет *предмет* эргономики.

В публикациях отмечается, что эргономика изучает вопросы соединения и взаимовлияния социосистем и техносистем; организации рабочего и служебного места; охраны и гигиены труда в производстве; комфортность и безопасность условий управления со стороны человека «техникой»; особенности работы оператора с «техникой» и многие другие, порождаю-

щиеся данными взаимодействиями¹. Логично, что эргономика поневоле вынуждена пользоваться фрагментами знаний из практически всего спектра отраслей современной науки. Ведь как бы ни возлагались надежды на автоматизированные и автоматические системы «технического» регулирования, ни перепоручали эти комплексы средствам информатики, все равно *прямая зависимость* всего «технического» и его влияния на природу (сферу обитания) *от человека* на весьма далекую перспективу сохраняется.

Во-первых, человек создает и *программирует* все многообразие «техники» и, следовательно, закладывает в них свои знания, интуицию, представления, творческие озарения и т. д. Значит, «техника» всегда будет связана с человеком и в своем функционировании зависеть от него. Даже самые талантливые фантасты во всех своих «изобретениях» никак не могут преодолеть человеческое тяготение: все их чудовища почему-то обладают мыслями и чувствами людей.

Во-вторых, человек творит «технику» и осваивает природу планеты Земля исходя из своих *потребностей и интересов* и возлагает на нее достижение тех целей, которые ему объективно и субъективно необходимы. Тем самым, любая единица «техники» имеет отношение к жизнедеятельности человека и в общем ее обеспечивает. Даже ядерное оружие, грозящее уничтожением всего живого на планете, человек создал для своей безопасности: уж очень ему надоели войны.

В-третьих, в функционировании любой «техники» всегда *присутствует человек*, который запускает или останавливает даже автоматические системы «технического» регулирования (их порой называют «управления» — АСУ, АСУП, АСУТП и т. д., что не совсем конкретно). Наблюдая и контролируя функционирование сложной и компьютеризированной «техники», человек способен изменять ее параметры и задавать ей новые режимы. Здесь почти все в его сознании и воле, или иными словами, в его власти. Не конкретного, конечно, человека, а родового — совокупности людей, определенным образом организованных.

¹ См.: Ильин О.А., Сигорова В.Н. Эргономика: Учеб. пособие. М., 2001; Мукишов В., Зинченко В. Эргономика: Учебник. М., 2004 и др.

Поэтому эргономика актуальна сегодня и будет иметь все большее значение в будущем. Она соприкасается, с одной стороны, с праксеологией (человеческим поведением и деятельностью), а с другой — с техническими машинами, механизмами и системами. Такое, в известной мере, промежуточное положение придает ей сложный *интеграционный* характер, понуждает искать все новые и новые формы, методы, процедуры, регламенты взаимодействия человека с усложняющейся «техникой». В данной интеграции основным выступает, как мне видится исходя из собственного жизненного опыта, создание, условно говоря, *посредников, передаточных механизмов* между человеком и техникой. Именно они призваны разрешать противоречия, состоявшие в том, что живой, мыслящий и чувствующий, переживающий и часто страдающий человек взаимодействует с «техникой», которую все человеческое совершенно не волнует; у нее свое заданное функционирование. Способом разрешения противоречия видится оптимальное сочленение *организма* человека, а не только рук и ног, глаз и ушей, с соответствующими единицами или *n*-ным количеством «техники». Центральным является устройство и оборудование *пульта (центра) управления со стороны человека*: кабина транспортного средства, прокатного стана, диспетчерская энергоснабжения и многое другое достаточно известное и понятное. В этом направлении настойчиво работает конструкторская мысль и старается приспособить «технику» и способы ее регулирования к возможностям человека. К сожалению, не все удается именно по причине того, что трудно просчитать все *вероятные сбои организма*. А эти сбои и приводят к авариям, несчастным событиям, катастрофам.

Часто переоценивается потенциал людей: «техника» испытывается на сильных и профессиональных людях, а массово используется не только «средними», но порой и «слабыми». Однако у нас еще недостаточно продумываются технические изделия с точки зрения безопасности их использования именно со стороны «слабых» и неумелых. Этим как раз и порождается большой травматизм, и, что характерно, самыми разными видами «техники». Второй момент, который требует к себе внимания, связан с *психологическими особенностями*

характера наших граждан, выражающимся в их безразличном отношении к устанавливаемым правилам, инструкциям, рекомендациям и даже к параметрам конкретных единиц «техники». Мол, мало ли что там сказано, мы можем выжать из «техники» то, что нам нужно и мы хотим. Так случилась и Чернобыльская катастрофа в 1986 г., так разбиваются нередко самолеты и вертолеты. Поэтому пульта (центры) управления должны непременно оборудоваться *блокировочными* устройствами, которые бы не только сигнализировали (вовремя и назойливо) о приближении к критическому, опасному режиму, но и тормозили и останавливали переход через него. А то порой всего лишь лихачество пользующихся разными техническими средствами приводит к гибели людей и большим материальным потерям. Для современной микроэлектроники решение таких проблем в целом не составляет большого труда. Надо лишь подсчитать, что выгоднее: ставить блокировочное устройство или платить высокую цену за утрату людей и материальных ценностей.

Техническое решение названных проблем требует включения заинтересованных субъектов управления. Здесь актуальна широкая дифференциация и конкретизация контрольных и блокировочных устройств применительно к особенностям как каждой единицы «техники», так и каждого человека, кто ее постоянно использует в своей работе (водители, операторы, машинисты и т. д.). В последние годы МЧС интенсивно проводит техническую профилактику пожаров, в результате чего удается предотвратить многие бедствия. Необходимо, чтобы все субъекты управления применительно к используемым в их управленческих системах техническим средствам занялись подобной «работой». Современные единицы «техники» становятся не только сложными в конструкции и использовании, но и более дорогостоящими (финансово-емкими).

Сказанное об эргономике в целом полностью относится и к эргономике в субъектах управления и в техническом обеспечении совершаемых ими управленческих действий. Вернемся к вопросу о техническом оснащении пультов (центров) управления, в данном случае офисов, апартamentов, кабинетов. В них сегодня все больше средств информатики и связи, все управленцы буквально «обвешаны» мобильниками и не

расстаются с ними. Но спросите в любой момент: а в каком состоянии «их» управляемые объекты, что и как в них происходит, и вы в большинстве случаев не получите точных ответов. Нет ясности и в поведении нижестоящих и подчиненных субъектов управления (органов, подразделений, иных структур). Уже стала притчей во языцех ситуация с разворовыванием бюджетных средств в государственном и муниципальных аппаратах; не лучше дела и в бизнесе. Все это означает лишь одно: информационные средства фиксации и контроля движения финансовых (да и материальных) ресурсов не выведены к субъектам управления, их руководящим лицам и не используются ими в должной мере. В данном отношении информационное обеспечение управления со всеми своими техническими возможностями никуда не годно (не могут проследить, куда деваются деньги). А ведь в перспективе хотят перейти к так называемым электронным правительствам. Ничего не получится, пока не проведем должную стыковку персонала субъектов управления с персоналом управляемых объектов посредством тщательного эргономического оснащения деятельности первых.

Технологизация управленческих действий. В конце XX столетия произошел качественный прорыв в обработке, фиксации, хранении и передаче информации (но не информационный бум, как порой считают, ибо сегодня половина информации не имеет отношения ни к жизни людей, ни к природным процессам), создана глобальная спутниковая система связи и наблюдения, началось строительство обширных континентальных и межконтинентальных горизонтальных коммуникационных сетей. Логично, что все эти преобразования сами стали новейшими технологиями и в то же время создали условия и факторы для технологического обновления всех сфер и областей человеческой жизнедеятельности. Наступила, как полагают, информационно-технологическая эпоха или «информационное общество», о чем уже говорилось. Поэтому в настоящее время все большую актуальность приобретают вопросы технологизации управленческих действий. Да, надо научить каждого человека рациональным и эффективным индивидуальным действиям, следует создать и улучшить способы и механизмы взаимодействия человека с многообра-

нием технических средств (машин и их комплексов). Но все это может приносить большой результат при условии, когда отдельные люди, их коллективы, общности со своими средствами и орудиями производства (труда) будут объединены в *крупные целостные системы*, аккумулирующие индивидуальный и локальный потенциал и порождающие синергию — особую интегрированную силу. А к этому ведут только и исключительно технологии.

Схематически их можно обрисовать в *разных вариантах*:

а) цели — процедуры (правила) — технические средства — операции (действия) — мотивы (стимулы);

б) цели (задания) — орудия — средства — процедуры — действия (операции) — контроль (непрерывный) — результат (оценка);

в) потребности — интересы — цели — решения (воля) — действия — результат (социальный механизм формирования и реализации управления);

г) информация — знания — ресурсы — идеи (модели) — экспертные оценки — решения — действия — результат (система мыслительных (гносеологических) элементов управления);

д) природа — цели — функции — структура — процесс — принципы (система бытия, объективной детерминации (онтологических элементов) управления и т. д.

Субъекты управления призваны сами выбирать и конструировать актуальные для них технологии и добиваться следования им. Главное при этом всегда и везде видеть суть технологии и через нее их характеризовать. А суть состоит в следующем:

неуклонное, обязательное и систематическое *осуществление действий, операций и процедур*, в результате которых *всегда должен получиться* искомый (запланированный, запроектированный, установленный и т. д.) объективный результат (продукт, изделие, товар, услуга, капитал, информация и т. д.) в заданных параметрах (количественных и качественных);

массовое, масштабное и повсеместное применение наиболее рациональных действий, операций и процедур по производству и потреблению определенных продуктов и социальных услуг (потребительских ценностей);

использование тех операций и процедур, технических средств и нории поведения, которые относятся к новейшим достижениям, соответствуют мировому уровню и приносят максимальный социальный эффект.

Если говорить кратко, то основное предназначение (*ведущая идея*) любой технологии состоит в том, чтобы последовательно суммировать и соединять результаты одних действий и операций с другими, накапливать и приращивать их с тем, чтобы в *итоге* получать продукт (материальный, социальный, духовный, управленческий и т. д.) высокого качества, в большом количестве и конкурентноспособный по сравнению с аналогичным в других местах. Понятно, что создание, внедрение, использование и распространение технологий — дело прежде всего субъектов власти-управления в силу их связанности с ресурсами, в том числе и интеллектуальными.

Подотсталость страны в социально-экономическом развитии во многом объясняется инертностью, ограниченностью и скудностью технологического мышления и поведения наших властей предрежащих. Причем не только в прошлом. Сегодняшняя ситуация в субъектах управления также не весьма способствует технологизации управляемых объектов. В государственном и муниципальном управлении все еще не налажены технологически эффективные взаимосвязи *координации и субординации*, которые приводили бы к актуальным и сильным, рациональным и результативным управляющим воздействиям. Часто низовые органы больше стараются угодить вышестоящим, чем наладить нормальное функционирование всей системы жизнедеятельности на управляемой ими территории. Бизнес (менеджмент) в основном сосредоточен на максимизации своей прибыли, а не на обеспечении потребностей населения, страны в целом. Общественные объединения и партии вообще заняты своими интересами — продвижением лидеров во власть — и менее всего думают о технологизации своей деятельности.

В таких условиях можно выделить несколько проблем, решение которых способно технологизировать управленческие действия разных субъектов власти-управления, а на этой основе и управляемых объектов.

1. Признание всеми субъектами управления определенной *идеологии* (концепции, программы) развития (будущего) страны и подчинение ее реализации соответствующих структур, функций, форм, методов и иных элементов управленческой деятельности. Нужна технологизация целей, которая в условиях свободного общества, рыночных отношений, многообразия форм собственности, конкуренции приводила бы к должной согласованности, взаимосвязанности и общей эффективности множества управленческих систем. Актуальность каждого субъекта управления должна быть целесообразной по отношению к другим и вписываться в стратегическое «древо» целей страны. Это исходное начало технологизации управленческих действий, поскольку все определяет сознание.

2. Создание прочных и взаимовыгодных технологических звеньев (*сцеплений*) между разными, но связанными субъектами управления с тем, чтобы обеспечивать быстрое прохождение управляющих воздействий, их рациональную дифференциацию и конкретизацию и в итоге четкое исполнение задуманного. Такие технологические цепи особенно нужны для субъектов управления, действующих в одной отрасли или на одной территории замкнутых на производстве какой-либо сложной продукции, обслуживающих какие-либо комплексные потребности. С этой точки зрения весьма перспективны государственные холдинги (корпорации), диверсифицированные крупные компании, вовлекающие в свое функционирование субъекты среднего и малого бизнеса, муниципально-частные структуры, межотраслевые объединения и другие организации, ведущие к тому, чтобы на «стыках» не было потерь времени, ресурсов, информации и реально осуществлялись эффективные управленческие процессы.

3. Отработка технологий *сутобо управленческой деятельности*. Это — простые, понятные и адекватные (типологизированные) схемы описания повторяющихся (ординарных), проблемных и экстремальных ситуаций; заранее смоделированные управленческие решения и действия по ним; наборы модулей ресурсов, операций и процедур, применяемых при реализации последних. Желательно иметь согласованные

технологии диагностирования, проектирования и реформирования управленческих систем и их субъектов; информационные, внедренческие и обучающие; разрешения социальных конфликтов; по уровням и видам управления; инновационные (прорывные); контроля и т. д.¹. Все в управленческой деятельности должно отмечаться технологическим характером, ведущим к высоким конечным результатам.

4. Формирование логики и системности в *прогнозировании, программировании, отслеживании и оценке общественного развития* и роли в нем субъектов разных видов управления. Здесь представляет интерес установление унифицированных и адекватных жизни критериев и показателей, характеризующих состояние разных явлений, отношений и процессов; обеспечение в них согласованности, верификации и комплексности с целью избежания фальсификаций и деформаций в отражении объективности; применение идентичных методов, процедур и операций анализа и характеристики изучаемых и программируемых управляемых объектов; использование тождественных форм фиксации (документирования) получаемых данных и их передачи по горизонтали и по вертикали и т. д. Применение таких технологий должно давать истинную картину жизни страны, а не ее субъективистские интерпретации: одни захлебываются от радости успехов, другие — проклинают провалы, а правды не хватает. Разумеется, что все это мешает самим субъектам управления.

5. Обоснование и внедрение в практику технологий подбора и развития *персонала субъектов* управления, что предполагает совместную работу с образовательными и научными учреждениями. В конце концов (ибо за 200 лет ничего не сделано) должна быть создана система сквозного (со дня рождения) развития и полного использования (до смерти) потенциала каждого человека, а среди них и управленца. Здесь пора от констатации значения человеческого потенциала переходить к человеческому *капиталу (ценности)* и человеческому *фактору (динамике, движущей силе)*. В технологизации управления ведущим ее источником является человек, и если он

¹ См.: Иванов В.Н., Патрушев В.И. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. М., 2001.

не будет подготовлен и заинтересован, то вряд ли мы осуществим нужный нам технологический прорыв.

Организация управленческих действий. Управленческая деятельность, как уже отмечалось, имеет коллективистский характер и состоит из того, что любые индивидуальные действия одних сочетаются с такими же многих других, все они связаны с определенными технологическими средствами и, естественно, нуждаются в совокупном упорядочении. И если технология посредством «связывания» технических средств формирует должные производственные процессы, то согласование поведения и деятельности людей осуществляется через организацию.

Последняя представляет собой *упорядоченное взаимодействие людей*, осуществляемое в разных формах, процедурах, масштабах и иных проявлениях. Главная ее черта в том, что взаимодействие людей предполагает активное участие в нем прежде всего сознания людей. Именно сознание и создает организацию. Вместе с тем нельзя не различать понятия: организация как определенное *свойство, качество, сторона общественной жизнедеятельности людей и формальная (управляемая) организация* как конкретное коллективное образование людей, имеющее свои внешние контуры (границы), внутреннее строение (структуру) и в большинстве соответствующий правовой статус.

Существование организации в широком смысле (в качестве категории) обусловлено объективной необходимостью объединения (интеграции) потенциала сознания, поведения и деятельности людей в целях поддержания своего самовывживания, воспроизводства и развития. Посредством организации индивидуумы (личности, граждане) формируют все многообразие (всю «ткань») взаимосвязей, взаимодействий, взаимоотношений, которые сами по себе социально объективны. Благодаря действию организации формируется организованность общества (государства), т. е. та *организационная среда*, в которой создаются и функционируют формальные организации. Эти явления *взаимообусловлены*: организованность (организация) общества способствует формальным организациям, и наоборот, каждая формальная организация вносит свой вклад в организацию общества. В этом содер-

жится огромный ресурс общественного развития, который, к сожалению, не всегда должным образом оценивается и используется. Рудименты идеологий нигилизма, анархизма и радикализма часто разрушают или снижают уровень организованности, что затем сказывается на нашем социально-экономическом и политическом положении.

Можно иерархию организованных явлений представить через следующие уровни, поставив за основу их *определенную целостность*.

Организационная структура управленческих систем и их субъектов управления, которая в каждом отдельном случае олицетворяет формальную (управляемую) организацию. Такая структура отделяет определенную совокупность людей от других, аналогичных, и подчиняет ее активность нужным для всех целям. Она формируется вокруг какого-то ведущего признака, связанного с видом (технологией) деятельности. Для субъекта управления — это его правоспособность (для бизнеса) или компетенция (для государственных и муниципальных органов). Она обособлена от других организационных структур и возглавляется своим *центром* — собственником, руководящим, должностным лицом. Внутри нее действуют прямые структурно-функциональные связи *субординации*. Она устойчива во времени, юридически зафиксирована, обладает соответствующими правами, в том числе юридического лица, и несет установленную ответственность. Управленческие действия (и внешние, и внутренние) осуществляются и организуются, как правило, в рамках организационной структуры и для реализации ее миссии (целепредназначения).

Поэтому любая организационная структура (управленческих систем и их субъектов управления) требует:

ограничения ее от других организационных структур по целям, функциям, составу людей, наличным ресурсам, измеряемым результатам функционирования;

распределения людей по подразделениям (группам), должностям, служебным и рабочим местам в соответствии профессиональным характером их деятельности;

наделения каждого из принадлежащего к ней подразделения либо человека необходимыми функциями, полномочиями и ресурсами, моделями поведения и деятельности;

установления четкой и понятной схемы взаимоотношений между всеми элементами организационной структуры, особенно ее *руководящего звена*.

Считается, что *единица* организационной структуры должна характеризоваться полнотой ответственности, сбалансированностью задач, заданий, норм, нормативов, комплексностью деятельности, рациональной кооперацией с другими, концентрацией прав и ответственности, соответствием ее деятельности интересам и целям общего, корреляцией с реальной *нормой управляемости*. В общем, прежде чем действовать, надо знать зачем и как действовать, что соблюдать и чем руководствоваться, к каким стремиться результатам.

Внутри организационной структуры и в ее взаимосвязях с другими имеют место *такие организационные проявления*.

Управленческие действия как единичные движения разума и рук человека всегда имеют организационную направленность. Если кто-то что-то проверяет, то он анализирует и оценивает деятельность определенных (проверяемых) людей, если готовит проект управленческого решения, значит в нем программирует будущие действия исполнителей. Изучение чего-то тоже есть общение с мыслями других (авторов материалов). Даже соблюдение норм, нормативов, требований представляет собой реализацию замыслов и установлений других. Поэтому вполне обоснованно управленческие действия, осуществляемые в субъектах управления, отождествляют с *организационными действиями*, обеспечивающими в той или иной мере управляющие воздействия. Они обычно непосредственно практичны, физически, психологически и интеллектуально напряжены.

В отличие от них, *организационные мероприятия* являются способом коллективного обсуждения и прояснения каких-либо проблем, доведения до исполнителей управленческих решений, совместной проверки подготовленности к исполнению какого-либо дела (задания) и т. д. Видов и наименований организационных мероприятий много: «летучки», пятиминутки, оперативки (кратковременные обсуждения каких-либо актуальных конкретных вопросов), совещания и собрания (как правило, людей служебно или профессионально связанных), «круглые столы», конференции, съезды, симпозиумы, в

последние годы — форумы, «восьмерки» (тематические или программные обсуждения каких-либо проблем).

По своему смыслу они могут быть *ситуационные* (поиск выхода из конкретно сложившейся ситуации); *проблемные* (обсуждения способов решения проблемы), *тематические* (уяснение смысла определенного тематического вопроса), *профессиональные* (обмен опытом между профессионалами), *разъяснительно-обучающие* (разъяснения смыслов управленческих решений и обучение способам их практической реализации), *мобилизационные* (создание психоволевого напряжения) и иными, которые порождает жизнь.

Организационные мероприятия надо *уметь* готовить, проводить и завершать с тем, чтобы они давали должный *управляющий импульс*. По этому вопросу в научной литературе высказано немало рекомендаций, с которыми стоило бы ознакомиться. Много интересного накопила и управленческая практика.

Внутри организационных структур используются разные *организационные формы*, которые предполагают объединение потенциала персонала субъектов управления на решение каких-либо общих задач, проблем, целей. Это, к примеру, создание и работа групп (бригад, комиссий) по подготовке управленческих решений; групповые выезды в подведомственные субъекты и объекты управления для изучения управленческих ситуаций на местах; комплексные контрольные проверки и инспекции; совместная работа над обобщающими материалами и т. д. Существуют технологии использования разных организационных форм управленческих действий, и их тоже надо бы знать.

Для многих субъектов управления установлены определенные *организационно-правовые формы* их управленческой деятельности. Их суть состоит в том, что правовые акты таких субъектов управления приобретают легитимный и законный характер лишь в том случае, когда при их разработке и принятии были соблюдены обязательные организационные формы, регламенты и процедуры. Здесь требуется соответствие как материальным, так и организационно-процессуальным нормам. Среди таких форм можно назвать: сессии (заседания) представительных (законодательных) органов, заседания пра-

вительств, президиумов правительств, коллегии министерств и ведомств, других коллегиальных структур; съезды партий и общественных объединений; собрания акционеров (учредителей); советы директоров, правлений и т. д. Значение и характер этих форм, порядок их осуществления обычно содержатся в правовых статусах и регламентах субъектов управления.

В целом организация, ее элементы и зависимости служат и источником, и ресурсом, и фактором управления. Это — важнейшая *управленческая* ценность, которая либо понимается и используется, либо нет. Задача заключается в том, что ее следует осваивать и широко вводить в субъекты и объекты управления.

Очерк 13. РЕЗУЛЬТАТЫ УПРАВЛЕНИЯ (объективация)

Трудно, наверное, сыскать человека, который бы не понимал и не потреблял те или иные результаты человеческой деятельности. Покупая хлеб, почти все знают, что он сделан из зерна, выращенного на полях. То же относится и к каждому из продовольственных продуктов. Мы знаем, что разные предметы «техники» сделаны на заводах или фабриках. В сфере услуг мы также видим, что в ресторане либо столовой блюда — это плод труда поваров, в ателье костюм — портного, а поезд мчится потому, что его ведет машинист, и т. д. и т. п. Поскольку в воспроизводственной деятельности создаются товары, услуги, информация, капитал, т. е. *потребительские ценности*, обеспечивающие нашу жизнь, то почти для всех очевидны и ее результаты. Они, как правило, объективируются в материальной и духовной формах и по ним, собственно говоря, и определяются состояние и история жизнедеятельности людей. Вот, скажем, построенный людьми Санкт-Петербург, а также множество городов и сел, основанных порой тысячелетия назад. Вот — результат творчества А.С. Пушкина — собрание его сочинений и сочинения его собратьев по перу. Вот — научные мысли М.В. Ломоносова, Д.И. Менделеева, И.П. Павлова, В.И. Вернадского и иных видных умов.

Здесь все может быть *измерено и оценено*, более того, практически использовано при решении той или иной проблемы. А вот *управление*, причем не как поведение и деятельность какого-либо одного субъекта власти, если он управляет — NN, а как *общественное явление, охватывающее все общество*, действующее в нем постоянно, активно и масштабно. У нас почему-то умышленно забывается, что управление *исторично, непрерывно и сопровождает* все человеческое существование. В каждый момент жизни общества в нем одновременно и параллельно реализуют себя где-то десятки тысяч разных субъектов власти-управления.

Однако в чем выражаются *результаты управления* с их стороны или в чем они должны состоять, по сути, мало кого интересует. Причем не только у нас — в России, но повсеместно. Принято считать великим Александра Македонского. А что он

сделал? Разрушил огромный регион от Босфора до Индии и погубил сотни тысяч людей. В ряду таких известнейших «управленцев» находятся Цезарь, Чингисхан, Наполеон, Гитлер и множество других, которые известны тем, что могли умело воевать, бивать массу людей и на месте цветущих местностей оставлять тепелища. Разве в этом содержатся результаты управления? А вспомним свою историю. Сколько, к примеру, в Российской империи было величеств, высочеств, высокопревосходительств, сиятельств, превосходительств, благородий, дворян, помещиков, фабрикантов, купцов, чиновников и иных властных лиц — все важные, почитаемые, недоступные простому люду, — но вряд ли мы можем гордиться результатами их управления.

Как бы и чтобы ни объясняли сегодня (завтра — увидим!), *объективные факты* неумолимы: страна в 1917 г. рухнула. На смену пришли вожди, комиссары, «красные директора», «железные люди», «выдающиеся деятели партии и государства» с иже присными, которые замахивались на многое, вроде и стремились к высокому, следовали научной идеологии, но в конечном счете опять в 1991 г. очередной раз разрушили страну. Многое «почему» так и остается пока без ответа, ибо когда отмечали в 1987 г. 70-летие Октябрьской революции, ничто не предвещало столь быстрого и драматичного финала. А ведь управляли и доуправлялись!

Вновь десятилетие потрясающей разрухи, неописуемого разбазаривания (приватизации) общенародной собственности, разорения заводов и колхозов, фабрик и НИИ, бедности и бедствий подавляющего большинства населения, упадка вдвое ВВП, деградации системы обороны и национальной безопасности и множества иных негативных явлений. И все это имело место *в условиях*, когда в стране действовали Президент, органы государственной власти со своими ветвями, местное самоуправление, масса экономических и социальных структур и т. д., которые — по идее — *вроде бы управляли*. Неужели они на самом деле стремились к тем результатам управления, которые получились реально, опустошили территорию и ее население? Говорят, что подобное необходимо было сделать во имя превращения в какую-то «цивилизованную» страну с демократией, свободой, рынком и правами человека. Но ведь многие люди этих ценностей уже не узнают (как ушедшие по-

коления не узнали благ коммунизма), а другие — лишились того, что имели. Человеческая жизнь коротка, и потерянное для нее невосстановимо. Конечно, последние 8 лет показали, что мы способны развиваться, однако надо понимать, что нам уже не вернуть прежнее *геостратегическое положение*, и наша безопасность в обозримом будущем будет находиться под постоянной угрозой. За океаном субъекты их власти и управления имеют свое суждение о планете и о нашем месте на ней. Управление нередко порожают результаты, которые изменяют течение и векторы *мирового развития*, разворачивают судьбы народов и государств, переламаывают все вокруг, в рамках чего люди превращаются лишь в песчинки в буре пустыни. Ветры их сдувают и несут куда хотят.

Больно изучать историю, повседневность и видеть одну и ту же картину: субъект управления или его представитель, став на кочку либо маленький камень, тут же, как малое дитя, считает себя высоким и все свое внимание обращает наверх и к вышестоящим. Он обещает, проектирует, строит программы, принимает «вдохновленные» решения и редко честно и полно *подводит итоги* своего управления. Многое уже превратилось в устойчивый *стереотип*: как бы ни шли дела в стране, в каком-либо ее регионе, в отрасли либо отдельном управляемом объекте, руководство субъектов управления, чем ближе к «верхам», тем больше отмечено государственными наградами. Кто что сделал — это неважно, главное — он много лет был «начальником» и тем самым уже все заслужил. Здесь разницы между *тремя режимами власти* не обнаружить.

Естественно, что подобное отношение к управлению перешло и в теоретическую и педагогическую литературу. В ней имеется огромное количество публикаций, в которых раскрываются многие мысли об управлении, разные концепции (теории), механизмы подготовки и принятия управленческих решений, организационное поведение, технологии работы с персоналом, корпоративизм, консалтинг, тренинги, тесты и т. д., но *даже не ставятся* вопросы о результатах управления, тем более об их эффективности¹.

¹ См., напр.: Глущенко Е.В. Теория управления: Учеб. пособ., М., 1997; Кнорринг В.И. Теория, практика и искусство управления: Учеб. пособ., М., 1999; Кравченко А.И., Тюрина И.О. Социология управления: Учеб. пособ., М., 2004, и др.

Сформировалась и разрослась *идеология управления*, в соответствии с которой управление является вроде бы каким-то автономным, *самодостаточным* явлением, существующим для себя и удовлетворяющим своим функционированием самого себя (эдакая вещь в себе и для себя). Все его виды поглощают все больше и больше общественных ресурсов на свое содержание, но это считается целесообразным, поскольку они сами определяют их объем и структуру. То, для чего они что-то делают и что из этого получается, т. е. результаты управления, в такой парадигме остаются как бы *за ее пределами*. А при игнорировании результатов управления все иное в управлении приобретает призрачный, мнимый, субъективистский характер. В итоге каждый руководитель (по иерархии) *сам определяет*, что такое хорошо и что такое плохо в его управлении.

Поэтому проблема результатов управления представляется *архиважной* для каждого управленца, управленческой системы, общества в целом, ибо только *зная, измеряя и оценивая результаты управления*, можно по принципу обратной связи находить источники, факторы и ресурсы как управленческих успехов, так и поражений. Результаты управления как бы *замыкают* какой-либо управленческий цикл, выступают звеном в кругообороте управления и тем самым показывают обществу, людям значение управления, его место и роль в их жизнедеятельности.

Прежде всего следует выделить *три положения*, имеющие свойство *принципов* (закономерных связей):

1) результаты управления могут находиться, воплощаться и измеряться *только и исключительно в управляемых объектах*, поскольку лишь они создают потребительские ценности, актуальные для людей и общества. И здесь не имеет значения вертикальная или горизонтальная сложность субъектов управления, то ли государственного аппарата, то ли ОАО «Газпром» либо иной огромной корпорации. Любой, самый большой, комплексный субъект управления всего лишь *обеспечивает* воспроизводственные жизненные процессы;

2) результаты управления всегда должны отличаться *объективным характером*, материализоваться таким образом, чтобы их можно было бы увидеть, измерить и оценить. Если результаты управления аморфны, не определены, виртуаль-

ны и проч., то значит, что это не результаты, а только их видимость — знаменитая «галочка» для отчетов. В практике «галочки» распространены, но для жизни они не имеют никакого значения;

3) результаты управления являются свидетельством того, что субъективность управленческих решений и действий реально перешла (воплотилась) в *объективность* состояния и развития управляемых объектов, говоря обобщенно, в качество обустройства территории и уровень благосостояния населения и, можно добавить, в безопасность страны.

Процесс превращения всего того, чтобы было продумано в субъектах управления (их мысли, замыслы, цели, проекты, планы, инструкции, решения и т. д.) и выражено в идеальной форме в *обеспечение практической деятельности людей* по производству и потреблению материальных, социальных и духовных продуктов (товаров, услуг, информации, капитала), называется *объективацией управления*. Прошу еще раз: не путать с *объективизацией*, имеющей обратный смысл — отражение, осознание, восприятие объективной реальности в *субъективности* управления — в сознании, поведении и деятельности субъектов управления.

Кратко говоря, смысл объективации заключается во взаимосвязи и проявлении *трех моментов*:

1) *определения того, как* содержащиеся в управленческих решениях (в том числе и в законах) и действиях их идеи, модели, программы, задания, поручения и т. д. были практически исполнены, проникли в сознание, поведение и деятельность людей, привнесли что-то необходимое, ожидаемое и новое в реальную жизнь;

2) *измерения и оценки того, что же* получилось в итоге, в каком объеме и качестве достигнуты поставленные цели, какие для этого были израсходованы ресурсы и что от этого приобрело общество либо конкретные люди;

3) *выявления и осмысления того, насколько* уровень управляемости (с учетом самоуправленческих механизмов) управляемых объектов и в целом жизнедеятельности общества *соответствует* запросам людей, соизмерим с существующим в других местах и странах и, главное, гарантирует упорядоченность и развитие страны.

Объективация управления в каждом конкретном субъекте управления и, логично, в управленческой системе начинается с издания его управленческих решений или осуществления его организационных действий, т. е. с завершения документированного оформления последних и вступления их (выражаясь юридическим языком) в законную силу. В ней в полной мере проявляют себя соответствующие стадии управленческого цикла, о котором уже говорилось. Отсюда понятно, что важнейшим условием объективации управления выступают *социальные смыслы и информационные качества* управленческих решений. Если они пусты, иллюзорны, пропагандистские, созданы для демонстрации активности и прочее в таком же духе, то заниматься их объективацией и надеяться на какие-то результаты просто ни к чему. Напрасная трата сил и времени!

При серьезном же отношении к делу здесь возникает немало практических действий, которые требуют своего исполнения. Вспомним по логике управленческого цикла: доведение до исполнителей, которые хотя бы должны знать, что же от них хотят; изучение, осмысление и усвоение целенаправленности и ресурсообеспеченности поставленных задач, программ и поручений; осуществление правовых и организационных действий, непосредственно вытекающих из управленческих решений и направленных на их практическую реализацию; установление контроля и оперативного информирования. Многое в данных «шагах» представляется ясным и очевидным, однако, наблюдая жизнь, нельзя утверждать, что во всех управленческих системах отлажены механизмы четкого и последовательного исполнения управленческих решений.

Каждый, кто умеет смотреть вокруг себя, скажет, что для всех них по-прежнему актуально:

достижение действительности, непосредственности и предметности человеческих усилий — физических, интеллектуальных, эмоциональных (у нас все «мудро» говорят, что надо работать, но адресуют это кому-то другому);

обеспечение ритмичности и систематичности человеческих усилий с тем, чтобы они могли осуществляться в течение положенного времени и с должной продуктивностью (у нас принято от случая к случаю «вкалывать» с соответствующими последствиями для дела и здоровья);

поддержание *согласованности и взаимодействия* между усилиями разных людей и их коллективов, вовлеченных в процесс исполнения конкретных управленческих решений (у нас каждый сам по себе, а сейчас — сам себе хозяин, и самое банальное дело стало невероятно сложно делать).

Полагаю, что каждый, кому дороги его мысли, чувства и труд, должен задуматься над проблемами объективации. В той или иной мере, как можно делать вывод из уже сказанного, все мы принимаем управленческие решения либо участвуем в их реализации. Но дело почему-то ограничивается моментами подготовки, принятия таких решений. Этому посвящаются заседания представительных (законодательных) органов (законы), правительств, разных советов, комиссий и прочее, многочисленные совещания, форумы, конференции и т. д. Об этом говорят СМИ, которые к тому же многое еще и показывают. Особое внимание всегда привлекает перемещение кадров. Между тем, все это относительно *легкая и публичная* сторона управления.

Главное же, жизненно-созидающее, содержится в объективации управления, что только и поддерживает, формирует и развивает воспроизводственные процессы, в том числе и в сфере демографии. Никто, кроме самих «начальников» и их окружения, не довольствуется и не способен довольствоваться самими решениями или персонами на высоких постах. Важно не как подобные персоны респектабельны, эрудированны и говорливы, а как они свои решения (цели и волю) воплощают в практику и таким образом совершенствуют управляемые ими явления, отношениям и процессы. Надо отчетливо представлять, что в исполнение крупных управленческих решений (государственного уровня, больших корпораций, регионов и т. д.) порой вкладываются в течение длительного времени и на значительном пространстве огромные природные и производственные (технические) ресурсы, а также человеческие усилия. Часто такие решения исполняются годами, а последствия создают — на десятилетия. К слову скажу, что нам еще много лет придется «расхлебывать» то, что волюнтаристски натворили в XX в. Когда дом построен, завод сооружен, дорога проложена и т. п., то это уже не переделывать, и с этим приходится мириться.

Однако процесс объективации управления, характеризующий путь *движения* от управленческого решения к его объективному результату у нас проработан слабо и не является предметом внимания общественной мысли. Если мы доверяем субъектам управления в принятии решений, то должны хотя бы *знать*, что с ними происходит *потом*, какие вершатся по ним действия, как расходуются ресурсы и что возникает в *конечном счете*. В условиях гласности последних лет, весьма небольшой, конечно, мы нередко слышим и из уст руководителей, и из сообщений СМИ о том, что вот выделили материально-финансовые, часто бюджетные, ресурсы, а они не дошли до адресата и где-то «затерялись», вот определили вначале стоимость объекта в такую-то сумму, а она «вдруг» увеличилась вдвое, а то и втрое. Все почему-то дорожает, на все увеличиваются расходы. Но совершенно нет ясности в том, *почему это происходит*.

Сложилось и поддерживается просто *превратное мнение* о рыночной экономике. Выброшена за борт из общественной жизни *классическая политическая экономия*, созданная трудами Д. Локка, А. Смита, Д. Риккардо, К. Маркса и многих других выдающихся ученых, в числе которых и почти 50 лауреатов Нобелевской премии, и которая сегодня изучается в вузах Запада. Поэтому в управлении экономическими процессами не фигурируют такие понятия, как производительные силы, производственные отношения, основные и оборотные фонды, амортизация, земельная рента, норма прибыли, стоимость, меновая стоимость, потребительская стоимость и масса иных, опираясь на которые только и можно отслеживать (мониторинг) объективацию управления в экономике. Взамен принят механизм стихии, анархии, при котором не общество управляет экономикой (через множество форм, методов и процедур), а *экономика управляет обществом*, а в самой экономике правит бал личный и корыстный интерес собственника.

Последние редко *занимаются* управлением, т. е. совершенствованием управляемых объектов, а лишь озабочены невиданными в мире доходами (прибылями). И за счет чего: инфляции, низкой оплаты труда, ежегодного почти 20-процентного роста тарифов, услуг, высоких цен, вывоза капитала, на грани бедности детства и старости людей и т. д. До сих пор

законодатель и правительство не создали законов, которые бы заставляли добытый в стране капитал *работать на страну*. Наоборот, все повернуто так, что объективация законов и конкретных управленческих решений, направленных на их реализацию, идет на пользу лишь субъектам управления и их руководителям. Один лишь пример: ОАО «Росгосстрах», страхуя все и вся по поручению государства, соответственно, взыскивая деньги с каждого из нас (в том числе и через управляемые объекты), в 2006 г. собрала 77,6 млрд руб., выплатила 24,3 млрд руб. и получила доход 23,3 млрд руб., а теперь решила выпускать акции для персонала¹. Получается, что мы оплачиваем обязательное государственное страхование, а ведущие это дело становятся акционерами наших денег. Вот где объективация законов!

И так *повсеместно*. Создаваемые трудом людей объемные и разнообразные ресурсы не идут или идут в малом удельном весе на укрепление здоровья, улучшение образования, повышение профессионализма, техническое и технологическое оснащение производства, услуг и потребления и т. д., т. е. в целом на развитие страны. Капитал *медленно*, неохотно выполняет у нас свои *функции*: самовоспроизводство и расширение своей базы в историческом масштабе времени. Видимо и по этой причине у нас стыдливо умалчивают о том, что существуют *капиталистическое общество и частнокапиталистическая собственность*, ибо то, что есть, можно называть всего лишь *спекулятивным богатством* (личным накоплением). А хотелось бы, чтобы в стране было побольше людей, которые способны были бы сказать: «Я капиталист, и своим талантом создал производство, служащее людям».

Правда, ростки действительного капитализма появляются. На территории, в которую входит и деревня, где мой дом и где я пишу эти строки, когда-то был совхоз «Князьменский», который, естественно, полностью разрушили. И вот в 1997 г. здесь появляется английский бизнесмен Джон Кописки, который создал ООО «Богдария» и ООО «Рождество» с принципиально новыми технологиями растениеводства и животноводства. Он показал, что здесь растут великолепные корма, и коровы

¹ См.: Броев Н. Сильный ход сильной компании // Аргументы и факты. 2007. № 29. С. 12.

могут давать около 8 тыс. литров молока в год, можно на месте изготавливать высококачественные молочные продукты, кормить население и получать доходы. Англичанин стал самым известным фермером Владимирской области и образцом для других и считает, что главным препятствием в развитии страны являются *менталитет и менеджмент*¹.

А наши? «Наши» на полном довольствии на озере Селигер в Тверской области ежегодно *тренируются* в том, как стать специалистам по спекуляциям, поскольку все они стремятся сразу же стать «начальниками». Заранее понятно, *куда* будет вести их идеология и как они будут управлять. Объективация управления есть в определенном смысле выражение *мирочувствования и мировоззрения*. Это — прежде всего способность и умение самому делать дело. Указания можно давать и требовать их исполнения лишь тогда, когда *ты сам знаешь*, что означает исполнение и к чему оно должно привести.

Следует отметить далее, что в процессах объективации управления сугубо формальную, слабую и, по сути, без особых последствий позицию занимает *контроль*. Реально он не выполняет свою функцию *обратной связи*, т. е. влияния на те руководящие звенья субъектов управления, которые принимают управленческие решения. Контроль в большинстве случаев, хотя структур, его осуществляющих, сейчас много, — они есть почти везде, исчерпывается *регистрацией* выявляемых недостатков, упущений, злоупотреблений. Нередко в одном и том же месте они обнаруживаются систематически и одни и те же. Реакция на контрольные акции минимальна, поскольку так законодательно определены полномочия контрольных структур: зафиксировать состояние явления, отношения, процесса и свои выводы передать прокуратуре или иным правоохранительным органам. У последних, и даже у суда, не ощущается надлежащей глубокой политической ответственности. Судебные процессы идут, а их результаты: посидел пару лет в СИЗО (под следствием) либо в тюрьме (в качестве наказания) и поехал на «мерседесе» с друзьями продолжать предыдущие дела.

Инертно проявляют себя и *объектные «обратные связи»*, характеризующие развитие, потребности и интересы управ-

¹ См.: Решкова А. Владимирское хозяйство английского формата // АИФ-Владимир. 2007. № 28. С. 8.

ляемых объектов (воспроизводственные процессы); и *субъектные «обратные связи»*, раскрывающие обоснованность и рациональность внутренней организации и деятельности как совокупности, так и отдельных субъектов управления. Стоимость их растет, даже у бюджетных органов, зарплаты персонала возрастают, но не видно в обществе повышения уровня управляемости нашей жизнедеятельности. Поневоле возникает вопрос: что это за контроль и зачем он нужен?

Нельзя не сказать и о том, что в управлении (всех видов) достаточно предметно не *отработаны* так называемые *контрольные параметры и критические точки*. А без этого трудно рационализировать процесс объективации управления. Надо все-таки знать, в чем выражается, измеряется и оценивается деятельность как управляемых объектов, так и их субъектов управления. Причем для этого не нужно множество показателей по «мелочи». Следует наблюдать и проверять лишь те стороны, аспекты, элементы, взаимосвязи управленческих систем, их субъектов и управляемых объектов, которые выражают их отношение к обществу, людям, из которых можно исследовать их внутреннюю организацию и функционирование. Между тем при обилии проверок, которые фиксируют массу нарушений, контрфактов, обманов, надувательств и проч., не видно стремления выявлять *причины, основания, импульсы, движущие силы, интересы* воспроизводимых негативных явлений. Если все, что их порождает, остается существовать, то сколько ни контролируй, все будет воспроизводиться.

Особо актуально выявление *критических точек*, т. е. тех взаимосвязей, «стыковочных узлов», технологических процессов, общественных отношений, которые по уже имеющемуся опыту или общественному мнению чаще всего сигнализируют об «обрывах», напряжениях, конфликтах, кризисных состояниях, перерасходах ресурсов, воровстве, коррупции, безразличии к инновациям и т. д. Ограничение контроля одной какой-либо управленческой системой мало что дает для понимания их состояния. Каждая управленческая система находится во взаимодействии с другими управленческими системами и массой людей, которые пользуются ее продуктами. Такое взаимодействие сильно влияет на внутреннее поведение управленческих систем, и пока оно не станет *упорядочен-*

ным, трудно полагать, что контрольные меры что-то изменят. Что-то — да, но не больше.

Незнание либо игнорирование критических точек обычно ведет к тому, что соответствующие негативизмы себя воспроизводят, укрепляются и расширяются, перерастают в тенденции, видя которые уже не стоит рассуждать об объективации управления. В различных видах управления и управленческих систем критические точки получают разное проявление. Но многие из них *типологичны* для нашего сегодняшнего общества и, конечно, управления: стяжательство, злоупотребление властью, инертность сознания, некачественное правовое регулирование, отчужденность управляющих от управляемых, отсутствие стимулов продуктивной жизнедеятельности, умышленное разжигание противоречий, недовольства, проповеди «красивой жизни», разврата, вседозволенности и т. д.

А жизнь так устроена, что если одним дозволено, если что-то показывается и восхваляется, то и другие хотят и могут этому следовать. Кстати, все названное и неназванное тоже представляет собой результат управления и путь к нему пролегает через процесс объективации управленческих решений и действий. Нельзя никогда забывать, что негативизмы возникают не только по причине каких-то «злых сил», стихии, заблуждений, страстей, недоразумений и т. п., а порой сознательно и преднамеренно *создаются* субъектами управления. Когда кое-каким из них подобное *выгодно*, то они умышленно *провоцируют* недовольство, беспорядки, разрушения, столкновения, напряжения, в том числе и кровопролитные революции и контрреволюции. В массовом масштабе редко что бывает случайным, в большинстве все *организуется, регулируется и финансируется* (изнутри или извне). Стоит немного поискать, пойти по цепи событий, действующих лиц, смыслов и получаемых итогов, как не так уж и сложно докопаться до начальных импульсов и источников их инициации. Все делают люди, но вскрывать первозданные толчки очень трудно. Недаром многие субъекты управления так любят *тайну*: государственную, служебную, коммерческую, военную и т. д. Она нужна, но нужна и ее мера, иначе никогда не узнать, что же и как происходило и почему привело к определенному состоянию или событию. Информация о чем-то через 30 — 50, а то и более лет

уже не влияет на процессы управления и часто не может быть использована для его совершенствования.

Поэтому познание результатов управления как *объективной материализации активности* субъектов управления представляет собой сложную и ответственную проблему. Ее решение требует аналитических и оценочных операций.

Первая — заключается в выяснении того, что же конкретно появилось (возникло) *вследствие* действия или исполнения какого-либо управленческого решения интересующих нас субъектов управления. Вопрос состоит в том, действительно ли *были созданы* результаты управления. Может быть множество ситуаций, дающих какой-то жизненно необходимый продукт, в которых он произошел не из-за управляющих воздействий субъектов управления, а по совсем иным основаниям: творчество управляемых объектов, стечение обстоятельств, благоприятная конъюнктура или погода, удачный случай и т. д. Как и наоборот: субъект управления может предпринимать самые рациональные и сильные управленческие решения и действия, а объективные условия, чужие (чуждые) субъективные факторы, роковые причины и проч. — все сводить на нет. В жизни много противоречивых тенденций, активных людей со своими потребностями и интересами, различных организационных сил, и, естественно, трудно среди такого многообразия обнаружить результаты именно управления, и тем более осуществляемого одним каким-либо субъектом управления.

Разумеется, как уже отмечалось, результаты управления надо искать в состоянии управляемых объектов, в уровне удовлетворения искомых общественных и частных потребностей. В западной литературе, когда речь заходит о результатах управления, то они усматриваются в создании *потребительских благ*, реально потребляемых индивидуально или коллективно (общественно)¹. В рыночном обществе, основу которого составляют отношения «производство — потребление», такой подход целесообразен и конструктивен. Однако он пригоден не для всех субъектов управления: для предпринимательства — да, а для субъектов комплексного управления

¹ См., напр.: Санталайнен Т., Воутилайнен Э., Поренне П., Ниссинен И. Управление по результатам / Пер. с финс. М., 1998; Друкер П.Ф. Управление, нацеленное на результаты / Пер. с англ. М., 1994, и др.

(территориального — государственного, муниципального) он должен быть дополнен другими критериями.

На практике, к сожалению, немало наблюдается случаев, когда субъекты управления не интересуются результатами управления либо пытаются их скрывать. Бывает, и нередко, что руководитель какого-либо субъекта (скажем, администрации города, района, фирмы, учреждения, холдинга и т. д.) по несколько лет управляет, но по приходе нового человека «вдруг» обнаруживается, что результатов управления не было либо они были отрицательные. Следует все делать вовремя, ибо прошлое нельзя ни в чем изменить.

Вторая — сводится к *поиску и определению источников* результатов управления (а также конкретных управленческих решений). Каков бы ни был зафиксированный результат управления (позитивный, негативный, закономерный, случайный, задуманный или возникший под влиянием каких-то обстоятельств и т. д.), всегда и для каждого наверное интересно знать условия, факторы, ресурсы, технологии и все иное, что *способствовало его возникновению*. В управленческих системах действуют различные субъекты и объекты управления и их структурные подразделения, юридические, организационные элементы разного свойства, многообразные ресурсы, в числе которых знания, опыт, информация, инициатива, воля и поступки многих людей. Невозможно перечислить все, что включено в *реальное* управление, в нем используется и на него влияет. Однако каждый из таких многочисленных элементов (или их групп) может быть *источником* результата управления вообще и конкретного управленческого решения в частности.

И здесь необходимо, конечно, при условии, что мы желаем *далее и лучше* управлять, *выявление* того, что же из всего *вовлеченного* в управленческие процессы послужило *действительным источником* достигнутого результата управления: профессионализм и талант исполнителей, которые стоит осознавать, оценивать и стимулировать; качество правового регулирования и управленческих решений; введенные в действие нормы, нормативы и оплата труда; умелая организация и т. д., или все это явилось следствием чрезмерных материальных и финансовых *затрат*, огромного напряжения, а то

и истощения людей, обыкновенного стечения благоприятных обстоятельств и действия других причин.

Знание *действительного* источника результатов управления для любого субъекта управления имеет принципиальное значение, если управление рассчитывается на будущее, тем более, что в стране накоплен обширный *горький* опыт управленческой «игры», в которой достигнутое за счет разрушения природы и человеческого потенциала выдавалось за проявление мудрости «*вождей*» — управляющих (по нынешней терминологии — лидеров). Часто масса людей просто приносилась в *жертву*, которая якобы «*требовалась*» для революций и реформ. Знаменитое и упорно живущее у нас «мы за ценой не постоим» при объективном анализе обычно оказывалось не чем иным, как умышленным самообманом, поскольку *цена любого деяния всегда существует* и имеет свое и измерение, и значение, и за нее приходится платить не только весьма дорого, но и очень длительное время, нередко и веками. Тяжело только сознавать, что платит за результаты решений и действий субъектов управления обычно *народ* — своей кровью, трудом и бедностью. А виновники столь же традиционно завершают свою жизнь где-то за границей в респектабельном благополучии.

Полагаю, что каждый согласится с тем, что любой результат управления (исполнения управленческого решения) *измеряется* определенными *затратами* (ценой), которые надо *соотносить* с ним самим. Наша жизнь состоит в целом из таких результатов управления, которые мы *потребляем*, и затрат, которые мы несем для их достижения. *Соотношение* их и дает «сухой остаток» — наш образ жизни, положение в стране, уровень благополучия и безопасности. Выделение источников результатов управления имеет и непосредственное *практическое* предназначение, ибо *позволяет* использовать их в новом (следующем) управленческом цикле и таким образом постоянно *наращивать* качество и эффективность управления.

Третья — состоит в определении *сочененности, связи, взаимозависимости* между целями (задачами), представлениями и моделями поведения и деятельности, выраженными в управленческих решениях и соответственно в управляющих воздействиях субъектов управления, и *реально полученными*

результатами управления от их практической реализации. Здесь варианты многообразны. Ставились одни цели, получились результаты управления, которые с ними не совпадают, но в целом они *приемлемы* для общества. По прошествии определенного времени и изменения жизненных обстоятельств выяснилось, что цели были надуманными и не соответствовали нужному, а их неисполнение не принесло особого вреда. Бывает, что формулировались робкие, ограниченные цели, но они воодушевили управляемые объекты, им благоприятствовала внутренняя или международная конъюнктура, из-за чего результаты управления их значительно превзошли.

Вместе с тем, несмотря на подобную многовариантность взаимосвязей, все равно в самых разнообразных делах и их последствиях необходимо всегда *находить и выверять, что же в них вершило управление* (и конкретные субъекты управления), какие ставило цели, программы, планы, задачи и т. п. и как практически организовывало и регулировало их осуществление.

Существенное значение в таком анализе следует отводить *временной сочененности* управленческих решений и итогов их исполнения в жизни. Каждый день жизни человека, как и истории народа (государства), в любой период *единственен и неповторим*. Его потеря *невосполнима*, о чем субъекты управления часто забывают, что весьма удивительно, потому что они сами находятся в таком же положении. Однако у нас считается чуть ли не нормой, привычным *стереотипом*, с которым общество поневоле смирилось, что руководители самых разных субъектов управления охотно и с воодушевлением предпочитают обещать, программировать, рисовать захватывающие картины будущего. Когда пишутся эти строки, уже развернулась избирательная кампания по выборам в Государственную Думу ФС РФ 2007 г. Звучат просто фантастические перспективы: Россия в 2012 г. будет такой-то, в 2020 г. — еще могущественней, в 2050 г. станет чуть ли не светочем планеты. Хотелось бы, чтобы каждый читатель, особенно молодой, кому удастся дожить до этих лет, *сохранил при себе* соответствующие документы и их цифровые выкладки и по мере течения времени *сравнивал* их с реалиями. Было бы большой *удачей и благом* для народа, если бы провозглашаемое сегодня действительно

осуществлялось. Может быть и вправду наши субъекты управления намереваются *соответствовать* своему объективному предназначению?

Четвертая операция логически продолжая предыдущую, видится в том, чтобы каждый раз выявлять *соотношения и пропорции между прямыми, искомыми (целенамеченными) результатами управления и так называемыми побочными, косвенными, самопроизводимыми*, которые вроде бы не предполагались, не просчитывались, но *почему-то* возникают. Как известно, в жизни не все происходит так, как хочется. Прямые результаты непосредственно связаны с целями управления и говорят о том, насколько полно и разумно они воплотились в человеческой жизнедеятельности и что они принесли ей. Побочные результаты вызываются подчас неведомыми, а то и *недодуманными* причинами, интересами, мотивами и т. д., особенно *взаимосвязями* управляемых объектов с массой иных общественных явлений.

Таких ситуаций, когда косвенные результаты ослабляют прямые, дискредитируют их, нередко сводят на нет и проч., можно привести немало. И из далекого прошлого, и из сегодняшних дней. Революция — гражданская война — гибель массы людей. Борьба с пьянством в 80-е гг. — развал потребительского рынка и бюджета. «Дикая» приватизация, в основе которой находилось не законодательство, а связь с руководителями государственных органов, — всплеск «тяжелой» преступности, развал и упадок производства — коррупция. «Монетизация» льгот — недовольство, беспорядки, дополнительные затраты финансовых и материальных ресурсов и т. д. Примеров можно привести множество.

Разумеется, не все можно заранее предвидеть, предусмотреть, предугадать. Здесь актуальны *особые дарования* (да и желания!), не только, как считается в лётном деле, «сферическое зрение», по всем сторонам самолета, но и *интуиция, предчувствие*, масштабность мышления, глубокое историческое знание, ориентация на мировой опыт, просто привычки *додумывать* свои решения и действия. Ведомо давно, что обычно одно явление цепляется за другое, что имеется «закон лавины», или «цепной реакции» — когда неосторожное слово или действие приводит к огромному потоку непред-

полагаемых следствий. Поэтому, когда приходится решать какой-либо вопрос и что-то делать практически, всегда надо думать о худших вариантах его осуществления.

Учет в процессе объективации управления побочных, косвенных, самопроизводных результатов управления имеет большой социологический смысл. Эти результаты, хотелось бы нам того или нет, воплощаются в жизнедеятельности общества, деформируют многие явления, отношения и процессы, пускают глубокие корни, ставят порой под сомнение и прямые результаты. Когда налицо плохие результаты, то трудно доказывать, что субъекты управления стремились к хорошим. Значит, надо изучать их *удельный вес* в общих итогах объективации, причины и факторы возникновения, характер влияния на общество, пути и средства преодоления с тем, чтобы в управленческих системах и вокруг них было поменьше негативных «шумов».

Пятая, завершающая и обобщающая, операция состоит в комплексной характеристике получаемых результатов управления и оценке их значения для жизни общества, людей, дальнейшего функционирования управленческих систем. Когда мы нашли результаты управления с их источниками, связанностью с целями, прямыми и побочными результатами, необходимо все это осмыслить, измерить и понять с точки зрения их влияния на управляемые объекты и решение жизненных проблем.

Здесь, как представляется, важно учитывать несколько ориентирующих положений.

Следует соотносить результаты управления не только и не просто с интересами и целями субъектов управления, но и с целевыми (телеологическими), социальными, ценностными, нравственными и иными ожиданиями (замыслами, запросами, потребностями) общества, групп людей и отдельных личностей от соответствующих субъектов управления и их управленческих решений. Чем громогласнее были заявки, чем больше люди надеялись что-то получить от управления, тем сильнее их разочарования, обиды, недовольство и проч. в случае провала. Здесь имеется в виду нечто большее, чем даже реальное исполнение управленческих решений, поскольку именно общественное восприятие результатов уп-

равления показывает, насколько сами управленческие решения (поведение и деятельность субъектов управления) были актуальными, объективно обусловленными и субъективно обоснованными.

Желательно, далее, провести *сравнительное измерение* как самих результатов управления, так и затрат ресурсов, времени и человеческих сил на их достижение *с тем, какие* результаты управления и при каких затратах получают управленческие системы *в других странах* (причем, *по аналогии, все*: государственные, муниципальные, предпринимательские, банковские, страховые, научные и т. д.). Сегодня много говорят о том, что управление должно быть *конкурентоспособным*, а это требует *измерения* всего и вся («затраты — выпуск»). Но в сознании наших «управляющих», особенно последнего времени (окрепли, приобрели опыт и т. д.), *нет и намеков* на то, что надо соизмерить затраты на управление с его результатами и в целом с социально-экономическим состоянием общества. Как будто офисы (апартаменты), дачи (по десяти на одного), самолеты, яхты (у некоторых уже четыре — супер! — на одного), автомашины (уже по 0,5 млн долл. за штуку), охрана, обслуга и проч. *составляют* столь элементарные атрибуты управления, что без них оно не может существовать, а анализировать их вообще не дело общества. В нашей стране *руководители* субъектов управления создали для себя такие *роскошь и расточительство*, как ни в одной стране мира. Здесь они превзошли и богатые США, староаристократические Великобританию и Францию, и страны Востока. Стали очень быстро *впереди* всех, хотя дела в стране, в сравнении с другими, идут не так уж успешно. Призывают к изучению и использованию *зарубежного опыта*, но почему-то в этом вопросе он для нее *неинтересен*.

Целесообразно также при оценке результатов управления непременно *проектировать их на будущее*. Результат управления есть продукт прошлых, проделанных усилий, но он же и *основание, опора и ресурс для будущего*. Это предполагает:

определение *устойчивости* результата управления, т. е. его существования и действия в достаточно длительное время;

выявление *потенциала воспроизводства* результата управления — его способности *порождать* в новом управлен-

ческом цикле такой же или еще лучший результат управления (нарастание количества и качества);

прогнозирование влияния результата управления на те общественные явления, отношения и процессы, которые выступают управляемыми объектами для соответствующих субъектов управления.

Посредством таких действий и их выводов формируется «мостик» в историческом (временном) существовании любой управленческой системы. При нормальном и действительно реализуемом управлении этот «мостик» должен быть, по меньшей мере, «пешеходным», позволяющим управлению осуществляться *непрерывно* и с нарастающим позитивным качеством. А то у нас (повспоминайте сами) нередко после деятельности определенных «управляющих» возникает чуть ли не полный погром и многое приходится начинать с «чистого листа».

Актуально, наконец, выражение и осмысление результатов управления в качестве *общественной ценности*. Здесь могут быть *разные* подходы, что, естественно, зависит от характера и предназначения управленческих систем и их субъектов управления. Для управленческих систем, производящих товары или оказывающих услуги, уже сам факт того, что они *потребляются* людьми и приносят прибыль, дает основание полагать, что результаты управления у них обладают определенной общественной ценностью. В условиях баланса спроса и предложения, а также свободы выбора это хорошо просматривается. Сложнее с выявлением общественной ценности финансово-кредитных и страховых управленческих систем, где их доходы не всегда связаны именно с результатами управления. Подчас они *навязывают* соответствующую *модель* движения ресурсов, которая выгодна исключительно им. Естественно, что особые сложности возникают при анализе общественной ценности результатов управления *комплексных территориальных* управленческих систем. Тут в круг исследования попадает очень много обстоятельств и факторов разной природы, поскольку речь идет о состоянии реальной жизни и самочувствии большого числа людей, каждый из которых имеет свой взгляд на результаты управления. Значит, актуально дифференцировать и конкретизировать и исследовательские проце-

дуры, и получаемые оценки. Однако, в целом, в любых случаях всем субъектам управления необходимо *взаимодействовать* с обществом, его социальными слоями и группами, с коллективами и отдельными личностями, со СМИ и их персоналом по вопросам выражения ими своих результатов управления в качестве общественных ценностей. Ибо нет лучшего судьи, чем сама жизнь.

Важно, учитывая многообразие управленческих систем и их субъектов управления, иметь чуть ли не для каждого из них модель *требуемых* от них результатов управления. *Подход* здесь очевиден: какими бы крупными (иерархическими) ни были субъекты управления, как бы в них не бурлила управленческая деятельность, какое бы там ни было напряжение, строгость и дисциплина и многое другое, что *традиционно* характеризует субъекты управления и стиль их функционирования, *основной интерес общества* по отношению к ним всегда состоит в том, в каком *состоянии находятся управляемые объекты, на каком уровне, в каком содержании и с какими последствиями для людей* протекает их общественная, групповая и частная жизнь.

Вот этот *основной интерес общества*, относящийся к субъектам управления, направленный на них, и призван удовлетворять процесс объективации через выявление, анализ и оценку результатов управления. В данной связи его задача состоит в том, чтобы постоянно отслеживать (контроллинг), как и насколько субъекты управления в целом, в совокупности и каждый из них в отдельности *осваивают и вводят* в нашу жизнедеятельность *объективные условия* (природные, естественно-общественные, историко-культурные), потенциал *субъективного фактора* (знания, опыт, науку, образование, эвристические способности, навыки, идеалы, ценности, цели, потребности, интересы, мотивы и т. д.) и *наличные ресурсы* (не только биосоциотехносферы, но и финансовые, международной кооперации, информатизации, глобализации и т. д.).

Практическое использование процедур и операций объективации управления обеспечивает *комплексный подход* к субъектам управления и их *системный анализ*, что органично включает их в целостную общественную жизнедеятельность страны. Объективация есть *движение аналитической мысли*

по всем проявлениям управления — от выбора вариантов, моделей, парадигм управленческих решений и действий до их воплощения в производительные силы страны и благополучие ее населения.

В силу *непрерывности* исторического существования людей и управления объективация по мере своего осуществления постепенно *переходит* в процесс *объективизации* — подготовки и реализации нового управленческого цикла. Поэтому в ней важно как получение лучших результатов управления, так и их *дальнейшее использование*. Скажем, много денег вовсе не ведет автоматически к тому, что мы их рационально потратили. Выдающиеся результаты управления, которых обычно мало, тоже не гарантируют их оптимального вклада в будущее. Из-за этого в управлении, во всех его аспектах, большое внимание уделяется его *эффективности*, методологии и технологии ее познания и характеристики, о чем следующий очерк.

Очерк 14. ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ (критерии и показатели)

В последнее время в общественной мысли стало часто и настойчиво звучать понятие «*эффективность*», в разных его вариантах. И это не случайно: человечество все нагляднее убеждается в том, что избранный им способ жизнедеятельности порождает усугубляющиеся *противоречия* между ним и природой (истощение ресурсов, экология, климатические изменения и т. д.) и внутри того общества, которое оно создало (бедность большей половины, наркомания, СПИД, пьянство, преступность, терроризм, практически непрерывные войны).

Многочисленные *объективные факты* свидетельствуют о том, что культура индустриальных демократий, обычно обозначаемая понятием «*западная цивилизация*», которая за 300 лет подготовила мировое сообщество к нынешнему состоянию, начинает давать сбой и привела к затратно-расточительным воспроизводственным процессам. Из социально-экономического кругооборота изымаются огромные ресурсы, которые вместо инвестирования в развитие оседают «мертвым грузом» в руках 12 — 13 млн наиболее крупных собственников и идут на бессмысленную роскошь.

Существует расширяющийся дисбаланс не только между возможностями природы планеты Земля и растущими потребностями численно все большего человечества, но и между производством, с одной стороны, и распределением и потреблением — с другой. Рыночные отношения как регулятор свободы воспроизводственных процессов проявляют себя *ограниченно* и, естественно, не решают острых вопросов жизни. Не срабатывает должным образом и государство, причем не в аспекте государственного аппарата, а именно триединства территории, населения и власти. Государственный аппарат по сути везде переплелся с «аппаратом» крупного бизнеса и *отстает* в осознании происходящего и выработки новой идеологии и политики человеческой жизнедеятельности.

В такой ситуации *реальностей* многие мыслящие люди обратились к явлению эффективности, пытаясь через его осознание и использование осуществлять необходимый перелом

в сознании, поведении и деятельности людей. И вполне логично, что начало такому перелому усматривают в *преобразованиях в управлении* с тем, чтобы прежде всего субъекты управления озаботились проблематикой эффективности, освоили ее идеологию и методологию. Пишут об эффективности государственного управления, эффективности менеджмента, эффективности управления, эффективном управлении фирмой и т. д.¹.

Однако даже применительно к управлению, не говоря уже о человеческой жизнедеятельности, нельзя утверждать, что понятие «эффективность» (и производные от него) достаточно исследовано, раскрыто и понято в своих основных чертах. Как и по другим категориям, понятиям, терминам, распространен *релятивизм, субъективизм и усмотрительное толкование*. Большинство ограничивается смыслом латинского слова *effectus* — действие какой-либо силы, причины, результата, следствия чего-то, а также производного от него *effectivus* — производительный, действенный, и сводит, как правило, его проявления к области экономики. Постоянно приходится удивляться тому, что в современном вроде бы многообразном мире, в котором интеллектуальное начало является движущей силой его развития, анализ практически всех составных частей жизни *суживается до их экономических характеристик*. И считают, к примеру, что экономическая эффективность — это: 1) разница между результатами экономической деятельности (продуктом в стоимостном отношении) и затратами, произведенными для их получения и использования: это — прибыль; наоборот — ущерб, убыток; 2) разница между исходной и достигнутой «абсолютной» экономической эффективностью рассматриваемой экономической системы при ее изменении или изменении условий ее существования². Как будто в самой экономике (внутри ее) содержится и выявляется ее эффективность. *А где человек и его жизнь?* Исходя их

¹ См., напр.: Эффективность государственного управления / Пер. с англ. М., 1998; Бусыгин А.В. Эффективность менеджмента: Учебник. М., 2000; Друкер Питер Д. Эффективное управление. Экономические задачи и оптимальные решения / Пер. с англ. М., 2002; Эффективное управление фирмой. Современная теория и практика. СПб., 1999, и др.

² См.: Экономическая энциклопедия. М., 1999. С. 1007 — 1008.

такой трактовки выделяют эффективность дохода, эффективность замещения, эффективность масштаба, эффективность обратной связи и т. д. Эффективность производства (*operations performance*) — это рыночная стоимость произведенной продукции, поделенная на суммарные затраты организации¹. Если с этим согласиться, то самыми эффективными могут быть наркобизнес, проституция, контрафакт, организованная преступность и нечто подобное.

Всемирный банк по отношению к *государству* так трактует ситуацию: под потенциалом государства понимается способность эффективно производить и пропагандировать коллективные мероприятия; эффективность — это результат использования данного потенциала для удовлетворения спроса общества на соответствующие блага². Здесь также очевиден сугубо «рыночный» подход: «соответствующие блага» без определения их характера, актуальности и полезности.

В общем и целом наблюдается путаница понятий, их неопределенность либо понятия употребляются в весьма волюнтаристских смыслах. Отчетливо видно, что *отождествляются* совершенно разные явления и обозначаемые их понятия: *результативность* (*efficinci*), о которой писалось в предыдущем очерке, *экономия* (*economi*), *производительность*, *качество* и *эффективность*. А оно уже не наука, поскольку наличие множества определений одного и того же явления, отношения или процесса не приносит никакого понимания самого определяемого объекта (любого предмета).

Уточню: *результат* (результативность) есть итог (либо продукт) какой-либо человеческой деятельности, который получает определенные характеристики, отражающие его значение для людей. *Экономия* связана с бережливостью, умением из одних и тех же ресурсов производить больше продуктов (товаров, услуг, капитала, информации) либо с более рациональным их использованием. *Производительность* обозначает способность (возможность) человеческих усилий, механизмов, технических изделий (машин), технологий создавать при применении измеряемых ресурсов (норм, нормативов,

¹ Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Д. Основы менеджмента. М., 1992. С. 699.

² См.: Отчет о мировом развитии. 1997. М., 1997. С. 4.

стимулов) необходимые обществу, людям потребительские ценности, в том числе и духовные, управленческие и др. Анализ производительности выводит нас на результат усилий и затраты на его производство.

И получается *ясность* в вопросах: а) есть продукт (результат), пригодный для нужд людей; б) на получение этого продукта было затрачено столько-то энергии, материалов, человеческих сил и иных издержек; в) сам продукт по своим параметрам обладает определенными (и соотносимыми с затратами) потребительскими свойствами (ценностью). Понятием «*качество*» традиционно характеризуют свойства, потенциальные возможности *того*, что производится или произведено. Качество могут иметь труд, изделия, товары, услуги, информация, капитал, знания, опыт и многое другое.

Но ни результат, ни экономия, ни производительность, ни качество не свидетельствуют *о главном*, о том, что тот продукт, который посредством их описывается, будет *востребован, встретится с потребностью на него и будет реально потреблен*, т. е. удовлетворит общественные или личностные потребности. Можно привести обилие примеров, когда самый лучший продукт (по названным параметрам) не используется. Он имеется, но по каким-либо причинам выведен за пределы социально-экономического и культурного кругооборота (где-то лежит, портится либо, в конечном счете, списывается — достаточно посмотреть на отходы одной только торговли).

Поэтому эффективность любого вида человеческих усилий и использования «техники» возникает лишь тогда и на той стадии воспроизводственного процесса, когда что-либо созданное людьми *реально потребляется*, т. е. действительно удовлетворяет личные и общественные потребности, обеспечивает жизнедеятельность людей. В понятии «эффективность» содержится и измеряется то, что создает (творит) *продукт при его потреблении*. Какую он приносит пользу? Последнее понятие «*польза*» очень важно в контексте описания эффективности, хотя его трудно выразить в каких-то качественных и количественных показателях. Разные эпохи, культуры, религии, традиции, обычаи, климатические условия жизнедеятельности, уровень благополучия и развития и мно-

гое другое предъявляют разные требования к полезности одного и того же продукта. И тем не менее здравый смысл позволяет весьма достоверно считать, что есть польза для человека, для общества с точки зрения их существования и развития.

Исходя из таких размышлений можно полагать, что эффект (и все производное от него) представляет собой сумму (сложение) двух моментов:

1) *разницы между полученными результатами и потраченными ресурсами, имеющей положительное значение и свидетельствующей о пользе, принесенной человеческими усилиями;*

2) *способности этой разницы (пользы) удовлетворять реальные жизненные потребности общества и отдельных личностей.*

Эффективность является оценочной характеристикой именно такой человеческой деятельности (с включением в нее разума, мышления), вследствие которой создается и потребляется результат, обеспечивающий сохранение и будущее развитие отдельного человека, коллектива и общества (страны) в целом. Это — *вкладываемый в улучшение жизни полезный остаток потребляемого продукта (результата) усилий людей, средств и орудий труда*. Нет эффективности любой активности (любого движения), если последняя не дает прироста материальной и духовной продукции, совершенствования социальных условий жизни, сохранения и восстановления среды обитания людей и всего живого. Нет ее и тогда, когда прирост вроде бы имеется, однако он «пустой», ибо не идет на нужды людей, запросы общества, решение жизненных проблем — валяется где-то на складах, скрыт за заборами нуворишей, вывезен за границу, лежит в архивах, библиотеках, научных лабораториях, где-то в частных домах и прочее прочее, т. е. существует *бесцельно и бессмысленно*.

Эффективность любого дела, которое носит не личный, а коллективный, общественный характер, всегда связана с управлением и во многом зависит от сознания, поведения и деятельности субъектов управления. Но тут проявляется *качественная специфика*, которая, к сожалению, вообще не учитывается. «Связанная» еще не означает тождественная. Эффективность любых человеческих усилий, да и созданных ими технических средств есть понятие общее, эффективность управления понятие *особенное*. Естественно, вытекающее из

общего и тем не менее особенное, характеризующее результаты мышления и действий *именно субъектов управления*.

Однако у нас к субъектам управления в большинстве относятся как к *обыкновенным* предприятиям, учреждениям и организациям, которые непосредственно производят (создают) капитал, товары, услуги, информацию, т. е. продукты, имеющие потребительскую ценность. Вот и введены (подумайте только) по действующей классификации управленческие структуры в общую отраслевую структуру федеральных государственных учреждений, в которой они составляют 12 870 ед., или 34,71 от их числа. Поразительно, но они поставлены в один ряд с учреждениями народного образования, сельского и лесного хозяйства, здравоохранения, культуры и искусства, жилищно-коммунального хозяйства и т. п.¹

А из такой посылки делаются и адекватные ей выводы: «...эффективность управления — один их основных показателей совершенства управления, определяемый посредством сопоставления результатов управления и ресурсов, затраченных на его достижение. Эффективность управления можно оценить путем соизмерения полученной прибыли и затрат на управление. Но такая элементарная оценка не всегда оказывается корректной, поскольку результат управления:

не всегда выражается прибылью;

приводит к непосредственному и опосредованному результатам; непосредственный результат скрывает роль управления в его достижении, прибыль часто выступает как опосредованный результат;

может быть не только экономическим, но и социальным, социально-экономическим, социально-психологическим и т. п.»². Чувствуется в приведенной цитате, что авторы в целом запутались, даже в ней первая мысль противоречит последней, но почему-то на этом остановили свои рассуждения. Подобное распространено и кажется не случайным, ибо многим, многим не хочется измерять и оценивать эффективность управления.

Трудно понять, почему в *общественной мысли* (исторической и теоретической) умышленно забывают, что субъекты

¹ См.: Аналитический доклад и реформа госучреждений. М., 2003. С. 5.

² Государственное управление. Основы теории и организации. М., 2000. С. 334 — 335.

управления (при всем напряжении и «борьбе» в них) производят всего-навсего *управленческие решения и действия*. Они могут их производить быстро, обильно, непрерывно, своевременно, качественно и проч. (в аспекте формирования управляющих воздействий), но все они *не являются и не в состоянии быть продуктами для непосредственного потребления людьми*, содержать в себе потребительские ценности. В них не оденешься, ими не будешь сыт, они не послужат жильем и проч. Для того чтобы приобрести характер потребительских ценностей, управленческие решения и действия должны воплотиться в поведении и деятельности управляемых объектов, соединиться с ними и превратиться в актуальные продукты жизни людей, общества.

Как уже неоднократно отмечалось, сущность управления выражается в том, что содержащиеся в нем управляющие воздействия целеполагают, организуют и регулируют *воспроизводственную деятельность* в управляемых объектах (явлениях, отношениях, процессах), посредством которой и осуществляется производство, распределение, обмен и потребление материальных, социальных и духовных продуктов, обеспечивается целостность, суверенитет, безопасность, упорядоченность и развитие общества. Без управления разных видов скорее всего невозможна нормальная коллективная человеческая жизнедеятельность. Но *сами по себе*, в отрыве от управляемых объектов, вне их состояния и развития, субъекты управления не имеют существенного значения. Есть же в жизни субъекты власти (по идее — и управления), которые обладают огромными ресурсами (акционеры, рантье, владельцы капиталов, земли, недвижимости и «движимости», мафиози, нувориши и т. д. и т. п.), но они не вводят их в общественное развитие. Поэтому даже если их ресурсы растут, то говорить о какой-либо эффективности в таких случаях не приходится. Пора все-таки понимать, *что такое жизнь и в чем источники и факторы ее воспроизводства*.

Эффективность управления — *особое, самостоятельное явление*, и оно может содержаться только и исключительно в системе «*субъект управления — взаимодействия (воздействия) — управляемые объекты*» и, соответственно, измеряться и оцениваться по состоянию и производительности,

результатам и качеству функционирования в целом таких управленческих систем, по структуре, объему и актуальности производимых и потребляемых ими материальных, социальных и духовных продуктов. Именно такое понимание эффективности управления способствует раскрытию *реального вклада* субъектов управления в жизнедеятельность людей, общества, позволяет обоснованно и зримо фиксировать результаты управления и соотносить их с потребностями и интересами людей, общества и давать им адекватную их сути оценку.

Не сомневаюсь, что каждый, кто дочитает очерки до этих строк, согласится со мной в суждении о том, что находить, измерять и оценивать эффективность управления — дело сложное, задача, которую надо каждый раз решать применительно к конкретным управленческим системам и их субъектам управления. *Но это надо делать!* Исторически у нас выработалась тенденция стремления к власти и богатству, что часто соединяется и становится одним и тем же. Множество людей чуть ли не с детства рвутся к власти, ибо власть предоставляет легкие и обширные блага. *Единственный способ* здесь что-то изменить к лучшему заключается в том, чтобы заставить власть управлять и научиться оценивать эффективность управления с ее стороны. Будем знать как «работает» власть, сможем привлекать ее к ответственности за эффективность управления, все в стране коренным образом изменится, еще раз подчеркиваю, все: и экономика, и политика, и социальная жизнь, и культура, и философия и идеология поведения и деятельности. Тогда общество получит в свое распоряжение *инструментарий согласования своих интересов с властью*.

Следовательно, очень важно обосновывать и практически испытывать те общественные элементы и взаимосвязи, которые могут служить для характеристики эффективности управления. Сначала отмечу те, которые описываются во многих публикациях. *Техническая* эффективность субъектов управления усматривается в анализе и оценке всего, что в них происходит, начиная от «входа» — поступления информации и завершая «выходом» — исходящими от них управленческими решения и действиями. Таким путем выявляется

многое: отношение к информации, поиск и выбор вариантов, моделирование содержания управленческих решений и действий, соблюдение законодательства, состояние контроля, подготовка персонала, время, затрачиваемое на разные дела, стиль функционирования, документоведение и т. д.

Посредством *организационной* эффективности субъектов управления пытаются исследовать их иерархическое построение, уровни, членение на подразделения, соотношение в них связей субординации и координации, комбинацию используемых методов, действие формальных и неформальных отношений, реализацию организационного потенциала, управленческую отдачу от организационных мероприятий и т. д. В этих целях разрабатываются типовые организационные структуры, штатные расписания, схемы построения и другие ориентирующие документы.

Часто используется понятие *«экономическая эффективность субъектов управления»* (их организации и функционирования), суть которой сводится к анализу затрат на содержание этих самых субъектов управления. Если где-то и можно говорить о такой эффективности, то только по отношению к *бюджетным субъектам* управления, для которых устанавливаются хоть какие-то рамки расходов. Но в настоящее время даже здесь большой простор, ибо объемы бюджетных ресурсов разрабатывают и утверждают сами субъекты управления (к примеру, вносят исполнительные органы, а утверждают — представительные), которые, как хорошо известно, себя *никогда не обижают*. В менеджменте и общественном управлении в таком вопросе субъекты управления совершенно свободны. Поэтому в очерках употребляется понятие *«экономическая эффективность управления»* без слов «субъектов управления», которая имеет совсем *другой* смысл, именно и подлинно экономический.

Значение названных видов эффективности субъектов управления нельзя отрицать и, тем более, игнорировать. С их помощью можно, конечно, многое вскрывать в субъектах управления, измерять и оценивать. Весь вопрос упирается в то, *кто* в этом заинтересован и будет это делать. Внутреннее состояние каждого субъекта управления, происходящие в нем отношения и процессы это обычно «тайна за семью пе-

чатами», которую знает, может быть, лишь его первый руководитель, и то не всю. Здесь круговая порука всегда мощная: никто ничего не знает и не говорит.

Поэтому на основе всего сказанного в очерках и как их логическое следствие виды эффективности управления обосновываются по-иному: *во вкладе управленческой системы («субъекта — воздействия — объектов») в удовлетворение потребностей людей, общества и в решение тех проблем, которое для них актуальны и необходимы.* Соответственно избрана и совершенно *другая методология* классификации эффективности управления. Она ориентирована *по продуктам функционирования управляемых объектов.* У разных управленческих систем они разные. Все здесь определяется их целевым и функциональным предназначением, а также положением в общественной системе. Каждая управленческая система через свои управляемые объекты выполняет какую-то свою *миссию (роль)*, занимает свою нишу в производстве и потреблении капиталов, труда, товаров, услуг и информации. Существует *объективная специализация деятельности*, которая кооперируется в разных структурах, зависящих от сложности конечного продукта. Если конечный «продукт» функционирования субъектов разных видов управления по форме в общем-то *идентичен* — управленческие решения и действия, то управляемые объекты исключительно *дифференцированы и конкретизированы*, ибо каждый из них создает что-то свое: кто металл, кто книгу, кто хлеб, кто транспортное сообщение, кто песню и так до бесконечности. Творчество порождает все новые и новые продукты для человеческой жизнедеятельности.

Воспроизводственный процесс, о котором многократно упоминалось, состоит из следующих стадий: *«производство — распределение — обмен — потребление».* Часто стадии распределения и обмена, реализуемые посредством рыночных отношений, объединяют в одну и обозначают понятием *«обращение».* И получаются три крупные стадии, которые и по своему содержанию, и по «итоговому» продукту отличаются спецификой, которую и необходимо учитывать соответствующим субъектам управления. Тем самым связь управления с воспроизводственной системой жизнедеятельности людей

образует основания и аргументы для выделения видов эффективности управления, т. е. той эффективности (заметьте), которая непосредственно влияет на состояние и развитие общества, а в нем конкретных людей.

В результате предложенного хода размышлений обнаруживаются *три вида* эффективности управления:

производственная эффективность управления, которая непосредственно содержится в *стадии производства*, где и создаются материальные, социальные и духовные продукты, предназначенные для разных видов потребления — поддержания и развития жизни;

экономическая эффективность управления, которая охватывает *стадии производства и обращения (распределения и обмена)* и возникает в момент, когда продукт встретился с потребностью на него и совершился акт продажи-покупки;

социальная эффективность управления, воспроизводящая совокупный результат действия *всех стадий* производственных процессов (производства — обращения — потребления) и раскрывающая *пользу*, приобретаемую людьми, обществом от данных процессов и особенно от потребления произведенных ими материальных, социальных и духовных продуктов.

Как нетрудно представить себе, каждый названный вид эффективности управления отражает и характеризует *разные стороны (аспекты)* жизнедеятельности людей, общества, но логически связан с другим и только *совместно* (по расширяющей и нарастающей) дает более-менее достоверное знание о том, как реально взаимодействуют субъекты управления и управляемые объекты в целостной системе человеческой жизнедеятельности и какой они вносят вклад в развитие общества и решение его проблем.

Значит, каждый вид эффективности управления подлежит четкому описанию, выработке адекватных ему *критериев и показателей*, обоснованию методологии и методики их применения. Это крайне важно ради дальнейшего развития страны, поскольку без анализа и оценки эффективности управления разных видов мы по-прежнему будем полагаться на субъективистские подходы, политические интересы и вкусы властвующих, идеологические постулаты, подвергать жизнь людей

бесчисленным реформам, довольствоваться обещаниями счастливого будущего, вплоть до рая на том свете.

Выскажу свое мнение: если отбросить всевозможные «завихрения сытых умов» (потому и юродствующим), то абсолютному большинству людей и будущему нашей страны нужны именно мощные производительные силы в их «троице» — человеческий потенциал, материально-техническое производство, природа и ее экология. А это все вполне измеримо и по своему состоянию и его динамике достоверно свидетельствует о том, каковы на самом деле философия, идеология и целеустремленность субъектов управления.

Зная реальное состояния дел в стране, менталитет «начальников» и «подчиненных», при котором редко кто серьезно относится к тому, что происходит в любых воспроизводственных процессах от демографии до экологии — каковы их результативность и эффективность, еще раз прошу читателя внимательно разобраться в смысле и особенностях каждого из предложенных видов эффективности управления.

Наиболее массово действующим является, естественно, производственный эффект, поскольку производством материальных, социальных и духовных продуктов занята значительная часть взрослого, трудоспособного населения. Причем во всех странах, не взирая на новейшие технологии. На базе и с использованием произведенных продуктов осуществляются: оказание услуг, социальное обслуживание (в широком смысле), развитие инфраструктуры, коммуникации, политическая деятельность, функционирование субъектов управления, содержание детей и престарелых, оборона и безопасность и многое-многое другое.

Производство и все происходящее в нем всегда занимало внимание общества, его интеллектуальных и властных сил. С поисков производственного эффекта и началось, собственно говоря, становление «науки управления», связываемое с именами А. Файоля, Г. Эмерсона, Ф. Тейлора, Т. Форда и многих других специалистов¹. В последующем (уже более 100 лет) практически все разрабатываемые и внедряемые технологии

¹ См., напр.: Управление — это наука и искусство: А. Файоль, Г. Эмерсон, Ф. Тейлор, Т. Форд. М., 1992.

были направлены на то, чтобы в стадии производства более производительным становился *труд людей*, активнее и полнее использовались технологические средства, экономились ресурсы, качественнее становились производимые продукты и многое иное, так как потребности людей, общества растут высокими темпами и их надо обеспечивать.

Производственная эффективность управления возникает у тех управленческих систем (структур), управляемые объекты которых призваны производить *строго определенную продукцию* или оказывать такую же четко обозначенную *социальную услугу*, *параметры которой заранее установлены* (известны всем исполнителям, участникам данного производственного процесса), и обеспечение их исполнения выступает основным смыслом функционирования соответствующих субъектов управления.

Это прежде всего: производство агрегатов, изделий, механизмов, имеющих комплектующий характер либо предназначенных для сборки; водо- и энергоснабжение; транспортное обслуживание и многое другое, что носит *«промежуточную»* потребительскую ценность. К примеру, в условиях современной узкой специализации и широкой кооперации производства порой десятки-сотни заводов и их цехов производят продукцию, которая только будучи собранная в *конечном продукте* (автомашина, самолет, электровоз, телевизор и проч.) приобретает *товарное качество*. Используемые в производстве газ, электричество, сырье, механизмы и прочее, имеющие свою *«входную»* цену, *«переносятся»* на конечный продукт, который только и поступает на *рынок*. Все должно быть подготовлено до состояния, в котором продукт становится *товаром*. В «знаменитые» 90-е гг. XX в. у нас так относились к производству, что страна перестала, по сути, выпускать самолеты, корабли, железнодорожный подвижной состав, станки, комбайны и другую технику, которой до этого производилось в избытке. Все продали по частям.

Между тем в любой системе жизнедеятельности людей (плановой, рыночной, республиканской, демократической и проч.) любое производство требует своего *учета, счета, анализа и оценки*, и тем самым производственная эффективность управления выражается в *соотношении результатов* (зара-

нее спrogramмированных или заказанных), полученных на выходе из стадии производства и *затрат* на их создание, которые также подлежат тщательному нормированию. Поэтому в рамках стадии производства *нормы и порядок труда, нормативы расхода энергии, времени и других ресурсов, нормативы (качественные характеристики) полученного изделия (услуги) и другие параметры* должны четко определяться, описываться и контролироваться. Особо актуально соблюдение всех звеньев и параметров используемых технологий, дающих на выходе нужные нормы труда, нормативы расходов и качество изготавливаемых изделий, механизмов и оказываемых услуг. Производственный эффект любого дела создается, как правило, *внутренней* (в рамках конкретного управляемого объекта) организацией труда, имеет технологическую основу и измеряется по нормативно-затратным показателям, что весьма *сравнимо в мировом сообществе*. Кто выигрывает (опережает) в производственном эффекте, тот получает лучшие шансы и для других эффектов.

В период информационно-технологической революции наших дней и наступающей энергоэкологической проблема производственной эффективности управления приобретает первостепенное значение для выживания народов и стран. Как обоснованно замечено: «Производительность движет экономический прогресс. В конечном счете человечество управляет силами природы и постепенно сформировалось в самостоятельную культуру путем *увеличения отдачи на единицу ресурса в единицу времени*. Известно, что вопрос об источниках производительности является краеугольным камнем классической политэкономии, начиная от физиократов к Марксу через Рикардо. Этот вопрос все еще остается основным предметом исследования»¹ (курсив мой. — Г.А.). В то же время сегодня действует немало источников и факторов, которые позволяют *решать* эту проблему.

Во-первых, это принципиально *новые знания*, способные создавать материалы (продукты) и технологии их получения на уровне, сравнимом с природой, а кое-где и превосходящим ее; использование таких знаний становится основным источ-

¹ Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / Пер. с англ. М., 2000. С. 82.

ником формирования высокой производственной эффективности управления.

Во-вторых, это *информационные средства* (компьютеры, информационные сети, мобильная связь и т. д.), создающие условия и факторы для многостороннего определения и последовательного контроля практически всех элементов большинства производственных процессов, что предвосхищает и гарантирует получение искомой производственной эффективности управления.

В-третьих, это открытость мира, свободный и мгновенный обмен информацией, глобализация рынков, актуализирующая *конкурентоспособность* производственной эффективности управления, ибо побеждает тот, у кого такая эффективность выше; это наглядно видно как в рамках страны, так и на международной арене, особенно по отношению к нашей национальной продукции, прежде всего промышленной.

В-четвертых, это, наряду и совместно с использованием все более производительных технических средств и технологий, информации (в богатстве ее содержания), искусственно создаваемых материалов и т.п., *возвышение роли человеческого потенциала*, в интеллекте и чувствах которого усматривают преодоление критических точек во взаимоотношениях в системе «человек—общество—техника—технологии—природа».

И в-пятых, понимание того, что рынок рынком, политика политикой, идеология идеологией, а для существования и развития людей, общества *определяющей* является производственная эффективность управления. Прежде чем что-то продавать, перекупать, давать, брать, вывозить или привозить и т. д. и т. п., надо это *произвести*. Реальная жизнь потребляет реальные продукты, хотя сегодня ей преподносят очень много виртуальностей. На последней зарабатывают «большие деньги», но организм человека пользуется все-таки не ею.

Между тем у нас за последние 30 лет (застой, «перестройка», приватизация, рынок и т. д.) практически не занимались *научно-технической и технологической модернизацией производства*, вследствие чего страну опустили в разряд вывозящих сырье и привозящих продовольствие, одежду, отдельные виды оборудования и, конечно, предметы роскоши для элиты.

При такой «линии» субъектов власти наше производство, за исключением отдельных продуктов, причем из недр ОПК, оказалось *неконкурентоспособным*, и сегодня редко какой субъект управления может похвастаться производственной эффективностью управления со своей стороны. В последнее время эта проблема *поднята*, но пока больше слов, программ, концепций, чем дел.

Известно, что между стадиями производства и потребления находится стадия *обращения (распределения и обмена)*, в которой произведенный продукт в форме товара или услуги, капитала или информации встречается с потребностью на него, покупается и затем потребляется. Это, собственно говоря, и есть *рынок*, который и для производителя, и для потребителя представляет собой очень неопределенную и подвижную систему, в которой как на легальном (нормативно упорядоченном, юридически урегулированном), так и на свободно-стихийном («базарном») уровнях каждого подстерегают многие «подводные» течения: угрозы (рэкеты), обманы, опасности, рейдерство, фальсификации и другие «скрипы» реальной жизни. Из-за этого многое произведенное может не востребоваться, весьма вероятны спрос и предложение, сложно соотносятся между собой зарплата и цены, очень иллюзорны финансовые инструменты (налоги, кредиты, вклады, инвестиции, товары, бюджеты, обменные курсы и т. д.), постоянно и искусственно меняется структура потребностей и потребления и т.п. И тем не менее только и именно здесь в *акте купли-продажи* кончается где-то начатый путь движения и предложения продукта и возникает искомый экономический эффект и, логично, *экономическая эффективность управления*. Производитель (по идее) получил возврат понесенных затрат, а потребитель — нужный продукт.

Стадия обращения представляет особый интерес как для производителя, так и для участника ее самой, ибо главным образом здесь получается *прибыль (goxog)* — разница между ценой продукта и его себестоимостью. Норма прибыли (средняя, низкая, высокая, сверхвысокая) таким образом выступает *регулятором* экономических отношений. Но экономическая эффективность управления не исчерпывается только

прибылью, а имеет более глубокий и многогранный смысл. Последнее характеризует: взаимосвязи между производством и потреблением по множеству параметров; соотношение между предложением и спросом и реальные возможности потребителей; обратные связи между всеми участниками воспроизводственных процессов; состояние кругооборота в экономике с соответствующей динамикой и самоуправляемостью; уровень удовлетворения общественных и частных потребностей и многое другое.

К источникам экономической эффективности управления относят: технологические мощности (система «наука — технологии — производство — общество»); доступ на крупный, интегрированный и богатый рынок; разницу между производственными издержками у производящей стороны и ценами на мировом рынке; политические возможности национальных и межнациональных институтов управлять стратегиями роста стран или регионов, находящихся под их юрисдикцией¹.

Вместе с тем, когда речь заходит о рыночной (спонтанной) экономике и получаемой здесь экономический эффективности управления, *никогда не следует упускать из виду*, что сфера обращения, посредством которой она фиксируется, является самой обширной, таинственной и анархической. В ней идет бесконечная хаотическая игра, в которой одни становятся миллиардерами, а другие — не имеют куска черствого хлеба. Получаемые здесь посредством всяких накруток прибыли порой в десятки раз превышают себестоимость производимой продукции (возврат затрат). Не случайно торговля и банковские операции отличаются самыми высокими доходами. Поэтому при анализе и оценке экономической эффективности управления следует учитывать *реалии* нашей экономики (действия монополистов, искусственное завышение цен и тарифов, дефицит нужного и доступного продукта, характер и факторы конъюнктуры, предложения и спроса, соотношение экспорта и импорта, коррупция и т. д.), степень урегулированности ее процессов, удельный вес экономических отношений и процессов.

¹ См.: Кастельс М. Указ. соч. С. 115 — 116.

В таких условиях измерять экономическую эффективность управления не просто. В одних случаях для народа — ее преувеличивают, чтобы показывать «заботу» власти, в других — специально приуменьшают для получения повышенных прибылей в свой карман. Но нам, людям, все равно надо знать, хотя бы приблизительно, то, что происходит на стадиях «производство — распределение — обмен». В них вкладывается *наш труд* и, наверное, интересно понаблюдать, что делается с его продуктом и кому он приносит экономическую выгоду. В данном аспекте у нас пока ничего особо серьезного не *происходит*: элита богатеет, трудящиеся беднеют (и абсолютно, и относительно), а преподносимые цифры, пропорции, прогнозы мало влияют на жизнь миллионов людей.

Мне кажется, любой читатель согласится с тем, что для жизни важно как то, что мы *купили* (приобрели) продукты питания, одежду, автомашину, дом, оборудование для завода, лаборатории, больницы и т. д. и т. п., их цена, новизна, вид, так и их *поведение в стадии потребления* (а для ряда изделий — эксплуатации). Причем имеется в виду и *личностное потребление* людей, необходимое для поддержания их жизнедеятельности и благополучия, и *потребление средств и орудий производства*, т. е. заводов, шахт, рудников, транспорта, дорог, оборудования, объектов инфраструктуры и многого другого, на что обычно уходят огромные ресурсы.

Все, во что вкладываются ресурсы, труд людей, *должно окупаться*, и чем быстрее (короче), тем полезнее для общества. К. Маркс называл это *производительным потреблением*, а не производственным, как у нас в лексиконе множества ученых. Производительное имеет иной смысл: не омертвление массы ресурсов посредством бессмысленных капиталовложений (что было широко принято в прошлом), а такое использование средств и орудий производства, которое приносит прирост национального богатства, повышает производительность труда, способствует благополучию людей, укрепляет безопасность.

Нельзя не отметить, что *стадия потребления*, рассматриваемая в широком аспекте, охватывающим потребление всего, что производится и на что затрачиваются любые ресурсы, обладает важными экономическими, социальными

и нравственными критериями, характеризующими культуру людей и общества в целом. Она позволяет увидеть, как ведет себя продукт в процессе его использования, каким образом и какие удовлетворяет потребности, что остается на будущее (завтра), в чем его польза людям, обществу. В то же время эта стадия аккумулирует предыдущие и как бы определяет их целесообразность, актуальность и эффективность. В результате возникает возможность увидеть и измерить социальную эффективность управления.

Этим видом эффективности управления «взвешивается» тот совокупный и общий (обобщенный) результат, который люди, общество получают как в стадиях производства и обращения того или иного продукта, так и *при его потреблении*. Другими словами (для наглядности), социальная эффективность управления формируется *в течение и в итоге всего жизненного цикла изделия, механизма, машины, идеи, открытия, изобретения, организационной формы и т. д.* Тем самым она вскрывает качество всех воспроизводственных процессов, осуществляемых людьми, их коллективами, обществом в целом. На фоне того, что происходит в мире, и того, что мы уже знаем о себе из собственной истории, может быть уже *надо задумываться над тем, как и что мы вообще делаем*. Начиная, скажем, от семейного быта, приусадебного участка, одежды, использования своих малых накоплений до тех огромных ресурсов, которыми распоряжается государственный аппарат и крупные собственники. Почему вначале мы что-то взрываем, разрушаем, выбрасываем, сжигаем, а через некоторое время сожалеем и строим заново? И так по несколько раз в одно столетие.

Разумеется, что не все субъекты управления (увы!) и не всегда думают о социальной эффективности своих решений и действий, о том, к чему ведет деятельность их управляемых объектов, хотя *должны бы*, ибо всем приходится жить в обществе и среди природы. Понимание такого эффекта требует *высокой мысли, глубокой социализации личности и благородства чувств*. Если кого-то, а таких немало, интересует лишь свой «живот», своя нажива, свое богатство, свои наслаждения и т. п., но ему социальная эффективность управления, конечно, ни к чему. Пример: пишут, что за последние 15 —

20 лет из страны вывезено от 300 до 500 млрд долларов. Значит, субъекты управления от наших ресурсов получили высочайшую экономическую эффективность управления (для себя), но российское общество от таких дел не имело никакой социальной эффективности. И данная тенденция продолжается. Уже более 400 тыс. наших граждан обосновалось в одном только Лондоне (а по всей Европе?) и все они источником своего благополучия могут назвать *Россию*. В общем, *страна создает капитал*, но он формирует социальную эффективность управления в *других странах*. Своеобразное у нас общество: работаем мы на своих ресурсах, а результатами всего в огромном объеме пользуются за рубежом.

Объективный смысл социальной эффективности управления состоит в следующем.

1. Социальная эффективность управления раскрывает *актуальность, рациональность и продуктивность* любого поведения и деятельности, в том числе и в стадии потребления. Причем, что особо важно отметить, при «снятии» сырьевых, энергетических и иных материальных затрат, цена (стоимость) которых лишь переносится из стадии в стадию, из процесса в процесс, социальная эффективность управления формируется (прирастает) *трудом и талантом, знаниями и опытом, умением и совестью людей*. В ней находит отражение и практическое действие культура общества. Если у нас многое происходит так, как происходит (в большинстве — безобразно), то для этого существуют *свои основания и причины*. Надо только их искать и признавать!

2. Характер и объем, источники и факторы социальной эффективности управления свидетельствуют о *состоянии и реальном поведении* общественных, государственных, предпринимательских и иных структур, об образованности, культуре, мироощущении, даже искренности людей. С такой точки зрения нельзя признавать социально эффективными те ситуации, когда производственная либо экономическая эффективность управления достигается путем нанесения ущерба, порой непоправимого, природе и основным условиям и факторам человеческой жизнедеятельности (к примеру, вымирания населения). Не являются таковыми краткосрочные, временные успехи, полученные за счет благоприятного стечения обстоя-

тельств (высокие цели на сырье, удачный в данный год климат и т. п.)

3. Социальная эффективность управления основана, как правило, на *высоком качестве и современных технико-технологических параметрах продукции*. В ней наиболее воплощаются достижения научно-технологической и информационно-технологической революций. Она возможна тогда, когда в обществе все заинтересованы в общей рациональности и продуктивности. Можно считать, что социальная эффективность управления и представляет собой *синергетический* результат сложения множества сил и факторов, ресурсов и резервов, знаний и опыта, нравственных и психологических установок, действующих в обществе и его олицетворяющих.

4. Социальная эффективность управления должна быть непременно *устойчивой, воспроизводящейся, наращивающейся*, содержать в себе не только «снятый» результат уже осуществленной деятельности, но и *источники и средства* для последующего развития, выступать постоянным и прочным звеном в цепи непрерывного воспроизводства общественной и частной жизни людей.

В отличие от экономической эффективности управления, в получении которой может «срабатывать» стихия, случайность, конъюнктура, обман, коррупция и нечто подобное, социальная эффективность управления создается *сознательно* и главным образом под влиянием субъектов управления. Поэтому ее можно определенным образом *разделить на уровни (классы, виды) с тем*, чтобы посредством анализа каждого из них видеть вклад в нее субъектов управления, их подразделений и отдельных управленцев (менеджеров):

а) *общая социальная эффективность управления*, которая характеризует результаты и последствия функционирования любой *управленческой системы*, т. е. сочлененных между собой субъектов и объектов управления; главное здесь — фиксация вклада такой управленческой системы в благосостояние и развитие общества — всех жителей страны;

б) *специальная социальная эффективность управления*, призванная показывать, как организован и функционирует анализируемый *субъект управления*, какие на него уходят ресурсы, как в нем распределены функции управления и тех-

нологии деятельности, в чем смысл, значение и практическая отдача от его управляющих воздействий и многое иное в его рамках. Она очень актуальна для крупных, сложноорганизованных, иерархических субъектов управления;

в) *конкретная социальная эффективность управления*, привлекающая внимание к отдельным сторонам управленческой деятельности, к адресным управленческим решениям и действиям, к актам и стилю поведения должностных лиц, руководителей, менеджеров, иных специалистов; имеет место детализация анализа и опредмечивание его результатов.

Практически во всех своих книгах последних десятилетий, посвященных управлению (разных видов), я отводил значительное место освещению вопросов эффективности управления. Поэтому здесь ограничусь лишь краткой характеристикой указанных видов социальной эффективности, выделив для этого наиболее существенные *критерии*, а то у нас заговорили об эффективности, но не знают, как ее измерить и оценить. Кто нуждается в большей информации, может обращаться к предыдущим моим публикациям.

Итак, в отношении *общей* социальной эффективности управления:

уровень *производительности труда*, определяемый делением стоимости произведенной продукции на одного работника, в том числе и в субъекте управления;

темпы и масштабы ежегодного *прироста* производимой продукции с учетом удельного веса реализованной на рынке;

средняя *оплата труда* с указанием «ножниц» между самой высокой и самой низкой;

качество жизни персонала соответствующей управленческой системы (образование, здоровье, жилье, продолжительность жизни);

упорядоченность, безопасность и надежность отношений в коллективах управленческой системы.

Для государственного и муниципального управления к этим критериям можно добавлять и иные: территориальный валовый доход, накопленное богатство, развитие социальной сферы, коммуникационная инфраструктура, прирост населения и другие, отражающие состояние обустройства территории и благосостояния ее жителей. Установление их — дело

заинтересованных государственных и муниципальных органов.

Специальная социальная эффективность управления призвана характеризовать уровень организации и функционирования самих субъектов управления, особенно, как уже говорилось, крупных: министерств, федеральных агентств и служб, корпораций, холдингов, государственных органов субъектов федерации и органов муниципальных районов, российских акционерных обществ, больших унитарных предприятий и т. п.

Здесь предлагаются такие *критерии* (прошу на них обратить внимание):

реальная (на деле) *целенаправленность* (иными словами, целесообразность, целевая обоснованность и последовательность) организации и функционирования субъектов управления;

затраты времени на решение управленческих вопросов и осуществление управленческих действий;

стиль функционирования субъектов управления, в который упирается очень многое;

сложность организации субъектов управления по вертикали и по горизонтали, порождающая множество критических точек;

общие (совокупные) — экономические, социальные, технические, кадровые, информационные и другие — затраты (издержки) на содержание (обеспечение функционирования) субъектов управления.

Не хочется по данным критериям приводить какие-либо примеры, их — множество и они удручающи. Выберите сами доступный вам субъект управления и попытайтесь его проанализировать.

Конкретную социальную эффективность легко можно выявлять через такие критерии:

степень соответствия направлений, содержания и результатов управленческой деятельности тем параметрам, которые определены в ее нормативной модели (регламенте, инструкции, положении и т. д.);

законность управленческих решений и действия;

«заряд» — мощностъ управляющих воздействий и реальность их практического осуществления;

содержание управленческих актов (решений, действий, поступков и т. д.);

демократизм, связанность управленческой деятельности с людьми;

мера обеспечения в решениях и действиях, поведении и собственном образе жизни управленца престижа субъекта власти-управления;

правдивость и целесообразность управленческой информации;

нравственность мышления и поведения персонала субъектов управления, особенно его руководящего звена.

Эти критерии применимы как для анализа того или иного субъекта управления, его структурного подразделения, так и для описания деятельности *каждого* их представителя.

В общем и целом не так уж и трудно изучать и определять эффективность управления. Это могут делать сами субъекты управления, в том числе по отношению к друг другу, общественное мнение людей, средства массовой информации, граждане путем обращений, общественные объединения, научные учреждения, трудовые коллективы и т. д. Главное всегда зависит от того, *есть ли желание* заниматься столь ответственными вопросами. Легче жить если ничего не слышать, не видеть и не говорить. Зачем кого-то раздражать? Что же — будем и дальше так существовать? Руководители многих наших субъектов управления будут получать десятки миллионов долларов в год, а мы будем радоваться повышению средней зарплаты до 7200 долл. тоже в год (из расчета 15 000 руб. в месяц) и тому, что (по прогнозу) разница между доходами богатых и бедных будет составлять 16 раз (по оптимистическому сценарию).

Надо полностью *менять* понимание эффективности всего и вся и наше отношение к эффективности управления. Не сделаем мы сами, за нас сделает *история*.

В завершение не могу отметить Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина № 825 от 28 июня 2007 г. «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», которым введено 43 показателя деятельности данных органов. Это *сделано впервые*, что свидетельствует как об актуальности

проблемы, так и ее понимании. Я не берусь анализировать выделенные показатели, надо увидеть их практическое действие. Тем более, что их применение требует учета *состояния* субъекта Федерации («донор», «дотационный», «депрессивный»). Но главное сделано: *внимание* общества привлечено к исследованию и определению эффективности управления. А такое *начало* многого стоит.

Очерк 15. «ОПЕРЕЖАЮЩЕЕ СОСТОЯНИЕ» УПРАВЛЕНИЯ (источники и факторы)

Это — завершающий очерк размышлений и предполагает какие-то обобщающие выводы и вытекающие из них направления дальнейшего развития теории и практики управления.

Ушедшие в историю первые годы ХХI века отчетливо показали, что никому на Земле не придется «почивать на лаврах». Все составные части биосоциотехносферы (биоприрода и человек в ней; социо-система общественных отношений и жизнь человека в ней; техно — созданная и быстро модернизирующаяся технико-технологическая составная нашего бытия) находятся в глубочайших *противоречиях*, как внутри себя (каждая!), так между собой. Факты подтверждают данную мысль каждый день: наводнения, землетресения, температурные аномалии, пожары, производственные аварии, транспортные катастрофы, эпидемии (то людей, то домашних животных), нехватка воды во многих местах, засухи, опустынивание и эрозия почв и многое-многое другое, с чем мы сталкиваемся непосредственно либо нам показывают и рассказывают.

Устойчивое *постоянство* таких явлений и информации о них привело к тому, что многие либо смирились с этим, либо перестали реагировать. Мол, что будет, то будет. Но если подобное простительно для обывателя, мешанина, филистера, «человека в футляре», то для субъектов власти такой способ мышления и поведения *недопустим*. Они людьми и историей *выделены* для того, чтобы просматривать, понимать, осмысливать происходящие процессы и на основе получаемых знаний искать, находить и практически реализовывать необходимые сохраняющие и преобразовывающие действия.

Если не пользоваться иллюзиями и фантазиями, не выстраивать химеры, миражи и виртуальные конструкции, не полагаться на «невидимую руку» (кого-то, в том числе рынка) или чью-то «высшую» волю, а стоять *на почве жизни* (по меньшей мере в течение 6 тысяч последних лет истории), то следует признать, что в обществе имеется лишь *одна сила* (один «центр тяжести»), способная обеспечивать его существова-

ние и развитие. Такой силой, как уже отмечалось в очерке 5, является *власть — разной природы и разных видов, но именно и только власть*. Можно до бесконечности писать, что власть отвратительна, деспотична, продажна и т. д. и т. п., что веками делают интеллигенты, но, как свидетельствует опыт, без нее еще хуже. Сущностная проблема в этом отношении видится — *в характере и состоянии власти, в ее потенциале, ценностных и целевых ориентациях, в ее основаниях и практической результативности*.

Причина всяких страданий и бедствий, войн и разрух и прочее не в государственной власти как исковой, не в богатстве или капитале, не в научном знании или технологическом уровне, взятых самими по себе, а в том, *как и для чего* используют эту власть *люди*, которые ее олицетворяют, ею владеют и ею распоряжаются. Любой вид власти может быть созидательным, творческим, интеллектуальным, гуманным, справедливым, благородным, исходящим из знаний, опыта, нравственности. Но и наоборот: безграмотным, грубым, бездушным, диктаторским, фискальным, роскошествующим, основывающемся на подавлении, обмане, страхе, насилии, санкциях и т. д. Социальные явления, отношения и процессы функционируют так, *как их выстраивают субъекты власти*.

И не мешало бы всем более предметно и глубоко заняться анализом, измерением и оценкой того, что собой представляют субъекты власти и чем реально они заняты. И шкалой ответа здесь выступают *взаимосвязи* власти и управления, и главное, как субъекты власти превращаются в субъекты управления и на самом деле управляют общественными процессами. В демократическом государстве и рыночной экономике это особо важно, поскольку субъекты власти — государственный и муниципальный аппараты, предприятия государственной и муниципальной собственности, финансово-банковские структуры, крупные государственные и государственно-частные монополии и корпорации, владельцы больших состояний и т. д. — сосредоточивают в своих руках *огромные ресурсы*. Куда и как они используются? Это — вопрос вопросов, и пока на него не будет вразумительных ответов, трудно надеяться на серьезные подвижки в нашем положении и его перспективах.

В *общей форме* можно сказать о следующих *требованиях*, которым призваны соответствовать субъекты власти при их превращении в субъекты управления:

в своей идеологии и целеполагании отражать *потребности, интересы и цели* общественного бытия и его развития;

самим выступать приверженцами, носителями и *образцами высоких идеалов, ценностей, мотивов и стиля* человеческой жизнедеятельности;

внутри себя и для других (главным образом управляющих) образовывать и поддерживать многогранный *мыслительный и творческий процесс* разрешения жизненных проблем и создания устойчивого будущего;

осуществлять постоянную и актуальную *информационно-аналитическую и программно-властную работу*, позволяющую предвидеть, прогнозировать, программировать, проектировать и планировать общественные перемены;

выступать в обществе по отношению к другим его структурам, особенно к управляемым объектам, *авангардом* познания, инновационных подходов, смелости и решительности в отражении действительности и динамики противоречий в биосоциотехносфере.

Все говорит о том, что обществу нужно не просто управление, создаваемое такими его субъектами, которые сами архаичны, интеллектуально тупы, озабочены наживой и эпикурейством и еще чем-то отсталым, инертным, бессмысленным, а управление, способное идти *вперед* общественного развития, его подталкивать, стимулировать и направлять. А для того, чтобы оно было именно таким, управление должно находиться (как я это называю) в «*опережающем состоянии*». Обозначаю кавычками потому, что понятие новое, и еще неизвестно, как оно будет принято учеными.

Кратко «*опережающее состояние*» управления означает, что в его субъектах широко используется современная научная мысль, принят свободный творческий поиск оптимальных управленческих решений, сосредоточены наиболее подготовленные профессионалы по различным аспектам управления, идет открытое (публичное) сравнение результатов управления с потребностями и интересами людей, управление служит обществу и обеспечивает его гармоническое развитие.

Характеризуя *«опережающее состояние»* управления, в нем можно выделить такие основные черты:

учет в управленческих решениях и действиях *реального потенциала* конкретных объективных условий и субъективного фактора, действующих в данный момент времени, пространства и ресурсов, а также динамики и перспектив их изменения;

ориентация целей субъектов управления на применение наиболее прогрессивных, передовых, выверенных мировой практикой и применимых в нынешней исторической и социальной ситуации способов, форм, механизмов и ресурсов решения актуальных вопросов жизнедеятельности людей;

тесное *взаимодействие* научной и общественной мысли (в целом) и управленческой практики, развитая и авторитетная общественная экспертиза принципиальных (преобразующих) решений, поддержание подготовленности персонала управления на уровне развивающегося мирового знания и опыта;

открытость и *восприимчивость* к новым источникам и ресурсам управления, способность своевременно осваивать лучшие механизмы и способы решения управленческих проблем;

гибкость и способность к *адаптации* своих элементов и их системных взаимосвязей, наличие потенциала постоянного самосовершенствования, развития и улучшения исходящих от субъектов управляющих воздействий.

Наличие *«опережающего состояния»* управления есть предпосылка и основное условие того, что способность людей к созиданию нового, открытиям и изобретениям, что новые поиски научной мысли и исследований и их результаты, что готовность людей служить Родине и возвышать ее и многое иное — доброе, честное, нравственное — будут *поддержаны, востребованы*, получают распространение и станут факторами нашей силы. Без управления все упования на одиночек, энтузиастов, «бессребреников», «патриотов» и других идеалистов, при всей их значимости, многого не принесут. У всех у них нет, как правило, ресурсов, и все самые самоотверженные пути быстро иссякают.

Концентрированным выражением деятельности общества и его институтов по формированию *«опережающего состоя-*

ния» управления является процесс *совершенствования* управления, т. е. активного и непрерывного улучшения параметров субъектов управления, управляемых объектов и их взаимосвязей. Использую понятие «совершенствование», которое характеризует заранее продуманный, просчитанный, экспертно оцененный, спланированный *искусственный перевод* управленческих явлений, отношений и процессов в новое, искомое качество. Это понятие отличается от понятия «развитие», отражающего *естественный* (природно и социально обусловленный) переход из одного качества в другое, более высокого уровня, и от понятия «реформирование», посредством которого определенные элементы и взаимосвязи управления *одноразово* (или: одномоментно) преобразовываются в иные, которые не обязательно лучшие, но решающие какие-либо политические задачи.. Совершенствование (по смыслу) всегда связано с *позитивными переменами*, ведущими к эффективности управления; реформирование, как и революция, часто всего *прикрывает передел* власти между ее субъектами (обычно их делает оппозиция, пришедшая к власти, либо новые собственники, либо те, кто впервые приобрел власть).

Совершенствование управления это масштабный и сложный процесс, включающий *цели, предметы, принципы, организацию, источники и факторы*. Разумеется, что такой большой комплексный процесс дифференцируется и конкретизируется применительно к свойствам и состоянию разных управленческих систем. А вообще он должен быть *имманентно включенным* в ежедневную жизнедеятельность субъектов управления и находиться в ней в период времени их существования. Ибо жизнь не стоит на месте и за ней надо не только поспевать, но по возможности ее и предвосхищать.

Выскажу несколько суждений по поводу каждого из названных элементов процесса совершенствования управления. Прошу лишь помнить, что все это относится не к самому управлению, а именно к его совершенствованию.

Цели процесса:

достижение адекватности управляющих воздействий соответствующих субъектов управления закономерностям, технологиям и потребностям управляемых объектов и в целом системе общественных отношений в стране;

формирование рациональных и эффективных взаимосвязей каждого субъекта управления с другими, окружающими его субъектами управления и управленческими системами (средой действия управленческих элементов);

поддержание в оптимальном состоянии организации и функционирования субъектов управления с тем, чтобы они всегда обладали нужным потенциалом управляющих воздействий;

повышение эффективности форм, методов, технологий и других элементов, используемых в управленческой деятельности субъектов управления.

Цели совершенствования управления касаются обычно как субъектов управления, так и управляемых объектов, поскольку в управленческой системе они и взаимосвязаны и взаимообусловлены. Тем самым, можно выделить две группы подцелей: *внешние*, которые состоят в рационализации управляющих воздействий, их упорядочении и актуализации, в обеспечении соответствия запросам управляемых объектов, и *внутренние*, связанные с совершенствованием самого субъекта управления, его элементов, их взаимоотношений и технологий функционирования. Должен признать, что мне не доводилось наблюдать либо читать действительное целеполагание совершенствования управления. Традиционно все оканчивается тем, что происходит количественный *рост* персонала управления и *затрат* на управление.

Предметы процесса

Предметами совершенствования управления может быть все, что наличествует в любой управленческой системе: от офиса «начальства» до чистоты территории управляемых объектов, не говоря уже о всех элементах и взаимосвязях собственно управления. Часто и сосредоточиваются на каких-то мелочах: телефонизация, компьютеризация, деловодство, электронная коммуникация, общественные связи и еще что-то, имеющие сугубо *внутренне технологический* характер. Оно, видимо, и «впечатляет»! Однако рациональности и эффективности редко добавляет. Главным в управлении остается человек, и я убежден в том, что именно он, его качества и их уровень, выступают в настоящее время основными предметами совершенствования управления.

Здесь на первое место объективно выдвигается развитие *знаний, опыта и творчества* персонала субъектов управления, особенно их руководящего звена, а на этой основе и персонала управляемых объектов. Везде в мире считается, что ресурс знаний, опыта и таланта является определяющим в управлении. У нас же об этом просто неудобно говорить; и руководители (незаменимые по 30 лет), и их кадровые службы состоянием и развитостью личности своих работников вообще не интересуются, все заменяет «преданность с лестью».

Особого внимания заслуживает *идеология*, под лозунгами которой вершилось разрушение советской авторитарно-бюрократической системы — имеется в виду *демократия, свобода, права человека*. Это не пустые слова на потребу дня и обман избирателей. В них содержится *огромный смысл*, воспроизводимый в организации и практическом поведении всех субъектов власти-управления. Это — конкретные механизмы формирования и реализации управляющих воздействий, обеспечивающие объективную обусловленность, субъективную обоснованность и социальную эффективность организации и функционирования любой управленческой системы. В то же время данные явления представляют собой *ценности общемировой культуры*. Однако не только практической реализации их, зримой для людей, но и понимания их сущности что-то особо не видно.

Важное место можно отвести *деловой, ценностной, информационной и социально-психологической атмосфере*, которая формируется в субъектах управления, а от них передается управляемым объектам, другим людям и обществу в целом. Этим аспектам управления, как и вышеупомянутым, в большинстве не придается должного значения, хотя они определяют чуть ли не все вокруг каждого из нас. Идет масса «руководящих» слов и публикаций о коррупции, финансовых махинациях, бюрократизме, баснословной наживе руководящих лиц, издевательствах над людьми, чванстве «начальства» и других негативных явлениях, но все это скорее для «отвода глаз», ибо ничего существенного в данном направлении — «очищения власти» — не делается.

Разумеется, в качестве предмета совершенствования управления по-прежнему (как всегда и везде!) остаются *вопросы*

организационного построения, четкого целеполагания, функциональных структур, научно-технического оснащения управления, обучения кадров, правового регулирования и регламентирования, стимулирования и ответственности и т. п. Но все (вышеназванное) может приобретать какое-то жизненное значение лишь при решении *трех обозначенных проблем*, ибо только изменение сознания и поведения людей в субъектах власти-управления способно поднимать уровень управления. Дело не обязательно в режимах, прежде всего оно зависит от людей, которые их осуществляют.

Принципы процесса

Принцип как понятие обозначает *научное положение*, выведенное из анализа объективной реальности, фиксирующее исследованные закономерности и отношения, проверенное практикой и, порой, закрепленное в ряде нормативных документов. Их обосновано немало, но применительно к процессу совершенствования управления можно назвать несколько.

Принцип системности, предполагающий логическое построение целей и элементов предмета совершенствования управления по какому-либо определенному ведущему *признаку*. Именно признак, характеризующий ту или иную сторону, закономерность, отношение управления придает четкий порядок и направление действий по совершенствованию управления.

Принцип комплексности, обуславливающий не только системную упорядоченность каких-либо совершенствуемых элементов их взаимодействий, но и учет их многогранных *качеств*, которые в разных отношениях реализуют разные свои стороны. Как уже отмечалось, управление — общественное явление, практическое осуществление сознания, поведения и деятельности людей, и улучшать в нем что-то следует при охвате насколько можно большего числа разных его граней, свойств, проявлений. Тогда только можно надеяться на позитивный результат.

Принцип непрерывности, требующий упорной, ежедневной и последовательной работы субъектов управления по совершенствованию управления, поскольку именно таким образом можно добиваться реальных сдвигов. В противовес этому у нас не любят заниматься подобной работой. Обычно что-то придумали (реформа!), утвердили, пошумели и поти-

хоньку забыли. А уровень управления как был «еле-еле», так и остался. После «демонстрации» исполнительности реформ многое в управлении возвращается в рутинное русло. До очередной «актуальности» нового «начальства».

Принцип плановости, ведущий к тому, чтобы все намеченные цели, элементы предмета, ресурсы, время реализации, процедуры, ответственные лица, искомые результаты процесса совершенствования и т. д. были сведены в продуманный и согласованный по деталям план. Без него просто нельзя вести данное сложнейшее дело, задевающее множество интересов. В то же время важно постоянно отслеживать ход реализации намеченных мероприятий, фиксировать промежуточные шаги и достижения, без опоздания вводить в действие нужные ресурсы. Сегодня во многом дискредитировано понятие «план», «плановость» и т. д., хотя план как форма работы и здесь *ни при чем*, а виноваты люди, которые составляли планы и превращали их в безжизненную формальность. Когда-то везде и по каждому поводу были планы, а события протекали стихийно, пока не привели к краху «плановую» экономику.

Источники и факторы процесса

Цели, предметы, принципы процесса совершенствования управления существуют для того, чтобы поглубже выявить и ввести в практику источники и факторы, обеспечивающие постоянный рост эффективности управления.

Источниками способно быть многое: мысль, интуиция, знания, прозрение, опыт, информация, материальный или финансовый ресурс, техническое средство, талантливость управленца, традиция, интерес, мотив, стимул и т. д. К ним относят и что-то скрытое, неведомое, которое постоянно познается, и что-то давно и где-то существующее, о чем конкретные субъекты управления либо управленцы не знали, и неожиданно пришедшее к кому-то новое видение управленческой ситуации и проблемы, и активное действие нравственности, которая не мирится со сложившимся положением.

Фактор представляет собой потенциальную или реально действующую силу (энергию, мощность), которая может при ее применении влиять на уровень управления, изменять, преобразовывать и повышать его, придавать ему искомое качество, делать его рациональным и эффективным. Иногда фактор

реализует себя непосредственно, но в большинстве случаев нуждается в опоре на ресурсы субъектов управления, прежде всего на их властные возможности. Фактор всегда зависим от целей жизнедеятельности и воли людей, их желания и готовности его использовать. Если я что-то знаю, умею — это источник, а если это все практически применяю и творю им дело, то превращаю источник в фактор.

Источники и факторы совершенствования управления взаимосвязаны, переходят один в другой. Источник становится фактором, если им овладевает субъект управления и пытается его ввести в формирование и реализацию своих управляющих воздействий. Фактор, озабоченный своим действием (применением себя), стремится расширить свои возможности, инициировать и стимулировать поиски новых источников, а обнаружив их, быстрее вводить в практику. В своей совокупности все они исходят главным образом из культуры как способа жизнедеятельности людей, зависят от нее, ею воспроизводятся и обеспечиваются в реализации. Если мы такие во многих делах неспособные, то и обижаться не на кого. История свидетельствует, что причины всего и вся, что в ней происходило, имеют *внутренний характер*, связанный с нашим пониманием мира, с нашими потребностями и интересами, идеалами и ценностями, с нашим отношением к другим и к себе.

На это хочу обратить *пристальное внимание*, ибо в той концепции управления, которая обосновывается в моих публикациях и была предложена с самого начала данной работы, управление всегда и во всем связывается с человеком и выражает способность его сознания организовывать и регулировать соответствующее поведение и деятельность. А человек есть продукт культуры, религии, традиции, искусства, бытия, образования и т. д. Тут круг как бы *смыкается, создавая корни и кроны управления*. И в нем следует искать ответы на прошлое, анализы настоящего и прогнозы будущего. В конечном счете, несмотря на перипетии природы, географического положения, исторической судьбы, технологического развития и прочее-прочее, все в реальной жизни *восходит* к человеку, родовому, разумеется, и творимому им обществу.

В этом аспекте подходы ко всему могут быть разные: можно, глядя когда-то на «Черемушки», а ныне на «Рублевку»,

восторгаться достигнутым и преклоняться перед нашими руководителями. Добавим к этому их апартаменты, бутики, балы и умиление придет в наши души. Однако если с подобного «Олимпа» смотреть на жизнь, то разные источники и факторы совершенствования управления вряд ли кому нужны. И так «вперед планеты всей». Но есть и *другая точка зрения*, позиция «просмотра» страны и благосостояния в ней. И здесь ей как далеко до образа жизни среднего европейца. Поэтому, как уже не раз отмечал, я *вынужден* вскрывать недостатки, упущения, слабые места, поскольку в их преодолении содержатся источники и факторы совершенствования и обеспечения управления.

Начну с *научного знания*. Уже два века в России достаточно высоко развита научная мысль, которая по многим направлениям находится на мировом уровне, а по некоторым и превосходит его. Это вроде бы известно, о чем говорит тот факт, что наши специалисты весьма востребованы на Западе. Там с упоением критикуют социализм, но с удовольствием пользуются его научными наработками. Казалось бы, что наука и управление по своему предназначению (общественной миссии) предельно близки, поскольку у них одна общая цель — способствовать развитию и безопасности страны. Оба явления принадлежат к числу интеллектуальных, где высоко ценятся, конечно, при ответственном подходе, научные законы, отвечающие объективным законам объективного мира; объективные факты, данные и выводы наблюдений, опыта, экспериментов; концепции, гипотезы, теории, проекты, модели, варианты и другие продукты мыслительного, поискового процесса; познанные и выверенные практикой закономерности, тенденции, принципы, постулаты, парадигмы, методы и иные элементы; научные экспертизы, обсуждения, дискуссии и т. д. Наука действительно открывает и осваивает объективную реальность (природы, общества, человека и его мышления). Не следует только *сталкивать науку с верой* (религиями), которая находится в иной плоскости человеческих чувствований и переживаний (душа и ее волнения). Иначе мы подрываем основы того и другого.

И делаем это в то время, когда не только продукт науки — новые научные знания, открытия, изобретения, рационализа-

ции и прочее, но и сама технология (онтология и гносеология) их получения являются актуальнейшим источником и фактором совершенствования управления. Здесь давно назрел перелом в сторону сближения, схождения, сочетания, который идет медленно и с большими препятствиями. В естественных, точных и технических науках он идет сейчас быстрее, особенно в сфере безопасности страны, в общественных — заметно *отстает*. А ведь субъекты управления имеют дело прежде всего с людьми и создаваемыми ими общественными отношениями. Поэтому любые серьезные размышления в философии, социологии, экономике, политологии, юриспруденции, психологии, истории, педагогике и других отраслях общественной науки должны *заинтересовывать* субъекты управления, осваиваться ими и использоваться при подготовке и реализации своих управленческих решений и действий. Недооценка именно *общественной науки* приводит к тому, что данные и возможности других наук либо не вводятся в воспроизводственную систему, либо вводятся не в попад, а то и во зло обществу.

Разумеется, ресурсом развития наука становится тогда, когда она *материализуется в работающих технологиях* любого вида человеческой деятельности. Абстрактное знание при всей его эвристической ценности или интеллектуальном потенциале приносит мало пользы обществу, людям, если оно не приобрело *технологическую реализацию* и не вошло в практику. У нас, как нигде, множество академий (государственных и общественных), академиков, профессоров, докторов и кандидатов наук, много остепененных во власти, особенно в руководстве, но что-то не видно, чтобы мы преуспевали в изобретении и массовом применении так называемых *высоких технологий*. Они — есть, но и их недопустимо мало. Когда пишутся эти строки, много говорится об актуальности новейших технологий, но где все субъекты власти-управления были *раньше*? Они разве не знали того, что происходит в мире после Второй мировой войны?

Пора осознать, что знания, решения, действия, опыт, навыки, ресурсы и т. д. тогда превращаются в технологию, когда они *выстраиваются в логически согласованную и гармонически функционирующую систему*, можно сказать больше, в

систему систем. Ибо каждая управленческая система должна быть именно системой (формальной организацией), а не набором случайных связей или противоречивых интересов, а взаимосвязи между разными управленческими системами (по территории их деятельности и видам) также должны образовывать системы. Тогда наличные капитал, труд, товары, услуги и информацию можно использовать рационально и эффективно. Однако пока, даже после огромных усилий последних лет, до формирования технологических цепей по выпуску конечной конкурентоспособной продукции нам шагать и шагать. Не хватает глубины в мышлении собственников.

Живым, постоянно обогащающимся источником и фактором совершенствования управления является *опыт* — как национальный, так и международный. Добавлю к сказанному (очерк 7), что проблема изучения, обобщения, освоения и *распространения опыта* у нас вообще не находится в центре внимания общества. Наоборот, налицо стремление отбросить, забыть, опозорить опыт прошлого. Как будто при социализме не так сеяли или выращивали скот, по-другому строили заводы, а в них иначе работали станки. Объективное *перепутали* с субъективным и отбросили его. Теперь возвеличиваем демократический субъективизм (его лидеров), несмотря на то, что он объективное, прежде всего производство, разрушил и *остановил* развитие страны. Сейчас звучат обещания, что к 2015, к 2025 гг. и т. д. мы будем выпускать то-то и то-то, *не объясняя, почему это* у нас не делалось, начиная с 1975 г. Сколько же бессмысленно утрачено времени! А ведь был опыт императорской России, опыт Советского Союза, зарубежных стран. *Где он?* Он вроде никому и не нужен, его даже вспоминать неприлично. Правда, когда бывает какой-то юбилей, вдруг начинают говорить о том, что мы были первыми и в этом, и в другом деле — от добычи угля до полета в космос. Но за всем этим «первым», «передовым», «лучшим» стоял ведь опыт — многогранный, производительный, талантливый. Получается, что его результатами гордимся, а сам опыт отмечаем. Подумайте, читатели!

Итак: знания (наука, творчество, талант, искусство), технологии (переход знаний в продукты), опыт (накопленные

и передаваемые из рук в руки навыки) представляют собой *основополагающие* и непрерывно нарастающие источники и факторы управления, его совершенствования и эффективности. Это — *неиссякаемый ресурс* общественного развития. Он является в какой-то мере *мировым, типичным* для всех, и его можно перенимать, заимствовать, копировать, изучать и даже покупать. Зазорного здесь ничего нет.

К следующему ряду источников и факторов совершенствования управления относятся те, которые *непосредственно находятся в человеке и в содержании взаимосвязей людей* в субъектах управления и управляемых объектах. Эти источники и факторы *везде специфичны*, ибо они исходят из многих национальных, социальных и других качеств людей. Их использование предполагает глубокую *дифференциацию и конкретизацию подходов*. Среди таких источников и факторов хотелось бы выделить следующие:

- кадровые, связанные с качеством персонала;
- социальные;
- идеологические;
- психологические;
- педагогические.

Они упоминались ранее, а здесь будут высказаны лишь обобщающие мысли.

1. *Состав и состояние персонала*, занятого в субъектах управления (управленческие кадры, менеджеры, специалисты) и в управляемых объектах (рабочие, крестьяне, служащие и т. д.), имеют определяющее значение как для тех, кто управляет, так и для управляемых. Сегодня в этом явлении много *противоположностей*. Намечено и осуществляется несколько реформ и национальных проектов по развитию человеческого потенциала. Но нельзя не видеть, что сам человеческий потенциал почему-то деградирует, причем и физически, и морально, и профессионально (пьянство, наркомания, коррупция, разврат, вседозволенность, беспризорность, безработица, преступность, преждевременные и насильственные смерти и т. д.). Вследствие этого, стоило стране начать подниматься, как сразу же стала ощущаться *нехватка* нужных специалистов. И такое положение характерно и для субъектов управления, и для управляемых объектов.

Между тем какой-либо системы подготовки, распределения и использования кадров, в том числе и управленческих, так и не создано. Все возложено на стихию рынка и свободный выбор человека, как будто в условиях дефицита кадров (т. е. профессионалов) так можно решать вопросы. Сложившаяся ситуация требует *других подходов* — более организованных и управляемых. И уж совсем нельзя понять, почему нет системности в подборе и развитии *кадров государственного аппарата*. Управленческая специализация также довольно узко представлена в вузах. Коммерциализация привела к резкому увеличению их числа, но уровень преподавания по многим причинам весьма снизился. Есть над чем размышлять и что делать.

2. Все *социальное* — семья, род, этнос, нация, территориальный или трудовой коллектив, слой (страта) или класс, профессиональная «корпорация», государство и т. д. — *необходимо* для человека, им создается и его создает. Не вдаваясь в терминологические дискуссии, можно полагать, что понятием «социальное» характеризуется та микросреда, в которой человек *рождается и проводит жизнь*. Она может меняться для конкретного человека по семейным обстоятельствам либо в связи с переменой места работы или проживания, но все равно везде для него актуальна и необходима. Необходима как в объективном выражении — объекты социальной инфраструктуры (школы, больницы, жилье, коммуникации и т. д.), так и в субъективном — та совокупность человеческих взаимосвязей, которая окружает личность и сопровождает ее поведение и деятельность.

«Социальное» у нас всегда было запущенным, отсталым, «остаточным», при котором большинство людей не жило, а *выживало*. Поскольку мне довелось увидеть очень много мест страны, знаю это не по телепередачам, а по собственным впечатлениям. Порой не только в Сибири или на Дальнем Востоке, но рядом с Москвой можно обнаружить образ жизни конца XIX в. Но мы хотим, чтобы у нас был современный человек, творящий информационно-технологическую революцию. *Не может быть такого*, чтобы человек в офисе, лаборатории, на заводе был на уровне требований сегодняшней жизни, а выйдя оттуда и придя домой, окунался в жалкое существование.

Думаю, что подошло время для субъектов власти предметно заняться социальным обустройством нашей жизни. Многие слабости нашей культуры, проявившиеся в истории, напрямую связаны с состоянием социального.

3. История человечества однозначно подтверждает, что *идеологии* в жизни людей играют важную роль. Любая группа людей, выделенная по какому-либо признаку, хочет знать свое место в обществе, свои основания, роль, значение, соотношение с другими группами, причины различий, их обоснованность и справедливость и многое другое. От этого нельзя уйти, поскольку люди мыслят и вследствие своего познания вырабатывают свои взгляды на общество, на проводимую в нем политику, на субъекты власти-управления, на собственные перспективы, исходя из чего и реализуют свое поведение и деятельность. Идеологии всегда *побуждают* к каким-то действиям, поступкам, организуют и мобилизуют людей.

Но наши власть предержащие вдруг решили, что идеологии «умерли» либо уже не имеют какой-либо силы. То, что потерпела фиаско моноидеология или государственная идеология, вовсе не означает, что идеологии ушли из общественного обихода. Нет, *они остались*, однако изменили свои источники, содержание, ценности и стали адаптироваться к новым объективным условиям и субъективному фактору. Идет неведомая прошлому *стратификация общества*, в рамках и следствиях которой люди идентифицируют себя. Уже наблюдается возникновение идеологий, соответствующих современному этапу нашей жизни, и идет консолидация вокруг них людей. Это показывает наша многопартийность, в основе которой не очень чувствуются необходимые идеологические стержни. Больше борьбы за депутатские мандаты и властные кресла, чем выражения интересов социальных и профессиональных слоев и групп.

Субъекты управления включены в политико-идеологические процессы, они призваны их анализировать, понимать и использовать в качестве ресурса управления.

4. Как известно и уже говорилось (очерк 4), в управлении (любых его видов) действует мощное *психологическое поле*, влияющее на многие аспекты сознания, поведения и деятель-

ности людей. В нем огромные резервы, которые надо знать и вводить в управленческие явления, отношения и процессы.

Субъекты управления призваны видеть *контуры своего психологического влияния*: восприятие их управляющих воздействий конкретными людьми; социально-психологический микроклимат в управленческих системах; территориальный социально-психологический микроклимат; общественно-психологический настрой и многое другое.

Для обеспечения психологической устойчивости, гарантирующей должный уровень управления, субъектам управления желательно добиваться соблюдения определенных *постулатов*:

правовые нормы и процедуры, обычаи и традиции, нравственные требования и стандарты этикета *не должны иметь исключений* для кого бы то ни было;

вышестоящий уровень управления призван обладать *более высоким* интеллектуальным, нравственным и профессиональным развитием, быть психологически более устойчивым и надежным;

оценка людей предполагает *справедливый подход*, единую шкалу измерения, учет реальных достоинств и самоотдачи людей, их заслуги и дисциплинированность.

Поскольку человек в управленческих системах постоянно развивается, совершенствуется и достигает своего «акме» (вершины творческого потенциала) в разном возрасте и в разных условиях, субъектам управления необходимо изучать возможности людей и способствовать их развитию.

5. Все, что происходит в области управления, оказывает на людей активное *педагогическое влияние*. Власть представляет в обществе не только формальный авторитет, но и огромную *практически действующую силу*, которая во многом определяет судьбы людей.

У нас существует ничем не обоснованное мнение о том, что будто бы педагогический процесс (обучения и воспитания) завершается где-то к восемнадцати годам, в лучшем случае — в момент окончания вуза, а дальше человек уже живет с тем «багажом», который приобрел к этому времени. На самом деле педагогический процесс для каждого человека длится *до самой его смерти*, и особо, разумеется, в период его

активной трудовой деятельности. Именно в трудовых коллективах и субъектов управления, и управляемых объектов человек подвергается наиболее глубокому педагогическому влиянию (как позитивному, так и негативному — обычно быстрее всего).

Для формирования личности важно все:

интеллектуальная взаимосвязь — обмен знаниями, опытом, информацией, подходами, позициями, взглядами, мировоззрением;

эмоциональная атмосфера, напряженная или благоприятная, объединяющая (конъюнктивная) или разъединяющая (дисъюнктивная), соперничества или сотрудничества, взаимоуважения или неприязни и т. д.;

волевой настрой, выражающий разные волевые потенциалы людей, умноженные на их властные статусы;

синтез таких отношений, порождающий сочетание или столкновение темпераментов, чувств, характеров, воли, мыслей и других особенностей людей.

Под влияние всего этого и проявляются трудовой энтузиазм, профессионализм, инициативность и иные возможности руководителей и подчиненных, коллег и соперников, что и оказывает педагогическое влияние на каждого человека. Весь вопрос в том, каково оно, это влияние.

Важный ряд, наконец, составляют так называемые *институциональные источники и факторы совершенствования управления*. Они существуют в качестве определенных общественных институтов со своим статусом и предназначением, организацией и функционированием. О них немало написано, в частности, в пределах их самостоятельного существования. Вместе с тем эти институты активно взаимодействуют с управлением, во многом влияют на его проявления, качества и силу влияния. Их тоже надо уметь вовлекать в управление.

К институциональным источникам и факторам совершенствования управления следует отнести:

- территориальные;
- организационные;
- технические;
- правовые;
- информационные.

О них в тексте уже говорилось, сделаю лишь некоторые обобщения.

1. *Территория* — это единственное место и основной ресурс жизнедеятельности людей. Им приходится довольствоваться потенциалом природы, которая находится на территории юрисдикции государства. Отдельным структурам и частным лицам могут выделяться участки территории под определенные условия (земли муниципальных образований, территории городов, территории недродобычи, земли под домовладения и т. д.). Территория и ее богатства служат основанием для размещения производительных сил. Короче говоря, *все понятно*, и приходится только поражаться тому, как безразлично и безобразно наши субъекты управления (всех видов) относятся к *состоянию и обустройству* территории. Порой мне кажется, что руководители многих из них, в том числе и в бизнесе, ничего не видят, кроме «столбовой» дороги, а то и ковровой дорожки. Как у нас замусорены леса, загрязнены реки и озера, заросли бурьяном бывшие поля, как кулуарно идет отвод земель и прочее-прочее? Где уж тут до сохранения и обустройства территории, когда наш министр природных ресурсов ежегодно декларирует доходы в сотни миллионов рублей? Ведь такие «деньги» надо осваивать.

2. *Организация* у нас в настоящее время это по сути еще *нетронутый* источник и фактор совершенствования управления. Только-только начали объединяться некоторые субъекты Федерации с тем, чтобы создать жизнеспособные (а не дотационные) территориальные образования. Не совсем еще закончена организация местного самоуправления и нет уверенности в том, что ее новая модель принесет социально-экономическую эффективность. Немало здесь делается формально, для демонстрации выполнения соответствующей реформы. Особо не наблюдается весомых доказательств того, что новая структура федеральных органов исполнительной власти, введенная в 2004 г., сумела поднять качество государственного управления в стране. Часто в них многое зависит не от правовых статусов и активности аппарата, а от личностного потенциала их руководителей. Здесь бы стоило провести определенную *ревизию* проделанного и посмотреть на уровень организации управленческих процессов.

В организационном аспекте, можно сказать без всякой натяжки, неприглядно состояние производительных сил в России. Практически только к концу срока президентства В.В. Путина начали формироваться вертикально интегрированные организационные структуры, ориентированные на выпуск и использование сложной конечной продукции. По другим отраслям народного хозяйства к такой работе еще не приступали. Организационные вопросы здесь решаются *борьбой собственников*, а не на основе интересов развития страны. А нужно, чтобы в воспроизводственной системе все было четко организовано до мельчайших деталей. Рыночные отношения этому не противоречат, да и рынок-то в мире *давно организован*.

3. В индустриальном и постиндустриальном обществах все «*техническое*» (от конструкторских идей до эксплуатации готовых изделий) является решающим источником и фактором совершенствования управления. Сегодня конкурентоспособность наций, стран, государств определяется прежде всего тем, какую они могут создавать «технику» и как ее рационально используют. Потенциал разума весьма сместился в область *техносферы* и пытается путем ее качественной модернизации по-новому развить биосоциосферу. Однако осознание новейшей парадигмы энергоэкологической революции происходит замедленно, а для многих субъектов управления вообще не происходит.

Частный сектор осуществляет курс на *вторичное, производное* техническое развитие, при котором ставка делается на использование импортной техники. Мол, так легче, быстрее и выгоднее. Стратегическое мышление по сути не работает. Немало пишется о том, что мы способны иметь до 16 новейших технологий и тем самым в мировой экономике приобрести свою нишу в производстве. К сожалению, больше произносят фраз, чем реально делают в данном направлении нужные шаги. Путь от конструкторских идей до массового производства и экспорта все еще очень растянут. Из-за этого по нашим же открытиям и изобретениям конкуренты перехватывают инициативу и «возвращают» посредством импорта то, что когда-то было нашей инновацией. Нередко имеет место продажа перспективных наработок вместо их использования в отечественном производстве.

Как показывают факты, компьютеризация субъектов управления, образование так называемых электронных правительств мало помогают, потому что *отстает сознание управляющих* или оно развернуто совсем в другую сторону (в наживу и ее потребление). Зная историю страны, можно утверждать, что «техническое», при всех наших выдающихся прорывах, все еще остается недостаточно используемым ресурсом развития.

4. Надо честно сказать, что после принятия Конституции Российской Федерации у нас проделана огромная работа по *возвышению права*, разворачиванию законодательства и обеспечению действенности правового регулирования. Об этом уже говорилось в очерке 9 и к сказанному можно добавить лишь несколько суждений. Модель законодательства (и федерального и субъектов Федерации) более-менее прорисовывается, становится более концептуальной, содержательной и полной.

Но довольно противоречиво, ненадежно идет *исполнение* законодательства. И самое *здесь* нетерпимое проявляется в том, что игнорируют или вызывают нарушение нормы права именно субъекты власти-управления. Причем, чем иерархически выше стоит субъект власти-управления или он побогаче, тем вольготнее он обращается с правом. И все подобное почему-то «сходит с рук». Когда едешь по стране и видишь, что тебя сзади догоняют и готовы таранить, значит мчится «большой субъект», перед которым все должны расступаться. И так во всем, говорят, что надо ловить и наказывать милиционеров или сельских писарей за «взятки», но как-то не замечают, сколько легально «гребут» начальники¹.

Думаю, что читатели *все знают и понимают*, а потому согласятся с тем, что идеология и методология правового государства еще далеки от своей практической реализации, и потому возможностей здесь для субъектов управления очень и очень много.

5. Кто внимательно читал данную работу, наверное заметил, что в ней не только в специальной теме (очерк 8) говорится об информации, но и в других очерках. Дело в том, что создание глобальных компьютерных сетей представляет собой

¹ См., напр.: Сколько заработали министры? // АИФ. 2007. № 32. С. 6.

не просто новое техническое средство коммуникации, общения, обмена и т. п., как его порой рассматривают. Замысел и возможности этого явления не в том, чтобы кто-то посмотрел порносайт или поболтал по мобильнику, а в *соединении сознания каждого человека с мировым сознанием* (заметьте!). Интернетом открывается быстрый, простой и относительно дешевый доступ ко всему знанию человечества, накопленному и материализованному. Не надо изобретать изобретенное, открывать открытое, что-то делать параллельно и проч. Опирайся на известное, добытое, освоенное, выверенное и твори дальше. Но для этого актуально *эвристическое мышление* и соответствующие *технологии его развития*.

Между тем компьютер нередко воспринимается либо как усовершенствованный арифмометр, либо как шпаргалка для подсказки ответов на те или иные вопросы. Обучаем детей в школе владению компьютером, а затем выпускаем работать вилами и лопатой. Комплексный подход к внедрению информационной системы во все воспроизводственные процессы только-только начинает пониматься. Предстоит не только компьютеризировать страну, но на основе этого научить всех работать и жить по-новому. Шансы для такого рывка есть.

Конечно, существуют и могут возникать и другие источники и факторы совершенствования управления. Главное: пытаться искать их и использовать на деле.

Организация процесса

Сказанное об актуальности «опережающего» состояния управления, составных частях, источниках и факторах его достижения (т. е. совершенствования) отчетливо показывает, что если мы хотим иметь позитивный результат, то нам необходимо *хорошо организовать* данный процесс.

Во-первых, он должен быть *постоянным, непрерывно действующим* по той одной и простой причине, что проблематика жизни усложняется, темпы общественного развития ускоряются (внутренние, качественные перемены) и управлению надо хоть на шаг *идти впереди* всего происходящего.

Во-вторых, он предполагает создание в обществе подсистемы интеллектуальных государственных и частных структур, которые бы *отслеживали состояние управления* и вовремя предлагали меры по его совершенствованию. Ситуация, «ко-

гда мы сами с усами», ушла в прошлое. В управление призвана войти *серьезная наука*.

И в-третьих, он объективно влечет за собой большую *интеграцию* между видами управления, широкий обмен между ними инновациями, опытом, лучшими элементами управленческой деятельности. Не конкуренция видов управления за свое «одеяло» или его кусок, а их сотрудничество в интересах могущества и безопасности Родины.

В научной литературе и в управленческой практике сформировалось *три способа* (или методики) совершенствования управления в управленческих системах либо только в субъектах управления.

Это — осуществление назревших (спланированных) инноваций, перемен, преобразований *силами самого субъекта управления*, прежде всего по собственной инициативе и за счет внутренних ресурсов. Подобный способ весьма распространен, поскольку в каждом субъекте управления его руководители, персонал обычно пытаются разрабатывать и осуществлять меры по рационализации своей управленческой жизнедеятельности.

Это — разработка идей, предложений, моделей, концепций, программ по совершенствованию управления *силами внешних специализированных структур* (научных, проектных, экспертных и т. д.) по собственному почину (с намерением предложить, продать ноу-хау) или по заказу определенных субъектов управления. Консультирование по вопросам совершенствования управления широко принято во многих странах. Тысячи таких структур действуют в США, в рамках ЕС, в такой роли выступают университеты, отдельные ученые¹.

Это — обоснование и реализация программ (проектов, планов) совершенствования управления *объединенными усилиями* консультационных структур и заинтересованных субъектов управления. Здесь как бы соединяются теоретические знания и обобщенный опыт и конкретная ситуация в конкретном субъекте управления.

Каждый из способов совершенствования управления отличается своими сильными и слабыми сторонами, достоин-

¹ См.: Калверт М. Управленческий консалтинг / Пер. с англ. М., 1999.

ствами и недостатками. Полной и фактической информацией о состоянии дел в управленческой системе и ее субъекте управления владеет, разумеется, тот коллектив, который их образует. В нем имеются как определенные ценности, навыки, установки, традиции, так и свои «тайны» по всем вопросам. Именно он лучше всего знает все тонкости и нюансы и может, при желании, их использовать в качестве источников и факторов совершенствования управления. Консультационные структуры больше знают мировой и национальный опыт, наработали методики анализа и оценки управленческих явлений, отношений и процессов, испытали технологии соответствующей работы и, основное, обычно настроены на *объективный подход*, поскольку независимы от субъектов управления, по крайней мере, административно. Самые плодотворные результаты приносит *объединение усилий*, сочетание в подходах *типичного*, что привносится консультативными структурами, и *уникального*, носителем которого чаще всего является коллектив управленческой системы либо конкретных субъектов управления.

Завершу этот сюжет простой мыслью: возможностей для совершенного, т. е. рационального и эффективного, управления в стране *обилие*, не хватает желания, умения и воли в их использовании. А здесь теоретическая мысль уже бессильна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К старости, по мере обогащения информацией, или, как говорят, накопления опыта, мне все больше кажется, что в нас, детях России, сидит какое-то *грамматическое противоречие*. Большинство вроде бы любит Родину-Отечество, гордится своей историей и свершениями в ее течении. По всей стране разбросаны свидетельства нашего тысячелетнего величия: города, церкви, монастыри, дома, каналы, заводы, электростанции, железные дороги, памятники, символические знаки и многое-многое другое. В них вложены талант и мужество, труд и верность сотен миллионов предков. Мы справедливо, правда по случаю, восхищаемся схимниками северных монастырей, которые, забыв все «тварное», искали *свет Небесный*. Стремление к этому свету излучают золотые купола наших церквей. Мощный дух наших народов сотворил уникальное чудо науки, искусства и литературы XVIII — XX вв. Вспомните только имена М.В. Ломоносова, Д.И. Менделеева, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского (в науке); А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова (в литературе), наших композиторов, живописцев, скульпторов и т. д. Я всегда говорю, что перечень фамилий только выдающихся людей страны может составить *большую книгу*.

Прорывным в России было *левое движение* в конце XIX и в XX в., которое, при всем его трагизме, внесло огромный вклад в формирование современной цивилизации. Надо только рассматривать историю в ее развитии, а не судить о событиях с нынешней «кочки». Ведь в России лишь в 1897 г. был введен выходной день, а в 1903 г. отменена порка людей по решению мирового судьи. Именно это движение привело к восьмичасовому рабочему дню и его дальнейшему сокращению, к бесплатному образованию и медицинскому обслуживанию всех, поставило вопрос об отпусках и пенсиях, инициировало целый ряд международных деклараций о правах человека (начиная с 1948 г.). Среди всех стран России здесь принадлежит *приоритет, пальма первенства*, и мне непонятно, почему об этом надо забывать и как бы стесняться содеянного. В XX в. Россия с союзниками разгромила фашизм, нацизм и саму-

райство и спасла мир от порабощения. Отдав во имя свободы человечества 27 миллионов своих сынов и дочерей, страна не впала в транс, а направилась в космос (свод Небесный) и первой послала туда спутник и человека (Ю.А. Гагарина). И вновь, как и в прошлом, она мощно встала на пути новых претендентов на мировое господство. Я не знаю, каков бы был мир без России, но твердо убежден, что без нее он был бы другим, обедненным духовно и душевно.

И мне всю мою жизнь очень трудно (больно и обидно) наблюдать за тем, как мы сами относимся к своей стране, к ее достоянию и мировой роли. Пишу «мировой роли» потому, что только страна, в которой жители, сами ее ценят, уважают и берегут, может играть такую роль. Реалии поведения и деятельности очень многих наших людей меня потрясают, я не могу их понять и объяснить. Люди стоят в великолепном храме, умиленно слушают проповеди, восхищаются алтарем и убранством и тут же, рядом, выйдя за ограду, могут пить водку, бросать использованную посуду, сквернословить, хулиганить. Те же самые люди и сразу же? Что это и почему? Где влияние святыней?

Россия занимает на планете нишу, сложнейшую в географическом, почвенно-климатическом и геополитическом отношениях. Но она исторически не только сумела выстоять, развить свою самобытность, но практически по всем направлениям *подняться весьма высоко*, что признают все в мире. Иначе бы на нее не нападали, ее не «кромсали», ну и, конечно, не разносили бы в «пух и прах» в течение веков. Каких только отрицательных прозвищ она не услышала (почти весь словарный фонд мировых языков)! Все понятно: *в сильного, красивого, суверенного* обычно и пускают стрелы. Но опять же: почему у нас так заискивающе, подобострастно, уничижительность воспринимают Европу и в целом Запад? В желаниях *угодить* давно забыты элементарные нормы приличия. Самые «продвинутые» готовы идти буквально на все, лишь бы их заметили, опубликовали, поддерживали, отметили. С времен Петра I действует такая тенденция, однако не зафиксировано еще случая, чтобы Европа сказала *доброе слово о тех*, кто любит страну. Вот только если ты ею не доволен, смотришь на нее скептически, способен ее обижать, то тут можно прийти и

до Нобелевской премии. Не так уж редко страсть услужить доходит до прямого предательства интересов страны, чему находят и удобные оправдания: одни боролись с самодержавием, а другие — с советским режимом. Вообще о способности отдельных представителей нашей интеллигенции к мимикрии, «прозрению», «покаянию», переходу от одной крайней позиции к прямо противоположной другой, «перевертыванию на оборот» надо сказать *особо*. И дело здесь не в том, что человек может менять взгляды, а в аргументации самих взглядов, их причин и оснований трансформации. Ведь объективная реальность никогда так быстро и глубоко не меняется, даже в революционные сломы. Быстро меняться может лишь близость к власти. А это уже не наука, не истина, не убеждения, а *политика*, приспособление к хозяевам ресурсов, поиск собственной комфортной жизни.

Причем такой переход (от и до) присущ мыслям и поступкам немалого числа тех, кто находился *во власти* и тех, кто притязает на власть. Но почему-то в самой Европе выбирают за образец лишь то, что *им выгодно*. Я всегда считал и считаю, что Европа — это *выдающаяся цивилизация*, и каждая из образующих ее наций заслуживает всяческого уважения. Там и поныне живет масса прекрасных идеалов и ценностей, целей и традиций. Однако наши заимствователи ориентируются не на них, а как раз на то, что Европа уже *преодолела и преодолевает* в процессе своего развития. Чего стоит только создание после войны Европейского союза! Мы же заимствуем пошлость, наживу, стяжательство, разврат, преступления и прочее, против чего там активно борются.

В результате очень многое в нашей жизни приобрело черты *игры, обмана и фарисейства*, когда говорится — одно, думается — второе, делается — третье, а подразумевается — четвертое. Умышленно создана и активно подпитывается обволакивающая всех атмосфера каких-то «*кривых зеркал*», запутанности, умолчаний, «*белых пятен*», полутонов, намеков и проч. Немало людей приобрело образ сфинкса (кентавра), когда с одной стороны он как бы человек, а с другой — неизвестно кто. Хотим восстановить правду и непрерывность истории (утверждают), но по сути *фальсифицировали* историю XX в., как национальную, так и мировую. Ведь без Октября-

ской социалистической революции и ее влияния на все процессы на планете в ней нельзя ничего понять: ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Каждый год заслуженно и со все большим размахом мы празднуем день Великой Победы, определившей новый вектор развития человечества, но тут же умалчиваем (выносим за скобки), кто же и с кем воевал, кто мобилизовал страну на победу, да и элементарно, кто же ею в это время руководил и был Верховным главнокомандующим.

Объективные факты надо называть, а уж в комментариях можно упражняться. Утверждают, что в советское время не было еды, одежды, жилья и т. д., но тогда следует отвечать на вопрос, как же мы, рожденные в 30-х гг., большинство без отцов, погибших в войну, выжили, а если быть точнее, то прожили свою жизнь интересно и благополучно (правда не на Рублевке и при отсутствии «мерседесов»). И еще: зачем мы постоянно отмечаем юбилеи каких-то событий, свершений, сооружений, творений того периода, если он представлял собой сплошной «Архипелаг ГУЛАГ»? В истории нельзя не *сводить «концы с концами»*. Она либо есть и впитывает в себя все (хорошее и плохое, героизм и подлость), либо это не история, а набор субъективистских фрагментов, избранных по чьему-то заказу («правому», «левому» или зарубежному).

В последние годы (уже XXI в.) только и слышно о том, что у нас чуть ли не *экономический бум*, развиваемся быстро, с нарастающими финансами. И тут же, теми же самыми устами говорим, что разрушены самолето-, судо-, станко- и т. д. строение, нет морских и речных судов, обветшали основные фонды, запущено сельское хозяйство и кормимся импортом. Но опять же *ни слова* о том, *кто же, когда же и почему* разрушил, распродал, вывез. А куда идут сегодня капиталы, получаемые на экспорте сырья? Зарубежная печать подробно пишет про жизнь основных наших нуворишей (олигархов), у нас же ограничиваются лишь перепечатками. Почему? В стране нет (или они под толстым сукном) достоверных научных исследований прошедших или происходящих экономических процессов. Вместо этого налицо *политических камуфляж* объективной реальности. И людям приходится верить лишь в должностные слова.

Глубочайшее влияние на социально-экономическое, политическое положение в стране оказывает *духовно-культурная сфера*. Именно здесь описывают историю, сочиняют книги, создают кинофильмы, готовят телепередачи, пишут картины, обучают детей и делают многое другое, актуальное для жизнедеятельности людей. Спокон веков известно, что нужны просвещенный (добавим научно образованный) *разум*, нравственно чистая *душа* (благородство чувств), сильный *дух* (убежденность в своем народе, сопровождающаяся мощной волей). В будущем любому народу Земли будет нелегко, и надо готовиться к преодолению препятствий, к борьбе за целостность, суверенитет, безопасность, упорядоченность и развитие России. А что мы имеем в *действительности*?

Все *наоборот*: развернута конкуренция «творцов» информации о том, кто по круче, повпечатлительнее создаст *комбинацию* из пяти элементов: пьянства, драки, убийств, секса и техники. Здесь мы состязаемся уже с самим Голливудом и нередко его превосходим по числу соответствующих эпизодов на единицу времени. И все это во всех формах изображения постоянно обрушивается на людей, при лицемерных стенаниях по поводу преступлений, насилия, наркомании, проституции и иных язв современной жизни. Причем делают это как бы «*продолжатели*» великих традиций российской гуманистической духовности XIX — начала XX вв. Однако при ослеплении монетами (деньгами) всякие *перевертыши* как бы не замечаются. Мол, есть рынок, есть спрос, прибыль, значит так необходимо обществу. Через две тысячи лет в стране культивируется Содом и Гоморра, против которых *восстал* Иисус Христос. Достойный итог тысячелетнего православия.

Не буду дальше углубляться в противоречия. Они *вопиют* на каждом шагу. В науке делаются качественно новые открытия (от космоса до генома), техника и технологии совершенствуются, материальная сторона быта улучшается, но *человеческие отношения* (социальные, экономические, политические, информационные и др.) явно отстают от динамики развития биосоциотехносферы. А без них прорывы лишь в технике ничего не принесут положительного для «био» и «социо». Главным для человека является все-таки «социо», иначе

все теряет всякий смысл. Прорыв к ноосфере еще возможен, ибо ресурсы сохранятся.

Но практически (да и теоретически) туда идти можно лишь при условии, что мы (каждый в мыслях, чувствах и делах) будем исповедовать *Истину, Справедливость и Красоту* и никогда не будем стесняться быть ЧЕЛОВЕКОМ. С таких позиций и ради этого была написана данная работа (как и предыдущие). Я верю в Гражданина Российской Федерации и жду, что он поднимется из своей беды и станет достойным жителем планеты.

Написано с 20 декабря 2005 г. по 16 августа 2007 г.
Москва — д. Костино Владимирской области

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ

Администрация — от лат. *administration* — управление, руководство; орган, структура, группа людей, постоянно и на профессиональной основе осуществляющих функции управления.

Аппарат — структура, совокупность людей, обеспечивающих практическое осуществление функций власти и управления; отсюда: государственный аппарат; аппарат органа, корпорации, фирмы и т. д.

Бюрократия — форма осуществления власти, при которой происходит подмена общих интересов и воли общества, государства, коллективов интересами и волей узкой группы лиц, обычно руководящего звена; тождественное: бюрократизм.

Власть — право и способность владеть, пользоваться, распоряжаться ресурсами и формировать те общественные отношения (связи, взаимодействия), в пределах и под влиянием которых люди в силу действия разных ресурсов — материальных, социальных, информационных, административных и т. д. — добровольно (осознанно) или по принуждению признают верховенство воли ресурсодержателей, а также целевых, ценностных, нормативных установлений и в соответствии с их требованиями совершают те или иные поступки и действия. Источником власти служит объединение людей и создаваемых ими ресурсов, но ее виды и формы весьма многообразны.

Воля — способность человека подчинять свое поведение и деятельность задуманному, необходимому, должному, установленному, обязательному и т. п., одна из важнейших способностей людей.

Государственная власть — общая воля объединенного населения суверенной территории, предоставлявшая государству право и способность регулировать общественные отношения, определять правила (нормы) поведения и деятельности людей и создаваемых им организаций. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ (ст. 3 Конституции РФ).

Государственная служба — практическое и профессиональное участие граждан в осуществлении целей и функций государства посредством исполнения обязанностей и полномочий по государственной должности, определенной в конкретном государственном органе.

Государственное управление — практическое организующее-регулирующее воздействие государства (его власти и аппарата) на общественную (публичную) и частную жизнедеятельность людей в целях обеспечения целостности, суверенитета, безопасности, упорядоченности и развития общества.

Государственный аппарат — система конституционно установленных органов, должностных лиц и служащих, призванных на постоянной основе и профессионально осуществлять государственную власть.

Государство — естественно(природно)-общественное образование, включающее в себя территорию, население и власть, исторически сформировавшееся вследствие их взаимодействия. Внутри и вне олицетворяет всеобщую (в отличие от частной, коллективной) и легитивно (нормативно) выраженную властную силу общества. В основном отождествляется с государственной властью и аппаратом, ее осуществляющим, что *деформирует* данное явление, оставляя за его пределами главное: территорию и население.

Гражданин — человек, состоящий в юридической взаимосвязи с государством, субъект всех прав и свобод, гарантированных Конституцией РФ.

Гражданское общество — сфера свободной, самостоятельной и творческой жизнедеятельности личности, коллективов и общностей людей.

Групповая саморегуляция — вид управления, посредством которого несколько человек (или ограниченное число людей) свободно (по собственному усмотрению или подчинению нормам социального общежития, культуры, традиций и т. д.) управляют совместной деятельностью (поведением). Действует постоянно и на каждом шагу.

Демократия — буквально с греч. — власть народа; точнее — механизм практической реализации свобод и прав людей, обеспечивающий им участие в формировании государственной власти, в деятельности органов государственного

аппарата, в осуществлении государственного управления и дающий им самостоятельность в гражданском обществе. Нередко сводят к выборам разных структур.

Закон — принятый в конституционно установленном порядке нормативный правовой акт по основным вопросам жизни общества, государства и гражданина, выражающий общую государственную волю (власть) и обладающий высшей юридической силой (после Конституции).

Законность — режим (метод, способ, система и т. д.) обеспечения практической реализации законов, охватывающий государственные органы, материальные и процессуальные правовые нормы.

Знание — совокупность данных о природе, обществе и мышлении, содержащихся в сознании человека; иначе, совокупность идей (мыслей) человека, в которых выражено теоретическое овладение им объективными и субъективными явлениями, отношениями и процессами. Бывает: обьективированное, материализованное или хранящееся на носителях информации, и личностное, принадлежащее отдельному человеку.

Идеология — совокупность либо система (в развитом виде) взглядов, идей, суждений и представлений групп людей, отражающих их потребности, интересы, идеалы, ценности и цели жизнедеятельности.

Иерархия — порядок построения вертикальных отношений в управленческой системе и ее субъекте; совпадает по смыслу с понятием субординации.

Инновация — качественно новые продукты и технологии, продвигающие производство, потребление и образ жизни людей; источник и движущая сила развития.

Интеллект — способность человеческого сознания адекватно отражать объективную реальность, логически ее описывать и на основе познания творить новые продукты, технологии и формы собственной жизнедеятельности; выражает эвристические (прорывные) дарования разума людей.

Информатизация — сознательное упорядочение информационных потоков посредством современных технических средств (АСУ, информационные сети, Internet, космическая связь и т. д.).

Информация — сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях, отношениях и процессах независимо от формы их выражения; основана на способностях людей познавать объективную реальность.

Компетентность (лиц) — профессиональная подготовленность людей в определенном виде деятельности.

Компетенция (органа, организации) — совокупность функций и полномочий соответствующего субъекта по управлению определенными управляемыми объектами (процессами, отношениями, явлениями, поведением и деятельностью людей).

Культура — единство сознания, поведения людей и социальных институтов, сформированных исторически и определяющих способ жизнедеятельности людей.

Менеджмент — вид управления, в котором субъектом является собственник, занятый непосредственно или через наемный аппарат (менеджеров) предпринимательством или бизнесом.

Местное самоуправление — вид управления, в котором жители поселений (территорий) непосредственно или через создаваемые ими органы ведут вопросы своего местожительства или часть полномочий государственных органов, переданных им.

Методы — способы, приемы и процедуры анализа и оценки управленческих ситуаций, а также использования правовых и организационных форм воздействия на управляемые объекты.

Наука — часть знаний людей, достоверно выверенных исторической практикой человечества; социальный институт, включающий в себя структуры и людей, профессионально занятых познанием объективной реальности и приращением знаний.

Нравственность — признаваемые людьми идеалы, ценности и цели, по которым они ориентируют свою жизнедеятельность; имеет *внутреннее* — в сознании и поведении каждого человека — выражение и *внешнее* — в совокупности действующих в обществе моральных (этических) норм (религий, традиций, идеологий, обычаев и т. д.).

Общественное управление — вид управления, осуществляемый институциональными (юридически оформленными

через законы, уставы) общественными объединениями (партии, общественные организации, фонды и т. д.).

Объективация — превращение субъективности управления, выраженного в управленческих решениях и действиях, в реальную жизнь, в состояние управляемых объектов.

Объективизация — процесс насыщения субъективности управления (сознания субъектов управления, их решений и действий) объективными закономерностями жизнедеятельности людей, потребностями и интересами управляемых объектов.

Операция — последовательность и сумма определенных действий, обеспечивающая достижение какой-либо цели либо исполнение части управленческого (в субъекте), производственного (в объекте) процесса.

Опыт — совокупность навыков, приемов, умений, процедур, операций, выработанных человеческой практикой при производстве и потреблении материальных, социальных и духовных продуктов; различают опыт личностный (личный), принадлежащий отдельному человеку и небольшой группе людей, и опыт коллективный, общественный, национальный, свойственный большому количеству людей.

Организация — постоянное устойчивое взаимодействие людей (в пространстве и времени) с соответствующими орудиями и технологиями труда; различают формальную (управляемую) организацию и организацию (организованность) как состояние взаимодействий управленческих систем и их субъектов.

Понятие — научная (мысленно оформленная) характеристика какого-либо явления, отношения, процесса, предмета, вещи и т. д.

Право — нормативное (волевое) выражение глубинных потребностей и интересов людей в упорядочении общественной и частной жизнедеятельности; сложное явление, включающее в себя правовое регулирование, правовую норму, правовую систему, правовые акты, правопорядок, правовые процедуры и другие элементы.

Практика — непосредственное проявление повседневной активности людей, обеспечивающее воспроизводство их жизни.

Принцип — закономерность, выделяемая посредством познания, выражается в понятии, в том числе и юридически, и

применяется в теоретической и практической деятельности людей.

Процедура — установленный порядок поведения и деятельности людей, на основе которых осуществляется производство, обращение и потребление; является элементом технологии.

Процесс — последовательная, логически согласованная смена состояний, явлений, известная совокупность решений, действий, операций, приводящая к определенному результату и итогу.

Публичное — относящееся, в отличие от частного, к общественной жизнедеятельности людей и выражающее в ней всеобщее (равно касающееся всех); отождествляется прежде всего с государством, «государственным».

Развитие — совокупное накопление знаний, опыта, производимых продуктов, общественных отношений, ведущее к улучшению обустройства территории и благосостояния населения.

Регулирование — установление и практическое исполнение определенных правил (норм) поведения и деятельности.

Результат управления — объективное выражение реализации управляющих воздействий, которое может быть измерено и оценено.

Ресурс — материальный, социальный и духовный продукт, используемый (или может быть использованный) в жизнедеятельности людей (от природы до творческой мысли).

Решение — социальный акт, в котором в логической форме (текстуальная модель) выражены управляющие воздействия субъектов управления.

Система — целостная, внутренне упорядоченная совокупность элементов и их взаимосвязей, подчиненная реализации определенных целей.

Совершенствование — сознательный, продуманный, научно обоснованный процесс улучшения параметров, качественных и экономических показателей человеческой организации и деятельности.

Состав управления — набор материальных, социальных, духовных, правовых и других элементов, образующих управленческие системы и их субъекты; схематически: «субъект управления — воздействия — управляемые объекты».

Стадия управленческой деятельности — набор форм, методов и процедур, направленных на решение конкретной управленческой задачи.

Стиль управления — сочетание нормативной регуляции и личностных качеств управленцев при осуществлении управления.

Структура — внутреннее построение (устройство) взаимосвязей в системе (организации).

Субъект управления — лицо, орган, организация, обладающая властью — правом и способностью формировать и реализовывать управляющие воздействия.

Субъективный фактор — совокупное сознание в действии, определенное «материализованное» слияние мыслительного и практического процессов массы людей; активность человеческого потенциала; аналогично — человеческий фактор.

Теория — представленная в понятиях история, логика прошедшей и нынешней жизни людей. Имеет субъективный характер, ибо разрабатывается людьми; теория, освоенная и подтвержденная практикой, становится наукой.

Управление — целеполагающее, организующее и регулирующее воздействие одних лиц или их организованных групп — субъектов власти — на сознание, поведение и деятельность других.

Управленческая деятельность — совокупность навыков, форм, методов, процедур, действий и т. д., осуществляемых в субъектах управления с целью формирования и реализации управляющих воздействий.

Управленческая система — юридически оформленная, постоянная и устойчивая взаимосвязь субъекта (субъектов) управления и управляемых объектов, реализующая определенную общественную миссию.

Управленческие функции — виды конкретных управляющих воздействий, осуществляемых субъектами управления.

Управляемые объекты — деятельность людей по воспроизводству материальных и духовных продуктов и социальных условий жизни для себя и общества, осуществляемая в рамках управленческих систем; на выходе управляемых объектов — потребительские ценности.

Управляющее воздействие — конкретное влияние одних людей (субъектов власти-управления) на сознание, поведение и деятельность других, особенно в пределах управленческих систем.

Форма — внешнее, постоянно и типично фиксируемое выражение результатов деятельности людей, в том числе и в управлении.

Функция управления — вид управляющего воздействия на людей со своей целью и содержанием, осуществляемый субъектами управления.

Цель — идеальный прообраз объективно необходимого или желаемого состояния какого-либо явления или процесса.

Цикл (управленческий) — совокупность стадий, обеспечивающих управленческие процессы.

Эффект — польза, приносимая людям, обществу и конкретным управленческим системам, разницей между затратами и результатами, а также способность этой разницы удовлетворить жизненные потребности людей (общества).

Эффект производственный — эффект, получаемый на стадии производства, при создании любых продуктов.

Эффект социальный — совокупный результат, который получило общество (люди) от производства, обращения и потребления того или иного продукта; эффект имеет свои критерии и показатели.

Эффект экономический — эффект, получаемый совместно (при сложении) на стадиях производства и обращения (распределения и обмена), в момент совершения акта продажи-покупки.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

К настоящему времени издано огромное количество литературы по управлению либо об управлении, список которой трудно составить, да в этом и нет необходимости. Все, что делается в жизни, *всегда* связано с управлением. Так было в прошлом, есть сегодня и будет в будущем. Поэтому здесь выбраны лишь отдельные публикации, которые, как показалось мне, достаточно полно освещают (в разных аспектах) те вопросы, которые были подняты в данной работе.

1. *Общая* ко всем разделам:

а) *отечественная*:

Кнорринг В.И. Теория, практика и искусство управления: Учебник. М., 1999.

Мысин Н.В. Теория и история социального управления: опыт России и зарубежных стран. СПб., 2000.

Основы современного социального управления. Теория и методология. М., 2000.

Пищулин Н.П., Пищулин С.Н., Бегутанов А.А. Социальное управление: теория и практика. В 2 т. М., 2003.

Социальное управление: Курс лекций. М., 2000.

Теория управления. М., 2000.

Уколов В.Ф. Теория управления: Учебник. 2-е изд. М., 2004;

б) *зарубежная*:

Боссинди Лари. Искусство результативного управления / Пер. с англ. М., 2004.

Винер Н. Человек управляющий / Пер. с англ. СПб., 2001.

Дафт Р.Л. Менеджмент / Пер. с англ. СПб., 2000.

Килен К. Вопросы управления / Пер. с англ. М., 1981.

Кунц Т., Доннел С. Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций / Пер. с англ. В 2 т. М., 1984.

Управление: это наука и искусство: А. Файоль, Г. Эмерсон, Ф. Тейлор, Г. Форд. М., 1992.

Фалмер Р.М. Энциклопедия современного управления / Пер. с англ. В 5 т. М., 1992.

2. К разделу I (дополнительная):

Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.

Журавлев А.А. Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). М., 2004.

Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2000.

Калица С.П. Информационное развитие, демографическая революция и будущее человечества. М., 2006.

Кравченко А.И., Тюрина И.О. Социология управления: Фундаментальный курс. М., 2004.

Легяев В.Г. Власть. Концептуальный анализ. М., 2001.

Луман Н. Власть / Пер. с нем. М., 2001.

Оболонский А.В. Человек и власть: перекрестки российской истории. М., 2002.

Шепель В.М. Управленческая антропология: человеческая компетентность менеджера. М., 2000.

3. К разделу II (дополнительная):

Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975.

Балабанов И.Т. Инновационный менеджмент. СПб., 2000.

Джордж Р.Т. Деловая этика / Пер. с англ. М., 2003.

Иванцевич Дж. М., Лобанов А.А. Человеческие ресурсы управления: основы управления персоналом. М., 1993.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. М., 2000.

Корицкий Э.Б. и др. Научный менеджмент: российская история. СПб., 1999.

4. К разделу III (дополнительная):

Бусыгин А.В. Эффективный менеджмент: Учебник. М., 2000.

Голдрат Э. Цель: процесс непрерывного совершенствования / Пер. с англ. Минск, 2004.

Друкер П.Ф. Управление, нацеленное на результаты / Пер. с англ. М., 1994.

Карганская А.В. Принятие управленческого решения. М., 1998.

Карпов А.В. Психология принятия управленческих решений. М., 1998.

Литвак Б.Г. Разработка управленческого решения: Учебник. М., 2000.

Манко Г. Организация и проведение технических совещаний / Пер. с англ. М., 1971.

Смирнов Э.А. Разработка управленческих решений: Учебник. М., 2000.

Социально-экономическая эффективность: опыт США. Роль государства. М., 1999.

Эффективность государственного управления / Пер. с англ. М., 1998.

КНИГИ АВТОРА

Привожу изданные после 1991 г., хотя и предыдущие (восемь) считаю адекватными жизни и честными перед людьми:

Управление — социальная ценность и эффективность. М., 1995.

Новое государство: поиски, иллюзии, возможности. М., 1996.

Теория государственного управления: Курс лекций. М., 1997. 2-е доп. изд., 2004; 3-е доп. изд., 2005; 4-е доп. изд., 2006.

Управление: всегда есть варианты. М., 1999.

Государственное управление (организационно-функциональные вопросы) М., 2002.

Управление — фактор развития. Размышления об управленческой деятельности. М., 2002.

Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика. М., 2002; 2-е доп. изд., 2008.

Управление: сущность, понятие, эффективность. М., 2006.

Концепция, соавтор и ответственный редактор изданий:

Государственная служба Российской Федерации: первые шаги и перспективы. М., 1997.

России — управленческие знания. М., 2002.

Административное право: Учебник. М., 2003.

Система государственного и муниципального управления: Учебник. М., 2005; изд. 2-е доп. и уточн., 2007.

Теория организации: Учебник. М., 2007 и др.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Родился 6 сентября 1933 г. в г. Ачинске Красноярского края в семье военного. Мать — И.Ф.Смирнова. Жил в Красноярске, Ленинграде, Москве, Калинин, Риге. Эвакуирован с матерью и двумя маленькими сестрами в Горьковскую область д. Березня. Отец погиб 18 сентября 1941 г. под Ленинградом. В целях выживания пришлось переезжать: 1944 г. — Сталинград, Кировоградская и Каменец-Подольская области; 1947 г. — Черновцы, Станиславская область, 1948 — Каменец-Подольская область; 1949 г. — Станиславская область, где в 1950 г. окончил среднюю школу. С того же года — в армии: окончил военное авиационное училище, служил на Камчатке и в Закавказье (Грузия, Армения). Демобилизован в конце 1957 г. по состоянию здоровья (капитан).

С 1958 г. во Львове: студент юридического факультета Львовского госуниверситета, который окончил в 1963 г. с отличием. С 1962 по 1969 г. работал в облисполкоме: инструктором, референтом, старшим референтом, увлекся осмыслением управления. В 1968 г. в Институте государства и права АН СССР защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблемы осуществления постоянными комиссиями местных Советов функций управления». С 1969 по 1979 г. — работал в обкоме компартии Украины: лектор, заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации. В 1977 г. в Академии общественных наук при ЦК КПСС защитил докторскую диссертацию на тему «Сущность советского государственного управления». В том же году награжден орденом «Знак почета».

С 1979 в Москве: профессор кафедры советского государственного строительства и права АОН при ЦК КПСС. С ноября 1989 по 2 января 1992 г. — заместитель заведующего отделом по вопросам межнациональных отношений Секретариата Верховного Совета СССР. С января 1992 по октябрь 1993 г. — зам. начальника Главного управления по подготовке кадров для государственной службы при Правительстве РФ (Роскадры). С 1993 по ноябрь 2004 г. — заведующий кафедрой государственного управления и правового обеспе-

чения государственной службы РАУ, Российской академии государственной службы при Президенте РФ. С 1999 г. — заслуженный деятель науки России. Уволился по собственному желанию. С 2005 — профессор кафедры государственного управления и права МГИМО (У) МИД РФ.

Сфера научных интересов: теория управления, государства, государственного управления, государственной службы и их взаимосвязей с обществом и гражданином. Автор более 335 публикаций, в том числе 21 книги, объемом 613 печатных листов.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

Раздел I ОБРАЗ УПРАВЛЕНИЯ (понятие)

Очерк 1. Смысл управления (сущность)	15
Очерк 2. Структура управления (состав)	39
Очерк 3. Сознание и управление (интеллектуальный аспект)	63
Очерк 4. Воля и управление (психологический аспект)	83
Очерк 5. Власть и управление (социальный аспект)	105

Раздел II ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ (ресурсы)

Очерк 6. Знания и управление (подготовленность)	134
Очерк 7. Опыт и управление (умение)	158
Очерк 8. Информация и управление (отражение)	180
Очерк 9. Право и управление (урегулированность)	205
Очерк 10. Нравственность управления (упорядоченность)	229

Раздел III ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ (практика)

Очерк 11. Управленческие решения (формы и содержание)	256
Очерк 12. Управленческие действия (виды и значение)	280

Очерк 13. Результаты управления (объективация).....	306
Очерк 14. Эффективность управления (критерии и показатели).....	328
Очерк 15. «Опережающее состояние» управления (источники и факторы).....	353
Заключение.....	377
<i>Приложения.....</i>	<i>383</i>
Ключевые понятия.....	383
Специальная литература.....	391
Книги автора.....	393
Автобиографическая справка.....	394

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
Российской академии государственной службы
при Президенте Российской Федерации

выпускает:

- учебники;
- учебные пособия;
- научную и справочную литературу;
- периодику;
- художественную литературу.

Книги Издательского центра РАГС предназначены:

- преподавателям;
- студентам;
- аспирантам;
- слушателям;
- специалистам органов государственного управления;
- государственным и муниципальным служащим;
- широкому кругу читателей.

Наш адрес:

119606 Москва, проспект Вернадского, 84

Контактные телефоны:

тел./факс (495) 436-08-32; тел. 231-79-65

e-mail: ragsic@mail.ru

sales@ur.rags.ru

www.rags.ru

Атаманчук Г.В.

Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика: Монография. Изд. 2-е, доп. — М.: Изд-во РАГС, 2008. — 312 с.

В монографии предпринята попытка комплексного анализа в единстве исторического, теоретического, правового и практического аспектов сущности государственной службы Российской Федерации.

Обоснован новый подход к роли государственной службы в укреплении государства, модернизации государственной власти и государственного аппарата, повышении уровня государственного управления. Содержание книги непосредственно направлено на процессы реформирования государственной службы.

Для изучающих государственно-правовые проблемы, слушателей, аспирантов и преподавателей соответствующих дисциплин, руководителей и должностных лиц государственных органов.

Государственная служба: Энциклопедический словарь /
Под общ. ред. В.К. Егорова. — М.: Изд-во РАГС, 2008. — 432 с.

Энциклопедический словарь является продолжением многолетней работы ученых над подготовкой научных справочных изданий по вопросам развития российского общества, совершенствования государственного и муниципального управления. Представляемому словарю предшествовало издание Энциклопедии государственного управления в России в 4-х томах (2004 – 2006).

В словарь «Государственная служба» включены основные категории, понятия и термины, отражающие наиболее общие моменты процесса реформирования государственной службы в России, его правового и кадрового обеспечения. Учтены новые нормативные правовые акты. В свете современного научного знания представлены научные информационно-аналитические комментарии преобразований, происходящих в системе государственного управления, институционализации гражданской службы Российской Федерации.

Для работников органов государственной власти и муниципального управления, преподавателей, аспирантов, слушателей, изучающих проблемы государственной службы.

Энциклопедия государственного управления в России:
В 2 т. / Под общ. ред. В.К. Егорова. — М.: Изд-во РАГС,
2008. — 551 с.

Энциклопедия государственного управления в России — фундаментальное справочное издание. В нем содержится 995 понятий, терминов и статей-справок, посредством которых всесторонне, комплексно и системно изложены современные научные знания теории и практики государственного управления в России и за рубежом.

Энциклопедия рассчитана на широкий круг читателей. Она будет полезна государственным и общественным деятелям, предпринимателям и научным сотрудникам, студентам и преподавателям высших учебных заведений, всем, кто интересуется вопросами государственного управления.

Монография

АТАМАНЧУК Григорий Васильевич

**Управление в жизнедеятельности людей
(очерки проблем)**

Договорное издание

Заведующий редакцией
Е.В. Галеева

Редактор и корректор
Г.А. Лакеева

Художественное оформление
Н.Н. Опиок

Компьютерный дизайн
А.В. Тарасов

Компьютерная верстка
М.Н. Ходань
А.Г. Захарова

Оригинал-макет
О.З. Элоев

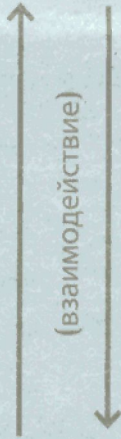
Подписано в печать 11.04.08. Формат 60×90^{1/16}
Тираж 3000 экз. Бумага офсетная № 1. Гарнитура BalticaC.
Усл. п. л. 25,0. Уч.-изд. л. 22,5. Изд. № 48.

Издательство РАГС

Тел./факс (495) 436-08-32; тел. (495) 231-79-65
e-mail: ragsic@mail.ru; sales@ur.rags.ru
119606 Москва, пр-т Вернадского, 84

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Тип. зак. 718

субъект
управления

объект
управления

субъект
управления

(воздействия)

объект
управления

эффективность организации = цели + время + стиль + затраты + сложность

результаты

действия

решения (воля)

критерии
оценки

инструменты
(модели)

ресурсы

(принципы)

процесс

структура

функции

цели

природа
интересы

эффективность организации = цели + время + стиль + затраты + сложность

